

Леон Юрис

ЭКСОДУС

Леон Юрис

ЭКСОДУС

ЛЕОН ЮРИС

ЭКСОДУС

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

עיריית חיפה
מערכת תרבות "אליא"
מרכז תרבות לעולים
בית ארדשטיין - חיפה
מס. מלאי.....

БИБЛИОТЕКА "АЛИЯ"

Перевод с английского

עיריית חיפה/מנהל ח.ת.ר.

אגף ספריות ומוזיאונים, המח' לספרות

הכ"מ: הגנרית ע"ש ש. פזנר

פס' _____

70018/1

EXODUS

by

Leon Uris

ציור העטיפה: שרה ברקאי

©

כל הזכויות שמורות

לספרייה עליה — ת"ד 7422, ירושלים

היוצאת לאור בסיוע

זאגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים

קרן זכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק

נדפס בישראל

דפוס אופסט, אסתר

1977

**ЭТА КНИГА ПОСВЯЩАЕТСЯ
МОЕЙ ДОЧЕРИ КАРЕН,
МОИМ СЫНОВЬЯМ МАРКУ И МАЙКЛУ,
А ТАКЖЕ ИХ МАТЕРИ.**

Большинство событий, описанных в этой книге, — события исторические. В книге много сцен, фоном для которых служат реальные события.

Быть может, живут еще люди, принимавшие участие в событиях, подобных описанным в этой книге. Возможно поэтому, что некоторых из них будут отождествлять с персонажами этой книги.

Позвольте мне подчеркнуть, что все персонажи романа созданы самим автором и что они все выдуманы.

Исключение, конечно, составляют исторические деятели, названные своими именами, такие как Черчилль, Трумэн, Пирсон и все остальные, чья жизнь и деятельность была связана с описанным в книге историческим периодом.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

По случаю переиздания «Эксода» мне представилась возможность поделиться своим мнением о причинах всемирного успеха, выпавшего на долю этой книги.

«Эксода» — это рассказ о величайшем чуде нашего времени, о событии, не знающем себе равного в истории человечества: о возрождении нации, рассеянной по свету две тысячи лет тому назад.

Это рассказ о евреях, возвращающихся после столетий гонений, унижений, пыток и истребления на свою родину, чтобы потом и кровью создать оазис в пустыне.

Все шаблонные типы евреев, которыми кишит американская литература — преуспевающий делец, знаменитый врач, ловкий юрист, надменный артист... все эти милые типы, наводняющие главы книг, тяготящиеся самими собой, миром, своими дядями и тетями... проникнутые жалостью к самим себе... все эти рыцари психиатрической палаты; ...я их оставил всех там, где им только и быть — в операционной.

Я постарался показать другую сторону медали. Я писал о моем народе, который пред лицом равнодушного, а то и враждебного мира одной лишь отвагой совершил бессмертный подвиг.

«Эксода» — это рассказ о борющемся народе, о людях, которые не просят прощения за то, что они родились евреями, и за то, что они хотят жить достойно.

История этих людей потрясла меня, когда я ее услышал в селениях и городах Израиля.

И она... потрясла также читателей, как евреев, так и неевреев.

СЛОВО БЛАГОДАРНОСТИ.

Мне пришлось проездить около 50 тысяч миль, чтобы собрать материал для «Эксодуса». Длина использованной при этом магнитофонной ленты, количество взятых интервью, груды прочитанных книг, множество снимков и денежные расходы — составляют величины того же порядка.

В продолжение двух лет сотни людей отдавали мне время и силы, чтили меня своим доверием. На всем пути мне очень везло в двойном смысле: эти люди не только самоотверженно помогали, но и безраздельно доверяли мне.

К сожалению, нет никакой возможности поблагодарить каждого отдельно: на это потребовалась бы отдельная книга.

Было бы, однако, черной неблагодарностью, если бы я не упомянул здесь двоих, которые в буквальном смысле этого слова создали эту книгу.

Я надеюсь, что не создам опасного прецедента тем, что публично поблагодарю своих вдохновителей. Идея написания этой книги возникла во время беседы за обеденным столом; она воплотилась в действительность благодаря неукротимому упорству Малколма Стюарта. Несмотря на множество препятствий, он не отказался от воплощения этой идеи в жизнь.

От всего сердца я благодарю Илана Хартува из Иерусалима. Он устроил все мои поездки, сам разъезжал со мной всюду по Израилю: на поезде, в самолете, автомобиле, джипе, пешком. Частенько это бывало отнюдь не легко. Однако, главным образом я благодарен Илану за то, что он так щедро делился со мной своими обширнейшими познаниями.

КНИГА ПЕРВАЯ

ПО ТУ СТОРОНУ ИОРДАНА.

Доколе Господь не даст покоя братьям вашим, как вам, и доколе и они не получат во владение землю, которую Господь, Бог ваш, дает им за Иорданом; тогда возвратитесь каждый в свое владение, которое я дал вам.

Слово Господне, данное Моисею во Второзаконии.

Глава I

Ноябрь 1946

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА КИПР

(Вильям Шекспир)

Самолет покатился по тряской посадочной дорожке и остановился перед огромным щитом с надписью: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА КИПР. Марк Паркер посмотрел в окно и увидел в отдалении причудливые пики Пятипалой Вершины среди гор северного побережья. Примерно через час он проедет через перевал по дороге в Кирению. Он встал в проходе, поправил галстук, спустил рукава рубашки и надел пиджак. «Добро пожаловать на Кипр, добро пожаловать на Кипр...» звучало у него в голове. Это же из «Отелло», подумал он, но не смог вспомнить продолжения.

— Везете что-нибудь? — спросил таможенный инспектор.

— Два фунта героина-сырца и порнографический альбом, — ответил Марк, ища глазами Китти.

Все они такие, эти янки: им лишь бы пошутить, подумал инспектор, пропуская Марка. Подошла служащая британской туристской компании.

— Вы мистер Марк Паркер?

— Он самый.

— Миссис Китти Фремонт звонила и просила простить, что не смогла встретить вас в аэропорту, и просила поехать прямо в Кирению. Она заказала для вас номер в Дворцовой гостинице.

— Спасибо, мой ангел. А как мне поймать здесь такси в Кирению?

— Я сейчас это устрою. Это займет всего несколько минут.

— Выпить здесь можно что-нибудь?

— Конечно! Пройдите прямо, там в конце зала — кафе.

Ослохотившись о стойку бара, Марк пил маленькими

глотками чашку дымящегося черного кофе. «Добро пожаловать на Кипр... добро пожаловать на Кипр» — хоть убей, не мог вспомнить, как там дальше.

— Вот так встреча! — загудел рядом голос. — Я еще в самолете подумал, что это вы. Вы ведь Марк Паркер, верно? Держу пари, что вы меня не помните.

Нужное подчеркнуть, подумал Марк. Это было в: Риме, Париже, Лондоне, Мадриде; дальше читайте внимательно: в баре Хозе, в трактире Джеймса, в кабачке Жака, в притоне Джо. В то время я писал о: войне, революции, военном перевороте. В ту ночь со мной была: блондинка, брюнетка, рыжеволосая (а может, и та девка с двумя головами).

А пришедший стоял перед самым носом Марка и не умолкал.

— Помните, это я заказал тогда мартини, а у них не было апельсинового вермута. Вспомнили?

Марк вздохнул и глотнул кофе в ожидании новой атаки.

— Я знаю, все вам это говорят, но я действительно с удовольствием читаю ваши репортажи. Что вы делаете на Кипре? — он подмигнул и толкнул Марка в бок. — Держу пари, опять что-нибудь такое... Впрочем, почему бы нам не встретиться где-нибудь и выпить? Я живу в Никозии в Палас-Отеле, — он сунул визитную карточку Марку в руку. — И связи у меня есть кое-какие, — он снова подмигнул.

— Простите, мистер Паркер. Машина ждет вас.

Марк поставил чашку на стойку. — Мне было очень приятно, — буркнул он, торопясь к выходу. У дверей карточка полетела в корзину.

Такси развернулось и укатило. Марк откинулся на заднюю спинку и на мгновение закрыл глаза. Он был рад, что Китти не смогла приехать в аэропорт. Столько прошло времени, столько надо сказать и столько вспомнить! Он почувствовал волнение при мысли, что скоро увидит ее. Китти, милая, прекрасная Китти! Когда такси выехало с территории аэропорта, Марк уже весь погрузился в мысли.

...Кэтрин Фремонт. Она была одной из великих американских традиций, как домашний яблочный пирог, бутерброды с сосисками, бруклинские кукурузные лепешки Китти Фремонт была истинной «девочкой с нашего двора». Она была слепком с рекламной девочки-сорванца с торчащими косичками, веснушками и скрепками на зубах. И

совершенно как на той рекламе скрепки в один прекрасный день исчезли, появилась губная помада, свитер округлился на груди, и гадкий утенок превратился в прекрасного лебедя. Марк улыбнулся самому себе: она была такая красивая тогда, такая свежая и чистая.

...И Том Фремонт. Он был частью той же американской традиции. Этот парнишка, стриженный под ежик, с вечной мальчишеской улыбкой на губах, пробегал стометровку за 10 секунд, забрасывал мяч в сетку с тридцати футов, вихрем проносил продолговатый мяч за линию ворот, когда играл в регби, и мог с закрытыми глазами собрать Форд модели А. Том Фремонт был самым близким другом Марка с тех самых пор, как Марк себя помнил. Нас, верно, даже от груди отлучали вместе, подумал Марк.

...Том и Китти... Яблочный пирог и мороженое.. горячие сосиски с горчицей. Типичный американский парень, типичная американская девушка, типичнейший Средний Запад штата Индиана. Да, Том и Китти подходили друг другу, как дождь и весна.

Китти всегда была тихой девушкой, очень серьезной, очень задумчивой и с какой-то тихой грустью во взгляде. Может быть, один лишь Марк замечал эту грусть, потому что для всех остальных Китти была воплощением веселья. Она напоминала сказочную крепость: всегда твердо держала руль обеими руками, всегда находила правильный ответ, всегда была любезной и рассудительной. И все же эта грусть никогда ее не покидала. Пускай никто ее не замечал, но Марк знал.

Марк часто задавал себе вопрос, почему его так влекло к ней? Может быть, только потому, что она казалась ему такой неприступной. Словно шампанское на льду; взгляд и речь, способные разрубить человека надвое. Так или иначе, Китти всегда была девушкой Тома, и ему ничего не оставалось, как завидовать другу.

Том и Марк жили в одной комнате, когда они учились в университете. Первый год Том был глубоко несчастен из-за разлуки с Китти. Марк помнил, как ему часами приходилось слушать горестные жалобы Тома и успокаивать его. Потом настало лето, и Китти уехала с родителями в Висконсин. Она была тогда еще школьницей, и ее родители хотели этой разлукой несколько умерить пыл молодых людей. Том и Марк подались в Оклахому подработать на нефтепромыслах.

К началу нового учебного года Том успел сильно поостыть. Беседы с Марком часто переходили в споры. Переписка с Китти становилась все реже, а его свидания в университетском городке — все чаще. Было похоже, что все кончено между новоиспеченным университетским львом и девушкой, ждавшей его дома.

На последнем курсе Том почти не вспоминал больше о Китти. Он стал кумиром университета, как оно и подобает лучшему нападающему баскетбольной команды. Что же касается Марка, то он довольствовался тем, что купался в лучах славы друга. Кроме того, он и сам приобрел славу бездарнейшего студента журналистики во всей истории университета.

Потом и Китти поступила в университет, и грянул гром!

Сколько бы раз Марк ни видел Китти, он всегда испытывал волнение, словно видит ее впервые. На этот раз с Томом происходило то же самое. За месяц до госэкзаменов они удрали. Том и Китти, Марк и Элин с четырьмя долларами и десятью центами в кармане пересекли на старом Форде границу штата и пустились искать мирового судью. Медовый месяц они провели на заднем сидении Форда, застрявшего на обратном пути в грязи проселочной дороги и протекавшего в дождь как сито. Это было многообещающее начало для типичной американской четы.

Том и Китти держали свой брак в тайне еще год после того, как он кончил университет. Китти осталась кончать курс для медсестер. Ходить за больными, всегда думал Марк, — как раз для Китти.

Том прямо боготворил Китти. Он всегда был немного необуздан и чересчур уж независим. Теперь все переменялось, и он все более входил в роль образцового мужа. Начал он с очень маленькой должности в одной очень большой рекламной фирме. Они поселились в Чикаго. Китти работала сестрой в детской больнице. Они пробивали себе дорогу дюйм за дюймом, чисто по-американски. Сначала съемная квартира, потом маленький домик, новый автомобиль, платежи в рассрочку и большие надежды. Китти забеременела, потом родилась Сандра.

Мысли Марка прервались, когда такси замедлило ход, въезжая в предместья Никозии, столицы Кипра, расположенной на коричневой равнине между северной и южной горными цепями.

— Вы говорите по-английски? — спросил Марк шофера.

— Да, сэр.

— Там надпись в аэропорту: добро пожаловать на Кипр. А как это гласит дальше?

— По-моему, никак. Это они просто стараются угождать туристам.

Они въехали в город. Ровная местность, желтые каменные дома, покрытые красной черепицей, море финиковых пальм — все это напоминало ему Дамаск. Шоссе шло вдоль древней венецианской стены, обвивающей старый город словно вычерченным кольцом. Марк разглядел минареты-близнецы, поднимающиеся на фоне неба в турецкой части города. Эти минареты принадлежали к Святой Софии, величественному собору времен крестовых походов, превращенному в мечеть. Проезжая вдоль крепостной стены, они миновали гигантские укрепления, напоминающие острия стрел. Марк помнил еще с предыдущего своего пребывания на Кипре, что этих торчащих на стене стрел было одиннадцать, нечетное число. Он хотел было спросить у шофера, почему именно одиннадцать, но промолчал.

Спустя несколько минут Никозия осталась позади. Они продолжали свой путь по равнине на север, минуя деревню за деревней, похожие друг на дружку как две капли воды и состоявшие сплошь из серых глинобитных домиков. В каждой деревне высилась водонапорная башня, снабженная надписью, что она построена милостью Его Величества короля Великобритании. На бесцветных полях крестьяне убирали картофель, погоняя на диво выносливых мулов великолепной кипрской породы.

Такси вновь набрало скорость, и Марк снова погрузился в мечты.

...Марк и Элин поженились вскоре после Тома и Китти. Брак с первого же дня оказался ошибкой. Два хороших человека, но не созданных друг для друга. Они не расходились только благодаря спокойной и мягкой мудрости Китти. Они могли оба приходить и по очереди изливать свою душу перед ней. Китти умудрилась сохранить этот брак даже тогда, когда он уже давно расшатался. Потом он рухнул окончательно, и они разошлись. Марк был благодарен судьбе, что хоть не было детей.

После развода Марк переехал в восточные штаты, начал колесить с одной работы на другую и успел превратиться из бездарнейшего на свете студента журналистики в бездарнейшего на свете журналиста. Он стал одним из

тех летунов, которых часто можно встретить в газетном мире. Это была не тупость и не отсутствие таланта, а всего лишь полнейшая неспособность найти свое место в жизни. Марк был творческой натурой, а рутинная работа в газете глушила его творческие силы. Тем не менее у него не было желания попытаться свои силы на писательском поприще. Он знал, что не обладает данными, необходимыми для писательского труда. Так он и прозябал в неизвестности — ни рыба, ни мясо.

Каждую неделю он получал письмо от Тома, полное восторженных сообщений о продвижении по службе и о его любви к Китти и Сандре.

Марк вспомнил письма Китти, являвшиеся трезвым дополнением к восторженности Тома. Китти всегда держала Марка в курсе дел его бывшей жены, пока Элин не вышла вновь замуж.

В 1938-ом году мир вдруг раскрылся перед Марком Паркером. В Американском Синдикате Новостей оказалась вакантная должность в Берлине, и Марк вдруг превратился из рядового газетчика в респектабельного иностранного корреспондента.

На новой работе Марк обнаружил весьма недюжинные способности. Здесь ему представилась возможность проявить хоть отчасти свои творческие задатки и он создал очерк, свойственный ему одному, Марку Паркеру, и никому больше. Марк не был звездой на газетном небосклоне, но он обладал безошибочным инстинктом, отличающим настоящего иностранного корреспондента: он чувствовал событие, когда оно еще только назревало.

Мир был сущим балаганом. Он изъездил вдоль и поперек Европу, Азию, Африку. У него было имя, он любил свое дело, пользовался кредитом в баре Хозе, в трактире Джеймса, в кабаках Джо и Жака, и у него был неисчерпаемый запас блондинок, брюнеток и рыжих красоток для пополнения «одномесечного клуба».

Когда началась война, Марк носился по Европе как угорелый. Было приятно возвращаться в Лондон на несколько дней, где его обычно ждала стопка писем от Тома и Китти.

В начале 1942-го года Том Фремонт пошел добровольцем в корпус морской пехоты. Он погиб в Гвадалканале.

Два месяца после гибели Тома умерла и Сандра от полиомиелита.

Марк взял внеочередной отпуск, чтобы съездить домой, но пока доехал, Китти Фремонт исчезла. Он долго и тщетно искал ее, пока не пришлось вернуться в Европу. Она словно исчезла с лица земли. Марк был потрясен, но та грусть, которую он всегда замечал в глазах Китти, представлялась ему сейчас сбывшимся пророчеством.

Сразу после окончания войны он вернулся еще раз в Америку, чтобы поискать ее, но след давно простыл.

В ноябре 1945-го года АСН вызвал его обратно в Европу, чтобы писать о процессе главных военных преступников в Нюрнберге. К этому времени Марк был уже общепризнанным авторитетом и носил звание «специального» иностранного корреспондента. В Нюрнберге он написал серию блестящих статей и оставался там, пока нацистские главари не были повешены.

Перед тем как отправить его в Палестину, где, по всем приметам, назревала локальная война, АСН предоставил Марку отпуск, в котором он, кстати, очень нуждался. Чтобы провести отпуск, как подобает Марку Паркеру, он подцепил знакомую страстную француженку, работавшую в ООН и направленную в Афины в штаб Объединенных Наций.

Вот тут, как гром с ясного неба, все и произошло. Он сидел как-то в американском баре в Афинах и коротал время с группой коллег по перу, когда вдруг заговорили об американской сестре милосердия, творящей чудеса среди греческих сирот. Один из корреспондентов как раз вернулся из того приюта и собирался написать о нем.

Эта сестра была Китти Фремонт.

Марк тут же послал запрос и узнал, что она находится в отпуске на Кипре.

Равнина кончилась, и такси начало взбираться в гору по узкой, извилистой дороге, ведущей через перевал в горах Пентадактилос*.

Смеркалось. На перевале Марк сделал остановку. Он вышел из машины и посмотрел вниз на Кирению, маленький городок, приютившийся на берегу моря у подножья горы и похожий на ювелирное изделие. Наверху слева виднелись руины Св. Гиларiona, древней крепости, связанной с именами Ричарда Львиное Сердце и его краси-

---

* Пятипалых.

цы Беренгарии. Марк отметил про себя, что нужно будет вернуться сюда с Китти.

Уже почти совсем стемнело, когда они добрались в Кирению. Городок состоял сплошь из выбеленных известью домиков с красными крышами. Над ним возвышалась крепость, доходящая до самого моря. Кирения была городком до того живописным, старомодным и причудливым, что просто нельзя было представить себе ничего более живописного, старомодного и причудливого. Он проехал мимо миниатюрной пристани, забитой рыбацкими лодками и небольшими яхтами и защищенной молом, обнимающим ее справа и слева. На одной из ветвей мола был причал, на второй — старое укрепление, Крепость Девы.

Кирения была с давних пор излюбленным местом художников и британских военных в отставке. Она и в самом деле была одним из самых мирных уголков на земном шаре.

Тут же неподалеку вздымалась глыба Дворцовой гостиницы. Огромное здание казалось каким-то бесформенным и неуместным на фоне сонного городка. Тем не менее «Дворец» стал со временем одним из центров британской империи. Он был известен в самых отдаленных уголках земли, где только развевался Юнион Джэк*, как место встречи англичан. Это был лабиринт из номеров, террас и веранд, висящих над морем. Длинный, метров в сто, пирс соединял гостиницу с маленьким островком в море, излюбленным местом пловцов и любителей солнечных ванн.

Такси остановилось. Выбежавший служащий понес багаж в гостиницу. Марк расплатился с шофером и оглянулся вокруг. Был ноябрь, но погода все еще стояла теплая и ясная. Какое чудесное место для свидания с Китти Фремонт!

Портье протянул Марку письмо.

Дорогой Марк!

Я задержусь в Фамагусте до девяти часов. Прости, пожалуйста! Умираю от нетерпения. Пока.

Китти.

— Цветы, бутылку виски и ведро льда, — сказал Марк.

— Миссис Фремонт позаботилась обо всем, — сказал

---

* Флаг Соединенного Королевства.

портье, передавая ключи коридорному. — У вас смежные комнаты с видом на море.

Марк заметил ухмылку на лице портье. Это была та же грязная усмешка, которую он видел во всех гостиницах, куда он являлся с какой-нибудь женщиной. У него мелькнуло желание растолковать портье, что он ошибается, но он не стал: пусть этот чорт портье думает, что ему угодно.

Полюбовавшись видом темнеющего моря, он распаковал свой багаж, налил себе стакан виски с содовой и выпил его, лежа в ванне.

Семь часов... еще целых два часа ждать.

Он открыл дверь в комнату Китти. Пахло хорошо. Ее купальный костюм и несколько свежевыстиранных пар чулок висели над ванной. Туфли стояли в ряд у кровати, на туалетном столике — всякие флакончики. Марк улыбнулся. Даже в отсутствие Китти в комнате Китти царила атмосфера, характерная для незаурядного человека.

Он вернулся к себе и растянулся на кровати. Как отразились на ней все эти годы? Какие следы оставило пережитое горе? Китти, милая Китти... пожалуйста, будь паинькой! Сейчас ноябрь 1946-го года, стал прикидывать Марк, когда он видел ее в последний раз? В тысяча девятьсот тридцать восьмом году, незадолго до его отъезда в Берлин. Восемь лет. Китти сейчас, стало быть, 28 лет.

Слишком много волнений для одного дня. Марк устал и начал клевать носом.

Звяканье кубиков льда, звук вообще-то приятный для слуха Марка, разбудил его из глубокого сна. Он потер глаза и потянулся за сигаретой.

— Вы спите, словно под наркозом, — сказал голос с явным британским акцентом. Я стучал целых пять минут. Пришлось попросить коридорного открыть дверь. Вы, надеюсь, не сердитесь, что я налил себе стаканчик?

Голос принадлежал Фреду Колдуэллу, майору британской армии. Марк зевнул, потянулся, чтобы стряхнуть остатки сна, и посмотрел на часы. Было 8.15.

— Что вы делаете здесь на Кипре, чорт возьми? — спросил Марк.

— Мне кажется, что тот же вопрос я вправе задать вам.

Марк закурил и посмотрел на Колдуэлла. Он не любил этого майора, но и ненависти к нему не испытывал. Он

его просто не мог переваривать. Они встречались до этого дважды. Колдуэлл был адъютантом полковника, ныне бригадного генерала Бруса Сатерлэнда, очень толкового фронтового командира британской армии. Их первая встреча состоялась во время войны где-то в Нидерландах. В одном из своих репортажей Марк указал на одну тактическую ошибку, допущенную британским командованием и стоившую жизни целому полку. Во второй раз они встретились в Нюрнберге на процессе, где Марк присутствовал в качестве корреспондента АСН.

Соединение Бруса Сатерлэнда ворвалось первым в немецкий концлагерь Берген-Бельзен. Оба, Сатерлэнд и Колдуэлл, выступали свидетелями на Нюрнбергском процессе.

Марк пошел в ванную, помыл лицо холодной водой и стал искать полотенце.

— Чем я могу вам быть полезен, Фредди?

— Из Си-Ай-Ди позвонили сегодня в штаб и сообщили о вашем прибытии. Насколько мне известно, у вас нет официальных полномочий.

— Господи, у вас нюх, как у стаи гончих. Очень сожалею, но придется разочаровать вас, Фредди. Я здесь просто в отпуске по пути в Палестину.

— Это не официальный визит, Паркер, — сказал Колдуэлл. — Просто у нас несколько повышенная чувствительность после наших встреч с прошлым.

— Крепкая же у вас память! — сказал Марк и начал одеваться. Колдуэлл налил Марку стакан виски. Марк смотрел на английского офицера и задавал себе вопрос — чем он его так раздражает всегда. В нем была та грубость, по которой безошибочно угадывался образчик прототивной породы колонизаторов. Колдуэлл был скучный, узколобый тупица. Поиграть по-джентльменски в теннис — с белыми, разумеется, — стакан крепкого джина с содой и к чорту туземцев; вот и весь его девиз.

Марка раздражала совесть Фредди Колдуэлла, вернее, отсутствие в нем совести. Понятия о добре и зле Колдуэлл черпал из воинского устава или из какого-нибудь приказа сверху.

— Вы что же, гадости какие-нибудь творите на Кипре и пытаетесь скрыть их?

— Не будьте глупым, Паркер. Это наш остров, и мы хотим знать, что вас привело сюда.

— Знаете, что я вам скажу. Вот это мне больше всего и нравится у вас, англичан. Какой-нибудь голландец просто велел бы мне убраться к чорту. Вы же говорите всегда: «Пожалуйста, идите к чорту». Я вам уже сказал, что нахожусь здесь в отпуске. Свидание со старым другом.

— Можно узнать фамилию друга?

— Женщина по имени Китти Фремонт.

— Китти, сестра? Дааа, это женщина, ничего не скажешь! Я на днях познакомился с нею у губернатора. — Фредди Колдуэлл вопросительно поднял брови, посмотрев на настежь открытую дверь, ведущую в комнату Китти.

— Возьмите свои грязные мысли и отправьте их в баню, — сказал Марк. — Мы знакомы уже 25 лет.

— Но ведь чувства с годами не угасают, как любят говорить американцы.

— Совершенно верно. И с этой точки зрения ваш визит вторгается в сферу личных отношений. Сделайте же одолжение и убирайтесь вон.

Фредди Колдуэлл улыбнулся, поставил стакан и зажал щегольский стек под мышку.

— Фредди Колдуэлл, — сказал Марк, — хотел бы я видеть вас тогда, когда у вас сгонят с лица эту улыбку.

— Что вы хотите этим сказать, чорт возьми?

— Мы живем сейчас в 1946-ом году. Масса людей читала во время войны лозунги, разъяснявшие во имя чего, собственно, шла эта война, и они верили в эти лозунги. Ваши часы отстают, Колдуэлл. Еще немного и вы останетесь у пустого корыта: сначала в Индии, затем в Африке, потом и на Ближнем Востоке. Я остаюсь здесь, чтобы присутствовать при том, как вы потеряете мандат на Палестину. Вас вытурят также из Суэца и из Трансиордании. Солнце империи близится к закату. Что станет делать ваша жена, когда у нее не будет человек сорок негрят, чтобы помыкать ими с помощью кнута?

— Я читал ваши репортажи о нюрнбергском процессе, Паркер. У вас несчастная американская склонность к преувеличениям, к театральности. Впрочем, старик, у меня нет жены.

— Что там ни говори, а в вежливости вам не откажешь.

— Не забывайте, Паркер, что вы здесь только в отпуске. Я передам генералу Сатерленду привет от вас. Всего хорошего!

Марк улыбнулся и пожал плечами.

И тут его вдруг осенило. Надпись в аэропорту: Добро пожаловать на Кипр. Полностью стих гласил: «Добро пожаловать на Кипр, козлы и ослы!».

Г л а в а 2

Пока Марк Паркер готовился к долгожданной встрече с Кетти Фремонт, двое других мужчин ждали совершенно иной встречи в другой части Кипра. Они ждали в лесу, расположенном в сорока милях от Кирении к северу от портового города Фамагусты. Было пасмурно, на небе — ни звезды. Двое мужчин стояли молча и смотрели сквозь тьму в сторону залива, находящегося в полумиле у подножья горы.

Они стояли в заброшенной белой хижине на горе, посреди соснового леса вперемежку с эвкалиптами и акациями. Стояла черная тишина, прерываемая время от времени порывом ветра и подавленным прерывистым дыханием мужчин.

Один из них был грек-киприот, лесничий по профессии; он нервничал.

Второй, спокойный как изваяние, неотступно смотрел в сторону залива. Его звали Давид Бен Ами, что обозначает: Давид, сын моего народа. Тучи начали рассеиваться. Слабое мерцание осветило бухту, лес и белый домик. Давид Бен Ами стоял у окна, и теперь можно было различить его лицо. Это был человек небольшого роста и щуплого телосложения двадцати лет с небольшим. Даже при слабом свете в нем можно было по тонкому и чуткому лицу, по глубоким глазам угадать интеллигента, ученого.

Когда тучи совсем рассеялись, свет полился на поля, на руины мраморных колонн и памятников, валявшихся вокруг белого домика.

Развалины. Преходящие останки когда-то величественного города Саламиды, достигшего расцвета во времена Христа. Какие только события не происходили на этих усеянных мрамором полях! Саламида, город построенный в незапамятные времена Тевкром после его возвращения с троянской войны. Он был разрушен землетрясением, вновь поднялся и еще раз пал от арабского меча под знаменем Ислама, чтобы уже никогда больше не подняться. Свет

мерцал над полями, усеянными остатками тысяч и тысяч разрушенных колонн, где когда-то стоял гордый греческий форум.

Небо опять заволокло тучами.

— Ему уже давно пора быть, — нервно шепнул киприот-лесничий.

— Послушай! — шепнул Бен Ами в ответ.

Слабый рокот моторной лодки донесся до них с моря. Давид Бен Ами поднял к глазам бинокль, надеясь на просвет в тучах. Рокот мотора становился все громче.

В море вспыхнул электрический фонарь, направленный в сторону домика, и луч света прорезал тьму. Еще вспышка. Еще.

Давид Бен Ами и лесничий выскочили из дома и бросились по щебню и бурелому вниз к морю. Бен Ами просигналил в ответ из своего фонаря.

Мотор замолк.

Мужской силуэт перемахнул через борт лодки и пустился вплавь к берегу. Давид Бен Ами взвел курок своего пистолета и оглянулся — не видно ли английского патруля. Мужчина вынырнул из воды и пошел вброд. — Давид! — раздался приглушенный голос.

— Ари! — ответил он. — Сюда, быстро!

На берегу все трое пустились бежать вверх, мимо белого домика к проселку. Там их ждало такси, спрятанное в кустах. Бен Ами поблагодарил киприота, сел с пришельцем в машину и они помчались в Фамагусту.

— Мои сигареты все промокли, — сказал Ари.

Давид протянул ему коробку. Короткая вспышка осветила лицо мужчины, которого звали Ари. Он был большой и сильный, полная противоположность щуплому Бен Ами. У него было красивое лицо, но глаза были строгие и сухие.

Это был Ари Бен Канаан, один из лучших агентов нелегальной организации «Мосад Алия Бет».

Г Л А В А 3

В дверь Марка Паркера постучали. Он открыл. Перед ним стояла Китти Фремонг. Она была даже еще красивее, чем он ее помнил. Они долго смотрели друг на друга молча. Он изучал ее лицо и глаза. Теперь это была женщина в полном смысле слова, ласковая и всепонимающая, какой становятся только после глубоких страданий.

— Мне бы следовало свернуть тебе шею за то, что ты не отвечала на мои письма, — сказал Марк.

— Здравствуй, Марк, — прошептала она.

Они бросились друг к другу и обнялись. Затем они целый час сидели, говорили мало, а больше оглядывали друг друга, обмениваясь короткими улыбками и дружескими поцелуями в щеку.

За обедом они тоже говорили мало, все больше о похождениях Марка в качестве иностранного корреспондента. Постепенно Марк заметил, что она всячески увиливает от разговора о себе.

На десерт принесли сыр. Марк выпил остаток пива, и опять наступило неловкое молчание. Теперь Китти явно чувствовала себя неудобно перед его вопросительным взглядом.

— Пошли, — сказал он, — прогуляемся по набережной.

— Я только схожу, возьму платок, — сказала она.

Они шли молча вдоль набережной мимо белых домов, затем по молу к маяку, стоявшему у узких ворот гавани. Было пасмурно, и неясные силуэты лодок, стоявших в гавани на якорю, были еле видны. Они смотрели, как маяк сигналил в море траулеру, добирающемуся в гавань. Слабый ветерок трепал светлые волосы Китти. Она плотнее закуталась в платок. Марк закурил и сел на парапет. Стояла мертвая тишина.

— Тебя, видно, огорчил мой приезд, — сказал он. — Я завтра же уеду.

— Я не хочу, чтобы ты уезжал, — сказала она. Она посмотрела на море. — Мне трудно рассказать тебе, что

я почувствовала, получив твою телеграмму. Она открыла дверцу для множества воспоминаний, которые я всеми силами пыталась похоронить. Но я знала, что рано или поздно этот час наступит. С одной стороны, я боялась этого часа, а с другой — рада, что ты здесь.

— Вот уже четыре года, как Том погиб. Неужели ты до сих пор не похоронила все это?

— Да, много мужей погибло на войне, — тихо сказала она. — Я долго плакала. Мы очень любили друг друга, но я знала, что жить ведь как-то надо. Я даже не знаю, как он погиб.

— Об этом не много расскажешь, — сказал Марк. — Том служил в морской пехоте. Штурмуя, еще с десятком тысяч таких же, как он сам, какую-то бухту, он попал под пулю. Ничего героического, никаких орденов, даже времени не было сказать: «передайте Китти, что я ее любил». Просто попал под пулю и погиб... вот и все.

Кровь отхлынула с ее лица. Марк зажег и протянул ей сигарету.

— А зачем умерла Сандра? Почему должен был умереть и ребенок?

— Я не бог. На такие вопросы я не могу ответить.

Она села рядом с Марком на парапет, положила ему голову на плечо и вздохнула.

— Боюсь, мне некуда больше деваться.

— А почему бы тебе не рассказать мне обо всем?

— Не могу...

— Все-таки пора, мне кажется.

Много раз Китти пыталась заговорить, но кроме бессвязного шопота, ничего у нее не получалось. Слишком глубоко сидел в ней ужас всех этих лет. Она бросила сигарету в воду и посмотрела на Марка. Он был прав и, к тому же, был единственным человеком на свете, которому она могла довериться.

— Это было ужасно, — сказала она, — когда я получила извещение насчет Тома. Я его так любила. Ровно... ровно два месяца спустя умерла и Сандра от полиомиелита. Я... я тут многого не помню. Мои родители забрали меня в Вермонт и поместили в санаторий.

— В сумасшедший дом?

— Нет... так это называется только, когда речь идет о бедных. В моем случае это называлось санаторием для лиц, перенесших душевное потрясение. Я не помню, сколь-

ко времени я там пробыла. Я не все помню. День и ночь я была словно в тумане. Это называют меланхолией.

Внезапно голос Китти окреп. Дверь приоткрылась, и боль искала себе выход.

— В один прекрасный день туман рассеялся, и я вспомнила, что Том и Сандра умерли. Я почувствовала острую боль, и она меня уже больше не покидала. Все ежеминутно напоминало мне о них: песню ли я слышала, смех, ребенка ли видела... Каждое дыхание причиняло мне боль. Я молилась... Я молилась, Марк, чтобы на меня снова спустился туман. Да, я с радостью лишилась бы рассудка, лишь бы больше не помнить.

Она встала, высокая и прямая, и слезы потекли у нее по щекам.

— Я удрала в Нью-Йорк. Пыталась раствориться в толпе. В моем распоряжении были четыре стены, стул, стол, качающаяся электрическая лампочка. — Она иронически засмеялась. — Была даже мигающая неоновая реклама под окном. Что-то про булочки, кажется. Я часами бродила бесцельно по улицам, пока все лица сливались в одно, и целыми днями сидела и смотрела в окно. Том, Сандра, Том, Сандра... они не покидали меня ни на минуту.

Китти почувствовала у себя за спиной Марка. Его руки обхватили ее плечи. Со стороны моря траулер подплывал ко входу в гавань. Она потерла щеку о руку Марка.

— Однажды ночью я напилась. Ты ведь знаешь меня... я люблю выпить. Я увидела одного парня в зеленой форме, как была у Тома. Он был один, высокий, стройный — как Том. Мы пили вместе... Проснулася я в дешевом, грязном номере какой-то гостиницы, бог знает где. Я была все еще полупьяная. Подошла к зеркалу и посмотрела на себя. Я была голая. Парень — тоже голый — лежал на кровати, раскинув руки.

— Китти, ради бога!...

— Все в порядке, Марк... дай мне досказать. Я долго стояла и смотрела в это зеркало... не помню сколько. Я опустилась на самое дно. Ниже — уже некуда. В это мгновение я почувствовала, что больше не могу. Парень лежал в забытьи — странно, я даже не помню, как его звали. Я видела его лезвия в ванной, я видела газ... Не помню, сколько я простояла у окна и смотрела с десятого этажа вниз на тротуар. Это был конец, но у меня не хва-

тало сил принять его. И тут произошло что-то странное, Марк. Вдруг я поняла, что буду жить, жить без Тома и Сандры. И как только я это поняла, боль вдруг исчезла.

— Китти, дорогая моя! Я так долго искал тебя, мне так хотелось помочь тебе!

— Я знаю. Но я должна была сама справиться со всем этим; так, по крайней мере, мне казалось. Я вернулась к своей профессии и вся ушла в работу. Когда война кончилась, я приняла этот греческий детдом. Пришлось работать круглые сутки; это было как раз то, в чем я больше всего нуждалась: работать до изнеможения. Марк, я... я сотни раз принималась писать тебе. Но я почему-то ужасно боялась этой минуты. И я рада, ужасно рада теперь, что она уже позади.

— А я рад, что нашел себя, — сказал Марк.

Она круто обернулась и посмотрела ему в лицо: — Вот это и есть история Китти Фремонт.

Марк взял ее за руку, и они зашагали по молу обратно к набережной. Из Дворцовой гостиницы слышалась музыка.

Г Л А В А 4.

Бригадный генерал Брус Сатерлэнд, военный комендант Кипра, сидел за большим письменным столом в своем доме на улице Гиппократа в Фамагусте, в сорока километрах с небольшим от Киренни. Если не считать некоторых предательских признаков — начинающегося брюшка и седины в висках — он выглядел не старше своих пятидесяти пяти лет. Зато его выправка сразу выдавала военного. Раздался резкий стук в дверь, и его адъютант, майор Фред Колдуэлл, вошел в комнату.

— Добрый вечер, Колдуэлл. Уже назад из Киренни? Садитесь. — Сатерлэнд отодвинул бумаги, потянулся и положил очки на стол.

Он выбрал короткую английскую трубку с полочки и, погрузив ее в кисет, стал набивать табаком. Колдуэлл взял сигару, поблагодарил, и вскоре комната была вся в дыму. На звонок в комнату вошел слуга-грк.

— Джин и соду на двонх.

Сатерлэнд встал и вышел из-за стола. На нем была вельветовая д'машняя куртка цвета бордо. Он удобно уселся в кожаное кресло у книжной полки, достоящей до самого потолка.

— Вы видели Марка Паркера?

— Да, сэр.

— Что вы о нем думаете?

Колдуэлл пожал плечами. — По виду к нему нельзя придраться. Он на пути в Палестину... Здесь он остановился, только чтобы повидаться с этой американской сестрой, Китти Фремонт.

— Фремонт? Ах, да, это та симпатичная женщина, с которой мы познакомились у губернатора.

— Я же говорю, сэр. По виду все это выглядит вполне невинно. Однако Паркер — журналист, и я никак не забуду, какие он нам доставил неприятности тогда в Голландии.

— Ну, бросьте, бросьте, — ответил Сатерлэнд. — Все

мы делали ошибки во время войны. Он просто случайно разоблачил одну из наших. К счастью, мы победили, и я не думаю, чтобы кто-нибудь помнил еще об этом деле.

Принесли джинн с содой.

— За ваше здоровье!

Сатерлэнд поставил стакан и погладил вислые, как у моржа, усы, Фред Колдуэлл не унимался.

— Сэр, — сказал он, — если Паркер что-нибудь почует и начнет разнохивать, не считаете ли вы, что следовало бы поручить двум агентам Си-Ай-Ди следить за ним?

— Послушайте, Фред, оставьте Паркера в покое. Стоит только ограничить газетчика в чем-нибудь, и вы разворошите осиное гнездо. Репортаж о беженцах сегодня не в моде, и я не думаю, что лагеря здесь вызовут у него интерес. Тем более нам не следует возбуждать его любопытство какими бы то ни было ограничениями. Ваш сегодняшний визит к нему был ошибкой.

— Но, генерал... после этой истории в Голландии...

— Принесите шахматный столик, Фредди!

Было что-то окончательное в том, как Сатерлэнд произнес «Фредди». Колдуэлл что-то пробормотал себе под нос, и они сели играть. Они сделали несколько ходов, но Сатерлэнд видел, что его помощник чувствовал себя не в своей тарелке. Он положил трубку и откинулся в кресле.

— Колдуэлл, я уже пытался разъяснить вам, что мы не содержим здесь концентрационных лагерей. Беженцы будут находиться в Караолосе только до тех пор, пока эти тугодумы в Уайтхолле решат, как им быть с мандатом на Палестину.

— Но ведь эти евреи такие вредные, — сказал Колдуэлл. — Все-таки немного доброй старой дисциплины, по-моему, не помешало бы.

— Нет, Фредди, в этом случае нет. Эти люди не преступники, и симпатии всего мира на их стороне. Наша с вами обязанность заключается в том, чтобы не было скандалов, побегов или еще чего-нибудь, что могла бы использовать против нас враждебная нам пропаганда. Вы меня поняли?

Колдуэлл не понимал. Ему казалось, что генералу следовало бы вести себя с беженцами гораздо строже, черт возьми. Но с генералами не очень-то поспоришь, если только ты сам не генерал повыше. Все это было так запутано, Колдуэлл ходил пешкой.

— Ваш ход, сэр, — сказал он.

Колдуэлл посмотрел на своего партнера. Сатерлэнд, казалось, забыл об игре и о нем самом. Последнее время это случалось с ним все чаще и чаще.

— Ваш ход, сэр, — повторил Колдуэлл.

На лице Сатерлэнда было написана тревога. Бедный старик, подумал Колдуэлл. Генерал был женат на Нэдди Сатерлэнд без малого тридцать лет, и вдруг она бросила его и удрала с любовником, лет на десять ее моложе, в Париж. Это был скандал, взбудораживший на многие месяцы военные круги, и Сатерлэнд до сих пор, видно, еще не оправился от удара. Ужасный удар для генерала, всегда такого корректного. Бледное лицо генерала было все в морщинах, и на носу проступали красные прожилки. В эту минуту он действительно выглядел пятидесятипятилетним и даже больше.

Брус Сатерлэнд думал не о Нэдди, как казалось Колдуэллу. Он был мысленно в лагерях для беженцев в Караолесе.

— Ваш ход, сэр.

— «Так да погибнут все твои враги, Израиль!» — про- бормотал Сатерлэнд.

— Вы что-то сказали, сэр?

Г Л А В А 5.

Марк повел Китти назад к столу. Оба тяжело дышали.

— Ты знаешь, когда я последний раз танцевал самбу? — сказал он. — Хоть ты уже старуха, а делаешь свое дело неплохо.

Марк оглянулся. Зал был полон английскими офицерами в мундирах защитного цвета или в белых флотских кителях. Все говорили с явным британским акцентом. Марку нравились такие места. Официант поднес еще пару рюмок, и они чокнулись.

— За Китти, где бы она ни пропадала! — сказал Марк. — Кстати, мадам, куда вы теперь думаете направить путь?

Китти пожала плечами. — Ей-Богу не знаю. В Салонниках мне делать больше нечего и я начинаю беспокоиться. Я получила десятки предложений от ООН изо всех уголков Европы.

— Да, милейшая, была война, — сказал Марк. — Всюду масса сирот.

— Это точно, — сказала Китти. — Только вчера я получила весьма заманчивое предложение оставаться здесь на Кипре.

— На Кипре?

— У них здесь какие-то лагеря для беженцев в окрестностях Фамагусты. Одна американка и обратилась ко мне. Кажется, лагеря переполнены, и они собираются строить новые вдоль шоссе в Ларнаку. Она мне предложила возглавить это дело.

Марк нахмурился.

— Это одна из причин, из-за которых я не смогла поехать в аэропорт. Я должна была съездить в Фамагусту, чтобы повидаться с ней.

— И что же ты ей сказала?

— Я отказалась. Это евреи. Конечно, еврейские дети такие же, как и все, но мне бы не хотелось иметь с ними дело. Эти лагеря связаны, кажется, теснейшим образом с политикой и, кроме того, они не находятся в ведении ООН.

Марк задумчиво молчал. Китти шаловливо подмигнула ему и покрутила пальцем перед его носом.

— Не будь таким серьезным... Ты бы лучше спросил, какая еще была причина, что я не смогла встретить тебя в аэропорту.

— Тебя, никак, развезло от вина?

— А что? И напьюсь. Итак, мистер Паркер, я поехала в Фамагусту, чтобы проводить своего друга. Ты ведь меня знаешь — один ухажер отплывает пароходом, а другой прилетает самолетом.

— Уж раз ты об этом заговорила... Кто он такой, этот парень, с которым ты приехала на Кипр?

— Очень хочется знать?

— Ага.

— Полковник Говард Хиллинс.

— Что-нибудь гадкое?

— Нет, черт возьми! Сл был корректным до тошноты.

— Где ты с ним познакомилась?

— В Салониках. Он возглавлял английскую военную миссию в тех местах. Когда я приняла детдом, у нас многого не хватало: коек, медикаментов, продуктов, постели, словом — всего. Я как-то обратилась к нему, и он прямо из кожи лез вон, чтобы только помочь мне. С тех пор мы друзья на вечные, вечные времена. Он действительно чудесный человек.

— Продолжай. Это впрямь становится интересно.

— Несколько недель тому назад ему сообщили, что его переводят в Палестину и что перед переводом ему предоставляется отпуск. Вот он меня и попросил провести с ним отпуск на Кипре. Знаешь, я до того заработалась, что совершенно забыла, что у меня за полтора года не было ни одного выходного дня. Потом его отозвали из отпуска, и ему пришлось явиться сегодня в Фамагусту, чтобы сесть на пароход и отплыть в Палестину.

— Какие-нибудь планы на будущее в качестве миссис Хиллинс?

Китти отрицательно покачала головой.

— Он мне очень нравится. Он для того, собственно, и привез меня сюда на Кипр, где он надеялся найти более подходящую обстановку, чтобы сделать мне предложение.

— И что же?

— Я любила Тома. У меня уже никогда не будет такого чувства к другому.

— Тебе уже двадцать восемь, Китти. Пора как-то привести в порядок свои дела.

— А мне и так хорошо. Я нашла себе дело, вполне меня устраивающее. Марк, ты ведь тоже едешь в Палестину. Здесь много офицеров отправляются в Палестину.

— Там заваривается война, Китти.

— Как это война? Я не понимаю.

— О, причин много. На свете теперь множество народов, решивших взять свои дела в собственные руки. Колонии выходят из моды в наш век. У этих англичан здесь гиблое дело. Вот солдат новой мировой империи, — сказал Марк, доставая из кармана доллар. У нас миллионы этих зеленых солдат во всех уголках земного шара. Величайшая завоевательная сила, когда-либо существовавшая. К тому же, бескровная. Но Палестина... это, видишь ли, другое дело. Это, Китти, что-то непостижимое; то, что они там затевают. Горсть людей хочет воскресить нацию, умершую еще две тысячи лет тому назад. Такого еще не бывало. Более того, они, кажется, добьются своего. Это те самые евреи, которых ты не перевариваешь.

— Я не сказала, что не перевариваю евреев, — перебила его Китти.

— Мне не хочется спорить с тобой. Ну-ка подумай хорошенько, дорогая: с тех пор как ты на Кипре, слышала ли ты или заметила что-нибудь, ну, скажем, необычное? Китти в задумчивости прикусила губу и вздохнула.

— Только эти лагеря для беженцев. Я слышала, что они переполнены и в ужасающем состоянии. Почему ты спрашиваешь?

— Не знаю. Просто у меня какое-то чувство, что на острове что-то происходит.

— Сказал бы лучше, что в тебе заговорило профессиональное любопытство.

— Тут нечто большее. Ты слышала о некоем мистере Фреде Колдуэлле? Он адъютант генерала Сатерленда.

— Ужасный тупица. Я познакомилась с ним у губернатора.

— Он был у меня в гостинице до того, как ты приехала. С чего бы адъютанту генерала интересоваться мной ровно десять минут после моего прибытия, когда за мной ничего не числится особенного? Нет, Китти, тут что-то происходит, и англичане нервничают. Я не могу сказать тебе точно, из-за чего они нервничают, но ставлю два

против одного, что это связано с лагерями для беженцев. Послушай... ты бы не пошла работать в этих лагерях на несколько недель ради меня?

— Конечно, Марк. Если ты этого желаешь.

— К черту все это! — сказал Марк и поставил стакан. — Мы с тобой тут в отпуске. Ты права — это у меня просто профессиональная подозрительность. Забудь об этом; давай лучше потанцуем.

Г Л А В А 6.

В Фамагусте, на улице Арсинос, напротив крепостной стены старого города, стоял большой роскошный дом, принадлежавший греку-киприоту по имени Мандрия, владельцу Кипрско-Средиземноморской пароходной компании; ему же принадлежало большинство такси на острове.

Мандрия и Давид Бен Ами сидели и с нетерпением ждали, пока Ари Бен Канаан приведет себя в порядок и переоденется после морского купания.

Оба знали, что появление Ари Бен Канаана на Кипре связано с особо важным заданием Мосада Алия Бет. Долгие годы англичане проводили политику недопущения и максимального ограничения еврейской иммиграции в Палестину. Эта задача была возложена на королевский флот. Мосад Алия Бет был организацией палестинских евреев, занимавшейся нелегальной доставкой евреев в Палестину. Однако всякий раз, когда британский флот перехватывал какое-нибудь судно Мосада, пытавшееся прорвать блокаду, беженцев перевозили в специальные лагеря на Кипре.

Ари Бен Канаан, уже переодетый, вошел в комнату и кивнул в сторону Мандрии и Бен Ами. Это был крупный мужчина, роста более шести футов и крепкого сложения. Хотя он и Бен Ами были старыми друзьями, они держались официально в присутствии Мандрии, киприота, не состоявшего в их организации, а только сочувствовавшего ей.

Ари закурил сигарету и приступил прямо к делу.

— Генштаб направил меня сюда, чтобы организовать массовый побег беженцев. Цель ясна нам всем. Что скажешь, Давид?

Молодой человек из Иерусалима с тонким лицом принял задумчиво шагать по комнате. Его направила на Кипр еще несколько месяцев тому назад тайная еврейская армия в Палестине, Палмах. Он и десятки других пал-

махников пробрались в лагеря для беженцев и без ведома англичан, организовали там школы, госпитали и синагоги, построили санитарные помещения и создали даже кустарный промысел. Беженцы, которых вернули из Палестины и перевезли на Кипр, были люди, потерявшие всякую надежду. Появление палестинцев, бойцов еврейской армии, вселяло в них новую надежду и поднимало их дух. Давид Бен Ами и другие палмахники занимались также военным обучением нескольких тысяч мужчин и женщин из среды беженцев, пользуясь палками вместо винтовок и камнями вместо гранат. Хотя ему было всего двадцать два года, Давид был начальником Палмаха на Кипре. Если даже англичане и пронюхали, что в лагерях орудуют палестинцы, они не показывали вида. Их дело было охранять лагерь снаружи, и у них не было желания соваться в пышущие ненавистью оцепления.

— Сколько человек должно бежать? — спросил Давид.

— Примерно триста.

Давид покачал головой.

— Мы прорыли несколько подкопов, но они ведут в море. Как ты мог убедиться сегодня ночью сам, течения здесь коварные, и справиться с ними под силу только опытному пловцу. Во-вторых, мы пользуемся для входа и выхода щелями на мусорной свалке. Мусорные свалки не очень охраняются, но этим путем мы никогда не проведем такого количества людей. В-третьих, можно воспользоваться английской военной формой и поддельными документами. Опять же — многих этим путем не проведешь. И последнее. Мы обычно прячем членов своей организации в ящики, заколачиваем их и отправляем на пристань. Господин Мандрия — хозяин паровой компании, и его работники в курсе дела насчет этих ящиков. При существующем положении, Ари, я не вижу, каким образом можно организовать массовый побег.

— Мы что-нибудь придумаем, — уверенно сказал Бен Канаан, — но в нашем распоряжении всего несколько недель.

Грек Мандрия встал, вздохнул и покачал головой.

— Мистер Бен Канаан, вы приплыли ночью на берег и требуете от нас невозможного... к тому же за две недели. Сердцем, — сказал Мандрия, приложив руку к сердцу, — я чувствую, что все будет сделано, но умом, — тут Мандрия постучал указательным пальцем по лбу, — я вижу,

что это невозможно. — Киприот заложил руки за спину и зашагал по комнате. — Поверьте мне, мистер Бен Канаан, — он круто обернулся и сделал патетический жест рукой, — вы, люди Палмаха и Мосада, можете положиться на нас, кипрских греков. Мы готовы постоять за вас до последней капли крови. Мы на вашей стороне! Мы с вами! Мы готовы сделать для вас все! Но все-таки!... Кипр — остров. Он окружен со всех сторон морем, а англичане не дураки и они не спят. Я, Мандрия, готов сделать для вас все, но устроить побег трехсот человек из Караолоса — это выше человеческих сил. Лагерь оцеплен трехметровым забором из колючей проволоки, всюду — вооруженная охрана, а оружие заряжено...

Ари Бен Канаан встал как башня над собеседниками. Он не обратил никакого внимания на драматический монолог Мандрии.

— Мне нужны на завтра мундир английского офицера, документы и легковая машина с шофером. Вы, мистер Мандрия, ищите судно. Порядка ста или двухсот тонн. Нам потребуется специалист по подделке бумаг, Давид.

— У нас есть один мальчик в детском отделении; он, говорят, артист в этом деле, но он не захочет. Остальные — халтурщики.

— Я поеду завтра в Караолос и поговорю с парнем. Мне так или иначе нужно осмотреть лагерь.

Мандрия пришел в восторг. Вот это человек, этот Ари Бен Канаан! Найти судно! Достать офицерскую форму и шофера! С тех пор как на Кипре появились Мосад и Палмах, жизнь забила ключом, и он был рад, что и для него нашлось дело в этой игре. Он встал и схватил Ари за руку.

— Мы, киприоты, — с вами. Ваша борьба — это наша борьба!

Бен Канаан с отвращением посмотрел на Мандрию.

— Господин Мандрия, — сказал он, — вам хорошо платят за ваше время и за ваши усилия.

В комнате воцарилось неловкое молчание. Мандрия побелел как стена.

— Вы думаете, вы смеете думать, сэр, что я, Мандрия, делаю это ради денег? Вы думаете, что я ради денег стал бы рисковать десятью годами заключения и высылкой? С тех пор как я начал работать с вашим Палмахом, это мне влетело уже в пять тысяч фунтов.

Давид поспешно вмешался.

— Я считаю, что тебе нужно извиниться перед господином Мандрией, Ари. Он, его шофера и рабочие в порту идут на немалый риск. Без помощи греков наша работа здесь была бы просто невозможной.

Мандрия опустилс я в кресло, глубоко задетый.

— Да, мистер Бен Канаан, мы восхищаемся вами; мы чувствуем, что если вам удастся выгнать англичан из Палестины, то может быть, и мы сумеем сделать когда-нибудь то же самое здесь на Кипре.

— Я извиняюсь, мистер Мандрия, — сказал Ари. — Видно, я изнервничался, — он произнес эти слова чисто механически.

Резкий вой сирен прервал разговор. Мандрия открыл венецианское окно, ведущее на балкон, и вышел с Давидом. Ари Бен Канаан остался стоять позади. Они увидели бронемашину, вооруженную пулеметами, конвоирующую колонну грузовиков, поднимающуюся со стороны порта. Грузовиков было двадцать пять, по обеим сторонам шли вооруженные пулеметами джипы.

Грузовики были до отказа набиты беженцами с нелегального корабля «Врата надежды», отправившегося из Италии и пытавшегося прорваться в Палестину через английскую блокаду. Английский миноносец протаранил «Врата надежды», судно отташили в Хайфу, а беженцев немедленно перевезли на Кипр. По мере приближения к дому Мандрии сирены были все пронзительнее. Один за другим проезжали грузовики. Трое мужчин смотрели с балкона на эти нагромождения человеческого горя. Это были вконец измученные, растерянные люди, доведенные до последней степени изнеможения. Сирены были не переставая, и у ворот старого города колонна повернула на саламинское шоссе в сторону караолосских лагерей. Потом колонна исчезла, но вой сирен раздавался еще долго.

Давид Бен Ами стоял, сжав кулаки и стиснув зубы, его лицо побледнело от бессильного гнева. Мандрия тихо плакал. Один Ари Бен Канаан не выражал никакого волнения. Они вернулись в комнату.

— Я знаю, вам нужно поговорить о многом, — сказал Мандрия, всхлипывая. — Я надеюсь, что ваша комната вам понравится, мистер Бен Канаан. Мундир, бумаги и такси на завтра мы достанем. Доброй ночи!

Как только Давид и Ари остались одни, они бросились

обниматься. Сильный Ари поднял Давида в воздух, словно маленького ребенка, и опустил обратно на пол. Они долго смотрели друг на друга, восхищались чудесным видом друг друга и обнимались вновь и вновь.

— Как там Иордана? — нетерпеливо спросил Давид. — Ты ее видел перед отъездом? Она что-нибудь передавала?

Ари почесал подбородок, словно что-то обдумывая.

— Подожди...

— Ну давай, Ари! Вот уже два месяца, как я сижу без письма...

Ари вздохнул и достал конверт, который Давид тут же выхватил у него из рук.

— Я его спрятал в резиновой мешочке. Когда я добирался сегодня ночью вплавь, я только о том и думал, что ты свернешь мне шею, если я намочу твое письмо.

Давид уже ничего не слышал. Он поднял письмо близко к глазам и при тусклом свете читал слова женщины, любящей его и тоскующей по нем. Затем он нежно сложил письмо и осторожно спрятал в грудной карман, чтобы читать его еще и еще, потому что пройдут, может быть, месяцы, прежде чем она сможет прислать ему еще одно письмо.

— Как она там? — спросил Давид.

— Я, ей-богу, не пойму, чего моя сестра нашла в тебе такого? Иордана? Иордана — это Иордана. Такая же дикая и красивая и очень тебя любит.

— А как отец-мать, братья, как ребята из Палмаха, как...

— Постой, погоди минутку. Я ведь не убегаю. Давай по порядку...

Давид вновь достал письмо, прочитал его еще раз.

Оба молчали. Они смотрели в венецианское окно, на крепостную стену через дорогу.

— Как дела дома? — тихо спросил Давид.

— Дела дома? Такие же, как всегда. Бросают бомбы, стреляют. Никаких изменений. Такие же дела, как всегда были с тех самых пор, когда мы были еще детьми. Это никогда не меняется. Каждый год мы оказываемся в таком положении, из которого нам, кажется, уже не выбраться. Затем наступает новый кризис, еще хуже предыдущего. Нет, дома все, как было, — сказал Ари, — только на этот раз нам не миновать войны. — Он положил руку на плечи своего меньшего друга. — Мы все ужас-

но гордимся всем тем, что ты тут сделал в Караолосе с этими беженцами.

— Я сделал все, что было в моих силах. Но метлы — это все-таки не оружие, и ими солдат не обучишь. Палестина для всех этих людей — что луна. Они ни на что уже не надеются. Ари, я не хочу, чтобы ты ссорился с Мандрией. Он хороший товарищ.

— Я не могу переносить этого покровительственного тона.

— А у нас без него и его греков ничего не получится.

— Ты смотри не попадайся на удочку этим Мандриям всех стран. Они проливают крокодиловы слезы над миллионами наших жертв, но когда настанет решительный момент, мы окажемся в одиночестве. Мандрия предаст нас, как и все остальные. Нас и впредь будут предавать и продавать, как было до сих пор. Нам не на кого положиться, кроме как на самих себя. Помни об этом.

— И все-таки ты неправ, — возразил Давид.

— Давид, Давид, Давид! Я так давно состою в Мосаде и в Палмахе, что уже не помню, когда все это началось. Ты еще молод. Это твое первое задание. Берегись, чтобы твои чувства не затмили разум.

— Я хочу, чтобы мои чувства затмили разум, — ответил Давид. — Во мне все горит, когда я вижу такие колонны. Живые люди, мой собственный народ, — в клетках, как звери!

— Мы прибегаем в своей борьбе ко всяким приемам, — сказал Ари, — но при всех обстоятельствах мы прежде всего должны оставаться трезвыми. Бывают успехи, бывают неудачи. Главное — всегда сохранять ясную голову.

Ветер все еще доносил до них вой сирен. Молодой человек из Иерусалима закурил и постоял с минуту в задумчивости.

— Я никогда не должен переставать верить, — сказал он торжественно, — что я продолжаю дело, начатое четыре тысячи лет тому назад. Он круто обернулся и взволнованно посмотрел вверх на Ари. — Посмотри, Ари. Возьми то место, где ты сегодня высадился. Когда-то здесь стоял город Саламида. Именно в Саламиде началось восстание Бар-Кохбы в первом веке после Христа. Он выгнал римлян из нашей страны и восстановил иудейское государство. Недалеко от лагерей стоит мост, его называют Еврейским мостом. Так его звали в продолжение

двух тысяч лет. Я никогда не могу забыть обо всем этом. Как раз на том месте, где мы дрались против римской империи, мы деремся сегодня, две тысячи лет спустя, против империи британской.

Ари Бен Канаан улыбнулся молодому человеку, которого он превосходил по росту на целых две головы, как улыбнулся бы отец своему чересчур разгорячившемуся сыну.

— Давай, давай! Уж коли начал, так давай расскажи до конца. После восстания Бар-Кохбы римские легионы вернулись и вырезали евреев город за городом. В последнем бою под Бейтаром кровь убитых детей и женщин образовала багровую реку, тянувшуюся на протяжении целой мили. С Акивы, одного из вождей восстания, была заживо содрана кожа, а сам Бар-Кохба был увезен в цепях в Рим и брошен на растерзание львам. Или это Бар-Гиора был растерзан львами после другого какого-нибудь восстания? Я путаю все эти восстания. О да, библия и наша история полны чудесных историй и занятных чудес. Сегодня, однако, все это всерьез. У нас нет Иисуса Навина, который бы остановил солнце или обрушил стены. Английские танки не завязнут в болоте, как завязли канаанские колесницы, и море не сомкнулось над британским флотом, как сомкнулось оно над воинством фараона. Век чудес прошел безвозвратно, Давид.

— Нет, не прошел! Само наше существование — чудо. Мы пережили римлян и греков и даже Гитлера. Мы пережили всех угнетателей и мы переживем также британскую империю. Это ли не чудо, Ари?

— Ладно, Давид; одного у нас не отнимешь — спорить мы мастера. Давай лучше пойдем спать.

Г Л А В А 7

— Ваш ход, — повторил Фред Колдуэлл.

— Да, да, простите, пожалуйста! — генерал Сатерлэнд долго смотрел на доску, потом пошел пешкой. Колдуэлл сделал ход конем, но Сатерлэнд двинул своего коня в защиту.

— Вот чорт! — выругался генерал, заметив, что трубка у него потухла. Он ее вновь зажег.

Оба подняли головы, когда до них донесся слабый, но непрерывный вой сирен. Сатерлэнд посмотрел на стенные часы. Это, вероятно, беженцы с «Врат надежды».

— «Врата надежды», «Башня Сиона», «Обетованная земля», «Щит Давида», — сказал Колдуэлл с издевкой. — Цветистые они придумывают названия для своих лоханок, ничего не скажешь.

Сатерлэнд наморщил лоб. Он пытался придумать подходящий ход, но в ушах стоял вой сирен. Он смотрел на фигуры из слоновой кости, но видел перед собой не шахматную доску, а колонну грузовиков, битком набитых обезображенными от страха лицами, пулеметы и бронемашинны.

— Если вы не возражаете, Колдуэлл, я уйду к себе.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, ничего. Спокойной ночи. — Генерал быстро вышел из комнаты, закрыл дверь спальни и расстегнул куртку. Ему показалось, что сирены воют невыносимо громко. Он закрыл окна, чтобы не слышать воя, но все равно было слышно.

Брус Сатерлэнд стоял перед зеркалом и задавал себе вопрос: что же с ним происходит? С ним, Сатерлэндом из Сатерлэнд Гейтс. Еще одна блестящая карьера в длинном ряду блестящих карьер, тянувшемся с тех самых пор, как существует сама Англия.

Но в последние недели на Кипре с ним происходило что-то такое, что разрывало его на части. Он стоял перед

зеркалом, смотрел в свои воспаленные глаза и спрашивал себя, когда же собственно все это началось.

Сатерлэнд: Хороший парень, подходит в любую команду, — говорится о нем в итонском ежегоднике. Очень приличный парень, этот Сатерлэнд. Приличная семья, приличное образование, приличная карьера.

Армия? Правильно, старик Брус! Мы, Сатерлэнды, столетиями были на военной службе...

Приличный брак. Нэдди Эштон. Дочь полковника Эштона. Неплохой выбор. Хорошая порода, эта Нэдди Эштон. Хорошая хозяйка. Держит ухо остро и нос по ветру. С такой не пропадешь. Великолепная пара! Эштоны и Сатерлэнды.

Где же ошибка, спрашивал себя Сатерлэнд. Нэдди родила ему двух чудных детей. Альберт был истым Сатерлэндом, капитан в старом полку отца, а Марта прекрасно вышла замуж.

Брус Сатерлэнд открыл шкаф и надел пижаму. Он дотронулся до складки жира у талии. Не так уж плохо для мужчины пятидесяти пяти лет. Еще есть порох в пороховнице.

Сатерлэнд быстро продвинулся во время второй мировой войны по сравнению с медленным продвижением по службе в мирное время. Индия, Гонконг, Сингапур и Ближний Восток. Но чтобы показать, на что он способен, для этого нужна была война. Он оказался незаурядным пехотным командиром. Конец войны застал его в чине бригадного генерала.

Он надел шлепанцы, медленно опустился в глубокое кресло, уменьшил свет и погрузился в воспоминания.

Нэдди была ему хорошей женой. Она была хорошей матерью, великолепной хозяйкой, словно созданной для воинской службы в колониях. Ему здорово повезло с ней. Когда же все-таки между ними произошла трещина? Да, он помнит. Это было много лет тому назад в Сингапуре.

Он был в чине майора, когда встретил Марину, полуазиатку со смуглым лицом, Марину, женщину, созданную для любви. У каждого мужчины живет в глубине сердца образ какой-то Марины. Но его Марина была плотью и она у него действительно была. Смех и огонь, слезы и страсть. Быть с Мариной, это было все равно что находиться в жерле вулкана, близкого к извержению. Он устривал ей страшные сцены ревности, но как только в ее

глазах появлялись слезы, он валялся у ее ног, моля прощения. Марина... Марина... Марина... глаза, как уголь, и волосы — что воронье крыло. Она могла причинить ему муки, но она же давала ему невыразимое наслаждение. Благодаря ей он вознесся на такие высоты, о существовании которых он до нее даже не подозревал. Эти драгоценные, неповторимые свидания...

Он, бывало, наматывал ее волосы на руку, откидывал ее голову и смотрел на ее яркие, чувственные губы... «Я люблю тебя, сука... я люблю тебя».

— Я люблю тебя, Брус! — шептала она.

Брус Сатерлэнд помнил оскорбленное выражение лица Нэдди, когда она ему сказала, что ей все известно.

— Я не стану утверждать, что это не причинило мне глубокой боли, — сказала Нэдди, слишком гордая, чтобы плакать, — но я готова простить и за это. Нам нужно думать о детях, о твоей карьере, о наших семьях. Я попытаюсь найти выход из положения, Брус, но ты должен мне поклясться, что никогда больше не увидишь этой женщины и что ты немедленно попросишь, чтобы тебя перевели из Сингапура.

«Эта женщина», как ты ее называешь, — подумал Брус, — это моя любовь. Она дала мне нечто такое, чего тысяча таких, как ты никогда не смогут дать и не дадут. Она дала мне то, на что не может рассчитывать ни один мужчина на свете».

— Я жду ответа, Брус.

Ответ? Какой тут может быть ответ? Мужчина может обладать женщиной, подобной Марине, час, ночь, но не навсегда. Такая Марина бывает у мужчины только раз, один единственный раз в жизни. Ответ? Отказаться от карьеры ради полуазиатки? Смешать с грязью доброе имя Сатерлэндов?

— Я ее никогда больше не увижу, Нэдди, — обещал Брус Сатерлэнд.

Брус Сатерлэнд никогда ее больше не видел, но он никогда не переставал думать о ней. Может быть, именно с этого все и началось.

Вой сирены был еще чуть слышен. Колонна, вероятно, уже подъезжает к Караолосу, подумал Сатерлэнд. Еще немного, и вой совсем перестанет. Тогда он сможет заснуть. Он подумал об отставке, предстоящей ему через четыре-пять лет. Дом в Сатерлэнд Гейтс будет чересчур большим.

Лучше коттедж где-нибудь подальше от города. Скоро ему нужно будет подумать о приобретении двух хороших сеттеров для охоты, о литературе по выращиванию роз, о пополнении библиотеки вообще. Пора также подумать о каком-нибудь приличном клубе в Лондоне. Альберт, Марта и внуки тоже будут утешением, когда он уйдет в отставку. Может быть... может быть, он заведет себе и любовницу.

Казалось странным, что после почти тридцати лет супружества он уйдет на пенсию один, без Нэдди. Она держалась так спокойно, корректно и благородно все эти годы. И вдруг, после прожитой безупречной жизни, Нэдди закусила удила и, спасая последние годы, оставшиеся ей, как женщине, удрала в Париж с каким-то битником, лет на десять ее моложе. Все сочувствовали Брусу, но на самом деле вся эта история не очень его задела. Уже давно между ним и Нэдди не было ничего общего, не говоря уже о чувствах. Если ей уж так приспичило задрать хвост — пожалуйста, за ним дело не станет. Может быть, он согласится со временем взять ее обратно... Нет, уж лучше любовница.

Наконец сирены умолкли. В комнате установилась глубокая тишина, если не считать глухого шума прибора в ванной. Брус Сатерлэнд открыл окно и вдохнул прохладный ноябрьский воздух. Он прошел в ванную, помылся, вынул из рта мост из четырех зубов и положил его в стакан с раствором. Не повезло ему с этими четырьмя зубами, подумал он. То же самое думал он вот уже 30 лет. Он потерял их во время матча в регби. Он потрогал остальные зубы, чтобы убедиться — не шатаются ли.

Он открыл аптечку и внимательно оглядел длинный ряд бутылок. Достал коробку со снотворным и развел в стакане двойную дозу. Последнее время ему что-то не спалось.

Сердце начало сильно биться, когда он выпил стакан со снотворным. Он знал, что ему предстоит еще одна из этих ужасных ночей. Он сделал отчаянную попытку подавить и прогнать лезшие на ум мысли. Залез под одеяло, надеясь, что заснет быстро, но мысли уже кружились, кружились и кружились в голове...

... Берген-Бельзен... Берген-Бельзен... Берген-Бельзен...
Нюрнберг... Нюрнберг... Нюрнберг!... Нюрнберг!

— Подойдите ближе и назовите свое имя.

— Брус Сатерлэнд, бригадный генерал, командующий...

— Расскажите суду своими словами...

— Мои войска вступили в Берген-Бельзен пятого апреля в 17 часов двадцать минут.

— Расскажите суду...

— Лагерь номер один — это был четырехугольник размером в милю длиной и четыреста ярдов шириной, окруженный забором. На этом пространстве содержалось 80 тысяч человек, преимущественно венгерских и польских евреев.

— Расскажите суду...

— Продовольственный паек для всего лагеря номер один состоял из десяти тысяч буханок хлеба в неделю.

— Опознайте...

— Да, это тиски для янчек и большого пальца; их использовали для пыток...

— Расскажите...

— Наша перепись установила 30 тысяч трупов в лагере номер один, из них 15 тысяч валялись на территории лагеря. 28 тысяч женщин и 12 тысяч мужчин мы застали еще в живых.

— **Опишите...**

— Мы делали отчаянные попытки, но заключенные находились в состоянии полнейшей дистрофии и такого изнеможения, что за первые несколько дней после нашего прибытия умерло еще 13 тысяч человек.

— **Опишите...**

— Мы застали в лагере такие нечеловеческие условия, что люди прямо поедали мертвых.

Когда Брус Сатерлэнд закончил свои показания на Нюрнбергском процессе, его срочно отозвали в Лондон. В военном министерстве сидел его старый друг, генерал Кларенс Тевор-Браун. Сатерлэнд догадывался, что это не просто.

Он полетел в Лондон на следующий же день и немедленно отправился в огромное, до чудовищности бесформенное здание на углу Уайтхолла и Скотланд-Ярд, где помещалось британское военное министерство.

— О, Брус, привет! Входите, входите, дорогой! Рад вас видеть! Я следил за Вашими показаниями в Нюрнберге. Неприятная история!

— Я рад, что она позади.

— Меня очень огорчила эта история с Нэдди. Если я могу быть чем-нибудь полезен...

Сатерлэнд покачал головой.

Наконец Тевор-Браун приступил к делу, по которому он его вызвал в Лондон.

— Брус, — сказал он. — Я вызвал вас сюда, потому что тут вышло одно очень деликатное назначение. Мне нужно порекомендовать кого-нибудь и я подумал, что ваша кандидатура — самая подходящая. Мне хотелось поговорить с вами, прежде чем назвать вашу кандидатуру.

— Я слушаю, сэр Кларенс.

— Брус, эти евреи, убегающие из Европы, выросли для нас в целую проблему. Они буквально наводняют Палестину. Я говорю вам прямо, что арабы очень раздосадованы этими массами евреев, обрушившимися на подмандатную территорию. Мы здесь решили поэтому построить лагеря на Кипре, где в виде временной меры эти беженцы будут содержаться, пока Уайтхолл решит, как нам быть с палестинским мандатом.

— Я понимаю, — тихо сказал Сатерлэнд.

— Все это очень щекотливое дело, — продолжал Тевор-Браун, — и тут нужно много такта. Конечно, никому не хочется загонять за частокол стадо измученных беженцев. К тому же, симпатии правящих кругов везде и всюду на их стороне, в особенности во Франции и Америке. Тут нужно действовать осторожно, чтобы эта история на Кипре не вызвала шуму. Нам нужно избегать всего, что может настроить против нас мировое общественное мнение.

Сатерлэнд подошел к окну и выглянул на Темзу и на двухэтажные автобусы, проезжающие по мосту Ватерлоо.

— По-моему, это гиблая затея.

— Это не нам с вами решать, Брус. Распоряжается Уайтхолл. Мы всего лишь исполнители.

Сатерлэнд продолжал смотреть в окно.

— Я видел этих людей в Берген-Бельзене. Это, наверное, те же самые. Сегодня они хотят попасть в Палестину.

Он вернулся к своему креслу.

— Вот уже тридцать лет, как мы нарушаем в Палестине одно обещание за другим.

— Послушайте, Брус, — сказал Тевор-Браун, — мы с вами одного мнения в этом вопросе, но мы в меньшинстве. Мы вместе служили на Ближнем Востоке. И знаете, что я

вам скажу? Я просидел всю войну за вот этим столом, и через мои руки проходили одна докладная записка за другой о предательстве арабов. Как начальник египетского генерального штаба продает секреты немцам, как весь Каир готовит торжественную встречу своему освободителю Ромелю, как иракцы переходят на сторону немцев, а сирийцы заигрывают с немцами, что иерусалимский муфтий — гитлеровский агент. Я мог бы продолжать этот список часами. Но вы должны смотреть на все это с точки зрения Уайтхолла, Брус. Мы не можем рисковать своим положением и влиянием на Ближнем Востоке из-за нескольких тысяч евреев.

Сатерлэнд вздохнул.

— В том-то и заключается наша трагическая ошибка, сэр Кларенс. Мы так или иначе потеряем Ближний Восток.

— Ну, вы преувеличиваете, Брус.

— Ведь не пустые же звуки понятия о добре и зле.

Сэр Кларенс Тевор-Браун криво улыбнулся и в досаде покачал головой.

— Я не многому научился в жизни, но одно я крепко зарубил себе на носу: внешняя политика государств построена никак не на понятиях о добре и зле. Добро и зло? Не нам с вами решать, что здесь добро, и что зло. Единственное царство, где правит добро, это царство небесное. Земными же царствами правит нефть. А у арабов много нефти.

Брус Сатерлэнд молчал. Потом кивнул.

— Только царством небесным правит добро, — повторил он. — Земными царствами правит нефть. Кое-чему вы все-таки научились, сэр Кларенс. Похоже, что в двух этих коротких фразах заключена вся мудрость мира. Все мы, народы, государства, живем по закону необходимости, а не правды.

Тевор-Браун нагнулся вперед.

— Где-то в своих планах мироздания всевышний возложил на нас нелегкую задачу править империей...

— И не наше дело спрашивать почему, — тихо сказал Сатерлэнд. — Это вы хотите сказать? Но я никак не могу забыть работорговые рынки в Саудовской Аравии, и тот день, когда меня впервые пригласили присутствовать при публичном исполнении приговора за кражу — человеку трубили тогда руку. Просто не могу, не могу забыть, так же как и этих евреев в Берген-Бельзене.

— Нехорошо быть солдатом и иметь совесть. Впрочем, я не заставляю вас силой согласиться на эту должность на Кипре.

— Я согласен. Я, конечно, согласен. Но скажите, пожалуйста: почему ваш выбор пал именно на меня?

— Большинство наших ребят — на стороне арабов. По той простой причине, что мы всегда были за арабов, а солдат обычно не рассуждает, а следует установившейся традиции. Мне бы не хотелось направить на Кипр кого-нибудь, кто начнет там воевать с этими беженцами. Это задача, требующая чуткости и такта.

Сатерлэнд встал.

— Временами я думаю, — сказал он, — что родиться англичанином — такое же проклятье, как родиться евреем.

Сатерлэнд принял назначение на Кипр, но душа у него была полна страха. Он задавал себе вопрос, знает ли Тевор-Браун, что он сам наполовину еврей?

Это решенное, сатанинское решенное, принятое им много лет тому назад, вернулось теперь, чтобы мстительно преследовать его.

Он вспомнил, как он начал искать тогда утешения в Библии. В эти пустые годы с Нэдди, после мучительной потери любимой женщины и связанных с этим переживаний, он все больше и больше ощущал потребность во внутреннем умиротворении. Какое это было наслаждение для солдата, каким он был, читать о великих походах Иегошуи Бен Нуна, Гидеона и Иоава. А эти славные женщины — Руфь и Эсфирь и Сара... и... и Дебора. Дебора, эта еврейская Жанна Д'Арк, освободительница своего народа.

Он до сих пор помнил, как у него мурашки забегали по коже, когда он прочитал слова: ВСТАВАЙ, ВСТАВАЙ, ДЕБОРА; ВСТАВАЙ, ПРОСНИСЬ, ДЕБОРА!

Дебора! Так звали его мать.

Дебора Дейвис была незаурядная и редкой красоты женщина. Ничего и не было удивительного, что Гарольд Сатерлэнд влюбился в нее. Род Сатерлэндов остался благодушным, когда Гарольд высидел все пятнадцать спектаклей «Укрощения строптивой», только чтобы всласть налюбоваться красотой актрисы Деборы Дейвис, и они снисходительно улыбались, когда он сверх всякой меры тратился на цветы и подарки. Юношеское увлечение, — думали они, — со временем оно у него пройдет.

Оно, однако, не проходило, и Сатерлэнды перестали благодушествовать. Они распорядились, чтобы она явилась в Сатерлэнд Гейтс. Когда она, однако, не последовала приглашению, сэр Эдгар, отец Гарольда отправился самодично в Лондон, чтобы посмотреть на эту дерзкую особу, отказавшуюся явиться в Сатерлэнд Гейтс. Но Дебора была столь же умной и хитрой, сколь красивой. Она покорила сэра Эдгара и перетянула его на свою сторону.

Тут же сэр Эдгар решил, что его сыну чертовски повезло. В конце концов Сатерлэнды издавна славились своей слабостью к актрисам, и некоторые из них стали со временем гордостью в славной истории рода.

Тут, правда, загвоздка была еще и в том, что Дебора Дейвис была еврейкой, но когда она согласилась перейти в англиканскую веру, вопрос был исчерпан.

У Гарольда и Деборы было трое детей: Мэри, единственная дочь, капризный и не совсем в своем уме Адам, и Брус. Брус был старшим и любимцем Деборы. Мальчик боготворил свою мать, но несмотря на их близость, она никогда не рассказывала ему о своем детстве или о родственниках. Он знал лишь, что они были очень бедны и что она удрали из дому, чтобы стать актрисой.

Прошли годы. Брус поступил на военную службу и женился на Нэдди Эштон. Родились дети: Альберт и Марта. Гарольд Сатерлэнд умер, а Дебора сильно постарела.

Брус очень хорошо помнил день, когда все это началось. Он как раз надолго приехал в Сатерлэнд Гейтс и привез с собой Нэдди и детей. Обычно Дебора проводила почти все время либо в саду среди роз, либо в оранжерее, либо же весело хлопотала по дому, счастливо улыбающаяся и попрежнему изящная. Но на этот раз она не вышла его встречать, и вообще ее нигде не было видно. Наконец он нашел ее сидящей в гостиной в темноте. Это было столь непохоже на мать, что он даже испугался. Она сидела как изваяние, глядя перед собой в стену и забыв обо всем на свете.

Брус нежно поцеловал ее в щеку и встал рядом на колени.

— Что-нибудь случилось, мать?

Она медленно повернула голову и тихо сказала: — Сегодня Йом-Кипур, день искупления.

Брус остолбенел.

Он переговорил обо всем с Нэдди и со своей сестрой,

Мэри. Они решили, что после смерти отца она осталась слишком одинокой. Сатерлэнд Гейтс был слишком большим домом для нее. Лучше ей снять квартиру в Лондоне, чтобы быть поближе к Мэри. К тому же Дебора все более и более старела. Им было трудно привыкнуть к этому, так как им она выглядела такой же красивой, какой они помнили ее с детства.

Потом Брус и Нэдди уехали на Ближний Восток. Мэри писала счастливые письма о том, что матери живется прекрасно, и сама Дебора тоже писала, как она счастлива, что живет в Лондоне, поблизости от семейства Мэри.

Однако, когда Брус вернулся в Англию, все выглядело совсем иначе. Мэри была вне себя. Матери было уже за семьдесят и она вела себя все более и более странно. Явный старческий маразм. Она ничего не помнила из того, что происходило вчера, зато рассказывала небывлицы о том, что произошло лет 50 тому назад. Это прямо нагоняло страх на Мэри, так как Дебора никогда не говорила детям о своем прошлом. Мэри больше всего беспокоили частые исчезновения матери.

Мэри была рада приезду брата. Он был старшим в семье и любимцем матери. К тому же он был такой солидный. Однажды Брус отправился вслед за матерью в один из ее таннственных походов. След привел его к одной синагоге в Уайтчепеле.

Он тщательно обдумал все и решил пока ничего не предпринимать. Она была стара, и он не считал возможным приставать к ней с вещами, происшедшими более полувека тому назад. Лучше всего этого не касаться.

В возрасте 75 лет Дебора Сатерлэнд слегла. Она была при смерти. Брус едва успел приехать вовремя.

Старуха улыбнулась, увидя сына, сидящего на краю кровати.

— Ты уже полковник?... У тебя чудесный вид... Брус, сын мой, мне уже недолго осталось...

— Не надо, мать! Ты скоро поправишься, и все пойдет по-старому.

— Нет, Брус, мне уже не поправиться. Но я должна рассказать тебе что-то. Мне ужасно хотелось стать женой твоего отца. Мне так хотелось, так сильно хотелось стать хозяйкой Сатерлэнд Гейтс! Я совершила ужасную вещь, Брус. Я отреклась от своего народа. Я отрекалась от него всю жизнь. Теперь я хочу быть с ним. Брус... Брус, обе-

щай мне, что меня похоронят рядом с моими родителями.

— Я обещаю, мать.

— Мой отец... твой дед... ты его не знал. Когда... когда я была маленькой девчонкой, он усаживал меня, бывало, на колени и приговаривал: «Встань, встань, Дебора; вставай, проснись!».

Это были последние слова Деборы Сатерлэнд.

Брус Сатерлэнд долго просидел у одра своей почившей матери, оцепенев от тупой боли. Потом оцепенение уступило место сверлящему сомнению, с которым он никак не мог справиться. Обязан ли он выполнить обещание, данное умирающей женщине? Обещание, взятое у него силой? Будет ли это нарушением того кодекса чести, которым он руководствовался всю жизнь? Разве не факт, что в последние годы Дебора Сатерлэнд все более и более теряла здравый смысл? Она никогда не была еврейкой при жизни, с чего же ей вдруг быть еврейкой после смерти? Дебора принадлежала Сатерлэндам и больше никому.

Какой бы разразился скандал, если бы он похоронил ее на каком-нибудь убогом и полуразрушенном еврейском кладбище в одном из нищенских лондонских районов! Мать умерла. Для оставшихся, для Нэдди, Альберта, Мэри, наконец, для самого него, это было бы ужасным ударом. Нет, надо считаться с живыми.

Дебору похоронили в фамильном склепе в Сатерлэнд Гейтс.

Сирены!

Сирены колонны беженцев!

Сирены визжали все громче и пронзительнее; казалось, у него лопнут перепонки.

Берген-Бельзен... Марина... Нэдди... грузовики, набитые людьми... лагеря в Караолосе... я обещаю, мать... я обещаю, мать...

Удар грома потряс дом до основания. В море усиливался шторм и волны обрушивались на берег, вздымаясь все выше и чуть не заливая цоколь самого дома. Сатерлэнд откинул одеяло, встал с кровати и прошелся по комнате, шатаясь, словно пьяный. Он застыл у окна. Молния! Гром! Кипящие волны вздымались все выше и выше!

«Господи... Господи... Господи... Господи...!».

— Генерал Сатерлэнд! Генерал Сатерлэнд! Вставайте, сэр! Проснитесь, сэр!

Слуга-грек растолкал его силой.

Сатерлэнд открыл глаза и оглянулся с безумным выражением на лице. Он был весь в поту и сердце чуть не разрывалось. Он ловил воздух как рыба. Слуга сразу принес ему коньяк.

Он посмотрел на море. Ночь была тихая, и море, гладкое как зеркало, мягко билось об берег.

— Все в порядке, — сказал он. — Все в порядке.

— Вы уверены, сэр?

— Да.

Дверь закрылась.

Брус Сатерлэнд тяжело опустился в кресло и, пряча лицо в ладони, зарыдал, беспрестанно шепча: «мать, иже еси на небеси.... мать, иже еси на небеси...».

Г Л А В А 8.

Бригадный генерал Брус Сатерлэнд спал беспокойным сном мученика.

Киприот Мандрия тоже беспокойно ворочался во сне, но от радостного возбуждения.

Марк Паркер спал мирным сном человека, выполнившего свой долг.

Китти Фремонт спала таким умиротворенным сном, каким она долгие годы уже не спала.

Давид Бен Ами уснул лишь после того, как он выучил наизусть письмо от Иорданы.

Ари Бен Канаан не спал. Придет время, когда и он сможет себе позволить такую роскошь, но пока это время еще не настало. У него было так много дел и так мало времени. Всю ночь он проторчал над картами, документами и всякими прочими бумагами, усваивая каждую мелочь о Кипре, о мероприятиях англичан и о положении евреев здесь. Он пробирался сквозь груды материалов, держа в руке сигарету или чашку кофе, и дыша спокойствием и уверенностью.

Англичане не раз говорили, что палестинские евреи могут соперничать с кем угодно, если дело касается ума. У евреев было еще то преимущество, что любой еврей в любой стране мира был потенциальным источником информации и поддержки для агента Мосада Алия Бет:

На рассвете Ари разбудил Давида и после скупого завтрака они отправились на одном из такси, принадлежащих Мандрии, к лагерям для беженцев в Караолосе.

Лагерь тянулся на много миль вдоль залива на полупути между Фамагустой и развалинами Саламиды. Мусорные свалки служили единственной связью между киприотами и беженцами. Англичане охраняли эти свалки спустя рукава, так как мусорщиками назначались «придурки», пользовавшиеся доверием администрации. Эти свалки стали центрами оживленной торговли, где кожаные и другие товары, производимые в лагере, обменивались на

хлеб и на одежду. Давид повел Ари к одной из свалок, где утренняя торговля между греками и евреями была уже в полном разгаре. Отсюда они пробрались в первую зону.

Ари стоял и смотрел на колючую проволоку, тянущуюся миля за милей. Хотя был уже ноябрь, все же было нестерпимо жарко и душно из-за пыли, стоявшей столбом. Зона за зоной тянулись палатки вдоль залива по местности, поросшей акациями. Каждая зона была ограждена забором из колючей проволоки высотой в три, три с половиной метра. На углах стояли вышки с рефлекторами, а на вышках — английские охранники с пулеметами. Облезлая собака поплелась им вслед. На ее запавших боках было выведено краской слово «БЕВИН» — поклон в сторону министра иностранных дел Великобритании.

В каждой зоне одно и то же зрелище: толпы согнанных в одно место оборванных и озлобленных людей. Почти все носили самодельные, грубосшитые штаны до колен и рубашки, изготовленные из содранной внутренней обшивки палаток. Ари всматривался в лица, выражавшие подозрительность, ненависть и безнадежность.

Каждый раз, когда они входили в новую зону, к Ари бросались с объятиями молодые парни или девушки. Это были молодые люди, пробравшиеся в лагерь по заданию палестинского Палмаха для работы с беженцами. Они обнимали его и расспрашивали о доме. И каждый раз Ари отделялся обещанием, что он устроит как-нибудь общее собрание всех палмаховцев. Каждый палмаховец знакомил Ари с вверенной ему зоной. Ари только изредка задавал вопросы. Вообще же он больше молчал при обходе. Его глаза ощупывали колючую проволоку, ища какую-нибудь прореху для побега трехсот человек.

Во многих зонах беженцы разделились по национальностям. Были зоны польских, французских и чешских евреев. Были зоны верующих, и были зоны, где связующим началом служили общие политические убеждения. Большинство же зон было населено просто людьми, пережившими войну, евреями, стремившимися в Палестину. Всех их роднило несчастье.

Давид повел Ари к деревянному мосту, соединявшему две половины лагеря над оградой из колючей проволоки. На мосту виднелась табличка: «Добро пожаловать в Берген-Бевин».

— Какая злая ирония, Ари. Точно такой мост был в Лодзинском гетто в Польше.

Давид кипел. Он поносил англичан за нечеловеческие условия в лагере, за то, что военнопленные немцы на Кипре пользовались большей свободой, за недостаток пищи и лекарств и вообще за вопиющую несправедливость. Ари не слушал Давида. Он изучал расположение лагеря. Он попросил Давида показать ему туннели.

Ари пришел к месту, где поблизости от бухты жили религиозные евреи. Около колючей проволоки тянулся ряд уборных. На первой уборной была табличка «Бевинград». Ари показали, что пятая и шестая уборные были фикцией. Ямы под стульчаками вели под колючую проволоку к заливу. Ари покачал головой — ходы могли пропустить несколько человек, но не годились для массового побега.

Прошло несколько часов. Они почти закончили осмотр. Ари все время молчал. Наконец, Давида прорвало:

— Что ты думаешь?

— Я думаю, — ответил Ари, — что Бевин здесь не слишком популярен. Что еще здесь можно увидеть?

— Я оставил детский лагерь напоследок. Там штаб Палмаха.

Когда они вошли в детский лагерь, к Ари бросился палмахник. Ари обнял его, улыбаясь. Это был Иоав Яркони, его старый и близкий друг. Ари поднял его в воздух и опять поставил на землю. Иоав Яркони был смуглый марокканский еврей, еще ребенком приехавший в Палестину. Его черные как уголь глаза сверкали, и огромные усы скрывали чуть ли не поллица. Иоав и Ари совершили вместе много дел, так как, хотя ему и было немногим больше двадцати лет, Иоав все же был одним из самых способных агентов Мосада Алия Бет и, к тому же, прекрасно знал арабские страны.

С самого начала Яркони оказался одним из самых находчивых и отважных агентов Мосада. Больше всего он отличился подвигом, благодаря которому было положено начало разведению финиковых пальм в Палестине. Иракские арабы резниво охраняли свои финиковые плантации, но Яркони все-таки ухитрился переправить из Ирака в Палестину сотню саженцев.

Давид Бен Ами назначил Иоава Яркони начальником

детской зоны, потому что она была самой важной зоной во всем караолосском лагере.

Иоав повел Ари по зоне, набитой одними сиротами, начиная с самого раннего и кончая 17-летним возрастом. Большинство детей находилось в немецких концлагерях во время войны и многие из них еще никогда не жили не за колючей проволокой. В отличие от других зон, в детской зоне стояло несколько зданий. Была школа, столовая, больница, несколько зданий поменьше и большая площадка для игр. По сравнению с апатней, господствовавшей в остальных зонах, здесь жизнь была ключом. Здесь работали няни, врачи, учителя и другие работники с воли, нанятые на средства американских евреев.

Из-за большого числа вольнонаемных детская зона охранялась меньше всех других участков лагеря. Давид и Иоав сразу воспользовались этим обстоятельством и поместили штаб Палмаха именно в детской зоне. По ночам детская площадка превращалась в учебный полигон, в классных помещениях проводились занятия по географии Палестины, психологии арабов, боевой тактике, оружеведению и сотне других военных дисциплин.

Каждый беженец, обученный Палмахом, должен был пройти экзамен, который изображал судебный процесс перед фиктивным трибуналом. При этом исходили из предположения, что беженцу удалось пробраться в Палестину, но он был схвачен англичанами. Инструктор Палмаха устраивал ему допрос, цель которого была доказать, что беженец незаконно попал в Палестину. Беженец должен был ответить на множество вопросов, касающихся географии и истории Палестины, в доказательство того, что он прожил там много, много лет.

Когда такой «кандидат» успешно заканчивал курс, Палмах устраивал ему побег — чаще всего, через детскую зону или через туннель — к белому дому на горе у Саламиды, а оттуда уж его нелегально переправляли морем в Палестину. Несколько сот беженцев уже были отправлены таким образом в Палестину, группами по два или три человека.

Си-Ай-Ди было, конечно, известно, что в детской зоне происходят странные вещи. Изредка они засылали туда шпионов под видом учителей или социальных работников с воли, но гетто и концентрационные лагеря научили

детей держать язык за зубами, и по истечении двух-трех дней шпионов обычно разоблачали.

Ари закончил осмотр детской зоны зданием школы. В одном из классных помещений помещался штаб Пальмаха. В учительском столе была спрятана рация, посредством которой осуществлялась связь с Палестинчой. Под полом было скрыто оружие для проведения военных занятий. В этом же помещении подделывались документы и бумаги.

Ари осмотрел мастерскую и покачал головой.

— Халтура, — сказал он. — Ты просто растяпа, Иоав. Иоав пожал плечами.

— В ближайшие недели, — продолжал Ари, — нам понадобится специалист. Давид, ты как будто сказал, что у вас тут есть такой.

— Правильно. Дов Ландау, мальчик из Польши, но он отказывается.

— Мы его неделями уговаривали, — добавил Иоав.

— Ну-ка, я поговорю с ним.

Когда они подошли к палатке, где жил Дов Ландау, Ари велел своим товарищам подождать и вошел в палатку один. Перед ним предстал худенький белобрысый мальчик, изподлобья поглядывавший на пришельца. Ари этот подозрительный, полный ненависти взгляд был хорошо знаком. Он посмотрел на опущенные углы рта и на презрительно искривленные губы, столь характерные для людей, побывавших в концлагерях.

— Тебя зовут Дов Ландау, — сказал Ари, глядя ему прямо в глаза. — Тебе 17 лет и ты из Польши. Тебя освободили из концентрационного лагеря, и ты специалист по подделкам. Меня зовут Ари Бен Канаан. Я из Палестины и член Мосада Алия Бет.

Юноша презрительно плюнул на пол.

— Послушай, Дов. Я не собираюсь ни уговаривать, ни угрожать тебе. У меня к тебе деловое предложение; назовем его договором о взаимной помощи.

Дов Ландау ощерился.

— Я скажу вам вот что, Бен Канаан. Вы и ваши парни — нисколько не лучше немцев и англичан. Мы вам нужны только потому, что вы хотите спасти свою шкуру от арабов. Мне, конечно, хочется в Палестину, но как только я туда попаду, я немедленно найду себе организацию, которая даст мне возможность убивать.

Ари не повел и бровью при этом взрыве ядовитой злобы.

— Вот и прекрасно. У нас с тобой, значит, общие интересы. Тебе не нравятся мотивы, по которым мне хочется иметь тебя в Палестине, а мне не нравятся мотивы, по которым тебе хочется попасть туда. В одном, однако, мы согласны: твое место не здесь, а там.

Глаза подростка подозрительно сузились. Этот Бен Канаан не был похож на других.

— Теперь давай сделаем еще один шаг, — сказал Ари. — Тем, что ты будешь сидеть здесь без дела и греть задницу, ты в Палестину не попадешь. Что будет потом, когда ты попадешь в Палестину, это меня не касается.

Дов Ландау заморгал от неожиданности.

— А дело у меня к тебе вот какое, — продолжал Ари. — Мне нужно подделывать документы. Мне их нужно много, этих документов, притом в ближайшие недели, а ребята, занимающиеся здесь этим делом, не в состоянии подделать даже собственную подпись. Мне нужно, чтобы ты поработал на меня.

Подросток был сбит с толку прямой и решительной тактикой Бен Канаана. Ему нужно было время, чтобы разобраться, где здесь скрывается подвох.

— Я подумаю, — сказал он.

— Подумай. Конечно, подумай! Я тебе даю тридцать секунд на обдумывание.

— А что, если я откажусь? Силой заставите?

— Дов, я сказал, что мы нужны друг другу. Попытаюсь выразиться еще яснее. Если ты мне не поможешь, я сделаю все, чтобы ты остался последним здесь в Караолосе. Так как впереди тебя тысяч по меньшей мере тридцать, у тебя вряд ли еще останется сил бросить бомбу, когда ты доберешься наконец в Палестину. Впрочем, твои тридцать секунд истекли.

— А почему я знаю, что не обманете?

— Очень просто. Потому что я даю тебе слово.

На лице подростка мелькнула робкая улыбка, и он кивнул в знак согласия.

— Тогда вот что. Ты получишь указания либо от Давида Бен Ами, либо от Иоава Яркони. Я не хочу, чтобы ты вступал с ними в пререкания. Если у тебя будут какие-нибудь неясности, снесись прямо со мной. А теперь я требую, чтобы ты явился через полчаса в штаб, посмот-

рел там мастерскую и сказал Давиду, какие тебе нужны материалы.

Ари повернулся и вышел из палатки на улицу, где его ждали Давид и Иоав.

— Через полчаса он приступит к работе, — сказал Ари.

— Как ты это сделал?

— Нужно знать детскую психологию. Я поехал обратно в Фамагусту, — сказал Ари. — Встретимся ночью у Мандрии. Захватите с собой Зеева Гильбоа. Не надо меня провожать; я знаю дорогу.

Давид и Иоав ошеломленно смотрели вслед товарищу, знаменитому Ари Бен Канаану. Он пересек площадку для игр и направился к свалке.

Той же ночью Мандрия в обществе Давида, Иоава и Зеева Гильбоа ждал у себя дома Бен Канаана.

Зеев Гильбоа, тоже палестинский палмахник, был широкоплечий крестьянин из Галилеи. Как и у Яркони, у него тоже были огромные усы, и ему тоже едва перевалило за двадцать. Зеев Гильбоа был лучшим солдатом среди палмахников в Караолосе. Давид поручил Зееву боевую подготовку беженцев. С большим энтузиазмом и импровизированными винтовками он обучал по ночам на площадке для игр своих курсантов почти всему тому, чему можно научить, не имея под рукой настоящего оружия. Вместо винтовок служили палки, вместо гранат — камни, вместо штыков — стальные куски пружин. Он обучал ребят рукопашному и штыковому бою, а главное — он вселил боевой дух в опустившихся беженцев.

Становилось поздно. Мандрия беспокойно ходил по комнате.

— Ничего не понимаю, — сказал он. — Я еще днем дал ему такси с шофером.

— Не волнуйтесь, господин Мандрия, — сказал Давид. — Ничего необычного не будет, если Ари вернется только дня через три. У него странные методы работы. Мы к этому привыкли.

Перевалило за полночь, и мужчины поудобней расположились в креслах. Еще через полчаса они начали клевать носом, через час они мертвецки спали.

Было уже около пяти утра, когда Ари вошел в комнату. Его глаза покраснели от бессонницы, так как он всю ночь разъезжал по острову, не поспав даже часа. Он вообще спал только урывками с тех пор как высадился

на Кипр. Они обнялись с Зеевом Гильбоа в традиционной палмаховской манере, затем он перешел прямо к делу, без всяких извинений или объяснения причин восьмичасовой задержки.

— Ну, мистер Мандрия, достали судно?

Мандрия потерял дар речи. Он хватил себя кулаком по лбу от изумления.

— Господин Бен Канаан! Нету еще тридцати часов, как вы вообще приехали и тут же потребовали судно. Я не судостроитель, сэр. Моя компания, кипрское средиземноморское пароходство, имеет филиалы в Фамагусте, Ларнаке, Кирении, Лимассоле и Цафосе. Других портов на Кипре нет. Все мои конторы лихорадочно ищут судно для нас. Если только в человеческих силах раздобыть судно на Кипре, вы будете немедленно поставлены в известность, сэр.

Ари не обратил внимания на сарказм Мандрии и повернулся к остальным.

— Зеев, я полагаю, Давид рассказал тебе о том, что мы здесь затеваем.

Галилеец кивнул.

— С этой минуты вы трое поступаете в мое распоряжение. Найдите себе людей, которые смогут заменить вас в Караолосе. Иоав, сколько у тебя в зоне здоровых детей в возрасте от десяти до семнадцати лет?

— О, вероятно человек шестьсот-семьсот.

— Зеев, отбери из них человек триста самых выносливых. Приведи их в наилучшую форму.

Зеев кивнул.

Ари встал.

— Через полчаса рассвет. Мне нужно такси, господин Мандрия. Я опять уезжаю. Боюсь, что человек, возивший меня вчера, немного устал.

— Я повезу вас сам, — сказал Мандрия.

— Хорошо. Мы тронемся на рассвете. А теперь извините меня. Мне нужно еще посмотреть кое-какие бумаги у себя.

Он исчез так же внезапно, как пришел. Все заговорили наперебой.

— Значит, в побеге будут участвовать триста человек детей, — сказал Зеев.

— Похоже, что так, — сказал Мандрия. — Чудак он. Надеется на чудеса... и ничего не говорит.

— Наоборот, — сказал Давид, — он как раз не верит в чудеса. Потому-то он и работает так много. Мне кажется, что за всем этим кроется гораздо больше, чем рассказал нам Ари. У меня такое чувство, что этот побег трехсот детей — только часть того, что у него на уме.

Иоав Яркони улыбнулся.

— Мы все знаем Ари Бен Канаана достаточно хорошо, чтобы не пытаться отгадать, что у него на уме. Мы знаем его достаточно долго и для того, чтобы не сомневаться в том, что он знает свое дело. Когда нужно будет, мы все узнаем.

Весь следующий день Мандрия возил Ари по Кипру, казалось, без всякой определенной цели. Они поехали вдоль восточного залива, мимо Саламиды и Фамагусты прямо вгору, на самую вершину Кап-Греко. В Фамагусте Ари походил вдоль старой крепостной стены, изучая район пристани. Весь день Ари молчал, если не считать двух-трех случайно оброненных вопросов. Киприоту показалось, что этот палестинец — самый бездушный человек, какого ему приходилось встречать в жизни. Он чувствовал к нему известную неприязнь, но не мог не восхищаться его способностью идти напролом и его почти нечеловеческой выносливостью. Этот человек, думал Мандрия, фанатично предан своему делу, но это-то и сбивало его с толку, так как на его лице не заметно было ни малейшего проявления человеческого чувства.

Из Кап-Греко они поехали вдоль южного залива, этой нижней деки Кипра; затем забрались в высокие, ущелистые горы, где отели готовились к зимнему лыжному и конькобежному сезону. Если Бен Канаан и нашел что-нибудь достойное внимания, он не подавал вида. Мандрия изнемогал от усталости, когда они вернулись за полночь в Фамагусту. Здесь состоялось еще одно совещание с Зеевом, Давидом и Иоавом, после которого Ари опять провел всю ночь за картами и бумагами.

Утром четвертого дня пребывания Ари Бен Канаана на Кипре Мандрия позвонил из ларнакского филиала, что турецкое судно только что бросило якорь в порту, что оно как будто соответствует спецификации и что его можно купить. Мандрия повез Ари в Караолос, там они подобрали Давида и Иоава, и вчетвером поехали в Ларнаку.

Зеева Гильбоа они не взяли, так как он был уже занят

отбором трехсот детей и организацией для них специальных курсов.

Мандрия весь снял от самодовольства, когда они ехали по шоссе Фамагуста — Ларнака. На полпути внимание Ари привлекла возня, происходившая в поле слева от шоссе. Он велел Мандрии остановить машину и вышел на шоссе посмотреть. Там лихорадочно что-то строили, похоже — бараки.

— Англичане строят новый лагерь, — сказал Давид. — В Караолосе все переполнено.

— Почему вы мне об этом не сказали? — резко спросил Ари.

— Потому что ты не спрашивал, — ответил Иоав Яркони.

— Судя по всему, — сказал Давид, — они начнут недели через две разгружать лагерь в Караолосе и перевозить лишних людей сюда.

Ари вернулся к машине, и они поехали дальше. Иоав Яркони, который считал бесполезным отгадывать мысли друга, все же заметил, что этот новый лагерь полностью поглотил его внимание. Иоав почти слышал, как работают шарики в мозгу Ари.

Машина въехала в Ларнаку и направилась по узким, извилистым улицам, окаймленным чистыми белыми домиками, вниз к пристани. Они остановились у кабачка «Четыре фонаря», где их ждал турок Арматау, владелец судна. Ари настоял на том, чтобы разговоры о цене, неизбежную при этом божбу и «обмывку», неотъемлемую часть всякой сделки на Востоке, отложить на потом; ему хотелось немедленно посмотреть судно.

Арматау повел их через дорогу к длинному молу, выходящему в море чуть ли не на полмили. Все время, пока они проходили мимо десятка рыболовных катеров, баркасов и парусных лодок, Арматау не переставал говорить, то и дело оборачиваясь. Он божился, что судно, которое они собираются осмотреть, настоящая королева морей. Они остановились почти в самом конце мола перед ветхим деревянным гробом, у которого на носу красовалась облезлая надпись «Афродита».

— Ну, не красавица ли? — воскликнул Арматау, сияя от восторга. И, затаив дыхание, напряженно следил за тем, как четыре пары холодных глаз осматривают старое крыто от носа до кормы.

— Конечно, — продолжал турок, — это не гоночная яхта.

Опытный глаз Ари прикинул длину «Афродиты» метров, примерно, в 45, а водоизмещение — в двести тонн. Судя по постройке и внешнему виду, ей должно было быть около сорока пяти лет.

— А кто такая была Афродита? — спросил Иоав Яр-кони.

— Афродита была богиней любви, — ответил Давид. — Ее выбросило на берег прибоем, всего в нескольких милях отсюда лет пять тысяч тому назад.

— Ого! Насмотрелась девка немало! — сказал Иоав.

Турок проглотил шпильку и попытался изобразить на лице улыбку. Бен Канаан круто обернулся и посмотрел ему прямо в глаза.

— Арматау, мне нужно только одно. Отсюда до Палестины свыше двухсот миль. Судну предстоит сделать только лишь один рейс. Сможет? Да или нет?

Арматау вскинул руки вверх.

— Клянусь честью своей матери, — сказал он. — Я сделал на нем триста рейсов между Кипром и Турцией. Господин Мандрия, — хозяин пароходства; он не даст соврать.

— Это верно, — подтвердил Мандрия. — Судно старое, но надежное.

— Господин Арматау, возьмите моих двух товарищей на борт и покажите им машину.

Когда все трое скрылись с палубы, Мандрия повернулся к Ари.

— Хотя Арматау и турок, но верить ему можно.

— Какую скорость можно выжать из этого самовара? — спросил Ари.

— Пожалуй, пять узлов при попутном ветре. «Афродите» нечего торопиться.

Они поднялись на палубу и осмотрели надстройки. Судно было безнадежно запущено, его давно уже не имело смысла ремонтировать. Но несмотря на эти очевидные недостатки в нем было что-то добротное. Оно внушало чувство, что ему известны все козни моря и что оно выиграло не одно сражение с ним.

За полчаса Давид и Иоав закончили осмотр машинного отделения.

— Это судно — настоящий ублюдок, — сказал Давид, — но я уверен, что оно выдержит.

— Можно погрузить триста человек на борт? — спросил Ари.

Давид почесал щеку.

— Нда, если поднажать, может, и удастся.

Ари повернулся к Мандрии.

— Нам предстоит с ним куча доделок и переделок. Главное, чтобы на нас не обратили внимания.

Мандрия улыбнулся. Теперь настал его час.

— У меня тут, как вы, верно, догадываетесь и сами, есть кое-какие связи. — Хорошенько подмазать кого следует, тогда никто ничего не увидит и не услышит.

— Давид, отправь сегодня же ночью радиogramму в Палестину. Скажи, что нам нужен капитан и два матроса.

— Команда из трех человек? Не мало ли?

— Ну ладно, так уж и быть: выдам вам секрет: вы оба, Зеев и я, мы тоже вернемся на этой лохани в Палестину. Мы и дополним команду. Иоав, у тебя всегда была слабость к перезрелым красавицам; вот тебе задача и будет. Поручаю тебе отремонтировать ее и привести в божеский вид.

Наконец он обратился к Арматау, ошеломленному молниеносной быстротой вопросов и распоряжений.

— Окей, Арматау, вы можете вздохнуть посвободней: вы продали это чудище. Но не за ту цену, которую вы собираетесь заломить. Давайте сходим в «Четыре фонаря» и обтяпаем и это дело.

Ари спрыгнул с палубы на мол и пожал Мандрию руку.

— Давид, ты и Иоав сматывайтесь сейчас же в Фамагусту. Как только мы покончим здесь с этим делом, господин Мандрия подбросит меня в Кирению.

— В Кирению? — спросил Мандрия в испуге. — Неужели этот человек никогда не устает? Ведь Кирения — на противоположной стороне острова, — запротестовал он.

— А что? С машиной что-нибудь не в порядке? — спросил Ари.

— Нет... нет..., поедem в Кирению.

Ари, а с ним Мандрия и турок, пошли по молу назад.

— Ари, — крикнул Давид, — как же мы назовем эту стареющую красавицу?

— Ты ведь поэт, — крикнул Ари назад, — тебе и карты в руки.

Иоав и Давид смотрели вслед уходящим, пока они не скрылись из виду. Вдруг лица у них расплылись в улыбке и они бросились обниматься.

— Сукин сын, этот Ари. Нашел ведь способ сообщить нам, что мы возвращаемся домой.

— Разве ты его не знаешь? — сказал Давид. — Никаких сентиментов, никаких эмоций!

Они счастливо вздохнули и с минуту оба подумали о Палестине. Затем они посмотрели на «Афродиту». У нее явно был вид несчастной старой девы.

Они ходили по палубе, осматривая деревянное судно.

— Мне пришла хорошая мысль, — сказал Иоав. — Почему бы нам не назвать судно «Бевин»?

— У меня название получше, — сказал Давид Бен Ами. — С этой минуты оно будет называться «Эксодус».

Г Л А В А 9.

Марк свернул взятую напрокат машину с шоссе и поставил ее на обочине. Он забрался высоко в горы, прямо нависавшие над Киренией. Перед ними вздымалась огромная скала высотой метров в сто с лишним, на самой вершине которой стояли развалины святого Иларiona. Сказочный дворец, напоминающий даже в полуразрушенном состоянии мощь и блеск готического владычества.

Марк взял Китти за руку и повел ее вгору на вершину. Они вскарабкались по выступам вверх, пока не добрались до нижней крепостной стены, откуда открывался вид на двор.

Они с трудом прокладывали себе путь через царские палаты и огромные залы, вошли в конюшню, в монастырь и в крепостные фортификации. Царила мертвая тишина, но все вокруг словно жило, дышали призраки далекого прошлого, нашептывая рассказы о минувших столетиях, когда здесь люди любили, ненавидели, вели интриги, воевали.

Почти целый час Марк и Китти взбирались на самую верхушку. Наконец они стояли, вспотев и тяжело дыша, на самом высоком месте и не могли оторваться от открывшегося перед ними великолепного вида. Скала уходила на протяжении почти девятисот метров отвесно вниз в сторону Кирении. На горизонте виднелся турецкий берег, а справа и слева, на самом краю крутых скал повисли сочные зеленые леса, виноградные террасы и маленькие домики. Совсем внизу серебристо маячила листва масличной рощи, ласкаемая тихим ветерком.

Марк смотрел на Китти, чей силуэт резко обозначился на фоне неба, когда туча проплыла у нее за спиной. Какая она милая, подумал Марк. Среди всех женщин его мира она одна была такая. Она не возбуждала у него желания. Марк Паркер немногих уважал на этом свете. Китти он уважал, он просто не мог иначе. Больше того, она была единственной женщиной, в обществе которой он чувствовал себя вполне хорошо, ибо с нею он мог быть са-

мим собой, не нужно было строить из себя кого-то, разыгрывать что-то.

Они присели на огромный валун и продолжали смотреть на великолепие, простирающееся у их ног. Дворец, море, небо, горы.

— По-моему, — сказал Марк, — нету на свете вида великолепнее этого.

Она кивнула.

Это были незабываемые дни для них обоих. С приезда Марка Китти словно воскресла к новой жизни. Она испытывала целительное действие исповеди.

— Мне пришла ужасная мысль, — сказала Китти. — Я думаю о том, какое это счастье, что полковник Говард Хиллингс был откомандирован в Палестину, и ты принадлежишь теперь мне одной. Сколько ты сможешь пробыть здесь, Марк?

— Несколько недель. Сколько захочешь.

— Я не хочу больше, чтобы мы надолго разлучались.

— Ты заметила, — сказал Марк, — во Дворце все уверены, что я твой любовник?

— Вот и прекрасно! — сказала Китти. — Я прибью вечером объявление к своей двери, где будет написано крупными буквами: «Я безумно люблю Марка Паркера».

Они посидели еще часок, затем неохотно начали спускаться, чтобы добраться домой еще до наступления темноты.

Когда Марк и Китти вернулись в гостиницу, Мандрия как раз приехал на своей машине в Кирению, подогнал ее к гавани и остановился на набережной. Они вышли с Ари из машины и направились к докам. Ари посмотрел в сторону Башни Девы, стоявшей на самом берегу на противоположной стороне залива. Они пошли туда с Мандрией и поднялись на башню по внутренней лестнице. Отсюда прекрасно обзревалась вся местность. Ари изучал местность молча, как всегда.

Гавань была защищена двумя рукавами мола. Один рукав шел от Башни Девы, на которой они сейчас стояли; второй начинался как раз напротив, от застроенной домами набережной. Оба рукава образовали полукруг и почти касались друг друга. Оставшаяся узкая щель и служила входом в гавань. Сама гавань была невелика — диаметром всего в несколько сот метров. Она была полна маленьких суденышек.

— Как по-вашему, «Афродита» пройдет в эту гавань? — спросил Марк.

— Войти-то она войдет, — ответил Мандрия, — а вот развернуться и выйти обратно — это будет потруднее.

Ари задумчиво молчал, когда они оба направились обратно к машине. Он не сводил глаз с гавани. Уже смеркалось, когда они добрались до машины.

— Вы можете вернуться в Фамагусту. Мне нужно поглядеться кое с кем во Дворце, — сказал Ари, — и я не знаю, сколько времени у меня это займет. Я доберусь как-нибудь сам в Фамагусту.

При других обстоятельствах Мандрия обиделся бы, что его отпускают как какого-нибудь шофера, но у него уже стало входить в привычку получать распоряжения от Бен Канаана. Он включил зажигание и нажал на стартер.

— Мандрия. Вы оказали нам большую помощь. Спасибо.

Мандрия просиял, когда Ари пошел прочь. Это были первые дружеские слова, которые ему пришлось услышать из уст Бен Канаана. Они захватили его врасплох и глубоко тронули.

В столовой Дворца мягкие звуки штраусовского вальса сливались с громкой английской речью, звоном стаканов и шумом прибора, доносящимся с моря. Марк выпил кофе, вытер рот салфеткой и уставился поверх Китти на только что вошедшего рослого мужчину. Мужчина что-то говорил на ухо старшему официанту, а тот покачал в сторону столика, где сидел Марк. У Марка расширились зрачки, когда он узнал Бен Канаана.

— Марк, у тебя глаза, словно ты увидел призрак.

— Я и впрямь увидел. Вот он подходит. Нам предстоит в высшей степени интересный вечер.

Китти обернулась и увидела Ари Бен Канаана, нависшего как башня над их столиком.

— Я вижу, вы меня не забыли, Паркер, — сказал он и сел, не дожидаясь приглашения. Затем, обернувшись к Китти: — А вы, верно — миссис Кэтрин Фремонт.

Ари и Китти посмотрели друг другу в глаза. Никто глаз не отводил. Последовало несколько неловких мгновений, затем Ари поискал глазами официанта и подозвал его. Он заказал сэндвичи.

— Это Ари Бен Канаан, — сказал Марк, — мой старый знакомый. Я вижу, вы знакомы с миссис Фремонт.

— Ари Бен Канаан, — сказала Китти, — какое неуклюжее имя.

— Это по-иврит, миссис Фремонт. В переводе это значит: Лев, сын Канаана.

— Весьма загадочно!

— Напротив. Иврит — очень логичный язык.

— В самом деле? Я этого не замечала, — чуть иронически сказала Китти.

Марк смотрел то на одного, то на другую. Они только познакомились и уже между ними пошла та словесная канитель, в которую так часто пускался он сам. Видно, Бен Канаан задел какую-то струну в душе Китти, — приятную или неприятную, — потому что Китти обнажила когти.

— Странно, что вы не обратили внимания на логичность этого языка, — отвечал Ари. — Господь бог считал древнееврейский настолько логичным, что он велел написать библию именно на этом языке.

Китти улыбнулась и кивнула. Оркестр заиграл фокстрот.

— Танцуете, миссис Фремонт?

Марк откинулся на стуле и следил за тем, как Бен Канаан повел Китти к площадке, обнял ее и ловко повел в танце. Марку не нравилась искра, вспыхнувшая, когда они увидели друг друга. Ему было неприятно думать, что Китти такая же, как все, и готова заигрывать с мужчиной, как все. Они танцевали недалеко от его столика. На лице Китти застыло выражение какой-то растерянности; оно казалось неестественным.

Затем Марк подумал о самом себе. С тех пор как он прибыл на Кипр, его не покидало чувство, что здесь заваривается какая-то каша. Появление Бен Канаана только подтверждало эту догадку. Он достаточно хорошо знал палестинца и догадывался, что он один из главных агентов Мосада Алия Бет. Он знал также, что тот попросит его о чем-то; иначе он не стал бы искать встречи с ним. А Китти? Она интересовала его как его, Паркера, спутница, или было еще что-то другое?

Китти была рослая женщина, но в объятиях Ари Бен Канаана она чувствовала себя девчонкой. Она испытывала странное чувство. Появление этого атлетически сложенного, красивого мужчины сбilo ее с толку. Теперь, в его объятиях, всего лишь минуту после того, как они познакомились, она чувствовала какое-то странное освобождение. Это было приятное чувство; она уже много, много

лет его не испытывала. В то же время ей все это казалось глупым.

Танец кончился, и они вернулись к столику.

— А я думал, что вы, палестинцы, умеете только плясать хору, — сказал Марк.

— Я слишком долго подвергался влиянию вашей культуры, — ответил Ари.

Принесли сэндвичи, и он принялся жадно есть.

Марк терпеливо ждал, когда он выложит перед ним цель своего прихода. Он внимательно посмотрел на Китти. Она уже овладела собой, хотя продолжала поглядывать искоса в сторону Ари, готовая каждую секунду к удару.

Наконец Ари перестал есть и невзначай бросил:

— Мне нужно поговорить кое о чем с вами обоими.

— Здесь, в самом логове неприятеля?

Ари улыбнулся. Он обернулся к Китти.

— Паркер не успел сказать вам, что в известных кругах мою деятельность считают крамольной. Время от времени англичане даже оказывают нам честь, называя нас «подпольем». Одна из первых мыслей, которые я стараюсь внушить новому члену нашей организации — это опасность, заключающаяся в полуночных свиданиях. Я бы сказал, что нет на свете более подходящего места для обсуждения моего дела к вам, чем вот это.

— Давайте пойдем хоть в мой номер, — сказал Марк.

Не успели они закрыть за собой дверь номера, как Ари перешел прямо к делу.

— Паркер, мы с вами можем оказать друг другу услугу.

— Я слушаю.

— Вы знакомы с лагерями для беженцев в Караолосе?

Марк и Китти кивнули.

— Я тут набросил план побега трехсот детей. Мы перевезем их сюда, а здесь, в Киренском порту, погрузим их на борт корабля.

— Ваши ребята уже давно занимаются нелегальной переправкой беженцев в Палестину. Это старо.

— Это будет ново, если вы мне поможете. Вы помните, какую бурю вызвало наше нелегальное судно «Обетованная земля»?

— Конечно, помню.

— Англичане неплохо получили тогда по шапке. У нас такое чувство, что если нам удастся спровоцировать еще один такой инцидент, как тогда с «Обетованной землей»,

то мы сможем заставить их отказаться от своей иммиграционной политики в Палестине.

— Я вас плохо понимаю, — сказал Марк. — Если вам даже удастся устроить массовый побег из Караолоса, то как же вы доставите людей в Палестину? Если же вы их доставите, то мне-то что перепадет от этого?

— В том-то и все дело, — сказал Ари, — что никуда дальше борта корабля и дальше Кирении они не попадут. Я вовсе не собираюсь переправить их в Палестину.

Марк потянулся вперед. Это становилось интересным; в плане Бен Канаана явно крылось больше, чем казалось на первый взгляд.

— Положим, — сказал Ари, — что из Караолоса сбегут триста сирот, и мы их погрузим на корабль здесь в Кирении. Положим дальше, что англичане нас накроют и не дадут судну сняться с якоря. Теперь положим, вы напишете заранее репортаж обо всем этом, и этот репортаж лежит у вас где-то в Париже или Нью-Йорке. В ту самую минуту, когда дети будут все погружены на корабль, ваш репортаж появляется под аршинным заголовком на первой странице всех сколько-нибудь важных газет.

Марк свистнул. Как большинство американских корреспондентов, он сочувственно относился к беженцам. Марк получит сенсационный материал, Бен Канаан получит гласность и вытекающую из нее пользу. Но достаточно ли сенсационным будет материал, и стоит ли ему связываться со всем этим? Дополнительной информации ему ждать было неоткуда, посоветоваться он ни с кем не мог; он сам должен все обдумать и решить. Ари дал ему понюхать ровно столько, чтобы возбудить его аппетит. Задавать палестинцу дополнительные вопросы значило бы уже согласиться. Марк посмотрел на Китти. Она ничего не понимала.

— А как вы собираетесь устроить побег трехсот детей из Караолоса и доставить их в Кирению?

— Значит, вы согласны?

— Это значит только, что мне интересно знать. Ни к чему это меня еще не обязывает. Но вот вам мое слово, что если я не дам вам своего согласия, все равно все, что будет сказано в этой комнате, здесь и останется.

— С меня этого достаточно, — сказал Ари.

Он уселся на краю низенького комода и изложил свой план побега пункт за пунктом. Марк наморщил лоб. План

был смелый, отважный, прямо-таки фантастический. И несмотря на это — гениально простой. Все, что ему нужно было сделать, это — написать репортаж, переправить его каким-нибудь образом в лондонское или в парижское отделение АСН, а когда он подаст заранее обусловленный знак, репортаж появится в газетах, и это произойдет в тот самый момент, когда состоится побег.. Ари кончил, и Марк некоторое время обдумывал его.

Он закурил сигарету, прошелся по комнате и стал забрасывать Ари вопросами. Ари, казалось, все предусмотрел. Да, здесь таилась возможность целой серии сенсационных репортажей. Марк пытался взвесить, какие шансы на успех у невероятного плана Ари. Получилось не больше, чем половина на половину. Марк принял во внимание, что Ари очень умный парень, что он знает английские порядки на Кипре как свои пять пальцев. Ему было известно также, что у Ари есть помощники, которым такое дело вполне по плечу.

— Я вступаю в игру, — сказал Марк.

— Прекрасно, — ответил Ари. — Я так и знал, что вы не упустите такой возможности.

Он повернулся к Китти.

— Миссис Фремонт, неделю тому назад вам предложили работу в детской секции. Вы обдумали это предложение?

— Я решила отклонить его.

— Может быть, вы еще раз подумаете; чтобы, так сказать, помочь Паркеру?

— Нет, на что вам Китти? — вмешался Паркер.

— Все учителя, няни и прочие работники с воли — евреи, — ответил Ари, — и мы должны исходить из предположения, что все они у англичан на подозрении.

— На подозрении в смысле чего?

— Сотрудничества с Мосадом. Вы — христианка, миссис Фремонт. Нам кажется, что женщина вашего происхождения и вероисповедания будет пользоваться гораздо большей свободой действий.

— Другими словами, вы собираетесь использовать Китти в качестве курьера?

— Более или менее. Мы подделываем в лагере всякие документы, в которых мы нуждаемся вне лагеря.

Марк сказал: — Мне, пожалуй, лучше предупредить вас заранее, что я не пользуюсь особыми симпатиями анг-

личан. Не успел я спуститься с самолета, как адъютант Сатерленда уже явился ко мне засвидетельствовать свое почтение. Мне, правда, это вряд ли помешает, но если Китти пойдет работать в Караолос, они, пожалуй, заподозрят, что она пошла туда по моему заданию.

— Совсем напротив. Они будут совершенно уверены, что вы никогда не послали бы ее работать в Караолос.

— Может быть, вы и правы.

— Конечно я прав, — сказал Ари. — Допустим, что произойдет самое худшее; допустим, что миссис Фремонт попадется с подделанными бумагами. Она решительно ничем не рискует. Будет, конечно, неловко; ее возьмут, пожалуй, под наблюдение или выпроводят с Кипра.

— Минуточку, — сказала Китти. — Я слышала, как вы тут распоряжаетесь моей судьбой. Мне очень жаль, что мне вообще пришлось присутствовать при этом разговоре. Я не собираюсь идти работать в Караолос, мистер Бен Канаан, и я не хочу быть замешанной в ваших делах.

Ари бросил быстрый взгляд на Марка. Тот только пожал плечами.

— Она совершеннолетняя.

— Я думал, вы с Паркером друзья.

— Мы и есть друзья, — сказала Китти, — и я вполне понимаю, что он заинтересован в этом деле.

— Не понимаю, как это вы можете не быть заинтересованной в этом деле. У нас сейчас конец 1946-го года. Еще через несколько месяцев мы будем праздновать вторую годовщину победы. Между тем множество людей все еще находится за колючей проволокой и в нечеловеческих условиях. В Караолосе есть дети, которые просто не представляют себе жизни вне колючей проволоки. Если мы не заставим англичан отказаться от своей политики, у них есть шансы остаться на всю жизнь за колючей проволокой.

— Вот именно, — возразила Китти, — все, что имеет отношение к Караолосу, безнадежно связано с политикой. Я уверена, что у англичан есть свои соображения. Я не хочу принимать чью-либо сторону.

— Миссис Фремонт. Я был капитаном в английской армии и награжден крестом за отвагу. Хоть и пошло, а скажу все-таки, что некоторые мои лучшие друзья — англичане. У нас имеются десятки английских солдат и офицеров, несогласных со всем тем, что делается в Палестине

и помогающих нам днем и ночью. Тут политика ни при чем, здесь речь идет просто о человечности.

— Я сомневаюсь в вашей искренности. С чего бы вы стали рисковать жизнью трехсот детей?

— У большинства людей имеется цель в жизни, — сказал Ари. — В Караолосе жизнь лишена цели. Борьба за свободу — это цель. У нас в Европе четверть миллиона людей, желающих попасть в Палестину. Любой из них с радостью поднялся бы на борт судна в Кирении, если бы ему предоставилась такая возможность.

— Вы очень хитры, мистер Бен Канаан. Мне вас не переспорить. У меня нет на все готового ответа, как у вас.

— Я думал; вы медсестра, — иронически сказал Ари.

— В мире достаточно горя. Существуют тысячи мест, где моя работа так же нужна, как в Караолосе, с той только разницей, что там это не связано с политикой.

— Почему бы вам не съездить сначала в Караолос, а уж тогда решать?

— Вам не удастся перехитрить меня, и я не дам себя спровоцировать. Я работала сестрой в ночную смену на станции скорой помощи, и почти не проходило ночи, когда бы я не имела дела с искалеченными. Вам вряд ли удастся показать мне в Караолосе что-нибудь такое, чего бы я не видела раньше.

В комнате воцарилась тишина. Ари Бен Канаан глубоко вздохнул и поднял руки в знак того, что сдается.

— Жаль, — сказал он. — Через пару дней мы с вами увидимся, Паркер.

Он повернулся к двери.

— Мистер Бен Канаан, — сказала Китти, — а вы уверены, что я не выдам вашего плана нашим общим друзьям?

Ари вернулся и посмотрел ей прямо в глаза. Она сразу поняла, что сказала не то. Жесткая улыбка чуть скривила его губы.

— Мне кажется, это у вас просто заговорило женское самолюбие; вы хотите, чтобы последнее слово осталось за вами. Вообще же я не часто ошибаюсь в людях, просто не могу себе позволить этого. Мне нравятся американцы, у них еще не совсем вывелась совесть. Когда она прощется и у вас, вы сможете найти меня у господина Мандрии, и я буду очень рад показать вам Караолос.

— Вы очень уверены в себе, не так ли?

— Я бы сказал, — ответил Ари, — что как раз в эту минуту я более уверен в себе, чем вы.

Ари вышел из комнаты.

Прошло несколько долгих минут, прежде чем улеглось напряжение, вызванное этим неожиданным визитом.

Китти сбросила туфли и села на кровать.

— Вот тебе и интересный вечер!

— По-моему ты правильно сделала, что не ввязалась во все это.

— А ты?

— Я — другое дело. Тут всего на день работы, а может получиться целое дело.

— А если бы ты отказался?

— О, они нашли бы какого-нибудь другого журналиста в Европе и привезли бы его на Кипр. Они очень неглупый народ, и у них нет недостатка в средствах. Я им просто подвернулся под руку.

— Марк, — задумчиво сказала Китти, — не повела ли я себя глупо?

— По-моему, ты вела себя ничуть не глупее, чем вела бы себя на твоём месте любая другая женщина. — Марк хотел дать ей понять, что от него не ускользнуло, какое впечатление произвел на нее Ари.

— Гордый он. Когда ты с ним познакомился?

— Впервые я его встретил в Берлине в начале 39-го года. Это было мое первое поручение в качестве корреспондента АСН. Он находился там по заданию Мосада Алия Бет, чтобы вывезти из Германии как можно больше евреев, прежде чем начнется война. Ему тогда едва перевалило за двадцать. Затем я его встретил в Палестине: он служил тогда в английской армии. Это было во время войны, у него было какое-то секретное задание. После войны он то и дело появлялся в Европе то здесь, то там, закупал оружие, переправлял нелегально беженцев в Палестину.

— Ты серьезно думаешь, что из этой сумасшедшей затеи может что-нибудь выйти?

— Он толковый парень.

— Да, ты прав. Этот Бен Канаан несколько не похож на тех евреев, которых я знавала раньше. Ты, конечно, понимаешь, что я имею в виду. Вообще-то они ведь не очень отличаются... храбростью. Среди них не часто встретишь таких... вояк, что ли, и тому подобное.

— Вот как! Ты, я вижу, все еще не избавилась от добрых, старых предрассудков нашей родной Индианы. По-твоему, еврей — это Абраша, который женится на Сарочке.

— Марк, перестань! Я достаточно долго работала с врачами-евреями, чтобы знать какие они грубияны и хамы. Они не ставят нас ни во что.

— Ты что? У тебя, никак, комплекс неполноценности?

— Я бы не стала с тобой спорить, если бы ты говорил, скажем, о немцах, а не о них.

— Что ты этим хочешь сказать, Китти? Мы что же, чистые арийцы, по-твоему?

— Я хочу этим сказать, что ни один американский еврей не поменялся бы местом с негром, мексиканцем или индейцем.

— А я тебе говорю, что необязательно линчевать человека, чтобы узнать, что у него происходит внутри. О, конечно, евреям в Америке живется неплохо, но твое отношение к ним и других таких, как ты, а также тот факт, что они в продолжение двух тысячелетий были козлами отпущениями, все это не могло не наложить на них особый отпечаток. Впрочем, почему бы тебе не поговорить об этом с Бен Канааном? Он, кажется, знает, как нужно обращаться с тобой.

Китти сердито вскочила с кровати. Но тут они оба рассмеялись. Они ведь были Марк и Китти и просто не могли сердиться друг на друга.

— Кстати, что это такое Мосад Алия Бет?

— Слово «алия» обозначает «подниматься», «вставать», «взбираться». Когда еврей едет в Палестину, это всегда называют «алия», будто он поднимается. «Алеф» — это первая буква еврейского алфавита. Она всегда применяется для обозначения легальной иммиграции. «Бет», вторая буква алфавита, обозначает нелегальную. Поэтому Мосад Алия Бет означает в переводе «Организация для нелегальной иммиграции».

Китти улыбнулась.

— Господи, — сказала она, — до чего же логичен древнееврейский язык!

В течение двух дней, последовавших за визитом Ари Бен Канаана, Китти ходила какая-то встревоженная и беспоконная. Она не хотела признаться даже самой себе, что ей хотелось встретиться еще раз с рослым палестинцем. Марк хорошо знал Китти и понимал ее состояние, но делал

вид, будто никакого Бен Канаана вовсе не существовало.

Она не отдавала себе ясного отчета в том, что именно тревожило ее, кроме того факта, что посещение Бен Канаана оставило у нее сильное впечатление. Неужели это была та самая американская совесть, о которой говорил Бен Канаан, или может быть, она жалела о своей антиеврейской выходке?

Как-то она спросила Марка — не совсем, впрочем, случайно, — когда, собственно, он встретится с Ари? В другой раз она довольно неуклюже намекнула, что было бы хорошо съездить просто так в Фамагусту. Затем она опять рассердилась на самое себя и решила вовсе не думать больше об этом Бен Канаане.

На третий день Марк слышал, как она беспокойно ходила взад и вперед по своей комнате.

Она уселась в темноте в удобное кресло и, закурив сигарету, решила разобраться во всем этом деле.

Ее не особенно прельщала перспектива быть втянутой помимо своей воли в страшный мир Ари Бен Канаана. Ее отношение к жизни всегда отличалось трезвостью, даже расчетливостью. «Китти такая умница» — всегда говорили про нее.

Когда она полюбила Тома Фремонта и решила заполучить его, она действовала по хорошо обдуманному плану. Впоследствии она вела разумное домашнее хозяйство и расходовала разумно. Она решила, что дочь должна у нее родиться весной, и это тоже из разумных соображений. Она во всем предпочитала мгновенным импульсам хорошо обдуманные решения.

Она никак не могла взять в толк, что происходило с ней за эти последние два дня. Какой-то странный человек появился бог весть откуда и наговорил ей еще более странные вещи. Она видела перед собой жесткое, красное лицо Ари Бен Канаана с его пронзительным взглядом, читающим в ее душе, как в открытой книге и словно насмехающимся над нею. Она вспомнила, что она почувствовала, когда танцевала с ним.

Никакой логики во всем этом не было. Во-первых, Китти всегда чувствовала себя неловко в обществе евреев; она открыто признавалась в этом Марку. Но в таком случае, почему же все это не давало ей покоя?

Наконец она поняла, что она не успокоится, пока не встретится еще раз с Ари и не обойдет с ним лагерь для

беженцев в Караолосе. Она решила, что единственный путь, чтобы покончить со всем этим, — это новое свидание с ним, чтобы убедить самое себя, что никакой мистики во всем этом нет, а всего навсего преходящее увлечение. Она побьет Ари Бен Канаана его же оружием.

Марк не удивился, когда на следующее утро Китти попросила его за завтраком назначить свидание с Бен Канааном для осмотра лагеря в Караолосе.

— Родная, я был так рад, когда ты приняла такое разумное решение третьего дня. Пожалуйста, останься при нем!

— Я и сама не понимаю, что на меня нашло, — сказала она.

— Бен Канаан действовал наверняка. Он знал, что ты придешь. Не будь глупой. Если ты поедешь в Караолос, тебе уже не выпутаться. Послушай, хочешь — я тоже откажусь? Сейчас же и улетим отсюда.

Китти покачала головой.

— Твое любопытство наделает тебе бед. Ты всегда была такой благоразумной. Что с тобой случилось?

— В моих устах это звучит странно, не правда ли, Марк? Но у меня такое чувство, будто меня толкает на это какая-то непонятная сила. Но можешь не сомневаться, Марк: я еду в Караолос, чтобы покончить со всем этим..., а не начать.

Марк понял, что она попалась, хотя и не хочет в этом признаться. Он мог только надеяться, что ничего дурного ее не ждет впереди.

Г Л А В А 10.

Китти протянула пропуск английскому вахтеру у ворот и прошла в секцию № 57 лагеря в Караолосе, расположенную ближе всего к детской зоне.

— Вы миссис Фремонт?

Она обернулась, кивнула и посмотрела на улыбающегося человека, протянувшего ей руку. Она подумала, что он производит гораздо более приятное впечатление, чем его соотечественник.

— Меня зовут Давид Бен Ами, — сказал он. — Ари попросил меня встретить вас. Он придет сам через несколько минут.

— А что означает «Бен Ами»? С некоторых пор я интересуюсь еврейскими именами.

— Оно означает «Сын моего народа», — ответил он. — Мы очень надеемся на вашу помощь для проведения «операции Гедеон».

— Операции Гедеон?

— Да, так я назвал план Ари. Вы еще не забыли закон божий, книгу судей? Гедеон должен был отобрать отряд для сражения с мидьянитами. Он отобрал человек триста. Мы тоже отобрали триста, чтобы сразиться с англичанами. Возможно, параллель слишком натянутая. Ари находит, что я опять впал в сентиментальность.

Китти приготовилась провести трудный вечер; теперь этот мягко улыбающийся юноша обезоружил ее. Навстречу шел огромный мужчина, в котором Китти безошибочно угадала Ари Бен Канаана. Она набрала полные легкие воздуха и старалась подавить волнение, которое, она чувствовала, поднималось в ней, как и в первый раз.

Он остановился перед ней, и они кивнули друг другу. Она без слов дала ему понять, что, хотя она и приняла вызов и явилась, но сдаваться она не думает.

В 57-ой секции жили главным образом пожилые и очень набожные люди. Они медленно прошли между двумя рядами палаток, битком набитых грязными и вконец опу-

стившимися людьми. Воды мало, — пояснил Бен Ами, — пойти в баню практически нет возможности. Питание плохое. Люди ходили худые, некоторые злые, некоторые просто растерянные; на всех лицах лежала печать обреченности.

Они остановились на минуту у открытой палатки, где старик с изможденным лицом что-то стругал у входа. Он показал ей свою работу. Это была пара молитвенно сложенных рук, связанных колючей проволокой. Ари зорко наблюдал за Китти, стараясь уловить малейшую реакцию.

Все здесь было грязно, гнило и отвратительно, но Китти приготовилась к гораздо худшему. Она начинала верить, что никакой мистической власти у Ари над ней нет.

Они остановились еще раз и заглянули в палатку побольше, служившую молельней. Над входом был прибит грубо выстроганный символ Меноры, ритуального подсвечника. Ей представилось странное зрелище: старики качались взад и вперед, напевая непонятные молитвы. Для Китти все это было словно из другого мира. Её взгляд остановился на одном особенно грязном, бородатом старике, навзрыд и горестно плакавшем.

Давид взял ее за руку и вывел из палатки.

— Глубокий старик, — сказал Давид, — что вы хотите. Он беседует со своим богом, рассказывает ему, как он прожил жизнь безгрешно, блюдя все его законы, веря в святую Тору и безропотно перенося любые ниспосланные испытания. Он просит бога избавить его от страданий: он этого вполне заслужил своей праведной жизнью.

— Эти старики, — сказал Ари, — никак не поймут, что единственный мессия, способный избавить их от страданий, — это штык на конце винтовки.

Китти посмотрела на Ари — в нем было что-то нечеловеческое.

Ари почувствовал неприязненный взгляд Китти. Он схватил ее за руку.

— Вы знаете, что такое «Зондеркомандо»?

— Ари, не надо..., — сказал Давид.

— «Зондеркомандо» — это бригада людей, которых немцы заставляли работать в крематориях. Мне бы хотелось показать вам здесь другого старика. Он выгреб кости своих собственных внуков из печи в Бухенвальде и отвез их на тачке. Признайтесь, миссис Фремонт, видели ли вы на своей станции скорой помощи что-нибудь похлеще?

У Китти переворачивались внутренности. Однако тотчас же взяла верх обида, и она, чуть ли не плача, выпалила:

— Вы действительно не остановитесь ни перед чем.

— Я не остановлюсь ни перед чем, чтобы только показать вам, в каком отчаянном положении мы находимся.

Не говоря ни слова, они только зло посмотрели друг на друга.

— Пойдем, что ли, в детскую зону, — сказал он наконец.

— Давайте, чтоб уж скорее покончить со всем этим, — ответила Китти.

Все трое прошли по мосту над колючей проволокой в детскую зону, и их глазам представился жестокий урожай, возвращенный войной. Они прошлись по зданию стационара вдоль длинных рядов коек, где лежали туберкулезные дети; зашли в другие отделения, мимо искривленных от рахита суставов, лиц, окрашенных желтухой, незаживающих гноящихся ран. Они зашли также в закрытое отделение, битком набитое детьми с остекленевшими глазами, из которых смотрело безумие.

Они обошли палаты подростков, которые должны были кончить школу в 1940—1945 годах. Абитуриенты гетто, студенты концентрационных лагерей, аспиранты послевоенных развалин; бездомные сироты без отца и матери. Бритые головы прошедших дезинсекцию и отрепье; лица, на которых застыл ужас; мочащиеся под себя и дико орущие ночью. Плаксивые дети и злобные подростки, оставшиеся в живых только благодаря хитрости.

Они кончили осмотр.

— У вас тут превосходный медицинский персонал, — сказала Китти, — и этот детский лагерь прекрасно обеспечен всем.

— Не англичанам мы обязаны этим, — бросил Ари. — Все это — пожертвования своих же.

— Так что же из этого? — сказала Китти. — По мне, пусть даже манна небесная. Я пришла сюда потому, что моя американская совесть велела мне прийти. Теперь у меня совесть чиста. Я ухожу.

— Миссис Фремонт... — сказал Давид Бен Ами.

— Не спорь, Давид. У некоторых людей уже один наш вид вызывает отвращение. Проводи миссис Фремонт.

Давид и Китти пошли по палаточной улице. Она украд-

кой обернулась и посмотрела на глядящего ей вслед Ари. Ей хотелось выйти как можно скорее. Ей хотелось вернуться к Марку и забыть все эти ужасы.

Из одной палатки побольше, мимо которой они как раз проходили, до нее донесся громкий смех. Это был счастливый детский смех, и он звучал здесь как-то неуместно. Из любопытства Китти остановилась у палатки и прислушалась. В палатке какая-то девушка читала вслух сказку. Голос у нее был чудесный.

— Это исключительная девушка, — сказал Давид. — Она просто творит чудеса среди детей.

Опять раздался детский смех.

Китти подошла ко входу в палатку и отогнула брезент. Девушка сидела спиной к ней. Она сидела на деревянном ящике, нагнувшись к керосиновой лампе. Вокруг нее с широко открытыми глазами сидело человек двадцать детей. Они все подняли головы и уставились на вошедших.

Девушка прервала чтение, обернулась и встала, чтобы приветствовать гостей. Лампа замигала от сквозняка и бросала причудливые тени на детские лица.

Китти и девушка стояли друг против друга. Глаза у Китти были широкие, словно она увидела привидение.

Она быстро вышла из палатки, затем остановилась, вернулась и еще раз заглянула в палатку на изумленную девушку.

— Я хочу поговорить с этой девушкой, и наедине, — сказала она наконец срывающимся голосом.

Подошел Ари. Он кивнул Давиду.

— Отведи девушку в здание школы. Мы будем ждать вас там.

Ари зажег фонарь в классной комнате и закрыл дверь. Китти стояла молча, бледная.

— Эта девушка напоминает вам кого-то, — внезапно сказал Ари.

Она не отвечала. Он посмотрел в окно и увидел приближающиеся тени Давида и девушки. Он еще раз взглянул на Китти и вышел из комнаты.

Оставшись одна, Китти мотнула головой. Это было какое-то наваждение. Зачем она пришла сюда? Зачем только она пришла? Она изо всех сил старалась овладеть собой, чтобы устоять перед взглядом этой девушки.

Дверь открылась, и Китти вся напряглась. Девушка робко вошла в комнату. Китти всматривалась в черты ее

лица, с трудом подавляя желание броситься к ней и обнять ее.

Девушка с любопытством смотрела на нее; казалось, она что-то понимала, в ее глазах было сочувствие.

— Меня зовут... Кэтрин Фремонт, — срывающимся голосом сказала Китти. — Ты понимаешь по-английски?

— Да.

Какая прелесть эта девушка! Ее глаза засияли, она улыбнулась и протянула Китти руку.

— Я... я — медсестра. Мне хотелось поговорить с тобой. Как тебя зовут?

— Меня зовут Карен, — ответила девушка. — Карен Ханзен Клемент.

Китти присела и предложила девушке сесть тоже.

— А сколько тебе лет?

— Скоро шестнадцать, миссис Фремонт.

— Пожалуйста, зови меня Китти.

— Хорошо, Китти.

— Я слышала... ты тут работаешь с детьми.

Девушка кивнула.

— Это чудесно. Ты понимаешь... я... я, может быть, тоже буду работать здесь... Мне бы хотелось знать о тебе все. Ты не возражаешь?

Карен улыбнулась. Она сразу полюбила Китти и инстинктивно почувствовала, что Китти ужасно хочет, чтобы она ее полюбила; ей это просто необходимо.

— Собственно, — начала Карен, — я из Германии... из Кельна. Но это было давно...».

Г Л А В А 11.

КЕЛЬН, ГЕРМАНИЯ, 1938 ГОД.

Жизнь — чудесная штука, когда тебе семь лет и твой папа — знаменитый профессор Йоганн Клемент, а в Кельне как раз карнавал. Карнавал вообще хорошая штука, но еще лучше — прогулка с папой даже в будни. Можно пройтись под липами вдоль Рейна, пойти в зоопарк, где самые замечательные на свете обезьяны, а можно также прогуляться к собору и смотреть на башни, доходящие чуть ли не до самого неба. Лучше же всего — отправиться с утра с папой и Максимилианом в городской парк. Максимилиан — самая замечательная собака в Кельне, несмотря на то, что у него несколько странная внешность. В зоопарк Максимилиану, конечно, нельзя.

Иногда берут с собой и Ганса на прогулку, но вообще с маленьким братом всегда куча хлопот.

И коль уж ты такая хорошая девочка, то ты любишь, конечно, и маму тоже и тебе хочется взять и ее на прогулку с папой, с Гансом и с Максимилианом, но мама опять беременна и чувствует себя неважно последнее время. Было бы хорошо, если бы родилась сестричка; хватит с нее одного брата.

По воскресеньям все, кроме бедняжки Максимилиана — он остается, чтобы охранять дом — садятся в машину и папа едет вдоль Рейна к бабушке в Бонн. Каждое воскресенье у бабушки собирается много дядей, теток, двоюродных братьев и сестер, а бабушка готовит сотни вкусных вещей.

Скоро, когда настанет лето, они отправятся в путешествие вдоль берега на север или в Шварцвальд или в Баден-Баден с фонтанами и Парк-Отелем. Какое смешное название «Баден-Баден»!

Профессор Йоганн Клемент — ужасно важное лицо. В университете все снимают перед ним шляпу, кланяются и улыбаются ему.

— Доброе утро, герр доктор!

По вечерам приходят еще профессора со своими женами, а иногда еще человек 15—20 студентов, и в папиной комнате тогда негде повернуться. Они поют и спорят и пьют пиво всю ночь напролет. Когда у мамы еще не было живота, она с удовольствием шутила и танцевала с ними тоже.

Сколько есть на свете чудесных вещей и запахов, и звуков для счастливой девочки семи лет!

Всего же лучше были вечера, когда не было гостей, а у папы не было ни работы, ни лекций. Тогда вся семья собиралась у камина. Господи, какое это было счастье сидеть у отца на коленях, смотреть в огонь, чувствовать запах его трубки и слушать его мягкий, низкий голос, когда он читал сказку.

В эти тридцатые годы происходило много странных и непонятных вещей. Люди словно чего-то боялись и говорили шопотом — в особенности в университете. Но — все это пустяки, когда наступает карнавал.

У профессора Йоганна Клемента было над чем задуматься. В дни повального безумия нужно сохранить ясную голову. Клемент был убежден, что ход дел в человеческом обществе подчиняется таким же непреклонным законам, как прилив и отлив. Бывали приливы страстей и ненависти, бывали даже приливы полнейшего безумия. Достигнув высшей точки, они низвергались и распадались в ничто. Всему человечеству приходилось существовать в этом беспокойном океане, за исключением небольшой горстки, обитающих на таком высоком острове, что о нем разбивались все приливы и отливы, составляющие человеческую историю. Университет, так рассуждал Йоганн Клемент, был как раз таким священным островом.

Когда-то, в средние века, во времена крестовых походов, тоже был такой прилив ненависти; крестоносцы поголовно истребляли тогда евреев. Но прошло то время, когда на евреев возлагали ответственность за чуму или обвиняли в отравлении христианских колодцев. В период просвещения, последовавший за французской революцией, сами христиане разрушили стены гетто. В эту новую эру евреи и величие Германии были неразрывно связаны между собой. Евреи подчинили собственные интересы более высоким интересам всего человечества; они старались раствориться в обществе. И каких великих людей они да-

ли миру! Гейне и Ротшильд, Карл Маркс и Мендельсон и Фрейд. Этот список можно продолжить без конца. Эти люди были, как и Йоганн Клемент, прежде всего и больше всего немцами.

Антисемитизм так же стар, как и человечество, рассуждал Йоганн Клемент. Он был частью бытия — чуть ли не естественный закон. Вариировали только его степень и разновидности. Конечно, лично ему жилось гораздо лучше, чем евреям в восточной Европе или в полуварварских условиях Африки. Остроконечные шапки и франкфуртский погром принадлежали к другому веку.

Пусть Германию захлестывает сейчас новая волна; он и не думает отвернуться от нее и бежать. И подавно не перестанет верить, что немецкий народ со своим великим культурным наследием рано или поздно разделается с преступными элементами, временно захватившими власть в стране.

Йоганн Клемент зорко следил за событиями. Все началось с истошного крика, затем пошли печатные намеки и обвинения, затем был объявлен бойкот евреев, затем — открытые преследования, избиения, выдергивание бород, затем — ночной террор гитлеровцев, наконец — концентрационные лагеря.

Гестапо, Эсэс, Эсдэ, Крипо, Служба безопасности рейха. Вскоре каждое немецкое семейство находилось под несусыпным надзором нацистов, и мертвая хватка все более и более сжималась, пока были задушены и уничтожены последние остатки сопротивления.

Тем не менее профессор Йоганн Клемент, как и большинство евреев в Германии, продолжал верить, что лично его эта новая угроза не коснется. Еще его дед преподавал в этом университете. Это был его, Йоганна Клемента, остров, его святая святых. Он полностью считал себя немцем.

Никогда ей не забыть этого воскресенья. Все собрались в доме бабушки в Бонне. Даже дядя Инго проделал весь путь из самого Берлина. Детей отпустили играть во дворе, и дверь гостиной закрыли.

На обратном пути в Кельн ни мама, ни папа не сказали ни единого слова. Взрослые ведут себя иногда как дети. Не успели вернуться домой, как ее и Ганса тут же уложили в постель. Эти тайные разговоры происходили все чаще и чаще, и если постоять у двери и чуточку ее при-

открыть, можно было расслышать все. Мама была ужасно расстроена. Папа был спокоен как всегда.

— Йоганн, милый, нам нужно что-то предпринять. На этот раз беду не пронесет мимо. Дело дошло до того, что я просто боюсь выйти на улицу с детьми.

— Это ты, вероятно, из-за беременности сгущаешь краски.

— Вот уже пять лет, как ты все уверяешь, что все образуется. А положение становится все хуже и хуже.

— Пока я работаю в университете... мы в безопасности.

— Ради бога, Йоганн! Перестань ты тешить себя иллюзиями. У нас не осталось ни одного друга. Даже студенты к нам больше не заходят. Все наши знакомые боятся сказать с нами слово.

Йоганн Клемент закурил трубку и вздохнул. Мирьям прикорнула у его ног и положила головку ему на колени. Он погладил ее по волосам. Рядом у камина потягивался и зевал Максимилиан.

— Я так стараюсь быть такой же храброй и рассудительной, как ты, — сказала Мирьям.

— Мой отец и мой дед учили здесь. Я родился в этом доме. Вся моя жизнь, все, к чему я стремился в жизни, все, что я любил в жизни, все это находится в этом доме. Мое единственное желание, чтобы и Ганс любил все это так же, как любил я. Иногда я задаю себе вопрос: честно ли я поступил по отношению к тебе и к детям, но что-то в моей душе не дает мне бежать. Потерпи еще немножко, Мирьям..., это пройдет... пройдет...

19-го ноября 1938 года.

200 синагог сожжено!

2000 еврейских домов разрушено!

8000 еврейских магазинов разграблено!

50 евреев убито!

3000 евреев искалечено!

20000 евреев арестовано!

Начиная с этого дня ни один еврей не имеет права состоять в каком бы то ни было союзе или объединении!

Начиная с этого дня ни один еврейский ребенок не имеет права посещать государственную школу!

Начиная с этого дня ни один еврейский ребенок не имеет права входить в общественный парк или на детскую площадку!

Все евреи в Германии облагаются особой денежной повинностью в сумме полтора миллиона марок!

Начиная с этого дня все евреи обязаны носить желтую повязку с шестиконечной звездой!

Было трудно представить себе положение хуже этого. Однако прилив поднимался все выше и выше, пока волны не захлестнули наконец и остров Йоганна Клементя. В тот день маленькая Карен прибежала домой вся в крови, а в ее ушах гулко раздавалось слово «жид, жид, жид!».

Когда у человека такие глубокие корни и такая непоколебимая вера, разрушение этой веры равносильно катастрофе. Мало того, что он, Йоганн Клемент ошибся; он еще и навлек смертельную опасность на всю семью. Он кинулся искать какой-нибудь выход из положения, и поиски эти привели его в берлинское гестапо. Вернувшись из Берлина, он закрылся в своем кабинете на двое суток, сидя сгорбившись за письменным столом и не сводя глаз с какой-то бумаги, лежавшей перед ним. Эту чудодейственную бумагу ему преподнесли в гестапо. Один росчерк пера на этой бумаге избавил бы его и его семью от дальнейших неприятностей. В этой бумаге лежала судьба их всех. Он читал ее еще и еще, пока не знал наизусть каждое слово.

...На основании вышеуказанного расследования и неопровержимых фактов, вытекающих из него я, Йоганн Клемент, полностью убедился в том, что данные о моем рождении — подложны и не соответствуют действительности. Я не принадлежу и никогда не принадлежал к еврейскому вероисповеданию. Я — ариец и...

Подпиши! Подпиши! Сотни раз он брался за ручку, чтобы подписать эту бумагу. Сейчас не время для благородных порывов! Он никогда не был евреем... Почему бы ему не подписать?... Какая разница?... Почему не подписать?...

Гестапо дало понять Йоганну Клементу с предельной ясностью, что ему предоставляется возможность выбрать только одно из двух. Если он не подпишет бумагу и не согласится продолжать свою исследовательскую работу, то его семья сможет покинуть Германию только в том случае, если он сам останется заложником.

На третий день утром он вышел из своего кабинета

бледный и растерянный и посмотрел в испуганные глаза Мирьям. Затем он подошел к камину и бросил бумагу в огонь.

— Я не могу, — тихо сказал он. — Ты должна немедленно взять детей и выехать из Германии.

Он боялся теперь за каждую минуту, которую его семье осталось провести дома. Каждый стук в дверь, каждый телефонный звонок, звук приближающихся шагов вселял в него страх, какого он не знал до этого.

Он составил план. Прежде всего семья уедет во Францию и будет жить у его коллег-друзей. Мирьям вот-вот должна родить и не может ехать далеко. Когда она родит и встанет на ноги, они смогут поехать дальше — в Англию или в Америку.

Не все еще было потеряно. Когда семья будет в безопасности, он сможет подумать и о самом себе. В Берлине действовали несколько тайных обществ, специально занимавшихся переправкой за границу немецких ученых. Ему порекомендовали обратиться к одной такой организации — группе палестинских евреев, называвших себя Мосад Алия Бет.

Чемоданы уже были увязаны, в доме все уже было закрыто. Муж и жена просидели всю ночь молча, всей душой надеясь на какое-нибудь чудо, которое бы дало им небольшую отсрочку.

Но этой ночью, накануне отъезда, у Мирьям начались схватки. В роддом ее отвезти было нельзя; она родила дома в спальне. Родился еще один сын. Роды были трудные, и раньше двух-трех недель ей было не встать на ноги.

Паника охватила Йоганна Клемента. Ему мерещилось, что они попали в западню, из которой нет спасения.

В отчаянии он помчался в Берлин и отправился на Мейнекенштрассе, дом номер 10, где помещался Мосад Алия Бет. Это был настоящий бедлам; сотни людей толпились в коридоре, отчаянно пытаясь выбраться из Германии.

В два часа утра его повели в кабинет, где сидел смертельно усталый молодой человек. Его звали Ари Бен Канаан, он прибыл из Палестины, чтобы помочь евреям бежать из Германии.

Бен Канаан посмотрел на него покрасневшими от бессоницы глазами. Он вздохнул.

— Мы устроим вам побег, доктор Клемент. Идите до-

мой, мы вам сообщим. Я достану паспорт, визу... Нужно еще сунуть взятку кому следует. Это займет несколько дней.

— Речь идет не обо мне. Я не могу бежать. Жена тоже. У меня трое детей. Их вы должны вывезти.

— Их я должен вывезти, — перекричал его Бен Канаан. — Доктор, вы важное лицо. Может быть, мне удастся помочь в а м. Вашим детям я помочь не могу.

— Вы должны, вы обязаны! — закричал он.

Ари Бен Канаан ударил ку аком по столу и вскочил на ноги.

— Вы видели всех этих людей в коридоре? Все они хотят бежать из Германии, — он перегнулся через стол и чуть не дотронулся головой до Йоганна Клемента. — Пять лет тому назад мы просили, мы умоляли вас оставить Германию. Теперь, если вам даже удастся выехать, англичане все равно не пустят вас в Палестину. «Мы — немцы, мы — немцы, они нас не тронут!» — только и слышно было от вас. Господи боже мой, теперь-то что я могу сделать?

Ари глотнул и опустил на стул. Он закрыл на минуту глаза, лицо было бледное от усталости, как маска. Он достал пачку бумаг со стола и начал рыться в ней. Он вытащил какую-то бумагу.

— Вот у меня виза на выезд четырехсот человек детей. Многие датские семьи изъявили согласие принять их к себе. Мы как раз формируем здесь поезд. Одного вашего ребенка я возьму.

— У меня... у меня трое детей.

— А у меня десятки тысяч. Но у меня нет виз, у меня нечем пойти против британского флота. Я предлагаю вам отправить своего старшего ребенка, который лучше сможет позаботиться о самом себе. Поезд уходит завтра с потсдамского вокзала.

Карен, не выспавшись, прижимала к себе любимую куклу. Папа стоял перед ней на коленях. Даже в полудремоте она чувствовала чудесный запах его трубки.

— Это будет замечательное путешествие; не хуже, чем в Баден-Баден.

— Но я не хочу, папа.

— Ладно, ладно! С тобой поедет столько мальчиков и девочек.

— Мне не надо мальчиков и девочек. Я хочу быть с тобой, с мамой, с Гансом и Максимилианом. И я хочу посмотреть на своего нового братика.

— Послушай, Карен Клемент. Моя дочь не имеет права плакать.

— Не буду... обещаю. Папа, папочка, я ведь скоро вернусь, правда?

— Мы все надеемся, что скоро.

Какая-то женщина подошла сзади к Йоганну Клементу и дотронулась до его плеча.

— Извините, пожалуйста, — сказала она. — Поезд вот-вот тронется.

— Я пройду с нею в вагон.

— Нет, нельзя. Родители в поезд не допускаются.

Он кивнул, быстро прижал к себе Карен и отступил назад, кусая мунштук трубки до боли в зубах. Женщина взяла Карен за руку, но вдруг девочка остановилась и обернулась. Она протянула отцу свою куклу.

— Па, возьми куклу. Пусть она смотрит за тобой.

Толпы убитых горем родителей облепили вагоны, а уезжающие дети прижимались к окнам, визжа, махая ручонками, бросая воздушные поцелуи и отчаянно стараясь еще один единственный и последний раз посмотреть на своих родителей.

Он смотрел тоже, но не увидел ее.

Стальной поезд загрохотал и тронулся. Родители бежали вдоль перрона, выкрикивая последние слова прощания.

Йоганн Клемент стоял не двигаясь среди толпы. Когда последний вагон проехал мимо, он вдруг увидел Карен, спокойно стоявшую на задней платформе. Она приложила ручку к губам и бросила ему поцелуй, словно знала, что никогда его больше не увидит.

Ее тоненькая фигурка становилась все меньше и меньше, пока совсем исчезла. Он посмотрел на куклу в своих руках.

— Прощай, жизнь моя! — прошептал он.

Г Л А В А 12.

У Ааге и Меты Ханзен был чудесный домик в окрестностях Аалборга. Этот дом был словно создан для маленькой девочки, так как у них не было своих детей. Ханзены были значительно старше Клементов: Ааге начинал уже сесть, а Мета была далеко не такой красивой, как Мирьям; но все равно Карен чувствовала себя у них хорошо и уютно с той самой минуты, как они понесли ее, полусонную, в свою машину.

Поездка в Данию представлялась ей как злой кошмар. Она помнила только душераздирающий плач детей вокруг себя; все остальное утонуло во мраке: как они встали в ряд, как им прикрепили какие-то бумажки на груди, чужие лица, чужой язык. Затем — залы ожидания, автобусы, новые бумажки.

Наконец ее повели одну в какую-то комнату, где с нетерпением ждали Ааге и Мета Ханзен. Ааге опустился на колени, поднял ее и понес к машине, а Мета держала ее всю дорогу до Аалборга на коленях, поглаживала ее и ласково что-то говорила, и Карен поняла, что теперь она в безопасности.

Ааге и Мета выжидательно остановились у дверей заранее приготовленной комнаты, куда Карен только что вошла на цыпочках. В комнате было множество кукол, игрушек, книг, платьев и вообще все, о чем только может мечтать маленькая девочка. Вдруг Карен увидела на кровати маленькую лохматую собачку. Она опустилась на колени, поласкала ее, и собачка лизнула ее в лицо: она почувствовала ее мокрую мордочку у себя на щеке. Она обернулась и улыбнулась Ханзенам, те улыбнулись тоже.

Первые несколько ночей без папы и мамы были ужасны. Она сама удивлялась, как сильно она скучала по своему брату Гансу. Она едва дотрагивалась до пищи и больше сидела молча в своей комнате с собачкой, которую она назвала тоже Максимилианом. Мета Ханзен понимала. Ночью она ложилась с ней рядом, держала ее за

ручку и гладила ее, пока девочка не переставала всхлипывать и засыпала.

Всю последовавшую затем неделю не прекращался поток гостей. Они приносили подарки, устраивали целую возню вокруг Карен и разговаривали с нею на языке, которого она еще не научилась понимать. Ханзены ужасно гордились, и Карен делала все, что было в ее силах, чтобы угодить всем. Еще через несколько дней она впервые осмелилась выйти на улицу.

Карен очень привязалась к Ааге Ханзену. Он курил такую же трубку, как и ее папа, и любил прогулки. Аалборг был интересный город. Там тоже была река, как и в Кельне, только называлась она Лимфьорден. Господин Ханзен был юрист по профессии и очень важное лицо; казалось, все в городе знают его. Конечно, не такое важное, как ее отец... но таких вообще мало.

— Ну, Карен, ты прожила у нас уже почти три недели, — сказал однажды вечером Ааге. — Нам хотелось бы поговорить с тобой об одном очень важном деле.

Он сложил руки за спиной, заходил по комнате взад и вперед и говорил с нею так просто, что она все поняла. Он рассказал ей, что в Германии происходит много нехороших вещей, и ее папа и мама думают, что было бы лучше, если она останется некоторое время у них в Аалборге. Он понимает, сказал Ааге Ханзен, что они никогда не смогут заменить ей папу и маму, но так как бог не дал им детей, то они будут очень рады держать ее у себя и они бы очень хотели, чтобы и она была счастлива тоже.

Да, Карен поняла все очень хорошо. Она сказала Ааге с Метой, что она с удовольствием останется пока у них.

— И вот еще что, дорогая. Уж раз мы одолжили тебя у твоих родителей на некоторое время, и так как мы очень тебя любим, то не согласна ли ты одолжить у нас наше имя?

Карен задумалась. Ей показалось, что Ааге сказал ей не все. Его вопрос звучал так неестественно, повзрослому, точно так, как разговаривали папа с мамой за закрытыми дверями. Все же она кивнула и сказала, что она и на это согласна.

— Вот и прекрасно! Значит, ты теперь Карен Ханзен, хорошо?

Они взяли ее за руки, как всегда, повели ее в ее комнату и включили настольную лампу. Ааге еще поиграл с

нею немножко, пощекотал ее, Максимилиан тоже вскочил на кровать; она смеялась до колик в животе. Затем она полезла под одеяло и помолилась.

— Благослови, господи, маму и папу, и Ганса, и моего нового братика, и всех моих дядей и теток, двоюродных братьев и сестер... благослови, господи, Ханzenов — они такие хорошие — и благослови обоих Максимилианов.

— Я сейчас посижу с тобой еще, — сказала Мета.

— Спасибо. Но сидеть со мной не нужно. Максимилиан посидит.

— Тогда спокойной ночи, дорогая.

— Aage!

— Да?

— Датчане тоже не любят евреев?

Дорогой доктор и дорогая госпожа Клемент!

Неужели прошло уже шесть недель с тех пор как Карен у нас? Какой это исключительный ребенок! Ее учитель говорит, что она и в школе занимается прекрасно. Просто поразительно, с какой легкостью она усваивает датский. Я думаю, это потому, что она проводит много времени со сверстниками. У нее уже целая куча подруг.

Зубной врач посоветовал нам удалить у нее зуб, чтобы легче вырос новый. Пустяковое дело. Мы хотим, чтобы она брала уроки музыки. Мы еще напишем Вам об этом обстоятельнее.

Каждый вечер в своих молитвах...

К письму была приложена записка также и от Карен, написанная печатными буквами:

Дорогие мама, папа, Ганс, Максимилиан и мой новый братик: у меня нет слов, чтобы сказать Вам, как я соскучилась по всем...

Зимой Лимфьорден покрывается льдом, и можно кататься на коньках. Можно делать бабу, строить снежные дворцы, кататься на санках, а потом сидеть вечером у каминна, пока Ааге натрет тебе до красна замерзшие ноги.

Но зима прошла, Лимфьорден опять оттаял, все зазеленело и расцвело. Настало лето, они все поехали в Блохус к морю, и однажды они покатались все на парусной лодке, забравшись чуть ли не на сотню миль в море.

Жизнь у Ханzenов была разнообразная и полная событий. У нее был кружок «наилучших» подруг, и ей нрави-

лось ходить с Метой на рыбный базар, где так хорошо пахло, или стоять рядом на кухне и учиться печь пироги. Мета была мастерицей на все руки: она и шить умела, и уроки помогала готовить, и с такой любовью ходила за нею, когда она схватывала, бывало, грипп или ангину.

Ааге всегда улыбается и всегда готов взять ее на руки, он почти такой же добрый и умный, как папа. Ааге мог быть и ужасно строгим, когда обстоятельства этого требовали.

Однажды Ааге попросил Мету к себе в кабинет, когда у Карен был как раз урок танцев. Он был бледный и взволнованный.

— Мне только что сообщили из Красного Креста, — сказал он жене. — Они все исчезли. Бесследно. Вся семья. Я все перепробовал. Ничего нельзя узнать, что там делается.

— Ты думаешь, Ааге?...

— Что тут думать? Их всех отправили в концлагерь... если не еще хуже.

— О, господи!

Они так и не смогли заставить себя сказать Карен, что вся ее родня исчезла. Карен что-то заподозрила, когда не стало писем из Германии, но она слишком боялась задавать вопросы. Она любила Ханzenов и во всем доверяла им. Инстинкт подсказывал ей, что коли они сами не вспоминают про ее семью, то у них есть на это причины.

Кроме того, с нею происходило что-то странное. Карен, конечно, очень скучала по родным, но образ папы и мамы как-то все более и более расплывался. Когда восьмилетний ребенок оставляет своих родителей, вспоминать становится все труднее и труднее. Иногда Карен хотелось плакать от того, что она помнит своих родителей так смутно.

Спустя год она только с трудом могла представить себе то время, когда она не была Карен Ханзен и датчанкой.

РОЖДЕСТВО 1939 ГОДА.

В Европе шла война, и прошел год с тех пор, как Карен приехала к Ханzenам. Она пела своим звонким как колокольчик голосом рождественский гимн, а Мета аккомпанировала ей на рояле. После песен Карен подошла к шкафу в своей комнате, где она спрятала рождественский подарок, который она собственными руками изгото-

вила в школе. Она гордо поднесла им пакет, на котором печатными буквами было написано: МАМЕ И ПАПЕ ОТ ДОЧЕРИ КАРЕН.

8-ое АПРЕЛЯ 1940.

Стояла предательская ночь. Сквозь утренний туман до датских границ доносился гулкий топот солдатских сапог. На рассвете по затянутым туманом каналам поплыли баржа за баржей, набитые солдатами в серых касках. Немецкая армия бесшумно и с точностью робота пересекла границы и растеклась вдоль и поперек по всей Дании.

9-ое АПРЕЛЯ 1940.

Люди в растерянности наводняют улицы.

«Говорит датское радио. Сегодня в 4.15 немецкие вооруженные силы перешли наши границы в районе Сэда и Крусса!».

Ошеломленные молниеносной оккупацией датчане прильнули к радиоприемникам в ожидании того, что скажет король Христиан. Затем пришло сообщение: Дания капитулировала без единого выстрела в свою защиту. Падение Польши научило датчан, что всякое сопротивление бесполезно.

Мета Ханзен забрала Карен из школы и приготовилась бежать в Борнхольм или на какой-нибудь отдаленный остров. Ааге успокоил ее и уговорил остаться и подождать. Пройдут недели, даже месяцы, прежде чем немцам удастся наладить свою администрацию.

Вид свастики и немецких солдат поднял в душе Карен волну воспоминаний; вместе с ними явился страх. Все ходили растерянные в эти первые недели, один Ааге сохранял спокойствие.

Немецкие оккупационные власти обещали поначалу золотые горы. Датчане, говорили они, такие же арийцы, как и сами немцы. Они дескать рассматривают датчан, как своих младших братьев, и главная цель оккупации — это защита датчан от большевиков. Дания, говорили они, сможет самостоятельно распоряжаться внутренними делами страны, ей предназначено стать «образцовым протекторатом». Таким образом, после того как первое волнение улеглось, наступили опять более или менее нормальные дни.

Король Христиан, пользовавшийся всеобщей любовью, возобновил свои ежедневные прогулки верхом из копен-

гагенского дворца Амалиенбург. Он бесстрашно ездил по улицам, и народ следовал его примеру. Пассивное сопротивление стало лозунгом дня.

Ааге оказалась прав. Карен вернулась в школу и к урокам танцев, и жизнь в Аалборге вошла в прежнюю колею, словно ничего не случилось.

Наступил 1941 год. Восемь месяцев немецкой оккупации. С каждым днем становилось яснее, что напряжение между немцами и населением их «образцового протектората» все растет. Король Христиан беспрестанно раздражал немцев тем, что он их совершенно игнорировал. Датчане тоже старались игнорировать их, а то, еще хуже, издевались над их мероприятиями и смеялись над прокламациями. Чем больше датчане смеялись, тем немцы становились злее.

Если у датчан и были какие-то иллюзии в первые дни немецкой оккупации, то вскоре они рассеялись все до единой. Датские машины, датское продовольствие и датское стратегическое положение, все это занимало важное место в немецких военных планах. Дания должна была стать новым винтиком в немецкой военной машине. Имея пред глазами пример своих соседей, норвежцев, датчане организовали к середине 1941 года небольшое, но сильное движение сопротивления.

Доктор Вернер Бест, немецкий губернатор Дании, склонялся к умеренной политике по отношению к «образцовому протекторату», при условии, что датчане будут вести себя хорошо. Меры против датчан были мягкими по сравнению с мерами против народов других оккупированных стран. Тем не менее подполье неуклонно росло. Хотя бойцы Сопротивления не могли и думать о том, чтобы совершать нападения на немецкие воинские части или организовывать всеобщее восстание, они все же нашли способ, чтобы мстить немцам, а именно — саботаж.

Доктор Вернер Бест не ударился в панику. Он спокойно начал организовывать коллаборационистов среди датчан, надеясь противодействовать этим новой угрозе. Организованная немцами ГИПО (вспомогательная полиция) превратилась в банду датских террористов, которую бросали на карательные операции против собственного народа. За каждым актом саботажа следовала карательная экспедиция.

Проходили месяцы и годы немецкой оккупации. Карен

Ханзен справила свой 11-ый и 12-ый день рождения в провинциальном городке Аалборге, где жизнь протекала почти нормально. Сообщения об актах саботажа и редкие перестрелки вызывали лишь кратковременное волнение.

Карен постепенно становилась женщиной. Она испытывала первые радости и горести, сопровождающие чувство любви не к родителям или к подругам, а к мужчине. Избранником Карен был Могенс Соренсен, лучший футболист школьной команды, и она стала предметом зависти всех остальных девушек.

Ее незаурядные хореографические способности побудили ее учителя настаивать перед Метой и Ааге, чтобы они попытались устроить ее в копенгагенский королевский балет. Она одаренная девушка, говорил учитель, и ее танец выразителен не по годам.

В начале 1943 года Ханзены начали все более и более тревожиться. Датское движение сопротивления установило связь с генштабом союзных войск и передавало туда важнейшие сведения о расположении военных заводов и складов на территории Дании. Не ограничиваясь этим, бойцы сопротивления помогали бомбардировщикам британской королевской авиации при налетах на эти объекты.

Полиция и другие продавшиеся немцам террористы приступили к широким карательным мерам. По мере усиления этой деятельности Ааге начал задумываться все чаще и чаще. Происхождение Карен было известно всем в Аалборге. Хотя никаких мер против датских евреев еще не принимали, но это могло случиться со дня на день. Он не сомневался, что полиция донесла немцам все, касающееся Карен. В конце концов Мета и Ааге решили продать свой дом в Аалборге и перебраться в Копенгаген под тем предлогом, что у Ааге будет там большее поле деятельности, да и Карен там скорее сможет продолжать свои хореографические занятия.

Летом 1943-го года Ааге стал компаньоном в юридической фирме в Копенгагене. Они надеялись, что в огромном городе с его миллионным населением они легче смогут пройти незамеченными. Они достали подложное свидетельство о рождении, из которого явствовало, что Карен их родная дочь. Карен распрощалась с Моргенсом Соренсеном, испытывая все муки расставания с любимым.

Ханзены нашли очень хорошую квартиру на Сортедамс Доссеринген. Это была улица, утопающая в зелени, с

видом на искусственное озеро и с множеством мостов, ведущих в старый город.

Вскоре Карен привыкла к новой обстановке и полюбила Копенгаген. Это был сказочно красивый город. Карен, Ааге и Максимилиан прогуливались часами, знакомясь с достопримечательностями города. В нем было столько чудесных мест: можно было пройтись по порту мимо памятника русалки, вдоль Лангелиние или по пышным садам старого города или по парку Христианборгского дворца. Тут были каналы и узкие уютные аллеи со старыми пятиэтажными кирпичными домами, нескончаемые вереницы велосипедов и чудесный рыбный рынок на Гаммель-Штранде, такой большой и шумный, никакого сравнения с базаром в Аалборге.

Однако жемчужиной этого сказочного города было Тиволи — море мигающих огней с каруселями, театрами и ресторанами, с огромными цветниками, детским оркестром и Вивекс-рестораном, с фейерверками и бьющим через край весельем. Очень скоро Карен начала недоумевать, как она жила вдали от Копенгагена.

Однажды Карен вернулась домой бегом. Она побежала по лестнице вверх, вихрем ворвалась в дом, и бросилась обнимать Ааге, который как раз читал газету.

— Папа, папочка!

Она стащила его с кресла, обхватила и пустилась с ним в пляс. Затем она его бросила растерянного посреди комнаты и начала плясать сама, то и дело подбегая к нему и обнимая. В дверях появилась Мета и улыбнулась.

— Твоя дочь хочет сообщить тебе, что она принята в королевский балет.

— Вот как! — сказал Ааге. — Это же чудесно.

Этой ночью, когда Карен заснула, Мету было не унять.

— Они говорят, что она одна среди тысяч. Пять или шесть лет упорных занятий, и она станет звездой.

— Это хорошо... это очень хорошо, — сказал Ааге, стараясь не подавать вида, как гордится он сам.

Однако далеко не все в Копенгагене было так сказочно благополучно. Каждую ночь земля содрогалась от взрывов, устраиваемых подпольщиками, в воздухе полыхало пламя пожаров, раздавались выстрелы из винтовок и пулеметные очереди.

Саботаж!

Карательная экспедиция!

Полицан начали систематически разрушать все то, что было дорого датчанам. Наемные датские террористы взрывали театры, пивоваренные заводы и общественные здания. Датские подпольщики отвечали ударом на удар и уничтожали военные заводы, работающие на немцев. Очень скоро не стало ни дня, ни ночи, когда бы не раздавались взрывы и не взлетал в воздух какой-нибудь объект.

Во время немецких парадов улицы пустели. Датчанам не было дела до немецких праздников. Зато в каждый датский национальный праздник улицы были полны народа, и все носили траур. Ежедневные верховые прогулки престарелого короля стали сигналом сбора для сотен и сотен датчан, восторженно приветствовавших его и безавших за ним.

Положение становилось все более и более напряженным — и наконец произошел взрыв! Утром 29-го августа 1943-го года раздался взрыв, оглушивший всю Зеландию. Датский флот сам себя потопил, чтобы заблокировать судоходство по каналам.

Немцы пришли в бешенство. Они двинули войска к правительственным зданиям и к королевскому дворцу в Амалиенборге. Королевская гвардия оказала сопротивление. Возникла бурная перепалка, но тут же все было кончено. Место королевской гвардии в Амалиенборге заняли немецкие солдаты. В Данию налетела целая стая немецких генералов, эсэсовцев и гестаповцев, чтобы навести порядок в стране. Датский парламент был распущен, был опубликован ряд декретов. Образцовый протекторат перестал быть «образцом», если он им вообще когда-либо был.

Датчане ответили на мероприятия немцев усилением саботажа. Склады оружия и боеприпасов, заводы, мосты — все летело в воздух. Немцев охватила тревога. Саботаж датчан становился чувствительным.

Из немецкого оккупационного штаба, расположенного в Отеле Данглетэр пришел приказ: **все евреи обязаны носить желтую повязку с шестиконечной звездой.**

Этой же ночью подпольная радиостанция передала призыв ко всем датчанам: «Король Христиан дал из дворца в Амалиенборге следующий ответ на немецкий приказ о том, что евреи обязаны носить повязку с шестиконечной звездой. Король пояснил, что все датчане равны. Он сам наденет первую повязку и он надеется, что все лояльные датчане последуют его примеру.

На следующий день почти все жители Копенгагена носили повязку с шестиконечной звездой.

Еще через день немцы отменили приказ.

Хотя Ааге и не участвовал активно в движении сопротивления, но его компаньоны по фирме были руководящими членами подполья, и время от времени он получал информацию об их деятельности. В конце лета 1943 года его охватила сильная тревога, и он решил, что Мета должна что-то сделать с Карен.

— Я это знаю точно, — сказал Ааге жене. — В ближайшие месяцы немцы задержат всех евреев в Дании. Мы не знаем только, в какой точно день гестаповцы ударят.

Мета Ханзен подошла к окну и невидящими глазами смотрела на озеро и на мост, ведущий в старый город. День был на исходе, и Карен должна была вот-вот вернуться из балетной школы. Мета строила грандиозные планы, чтобы попышнее отпраздновать тринадцатый день рождения Карен. Это должно было стать незабываемым событием; предполагалось пригласить в Тиволи человек сорок детей.

Ааге зажег трубку и посмотрел на портрет Карен, стоявший у него на столе. Он вздохнул.

— Я ее не отдам, — сказала Мета.

— Но мы не имеем права...

— Тут ведь что-то совсем другое. Она ведь и не еврейка вовсе. У нас имеются бумаги, что она наша родная дочь.

Ааге положил руку на плечо жены.

— Кто-нибудь из Аалборга возьмет и донесет немцам.

— Они не станут заниматься этим. Ведь речь-то идет всего навсего о ребенке.

— Неужели ты их до сих пор не знаешь?

Мета резко обернулась.

— Мы устроим крещение и усыновим ее.

Ааге медленно покачал головой. Его жена опустила в кресло, кусая губы. Она с такой силой сжала ручки кресла, что руки у нее побелели.

— Что же теперь будет, Ааге?

— Мы тайно соберем всех евреев на зеландском берегу у проливов. Достанем столько лодок, сколько только сможем, и переправим их на лодках в Швецию. Шведы сообщили нам, что они их примут и позаботятся обо всех.

— Сколько ночей я лежала и думала об этом! Я пыта-

лась уверить себя, что бежать для нее опасней, чем остаться с нами. Я еще и сейчас убеждена, что с нами она будет в большей безопасности.

— Подумай, что ты говоришь, Мета!

Мета бросила на мужа взгляд, полный такой отчаянной решимости, какой он еще никогда у нее не видел.

— Я никогда не отдам ее, Ааге. Я просто не могу жить без нее.

Все датчане, к которым обратились за помощью, приняли участие в этой гигантской операции. Все еврейское население страны тайно собрали в Зеландии и переправили на лодках в Швецию, где им уже ничего не угрожало.

Несколько дней спустя немцы организовали по всей стране облаву на евреев, но им не удалось поймать ни одного.

Хотя Карен осталась с Ханзенами в Копенгагене, но ответственность за это решение лежала тяжелым грузом на совести Меты. С этого часа немецкая оккупация превратилась для нее в сплошной кошмар. Она приходила в панику от каждого нового слуха. Раза три или четыре она уезжала с Карен к родственникам в Ютландию.

Ааге принимал все более и более активное участие в движении сопротивления. Каждую неделю он пропадал из дому дня на три, на четыре. Для Меты это были нескончаемые ночи, полные ужаса.

Датское подполье, окрепшее и объединенное, направляло свои удары против немецкого транспорта. Каждые полчаса происходила диверсия на железной дороге. Вскоре вся железнодорожная сеть страны была забита взорванными эшелонами.

Полиция отомстили тем, что взорвали сады в Тиволи, столь дорогие сердцу каждого датчанина.

Датчане организовали всеобщую забастовку. Они высыпали на улицу, построили по всему Копенгагену баррикады, над которыми развевались датские, американские, английские и русские флаги.

Немцы объявили в Копенгагене осадное положение.

В немецком штабе в Отеле Данглетэр доктор Вернер Бест в иступлении визжал:

— Теперь это копенгагенское быдло почувствует у меня кнут!

Всеобщая забастовка была подавлена, но Соппротивление не прекращало своей деятельности.

19-ое СЕНТЯБРЯ 1944 ГОДА.

Немцы арестовали всю датскую полицию за неспособность справиться с народом и за их открытые симпатии к действиям, направленным против оккупационных властей. Соппротивление организовало смелое нападение на здание немецкого архива и уничтожило его. Было организовано изготовление легкого оружия, мужчины переправлялись в Швецию, где они вступали в датскую освободительную армию, беспощадно расправлялись с полицаями и с прочими изменниками.

В ответ на это полицаи и гестапо расстреливали без разбора направо и налево.

Затем из Германии хлынул через границу поток беженцев. Это были немцы, спасавшиеся от бомбежек, они наводнили страну и распоряжались всем, как у себя дома. Датчане презрительно поворачивали к ним спины.

В апреле 1945 года понеслись всевозможные слухи.

4-го МАЯ 1945 ГОДА.

— Мама, папочка! Война кончилась! Война кончилась!

Г Л А В А 13.

Победители вступили в Данию: американцы, англичане, датская армия освобождения. Это были незабываемые недели — неделя возмездия полицаям и датским квислингам, доктору Вернеру Бесту и гестапо. Неделя шумной, бьющей через край радости, достигшей своей высшей точки появлением престарелого короля Христиана на открытии сессии датского парламента. Его прерывающийся от волнения голос звучал хоть и устало, но гордо.

Для Меты и Ааге Ханзен неделя освобождения была омрачена новой печалью. Семь лет тому назад они спасли от смертельной опасности девочку и вырастили из нее цветущую молодую женщину. Какая она была прелесть! Карен была воплощением грации, красоты и веселья. У нее был чистый, приятный голос и танцевала она, словно у нее были волшебные крылья. А теперь наступил день страшного суда.

Когда-то, в припадке отчаяния, Мета Ханзен поклялась, что никогда не отдаст Карен. Теперь Мета Ханзен была жертвой своей собственной порядочности. Теперь приходилось воевать не с немцами, а с собственной совестью. И Ааге — в этом не могло быть сомнений — тоже падет жертвой своего датского чувства чести. Освобождение принесло им страх перед кошмарными ночами и пустотой, которая ждала их, как только у них не станет Карен. Ханзены сильно постарели за эти семь лет. Это стало особенно заметно, когда улеглось напряжение военных лет. Как бы им ни пришлось тяжело во время войны, они все же не разучились смеяться. Теперь же, когда вся страна смеялась, у них смех исчез. У них было одно единственное желание — смотреть на Карен, слышать ее, проводить в ее комнате часы, отчаянно стремясь накопить возможно больше воспоминаний на будущее.

Карен понимала, что происходит в их душе. Она любила Ханзенов. Ааге всегда и во всем поступал правильно. Она должна была ждать, пока Ааге заговорит первым. Первые две недели после освобождения молчание стано-

вилось все более тягостным. Наконец, однажды вечером после молчаливого ужина, Ааге встал из-за стола и положил салфетку. Его доброе лицо было все в морщинах, и голос звучал уныло и устало.

— Мы должны попытаться найти твоих родителей, Карен. Это наш долг.

Он быстро вышел из комнаты. Карен посмотрела ему вслед, затем через стол на Мету.

— Но ведь я люблю вас! — вскричала Карен. Она убежала в свою комнату, бросилась ничком на кровать и зарыдала, упрекая себя, что доставила им огорчение. Она упрекала себя, однако, еще и в другом. Она хотела знать, кто она такая. Несколько дней спустя они отправились в Международный Красный Крест.

— Это моя приемная дочь, — сказал Ааге.

Делопроизводительница работала всего лишь несколько недель после освобождения, но она уже вся исстрадалась от множества случаев, подобных этому. День за днем бедная женщина была свидетельницей душераздирающих трагедий. В Дании и Голландии, в Швеции, Бельгии и Франции супруги, подобные Ханзенам, прятавшие, спасшие и вырастившие детей, являлись за своей горькой расплатой.

— Я должна вас предупредить, что это длинное и трудное дело. В Европе миллионы перемещенных лиц. Мы не имеем ни малейшего понятия, как и когда нам удастся воссоединить все эти семьи.

Они оставили ей все имеющиеся у них данные, список всех известных им родственников Карен и письма. Так как у Карен была большая родня, и ее отец был известным человеком, то, по словам женщины, дело было не совсем безнадежным.

Прошла неделя, две, три. Прошел июнь, июль. Горестные месяцы для Ааге и Меты. Они все чаще и чаще оставались у открытой двери, ведущей в комнату Карен. Комната дышала молодостью и свежестью, и там так чудесно пахло. Там лежали ее коньки и балетный костюм, всюду висели портреты школьных подруг и примабалерин. Висел также портрет ее поклонника, молодого Петерсена.

Наконец их вызвали в Красный Крест.

— Я вынуждена сообщить вам, — сказала женщина, — что все наши справки остались безрезультатными. Это ни о чем, конечно, не говорит: все это очень трудно и сложно. Лично я категорически запретила бы Карен ехать сей-

час в Германию одной или даже в сопровождении господина Ханзена. В Германии царит полнейший хаос, и вы ничего не добьетесь там такого, чего мы не в состоянии узнать отсюда, — женщина как-то странно взглянула на всех троих. — Я должна предупредить вас еще об одном. Каждый день к нам поступают все новые сведения, из которых можно заключить, что там произошло что-то ужасное. Множество евреев убито. Мало-помалу выясняется, что речь идет о миллионах.

Это была новая отсрочка для Ханзенов, но одна мысль об этом приводила их в содрогание. Неужели девушка останется у них благодаря тому, что свыше пятидесяти человек ее родни погибло?! В нерешительности Ханзены склонялись то в одну, то в другую сторону. Решение приняла сама Карен.

Несмотря на то, что она очень любила Ханзенов, а те ее, между ними всегда стояла какая-то странная, невидимая стена. Давно, когда немецкая оккупация только началась, а ей было всего восемь лет, старик Ааге как-то сказал ей, что ей никогда не следует говорить о своем еврейском происхождении, потому что в этом заключается смертельная опасность. Карен послушалась его, как слушалась во всем, потому что она любила его и верила ему. Но хотя она и послушалась, однако не могла не задать себе вопроса — чем же она, собственно, отличается от других, и почему это отличие угрожает ее жизни? Этот вопрос она не могла задать никому другому, и потому он так и остался без ответа. Вдобавок Карен совершенно не общалась с другими евреями. Она чувствовала себя такой же, как и все, она внешне ничем от них не отличалась. И все-таки их разделяла эта невидимая пропасть.

Может быть все это рассосалось бы со временем само собой, но Ааге и Мета, сами того не ведая, не давали этой опухоли рассосаться. Ханзены были верующими лютеранами. Каждое воскресенье все трое отправлялись вместе в церковь, и каждый вечер Ааге читал ей перед сном из книги Псалмов. Карен очень дорожила маленькой библией в кожаном переплете — подарком Ханзенов к ее десятому дню рождения. Она очень любила эти чудесные сказки, в особенности рассказы из книги Судьей и Царей, где говорилось о любви, о войнах и прочих страстях. Читать Библию было так же интересно, как читать сказки Ганса Христиана Андерсена.

Но чтение библии только еще больше сбивало Карен с толку. Сколько раз она хотела поговорить об этом с Ааге. Ведь и Иисус был евреем, и его мать и все апостолы. В первой части библии, самой интересной, по мнению Карен, говорилось исключительно о евреях. Разве там не повторялось на каждом шагу вновь и вновь, что евреи были избраны самим господом богом для выполнения его велений?

Если все это правда, то почему же быть еврейкой так опасно? И почему евреев так ненавидели? Чем старше она становилась, тем упорнее она искала ответы на эти вопросы. Она вычитала, что бог часто наказывал евреев, когда они не были послушны. Неужто они на этот раз так сильно провинились?

Карен была любознательной от природы, и чем дальше, тем больше эти вопросы сбивали ее с толку. Библия стала ее тайным увлечением. В тишине своей комнаты она читала главу за главой, надеясь найти там ответы на мучившие ее вопросы.

Чем больше она читала, чем старше она становилась, тем более росла ее растерянность. Когда ей было 14 лет, она уже была в состоянии разобраться кое в каких главах и в их смысле. Почти все, чему учил Иисус, содержалось уже в Ветхом Завете. И тут возникал самый трудный вопрос. Она была уверена, что если бы Иисус вернулся на землю, он бы скорее пошел в синагогу, нежели в церковь. Как могли люди преклоняться перед Иисусом и ненавидеть его народ?

И еще что-то произошло в день ее 14-летия. В этом возрасте датские девочки проходят в церкви торжественную церемонию конфирмации. Карен жила все эти годы как датчанка и христианка, но Ханзены колебались в части конфирмации. Они долго обсуждали этот вопрос и пришли к заключению, что не имеют права вмешиваться в то, что постановлено самим небом. Они сказали Карен, что из-за войны и смутного времени конфирмацию лучше отложить. Однако Карен догадывалась об истинных причинах.

Когда она пришла в дом Ханзенов, она нуждалась в любви и защите. Теперь ее запросы этим уже не ограничивались: ей нужно было знать, кто она и откуда. Тайна, окружавшая ее семью и ее прошлое, совпадала с тайной, окружавшей ее еврейское происхождение. Чтобы стать

навсегда и во всем датчанкой, ей пришлось бы отказаться от ответа на эти вопросы. Теперь она этого уже не могла. Ее жизнь покоилась на слишком зыбком фундаменте; какая-то невидимая стена — ее прошлое и ее еврейство — всегда стояла между нею и Ханзенами.

Когда война подходила к концу, она знала, что ей придется расстаться с Ханзенами. Она заранее приготовилась к неизбежной разлуке. Годы, прожитые в роли Карен Ханзен, были всего лишь игрой. Она была полна решимости стать вновь Карен Клемент. Она пыталась воссоздать подробности прошлого, вспомнить отца, мать, братьев. В ее памяти вставали смутные образы без видимой связи. Она все снова и снова пыталась представить себе свою встречу с родными. Она сознательно заставляла себя тосковать по ним.

Когда война кончилась, Карен была готова ко всему. Однажды ночью, несколько месяцев после окончания войны, она сказала Ханзенам, что уезжает, чтобы найти своих родителей. Она сказала им, что была у той женщины из Красного Креста, и та думает, что у нее будет больше шансов, если она поедет в Швецию и поживет в каком-нибудь лагере для перемещенных лиц. В действительности шансы были там не больше, но она не могла больше мучить Ханзенов.

Карен болела душой не столько за себя, сколько за Ааге и Мету. Пообещав писать и мало надеясь на встречу когда-нибудь в будущем, Карен Ханзен-Клемент, в возрасте четырнадцати лет, бросилась без оглядки в бездонный людской водоворот, вызванный войной.

Г Л А В А 14.

Беспощадная действительность развеяла ее мечты. Первый месяц, который она провела вдали от Дании, был сплошным кошмаром. Всегда пестуемая и окруженная любовью, она жила теперь в непрерывном страхе. Но какая-то упрямая решимость заставляла ее продолжать свой путь.

Сначала она поехала в шведский лагерь, затем в какой-то бельгийский замок, который кишмя кишел бездомными, нищими бродягами. Бывшие узники концентрационных лагерей, беглецы, ушедшие в горы, в леса, в партизаны; рабы рабочих отрядов. Каждый день приносил смутные слухи, жуткие рассказы о пережитых ужасах. Каждый день был для Карен непрерывной цепью новых ударов. 25 миллионов погибло в этой страшной войне!

След вел в лагерь для перемещенных лиц Ля Сиотат, расположенный на берегу Лионского залива всего в нескольких милях от Марселя. Это был жуткий лагерь. В тесноте жались угрюмые бетонные бараки, утопавшие в море грязи. Беженцы все прибывали и прибывали. Лагерь был набит до отказа, нехватало всего, и тень смерти витала над всеми его обитателями. Для них вся Европа была сплошной могилой.

Геноцид! Пляска смерти шести миллионов жертв! Карен впервые услышала имена Франка и Мюллера, Гимлера и Розенберга, Штрейхера, Кальтенбрунера и Гейдриха. Она слышала имена тысяч людоедов поменьше: Ильзы Кох, приобретшей страшную известность тем, что она набила руку на изготовлении абажуров из татуированной человеческой кожи; о Дитере Вислицены, быке-провокаторе, ведшем стадо за стадом под нож; о Крамере, специализировавшемся на избивании кнутом голых женщин — в лагере было несколько женщин, носивших на себе следы его истязаний. Все чаще и чаще произносилось имя самого остервенелого палача — Эйхмана, этого палестинского немца, по слухам, говорящего якобы свободно по-иврит, и мастера геноцида.

Карен проклинала тот день, когда она приподняла роковую завесу, на которой было написано слово «еврей»: за этой завесой притаилась смерть. Одна за другой подтверждались вести о гибели еще какого-нибудь дяди, брата, тетки.

Геноцид — проведенный в жизнь с точностью и эффективностью машины. Сначала немцы действовали неуклюже: они просто расстреливали. Это было чересчур хлопотно. Тогда они мобилизовали транспорт и ученых для организации этого дела. Были придуманы душегубки, в которых люди умерщвлялись газами в пути следования на кладбище. Но и душегубки действовали слишком медленно. Тогда были построены печи и газовые камеры производительностью в две тысячи трупов за полчаса; в лагерях побольше производительность нередко доходила до десяти тысяч. Организация массового истребления удалась на редкость, и машина геноцида заработала полным ходом.

Карен слышала о тысячах заключенных, бросившихся на колючую проволоку, через которую шел ток высокого напряжения, чтобы только избежать газовых камер.

Карен слышала о сотнях тысяч людей, превратившихся от болезней и голода в скелеты, брошенных в ямы вперемежку с дровами, облитых бензином и сожженных заживо.

Карен слышала о трюках, применяемых к матерям, чтобы отнять у них детей под предлогом переселения из барака в барак. Она слышала об эшелонах до отказа набитых стариками и больными. Карен слышала о дезокамерах, где заключенным давались в руки кусочки мыла. Эти помещения были в действительности газовыми камерами, а кусочки мыла были всего лишь камушки.

Карен слышала о матерях, прятавших своих детей в отрепье, которое они оставляли на вешалке, прежде чем войти в газовую камеру. Но немцам эти хитрости были известны, и они всегда находили детей.

Карен слышала о тысячах раздетых догола людей, поставленных на колени на краю ими самими вырытых могил. Об отцах, прикрывавших ладонью глаза своих детей, когда дула немецких пистолетов касались их затылков.

Она слышала о гауптштурмфюрере эсэс Фрице Гебауэре, голыми руками душившем женщин и детей и наслаждавшемся при виде детей, умерщвляемых в бочке с ледяной водой.

Она слышала о Гейнене, разработавшем новый метод убийства одним выстрелом нескольких людей, поставленных в ряд, и неустанно старавшемся побить свой предыдущий рекорд.

Она слышала о Франке Варцоке, любившем заключать пари, долго ли останется в живых человек, повешенный за ноги.

Она слышала об оберштурмбанфюрере Роките, разрывавшем человеческие тела на части.

Она слышала о Штейнере, просверливавшем дыры в головах и животах заключенных, вырывавшем ногти, выкалывавшем у них глаза и очень любившем хватать голых женщин за волосы и носиться с ними по кругу.

Она слышала о генерале Франце Йекелне, организовавшем массовое убийство в Бабьем Яру. Бабий Яр — предместье Киева, где за два дня было согнано и расстреляно 33 тысячи евреев, к ликованию многих присутствовавших украинцев.

Она слышала об анатомическом институте профессора Хирста в Штрасбурге и о его ученых; она видела изуродованных женщин, служивших им в качестве подопытных животных.

Крупнейшим таким «научным» центром был Дахау. Она слышала, как доктор Хейскеер вводил в кровь детей палочки Коха и наблюдал, как они умирают. Доктор Шульц интересовался отравлениями крови. Доктор Рашель хотел спасти жизнь немецких летчиков и во имя этого он ставил опыты, в ходе которых люди помещались в искусственно создаваемые высотные условия и замерзали на глазах у «ученых», тщательно наблюдавших за ними через глазок. Проводилось еще много других опытов по так называемой программе: «истина в науке», достигшей, может быть, своей высшей точки в искусственном оплодотворении женщин семенем животных.

Карен слышала о Вильхаузе, коменданте лагеря в Яновске, поручившем композитору Мунду написать «Танго смерти». Звуки этого танго были последними в жизни двухсот тысяч евреев, ликвидированных в Яновске. Она слышала о Вильхаузе еще и другие вещи. Она слышала, что его хобби заключалось в подбрасывании детей в воздух, чтобы проверить — сколько раз ему удастся выстрелить в них, прежде чем они упадут на землю мертвыми. Его жена, Отилия, была тоже превосходным стрелком.

Карен слышала о немецких наймигах литовцах, умерш-
влявших людей таким, казалось бы, невинным способом,
как щекотка; о кроатских устахах, замучивших сотни ты-
сяч заключенных.

Карен содрогалась от рыданий и ужаса. Ее преследо-
вали кошмары. Она не могла спать по ночам, и все эти
географические названия обжигали ее мозги. Попали ли
ее отец, мать и братья в Бухенвальд, или они погибли сре-
ди ужасов Дахау? Может быть, они погибли в Хельмно,
вместе с миллионом других жертв, или в Майданеке —
вместе с 750 тысячами? Или в Бельзее, в душегубках
Треблинки, в Собиборе, в Травниках, в Понятове или в
Кривом Роге? Были ли они расстреляны в шахтах в Крас-
нике, или они нашли свою смерть на кострах Клуги; разор-
ваны на части псами в Дьедзине, или замучены в Штут-
хофе?

Кнут! Ледяные ванны! Электрический ток! Паяльные
лампы! Геноцид!

А может быть, в Шойзеле, или Доре, или Нейгамме,
или Гросс-Розне? Может быть, им довелось слушать «Тан-
го смерти» Вильхауза в Яновске?

Не были ли и ее родные среди трупов, переработан-
ных на мыло в Данциге?

Смерть неотступно витала над «перемещенными лица-
ми» в лагере Ля Сиотат неподалеку от французского горо-
да Марселя.

...И Карен слышала еще и еще географические назва-
ния: Данагиен, Эйвари, Гольдпильц, Виевара, Порткунде.

Она не могла ни есть, ни спать — Кивиоли, Варва, Маг-
дебург, Плашов, Щебнье, Маутхаузен, Саксенхаузен, Ора-
ниенбург, Ландсберг, Берген-Бельзен, Рейнсдорф, Близины.

Геноцид!

Фоссенберг! Равенсбрюк! Нацвейлер!

Однако все это было ничто по сравнению с самым
зловещим из них — Освенцим!

Освенцим с тремя миллионами убитыми!

Освенцим со складами, набитыми очками!

Освенцим со складами, набитыми обувью, одеждой и
детскими куклами!

Освенцим со складами, набитыми человеческими воло-
сами, предназначенными для набивки тюфяков!

Освенцим, где тщательно собирались, плавилась и от-
правлялись в научный институт Гимлера золотые коронки.

Освенцим, где заботливо препарировались черепа особо красивой формы для того, чтобы служить в дальнейшем в качестве преспапье!

Освенцим, где кости сожженных размельчались кувалдами, чтобы замести следы убийства!

Освенцим, где над главными воротами красовалась надпись: ТРУД ОСВОБОЖДАЕТ!

Карен Ханзен-Клемент впала в глубокую меланхолию. Она слушала и смотрела, пока хватило сил. Под конец она впала в изнеможение и опустошение, и у нее не хватало воли продолжать путь. Но потом, как это часто случается, когда вот-вот, кажется, наступит конец, произошел перелом и она очнулась.

Все началось в тот день, когда она как-то сидела и улыбаясь гладила по головке несчастную сироту, а ребенок всем сердцем потянулся к ней. Карен обладала в высшей степени даром давать детям то, в чем они больше всего нуждались: ласку. Они прямо льнули к ней. Она инстинктивно знала, как нужно вытереть грязный нос, поцеловать вавку или успокоить плачущее дитя; она умела рассказывать сказки и петь песни.

Она окунулась в работу с маленькими детьми с такой страстью, что начала забывать свое собственное горе. Она никогда не теряла терпения и никогда не уставала.

Здесь, в Ля Сиотат, ей исполнилось 15 лет. Помимо того что Карен была от природы на редкость настойчивой, в ее душе теплились две надежды: ее отец ведь был важным человеком, а у немцев для таких людей был «привилегированный» лагерь, где заключенных не пытали и не убивали. Вторая надежда, очень слабая надежда, заключалась в том, что многих немецких ученых переправили нелегально через границу даже после того, как они попали в концлагерь. Этим смутным надеждам противостояли достоверные сведения о гибели большей половины ее многочисленной родни.

Однажды в лагерь пришло несколько десятков новичков, и за одну ночь лагерь прямо преобразился. Эти новички были палестинцы из Мосада Алия Бет и Палмаха. Они пришли, чтобы взять в свои руки внутренние дела лагеря.

Несколько дней после их появления Карен танцевала перед своими подопечными; до этого она этого ни разу не делала с того дня, как покинула Данию. С этого часа

не было отбоя от просьб выступать еще и еще, и она стала одной из самых популярных фигур в лагере. Ее слава дошла даже до Марселя, и ее пригласили выступить там на ежегодном рождественском вечере в сюнте из «Щелкунчика».

РОЖДЕСТВО 1945-го ГОДА.

Одиночество первого рождества, проведенного вдали от Ханзенов, было ужасно. Половина детей из Ля Сиотат приехало в Марсель смотреть ее выступление. Карен танцевала в ту ночь так, как никогда не танцевала до этого.

После концерта к Карен подошла палестинская девушка из Палмаха по имени Галили, заведывавшая секцией в Ля Сиотат, и попросила ее подождать, пока все уйдут. У Галили из глаз текли слезы, когда она сказала ей: «Карен, мы только что получили окончательное подтверждение. Твоя мать и братья погибли в Дахау».

Карен впала в еще более глубокое отчаяние, чем прежде. Непреклонная воля, поддерживавшая ее до этого, совсем покинула ее. Ей казалось, что злой рок и проклятие еврейского происхождения побудили ее решиться на это безумие — покинуть Данию.

У всех детей в Ля Сиотат было нечто общее: все они верили, что их родные все еще живы. Все они ждали чуда, которое никогда не сбывалось. Какая она была дура, когда тоже поверила в это чудо!

Когда, несколько дней спустя, она пришла в себя, она поговорила обо всем с Галили. Она боялась, что у нее не хватит сил сидеть здесь и ждать, пока придет весть о гибели отца.

Галили, эта палестинская девушка — единственный человек, которому Карен доверилась, — считала, что она, как и все евреи, должна поехать в Палестину. Это единственное место, говорила она, где еврей может жить достойно. Однако Карен, у которой рухнули все надежды, была готова проклясть свое еврейство, не принеся ей ничего, кроме горя, и остаться датчанкой Карен Ханзен.

Ночью Карен задала себе вопрос, который задавали себе все евреи с тех пор, как был разрушен храм, а евреи рассеяны по всем четырем странам света, где они, как вечные странники, блуждают вот уже две тысячи лет. Карен спрашивала: «Почему именно я?».

С каждым днем у нее крепла решимость написать Хан-

знам и просить разрешения вернуться к ним навсегда.

Но однажды утром Галили вбежала к ней в барак и потащила ее в контору, где она ее познакомила с доктором Бреннером, новым обитателем Ля Спотат.

— О, господи! — вскрикнула Карен, услышав новую весть. — Вы в этом уверены?

— Да, — ответил Бреннер. — Я совершенно уверен. Видите ли, я знал вашего отца еще до войны. Я был учителем в Берлине. Мы часто переписывались и встречались на конференциях. Да, моя дорогая, мы были вместе в Терезине и я видел его в последний раз всего за несколько недель до окончания войны.

Г Л А В А 15.

Спустя неделю Карен получила письмо от Ханзенов, где сообщалось, что Красный Крест прислал запрос о ее местопребывании, а также о том, не известно ли Ханзенам что-нибудь о матери и о братьях Карен?

Полагали, что это запрашивал Йоганн Клемент или кто-нибудь другой по его поручению. Карен заключила из этого, что ее отец и мать были разлучены, и что он ничего не знал о ее смерти и о гибели детей. В следующем письме Ханзены сообщали, что они ответили, но что Красный Крест потерял связь с Клементом.

Он жив! Она, значит, не даром пережила все эти ужасы в шведских, бельгийских лагерях, а теперь в Ля Сиотат! Она опять горела решимостью докопаться до своего прошлого.

Карен удивлялась тому, что лагерь в Ля Сиотат существовал на средства американских евреев. В конце концов в лагере были все кто угодно, но только не американцы. Она спросила у Галили; та только пожала плечами.

— Сионизм, — пояснила она, — это когда один человек просит денег у другого, чтобы дать третьему, чтобы тот послал эти деньги в Палестину четвертому.

— Как хорошо, — сказала Карен, — что у наших друзей такая спайка.

— У нас есть и враги с не менее крепкой спайкой, — ответила Галили.

Люди в Ля Сиотат ничем, собственно, не отличаются от других людей, думала Карен. Большинство относилось к своему еврейскому происхождению с такой же растерянностью, как и она сама.

Когда она научилась древнееврейскому настолько, что могла обходиться без посторонней помощи, она как-то зашла в секцию набожных евреев, чтобы посмотреть странные обряды, одежды, и послушать молитвы этих людей, которые и в самом деле были не такие, как все. Иудаизм необъятен как море, и пятнадцатилетняя девушка

легко может утонуть в этом море. Религия основывалась на сложной системе законов и постановлений, отчасти записанных, отчасти существующих в виде устных преданий, и они распространяются на самые ничтожные мелочи: даже на то, как нужно совершать молитву, сидя верхом на верблюде. Святая святых еврейского вероучения было Моисеево Пятикнижие — Тора.

Карен вновь принялась за библию. На этот раз прочитанное представилось ей в совершенно новом свете и имело для нее новый смысл. Она часами сидела и думала над стихами пророка Исаи, столь похожими на вопль отчаяния: «Осызаем как слепые стену и, как без глаз, ходим ощупью; спотыкаемся в полдень, как в сумерки, между живыми — как мертвые. Ревем, как медведи, и стонем, как голуби; ожидаем суда и нет его, — спасения, но оно далеко от нас».

Ей казалось, что эти слова точно подходят к положению в Ля Сиотат. Библия была полна историй о рабстве и воле, и она пыталась применить все это к себе и к своим родным.

«Призри с небес и посмотри: мы стали притчею во языцех, мишенью среди иноплеменников. Мы отданы, как овцы, на снадение, на поношение соседям нашим, на посмеяние и поругание живущим вокруг нас. Все это пришло на нас, но мы не забыли имя Твое; восстань на помощь нам и избави нас...».

И опять библия заводила ее в тупик. Как мог господь бог допустить, чтобы шесть миллионов сынов избранного им народа были так зверски замучены? Карен пришла к заключению, что только сама жизнь даст ей когда-нибудь ответ на эти вопросы.

Обитатели Ля Сиотат горели желанием покинуть Европу и перебраться в Палестину. Единственным, что не давало им превратиться в дикую толпу, было присутствие палестинских палмахников.

Беженцам не было дела до борьбы интриг, которая велась из-за них между англичанами и Мосадом Алиа Бет. Они были равнодушны к отчаянным попыткам англичан сохранить свои позиции на Ближнем Востоке или нефть, или канал; им не было дела и до традиционного англо-арабского сотрудничества.

Год тому назад, с приходом лейбористов к власти, у всех появились на миг новые надежды. Лейбористы всегда

обещали превратить Палестину в образцовый мандат с открытой иммиграцией. Ходили даже слухи о том, что Палестину примут в члены Британского содружества.

Все эти обещания лопнули как мыльный пузырь, как только до слуха лейбористского правительства донесся клекот черного золота из-под аравийских песков. Решения были отложены впредь до дополнительного изучения, были назначены новые комиссии, пошли новые обсуждения, как в продолжение 25 лет до этого.

Но ничто не могло остановить яростного стремления еврейских беженцев в Ля Сиотат попасть в Палестину. Агенты Мосада Алия Бет рыскали по Европе в поисках евреев, переживших катастрофу, переправляли их через границы благожелательных государств путем подкупов, подлогов, контрабанды; хитростью и даже насилем.

Шла гигантская игра, и действующие лица то и дело менялись на сцене. С самого начала Франция и Италия были на стороне беженцев и открыто сотрудничали с Мосадом. Их границы были открыты для беженцев, и они не очень препятствовали созданию сборных пунктов. Италии, оккупированной английскими войсками, это удавалось с трудом. Главным центром беженцев стала Франция.

Вскоре лагеря для беженцев, как Ля Сиотат, были переполнены. Мосад приступил к нелегальной переправке беженцев в Палестину. Европейские порты кишели агентами Мосада, покупавшими на деньги, получаемые от американских евреев, суда, и переделывавшими их, приспособляя к прорыву английской морской блокады Палестины. Англичане использовали в этой борьбе не только флот, но и дипломатический аппарат, в качестве контрразведывательных центров против Мосада.

Жалкие суденышки Мосада Алия Бет, забитые до отказа людьми на грани отчаяния, брали курс на Палестину только для того, чтобы их перехватывали англичане, как только они пересекали трехмильную прибрежную полосу. Беженцев обычно помещали в новый лагерь; на этот раз у Атлита, в самой Палестине.

Когда Карен узнала, что ее отец жив, ей тоже захотелось попасть в Палестину. Ей представлялось естественным, что ее отец тоже приедет туда.

Хотя ей было только 15 лет, ее приняли в группу палмахников, устраивавших ночью посиделки у костра, рассказывали чудеса о стране обетованной, пели прекрасные

восточные песни на слова, взятые прямо из библии. Они шутили, пели и говорили ночи напролет, то и дело подбадривая Карен.

— Ну-ка, Карен, станцуй!

Ей поручили заботу о сотне детей, которых она должна была подготовить к тому моменту, когда мосадовское судно возьмет их на борт, чтобы прорваться через блокаду и высадить их в Палестине.

Британская иммиграционная норма составляла всего полторы тысячи человек в месяц, и они всегда выдавали сертификаты либо старикам, либо детям, негодным к несению воинской службы. Мужчины отращивали бороды и красили волосы в серый цвет, чтобы выглядеть стариками, но из этих ухищрений обычно ничего не выходило.

В апреле 1946-го года, спустя 9 месяцев после того как Карен покинула Данию, Галили сообщила ей однажды великую весть:

— На-днях прибудет корабль Мосада и ты со своей секцией погрузитесь на борт.

У Карен забилось сердце.

— Как называется судно?

— Давидов Щит, — ответила Галили.

Г Л А В А 16.

Си-Ай-Ди был в курсе всего, что касалось эгейского грузового парохода «Карпатос». Они знали точно, когда именно судно куплено Мосадом в Салониках, они следили за 45-летним пароходом, водоизмещением в 800 тонн, когда он направился в Пирей, афинский порт, где он взял на борт американскую команду, нанятую Алией Бет, и проследовал в итальянский порт Геную. Они наблюдали за тем, как «Карпатос» переделали и приспособили к нелегальной перевозке беженцев, и они знали точно, когда он снялся с якоря и взял курс на Лионский залив.

Все южное побережье Франции кишело агентами Си-Ай-Ди. Над Ля Сиотат было установлено круглосуточное наблюдение, чтобы обнаружить малейшее подозрительное движение. Был подкуплен ряд французских старших и младших офицеров. Уайтхолл нажимал на Париж, чтобы французские власти не допустили входа «Карпатоса» во французские воды. Но ни английский нажим, ни подкупы ни к чему не привели: они не могли помешать французскому сотрудничеству с Мосадом. «Карпатос» вошел в трехмильную зону.

Начался следующий этап игры. Произошло несколько побегов из Ля Сиотат, чтобы отвлечь внимание англичан и сбить их с толку. Французские транспортники предоставили грузовики, и за рулем сидели французы. Когда англичане были совершенно сбиты с толку, произошел настоящий побег. 1600 беженцев, в том числе и вся секция Карен, были вывезены из Ля Сиотат в одно укромное место на побережье. Весь район был оцеплен французскими войсками, и движение в нем приостановлено. Беженцев разгрузили с машин на берегу тихой бухточки и перевезли на резиновых лодках к ветхому пароходу.

Всю ночь резиновые лодки шныряли туда и обратно. Сильные руки американских моряков подняли перепуганных беженцев на борт. Рюкзак, фляга с водой и горячее желание оставить Европу позади — вот и весь их груз.

Детей Карен, самых маленьких, взяли на борт в первую очередь. Их поместили в трюме отдельно, рядом с лестницей, ведущей на палубу. Карен тут же принялась успокаивать их. К счастью, дети так устали, что они тут же заснули. Некоторые хныкали, но она была тут как тут и быстро успокоила их.

Прошел час, два, три; в трюме становилось тесно. Приводили все новых и новых беженцев, пока трюм был до того забит, что негде было повернуться.

Затем людей начали размещать на палубе — сначала на корме, а когда и там места не стало, то и на носу.

Капитан судна, американец Биль Фрай, спустился по лестнице, окинул взглядом зажатую в трюме людскую массу и свистнул. Это был коренастый мужчина с небритым лицом и с вечной сигарой в зубах.

— Эх и дали бы нам жару пожарники в Бостоне, если бы они видели все это! — пробормотал он.

Он замолчал и прислушался. В темноте какой-то очень приятный голос напевал колыбельную песенку. Он ступил в трюм, перешагнув через тела, и направил электрический фонарь в сторону Карен, державший ребенка на руках и убаюкивающей его. На мгновение ему показалось, что он видит мадонну. Он моргнул. Карен подняла голову и велела ему рукой убрать фонарь.

— Эй детка... ты говоришь по-английски? — услышался грубый голос Билия.

— Да.

— Кто здесь начальник над детьми?

— Я отвечаю за детей и я бы попросила вас говорить потише: я насилила их успокоила.

— Я буду говорить, как мне заблагорассудится, понятно? Я — капитан судна. Ты и сама, поди, не старше этих детей.

— Если вы справитесь со своим судном так же хорошо, как справляюсь я с детьми, — сердито сказала Карен, — то мы утром будем в Палестине.

Он почесал свою щетину и улыбнулся. Он ничуть не похож на благовоспитанных датских капитанов, подумала Карен, но он только прикидывается строгим.

— Ты мне нравишься, детка. Если тебе что-нибудь понадобится, поднимись ко мне на мостик. И не забывай — капитана нужно уважать.

— Спасибо, капитан.

— Не за что. Зови меня просто Биль. Мы с тобой одного поля ягоды.

Карен посмотрела ему вслед, когда он поднимался по лестнице, и заметила, что уже рассветает. «Карпатос» был забит беженцами до отказа. Все 1600 беженцев были на борту, и нигде не осталось ни одного свободного дюйма. Полузаржавевший якорь кряхтя пошел вверх, ударяясь о деревянные бока судна. Полувековые машинны, сопя и чихая, пришли в движение. Стоял густой туман, словно сам господь-бог заботился о них, и старое судно отплыло от берегов Франции, набрав максимальную скорость в целых семь узлов. Через несколько минут оно вышло из трехмильной зоны в международные воды. Итак, в первом раунде победу одержал Мосад Алия Бет. На мачту был поднят сине-белый еврейский флаг и «Карпатос» переименовал свое название на «Давидов Шит».

Судно беспощадно качало. Из-за отсутствия вентиляции все в трюме побледнело. Карен и палмахники не знали ни минуты отдыха: она подавала беженцам лимоны, прикладывала компрессы, чтобы не допустить массовой рвоты. Когда лимонов не стало, она принялась за швабру. Она обнаружила, что нету лучше средства для поддержания спокойствия и порядка, чем петь, устраивать игры и рассказывать веселые истории.

С детьми она справлялась хорошо, но в полдень жара стала невыносима: просто дышать было нечем, а от пота и непрерывной рвоты в полутемном трюме разнесся жуткий смрад. Мужчины стояли в одних трусах, женщины — в одних лифчиках, тела лоснились от пота. Начались обмороки. Только потерявших сознание выносили на палубу. Для других просто не было места.

Трое врачей и четверо сестер, все — беженцы из Ля Сиотат, выбивались из сил.

— Набейте им животы чем-нибудь, — требовали они.

Уговорам и всякими ухищрениями Карен вводила детям ложку в рот. Под вечер она раздала им успокаивающие средства и кое-как обмыла их. Мыть приходилось экономно, воды не хватало.

Наконец-то солнце село и в трюм проникло дуновение свежего воздуха. Карен изнемогала от усталости и вся оступела. Она упала в полудремоту, из которой она вскакивала всякий раз, как только раздавался детский плач. Она прислушивалась к кряхтению старого судна, медленно

пробирающегося в Палестину. К утру она погрузилась в беспокойный сон, полный кошмарных сновидений.

Внезапный грохот разбудил ее. Она вскочила и посмотрела вверх по лестнице: уже был день. Все смотрели вверх на небо, где кружил огромный четырехмоторный бомбардировщик.

— Английский! Бомбардировщик типа «Ланкастер»!

— Всем оставаться на своих местах и соблюдать порядок! — раздалось из громкоговорителя.

Карень вернулась к испуганным и плачущим детям. Она начала громко петь, приглашая детей подтягивать:

Вперед, вперед на родину

Счастливо мы плывем.

Вперед, вперед на родину!

Давайте все споем.

— Спокойно! — доносилось из громкоговорителя. — Никакой опасности нет.

В полдень на горизонте появился британский крейсер «Отважный» и угрожающе подплыл к «Давидову Щиту», мигая сигнальными фонарями. Маленький, юркий миноносец «Смуглый» присоединился к крейсеру. Оба военных корабля поплыли рядом со старым грузовым судном, продолжающим кряхтя свой путь.

— Вот у нас и королевская свита появилась, — сказал Биль Фрай в мегафон.

Согласно правилам игры соревнование на этом закончилось. Мосаду Алия Бет удалось отправить из Европы еще одно судно. Англичане обнаружили его в международных водах и теперь будут следовать за ним. Когда «Давидов Щит» войдет в палестинские территориальные воды, его возьмут на буксир и уведут в Хайфу.

С палубы «Давидова Щита» понеслись громкие проклятия в адрес военных кораблей и Бевина. Был поднят огромный транспарант с надписью: ГИТЛЕР УБИВАЛ НАС, А АНГЛИЧАНЕ НЕ ДАЮТ НАМ ЖИТЬ! «Отважный» и «Смуглый» не обратили на это ни малейшего внимания и, конечно, даже не думали убраться восвояси, как многие все еще надеялись.

Карен успокоила детей, и у нее появилась новая забота. От нехватки воздуха многие из детей серьезно заболели. Она поднялась наверх и протиснулась сквозь клубок, состоящий из рук, ног, рюкзаков, к капитанскому мостику. В штурманской рубке сидел Биль Фрай и пил кофе,

поглядывая на человеческую массу, толпящуюся на палубе. Начальник палмахников о чем-то спорил с ним.

— О, господи! — взревел Биль. — Уж эти мне евреи с их вечными спорами! Приказы, брат, подлежат не обсуждению, а исполнению. А вы еще борьбу какую-то затеваете! Какая может быть борьба, когда вы вступаете в пререкания из-за каждого пустяка? На борту распоряжаюсь я, ясно?

Вспышка Билия не произвела на палмахника ни малейшего впечатления. Он досказал до конца, что у него было на душе, и ушел.

Биль что-то пробормотал себе под нос, закурил и заметил бледную Карен, стоявшую в дверях рубки.

— Хэлло, золотко! — сказал он улыбаясь. — Чашечку кофе?

— Не откажусь.

— Вид у тебя неважный.

— Дети не дают выспаться.

— Дааа... как ты вообще справляешься с ними?

— Из-за этого я и пришла к вам. Некоторые совсем заболели, а ведь в трюме есть и беременные женщины.

— Знаю, знаю.

— Я думаю, что надо пустить их на некоторое время на палубу.

Он показал вниз на палубу, забитую людьми до отказа.

— Куда?

— Я думаю, надо меняться местами.

— Ах вот ты о чем! Послушай, детка. Мне не хочется отказать тебе, но у меня, ей-же-ей, других забот полно. К тому же это не так просто. Мы не можем перегонять людей с места на место на этой лоханке.

Лицо Карен светилось лаской и в ее голосе не было обиды.

— Я сейчас спущусь вниз и подниму своих детей на палубу, — сказала она. Она повернулась и пошла к двери.

— Погоди минутку. Поди-ка сюда. Такая милая девочка, а поди ж ты — такие когти! — Биль почесал небритую щеку. — Ну ладно. Где-нибудь поместим твоих щенят. Господи ты боже мой! Все им чего-то надо! Все пререкания, пререкания, пререкания!

Эту ночь Карен провела со своими детьми на корме. В прохладном и чудесном воздухе они сразу мирно заснули.

Наутро море было гладкое, как зеркало. На рассвете

появились еще несколько сторожевых самолетов, и их по-прежнему сопровождал конвой: «Отважный» и «Смуглый», к которым они уже успели привыкнуть.

Все судно охватило глубокое волнение, когда Биль объявил в рупор, что они находятся всего в 24 часах плавания от Эрец Исраэль — страны Израиля. Все возрастающее волнение принесло с собой какую-то странную тишину, длившуюся почти до самого вечера. К вечеру «Смуглый» подплыл совсем близко к «Давидову Щиту».

Из громкоговорителя «Смуглого» раздался орущий голос с британским акцентом.

— Эй вы там на судне! Говорит капитан Канингэм со «Смуглого». Мне нужно поговорить с вашим капитаном.

— Хэлло, «Смуглый», — заорал Биль Фрай в ответ. — В чем дело?

— Мы хотим послать к вам на борт нашего представителя.

— Не надо представителей. Говори прямо. Здесь собралась вся наша мишпоха, у нас нет секретов.

— Очень хорошо. Где-то после полуночи вы войдете в палестинские территориальные воды. К этому времени мы собираемся взять вас на abordаж и отвезти на буксире в Хайфу. Мы хотим знать, согласны ли вы с этим, или окажете сопротивление.

— Хэлло, Канингэм. Тут вот такая штука. У нас несколько беременных женщин и больных на борту. Не возьмете ли вы их к себе?

— У нас нет инструкций на этот счет. Вы, значит, согласны, чтоб мы вас оттащили в Хайфу?

— Куда, куда вы сказали?

— В Хайфу.

— Вот черт! Мы, верно, сбились с курса. Это ведь нас прогулочный катер с больших озер.

— Нам придется тогда применить силу.

— Канингэм!

— Слушаю.

— Передайте своим офицерам и команде... чтоб они убрались к чертям собачьим!

Наступила ночь. Никто не спал. Все вглядывались в темноту, чтобы поймать огонек, первый свет Эрец Исраэль. Ничего не было видно. Ночь была туманная, не было видно ни луны, ни звезд. «Давидов Щит» покачивало на волнах.

Около полуночи какой-то палмахник, начальник секции, подошел к Карен и похлопал ее по плечу.

— Карен, — сказал он. — Пойдем на мостик.

Они проложили себе путь между телами и забрались в штурманскую рубку, где друг на друге сидело человек двадцать: матросы и группорги из пальмахников. Не было видно ни зги, один компас голубовато мерцал в темноте. У штурвала она различала грузный силуэт Биля Фрая.

— Все в сборе?

— Все.

— Хорошо. Тогда слушайте внимательно, — послышался в темноте голос Биля. — Я переговорил обо всем с командирами палмаха и с командой, и мы приняли следующее решение. Погода нам благоприятствует — берег весь в тумане. У нас имеется запасной мотор. Мы можем увеличить скорость до 15 узлов. Часа через два мы войдем в территориальные воды. Если погода не изменится, мы попытаемся пробиться к берегу и посадить судно на мель южнее Кесарни.

По рубке пронесся взволнованный шопот.

— Удастся ли уйти от военных кораблей?

— Они примут нас за жар-птицу. Пока они хватятся, мы будем уже у берега, — бросил Биль в ответ.

— А как с радарными установками? Не попадем ли мы на экран?

— Пожалуй, но вряд ли они отважатся подплыть так близко к берегу. Посадить крейсер на мель — слишком большой риск.

— А как английский гарнизон на берегу?

— Мы установили связь с Палмахом. Они ожидают нас. Я уверен, они зададут англичанам жару. Все вы прошли в лагере соответствующую подготовку и, стало быть, знаете, как нужно вести себя во время высадки. Вы знаете, на что мы идем, и что надо делать. Карен и вы двое, которые с детьми... подождите лучше здесь до особого распоряжения. Вопросы есть?

Вопросов не было.

— Предложения есть?

Предложений тоже не было.

— Ну, тогда с богом! Ни пуху вам, ни пера!

Г Л А В А 17.

Ветер со свистом гнал туман вокруг древней и заброшенной гавани Кесарии с ее руинами, развалившимся молотом и заросшей мхом пристанью, служившей портом еще за четыре века до нашей эры.

Пять долгих столетий Кесария, — построенная Иродом в честь Цезаря, — была столицей римской Палестины. От нее остались одни развалины. Ветер свистел над водой, вздымал ее смерчем и обрушивая на скалы, выступающие далеко в море.

На этом месте восстание евреев против римских притеснителей завершилось резней двадцати тысяч евреев, и здесь же был казнен их духовный вождь, рабби Акива, поднимавший свой народ на борьбу за свободу под знаменами Бар-Кохбы. Все так же лениво текла в море речушка, на берегу которой римляне заживо содрали с Акивы кожу.

Несколько метров к югу от развалин стояли первые дома еврейского рыболовецкого кооператива Сдот Ям (Морские нивы). Этой ночью никто из рыбаков и их жен не спал.

Они сидели на развалинах и, затаив дыхание, напряженно вглядывались в море. Их было человек двести, и столько же было с ними палмахников.

На древней башне Друза, выходящей далеко в море, мигнул сигнальный фонарь, и все насторожились.

На борту «Давидова Щита» Биль Фрай зажал в зубах окурочек сигары и его руки застыли на штурвале ветхого судна. Он медленно подплывал зигзагами, обходя коварные рифы и течения. На палубе беженцы прильнули к перилам и готовились к высадке.

«Давидов Щит» содрогнулся и затрещал, ударившись деревянными боками о подводную скалу. В воздух поднялась единственная сигнальная ракета. Началось!

Все полезли через борт в воду, доходившую до плеч, и, борясь с волнами, начали добираться дюйм за дюймом

до берега, находящегося на расстоянии всего нескольких сот метров.

Когда вспыхнула ракета, рыбаки и палмахники, ожидавшие на берегу, выскочили из-за прикрытий и бросились вброд навстречу беженцам. Многие спотыкались, попадали в глубокие ямы, их опрокидывало волной, бросало об скалы, но ничто не могло остановить людей. Наконец оба потока людей встретились. Сильные руки людей с берега схватили беженцев и потащили их на берег.

— Скорее, скорее! — кричали они. — Снимите свое багажно и наденьте вот это.

— Выбросьте все документы!

— Кто оделся, давайте за нами... давай, давай, давай!

— Тише! Не шумите!

— Никакого огня!

Беженцы сбросили с себя мокрую одежду и надели синие рыбацкие комбинезоны.

— Не собирайтесь кучками! Разойдись!

Карен стояла на палубе «Давидова Щита» и одного за другим передавала детей палмахникам, переносившим их на берег и тут же возвращавшимся. Нужно было быть наредкость крепким и выносливым, чтобы переносить детей по такой волне.

— Скорее, скорее!

Некоторые припадали к священной земле, целовали ее и душераздирающе рыдали.

— Потом, потом! Еще нацелуетесь! Давайте скорее!

Биль Фрай стоял на мостике и орал приказы в мегафон. Всего за час почти все покинули судно; осталось только несколько десятков детей и группорги.

Тридцать километров к северу подразделение Палмаха инсценировало ложную атаку на английские склады, расположенные к югу от Хайфы, чтобы отвлечь внимание британского гарнизона от высадки в Кесарии.

На берегу рыбаки и палмахники действовали быстро. Некоторых беженцев направили в деревню, остальных погрузили на машины, которые должны были увезти их вглубь страны.

Когда последний ребенок был передан с борта корабля, Биль Фрай спустился по лестнице на палубу и приказал группоргам покинуть судно.

Карен почувствовала, как ледяная вода сомкнулась над ее головой. Глотнув немного воды, она встала на цыпочки

и, быстро сориентировавшись, поплыла, пока не нащупала дна. С берега до нее доносились неясные восклицания на иврит и по-немецки. Она добралась до огромной глыбы и на четвереньках перелезла. Волна унесла ее обратно в море. Но теперь у нее было дно под ногами, и дюйм за дюймом, преодолевая волну, она пробиралась все ближе к берегу. Ее опрокинуло волной еще раз, тогда она поползла на четвереньках.

Вдруг — пронзительный вой сирен!

Оглушительный треск выстрелов!

На берегу все разбежались!

Карен встала на ноги — вода доходила теперь только до колен — и жадно глотала воздух. Прямо перед ней стояло несколько английских солдат в защитной форме и с резиновыми дубинками в руках.

— Нет! — отчаянно закричала она. — Нет, нет, нет!

Она бросилась на солдат, визжа, царапаясь и вырываясь. Какая-то сильная рука схватила ее сзади и прижала к воде. Ее зубы вонзились в руку солдата. Он вскрикнул от боли и отпустил ее. Она бросилась вперед, бешено размахивая руками. Другой солдат поднял дубинку и ударил ее по голове. Карен застонала, упала без сознания и покадилась в воду.

Она открыла глаза. Нестерпимо болела голова. Однако, увидев щетинистую рожу и добрые глаза Биля Фрая, она улыбнулась.

— Дети! — вскричала она, рывком поднявшись. Биль схватил ее за плечи.

— Успокойся! Большинство детей успели увезти. Некоторые здесь с нами.

Карен закрыла глаза, глубоко вздохнула и опустилась обратно на подушку.

— А где мы?

— В английском лагере... Атлит. Все получилось чудесно. Более половины людей успело смыться. Англичане до того взбесились от злости, что хватали всех без разбора и привезли вот сюда матросов, рыбаков, беженцев..., всех замешанных в этой истории. Как ты себя чувствуешь?

— Ужасно. Что, собственно, было со мной?

— Ничего. Ты просто затеяла поединок с британскими вооруженными силами.

Она сбросила с себя одеяло, села и ощупала шишку на голове. Ее одежда была все еще мокрая. Она спустилась с

кровати и прошлась, чуть пошатываясь, к выходу из палатки. Здесь стояло несколько сот таких палаток, а вокруг палаток — колючая проволока. По ту сторону забора стояли английские солдаты.

— Я не знаю, что на меня нашло, — сказала Карен. — Я еще никогда в жизни никого не ударила. Когда я увидела этих солдат, пытавшихся остановить меня, со мной произошло что-то очень важное; пожалуй, самое важное во всей моей жизни. Я почувствовала, что во что бы то ни стало должна ступить ногой на палестинскую землю... просто умру, если не ступлю. Я не знаю, что на меня вдруг нашло. — Она села с ним рядом.

— Кушать хочешь?

— Я не голодна. Что они теперь собираются делать с нами?

Биль пожал плечами.

— Через пару часов рассветет. Они вызовут нас и учинят глупейший допрос. Ты ведь знаешь, что ты им должна ответить.

— Да... Что бы они ни спрашивали, я ничего не знаю. Это моя страна и все.

— Да, так вот. Они тебя продержат здесь пару, тройку месяцев, а там отпустят. Наконец-то ты в Палестине!

— А вы?

— Что ж я? Выгонят, конечно, как и в тот раз выгнали. Мне дадут еще одно мосадовское судно... снова попытаемся прорваться.

Голова у нее прямо разрывалась на части. Она опять прилегла, но не могла закрыть глаза. Она долго всматривалась в посеревшее от усталости лицо Били.

— Биль... зачем вам все это?

— То-есть как это зачем?

— Вы ведь американец. Американский еврей — это ведь другое дело.

— Всем почему-то хочется сделать из меня героя. — Он порылся в кармане и вытащил пару сигар. Они все промокли. — Пришли ребята из Алия Бет, сказали, что им нужны моряки. Я — моряк... всегда был моряком. Начал с юнги и вот — капитан. Вот и все. Мне за это хорошо платят.

— Биль.

— Ну?

— Я вам не верю.

Биль и сам не очень верил в то, что говорил. Он встал.

— Это трудно объяснить, Карен. Я люблю Америку. Я не променяю ее на полста Палестин.

Карен приподнялась на локоть. Биль начал ходить по палатке взад и вперед, пытаясь разобраться в своих мыслях.

— Мы — американцы, но все-таки — мы американцы особого рода. Может, мы сами в этом виноваты, может быть, виноваты другие... У меня не хватает мозгов, чтобы разобраться во всем этом. Всю жизнь меня принимают за труса, потому что я еврей. И вот что я тебе скажу, дитя мое. Каждый раз, когда Палмах взрывает какой-нибудь английский склад оружия или дает жару арабам, у меня прибавляется чувство собственного достоинства. Они доказывают, что лгут все те, кто утверждает, будто евреи трусы. Эти ребята здесь дерутся за мое достоинство... понимаешь?

— Кажется, понимаю.

— А я — будь я проклят, если что-нибудь понимаю!

Он присел рядом с Карен и внимательно осмотрел шишку на ее голове.

— Пустяк! Скоро заживет. Я сказал этим негодяям, чтобы они положили тебя в больницу.

— Ничего, заживет и так, — ответила она.

Этой же ночью Палмах совершил нападение на лагерь в Атлите, прорвал колючую проволоку, и еще человек двести беженцев скрылось. Карен и Биллю Фраю бежать не удалось.

Когда Уайтхолл получил подробный доклад обо всем, что произошло с «Давидовым Щитом», англичане поняли, что им нужно внести изменения в свою иммиграционную политику. До сих пор нелегальным путем удавалось пробраться в Палестину только отдельным сотням смельчаков. Это же судно доставило без малого две тысячи, и большая часть успешно высадилась в Кесарии, или сбежала из Атлита. Англичане стояли перед фактом открытой поддержки евреев французским правительством. Каждый шестой еврей в Палестине попал туда нелегальным путем.

Англичане оказались в тупике. Они ни на шаг не приблизились к решению палестинской проблемы. Теперь они решили, что держать евреев в Атлите нельзя, а нужно вывезти их вон из Палестины. Создание лагерей на Кипре было прямым следствием усиливающейся нелегальной им-

миграции вообще и удачного рейда «Давидова Щита» в частности.

Карен Ханзен-Клемент погрузили на борт специально оборудованного судна, предназначенного для перевозки заключенных, и отправили на Кипр, в лагерь Караолос. Но уже тогда, когда «Карпатос» — он же «Давидов Щит» — все еще сидел зажатый между скалами у Кесарии и волны разбивали его постепенно на куски, Мосад Алия Бет уже оборудовал новые корабли для нелегальной переправки новых масс беженцев из Европы в Палестину.

И вот уже шесть месяцев, как Карен жила в пыльном Караолосе и работала с детьми. Ни время, ни частые этапы из лагеря в лагерь не смогли ни разочаровать, ни озлобить ее. Она жила одной единственной мечтой — попасть еще раз в Палестину... в Эрец Исраэль. Эти волшебные слова стали для нее навязчивой идеей.

Прошло несколько часов, пока Карен закончила свой рассказ. За это время между Китти Фремонт и Карен протянулись какие-то невидимые нити. Обе они чувствовали свое одиночество и их влекло друг к другу.

— А об отце ты что-нибудь узнала? — спросила Китти.

— Нет. Последний раз я слышала о нем еще в Ля Сиотат. Это было давно.

Китти посмотрела на часы.

— Господи... уже за полночь!

— А я и не заметила, как время прошло.

— Я тоже. Спокойной ночи, дитя мое!

— Спокойной ночи, Китти... Мы с вами еще увидимся?

— Может быть... Я не знаю.

Китти вышла и зашагала прочь. Вокруг по-прежнему стояли сотни и сотни палаток. Рефлектор со сторожевой вышки скользнул по брезентовым дюнам. Вихрем пронеслась пыль, и она плотнее натянула плащ. Высокий силуэт Ари Бен Канаана шагнул ей навстречу, и она остановилась. Он протянул ей сигарету и они вместе вышли из детской зоны по мосту. Китти остановилась на мгновение и посмотрела назад. Затем они пошли к главным воротам.

— Я согласна работать у вас, — сказала Китти, — но при одном условии. Эта девушка не будет участвовать в побеге. Она останется в лагере со мной.

— Согласен.

Китти повернулась и быстро пошла в сторону вахты.

Г Л А В А 18.

План, который Давид романтически окрестил «Операцией Гедеон», начал проводиться в жизнь. В Караолосе Дов Ландау вовсю подделывал накладные и личные воинские документы, а Китти Фремонг выносила их из лагеря Ари Бен Канаану.

Товаро-транспортные накладные дали Ари Бен Канаану возможность осуществить первую часть его плана. Во время поездок по Кипру Ари обнаружил неподалеку от Караолоса, по дороге в Фамагусту, большую английскую военную базу. За высоким забором на площади нескольких акров стояло на приколе множество автомашин и прочих транспортных средств и с десятков огромных складов. Во время войны это была одна из главных баз снабжения сил союзников в Средиземном море. Теперь часть военного снаряжения отгружалась морским путем британским силам, расположенным в этом районе, другая часть была объявлена излишней и подлежащей реализации. Благодаря этой распродаже в частные руки, не прекращалось движение между базой и портом в Фамагусте. Кипрско-Средиземноморская пароходная компания Мандрии была агентом британских вооруженных сил на Кипре, поэтому у Мандрии был на руках список всех грузов, имевшихся на складе. Он располагал также достаточным количеством транспортных документов.

В четверг, в 8 часов утра, Ари Бен Канаан и 13 палмачников, одетые все в английскую военную форму и снабженные английскими документами, подъехали на английском военном грузовике к главным воротам базы. В этот «рабочий отряд» входили также Зеев Гильбоа, Иоав Яркони и Давид Бен Ами.

Ари — по документам «капитан Калед Мур» — предъявил заведующему базой соответствующие документы на получение грузов, которые «рабочий отряд» должен был тут же погрузить на машины и доставить в Фамагусту якобы для дальнейшей отправки транспортным судном «Ахан».

Бумаги были до того мастерски подделаны, что завба-

зой даже не подумал о том, что «Калобом» звали главного разведчика Моисея в библии, а мнимое судно «Ахан» носило имя человека, выкравшего часть добычи в Иерихоне.

Первыми в списке значились 12 грузовиков и два джипа. Их тут же сняли с прикола и передали «капитану Калобу Муру». Затем «рабочий отряд» обошел склад за складом и загрузил полученные 12 машин всем, что только могло понадобиться для палестинского рейда «Афродиты» — она же «Эксодус», — и ее тремстам маленьким пассажирам.

Иоав Яркони, ответственный за оборудование судна, составил длинный список, где, между прочим, значились также рация последнего выпуска, всякого рода консервы, медикаменты, сигнальные лампы, легкое оружие, посуда, постель, вентиляторы, громкоговорители и сотни других наименований. Иоав сильно досадовал, так как Ари велел ему сбрить огромные черные усы. Зеева постигла та же участь, потому что Ари боялся, как бы эти усы их не выдали.

Помимо грузов, предназначенных для «Эксодуса», Давид захватил еще несколько тонн вещей, крайне необходимых в Караолосе.

У Зеева Гильбоа потекли слюнки при виде массы оружия на складах. Все годы Палмах так нуждался в оружии, и все эти чудесные пулеметы, минометы и автоматы просто разрывали ему сердце.

«Рабочий отряд» действовал с точностью часов. По спискам Мандрии Ари знал, где что находится. Иоав Яркони прихватил напоследок еще несколько ящиков виски, коньяка, джина и вина — для медицинских нужд.

Двенадцать новеньких грузовиков, до верху набитых добром, выехали за ворота и направились будто бы в Фамагусту, где машины вместе со всем снаряжением якобы должны были быть погружены на борт «Ахана». Ари поблагодарил английского офицера за любезную помощь, и «рабочий отряд» укатил восвояси. Вся операция потребовала не более шести часов.

Палмахники были в восторге от легкости, с которой им досталась первая победа, но Ари не давал им почивать на лаврах. Это было только начало.

Теперь нужно было найти место, где бы они могли поставить машины с наворованным добром. У Ари был готов ответ и на это. Он заметил на окраине Фамагусты заброшенный английский лагерь. Там, вероятно, стояло

когда-то небольшое вспомогательное подразделение. Забор был еще в довольно хорошем состоянии, а на территории лагеря стояли два деревянных барака и служебные постройки. Электрическая проводка тоже была в порядке.

Последующие три ночи все палмахники, находившиеся в Караолосе, приходили в лагерь и лихорадочно работали: ставили палатки, убирали территорию — одним словом, приводили лагерь в порядок, чтобы создать вид, будто в нем снова расположилась воинская часть.

Двенадцать грузовиков и джипы были окрашены в защитный военный цвет. На дверце каждой машины Иоав Яркони нарисовал знак, который легко мог сойти за один из тысяч военных знаков, и снабдил его надписью: «23-ья транспортная рота ЕВЕВК».

В штабе на столах были разложены стопки настоящих и подложных военных документов, чтобы придать помещению рабочий вид.

Четыре дня спустя маленький лагерь с дюжиной автомашин имел вполне нормальный и будничный вид. Они захватили на складе достаточное количество военной одежды, и теперь все палмахники были одеты по форме, как полагается. Не было недостатка также в материалах, и вскоре лагерь был полностью оборудован всем необходимым.

В довершение всего Иоав Яркони прибил над воротами вывеску, гласящую: 23-ья ТРАНСПОРТНАЯ РОТА ЕВЕВК. Все вздохнули, когда над воротами появилась эта вывеска, и лагерь получил, таким образом, официальное наименование.

Зеев посмотрел на вывеску и почесал затылок.

— А что это значит — ЕВЕВК?

— Как же? ЕВРЕЙСКОЕ ВОЙСКО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА на КИПРЕ. Что же еще?

Итак, под операцию Гедеон был заложен солидный фундамент. Ари Бен Канаан не побоялся создать фиктивную английскую воинскую часть. Нарядившись в английскую военную форму, он на виду у всех разбил штаб Мосада Алия Бет вдоль автострады, ведущей в Фамагусту, и готовился теперь приступить при помощи английского снаряжения к выполнению последней части своего плана. Это была опасная игра, но Ари считал, что смелость и принужденность — лучшая маскировка для разведчика.

Следующий этап операции Гедеон наступил, когда в

Фамагусте, с борта транспортного судна сошли три американца, члены команды. Они тоже принадлежали к Мосаду и служили во время войны во флоте США. С другого судна сошли два испанских эмигранта. Бывшие «красные» часто работали на кораблях Мосада. Теперь у «Эксодуса» была своя команда, которую должны были пополнить, когда наступит день, Ари, Давид, Иоав и Зеев.

Ханк Шлосберг, американский шкипер, и Иоав Яркони взялись за переделку «Эксодуса» в нелегальное судно. Ларнака была небольшим портовым городком, и Мандрия, конечно, знал, что нужно сделать, чтобы необычная возня у «Афродиты», стоявшей на самом краю пирса, не привлекала ничьего внимания.

Первым делом из кабин, из трюма, с палубы были убраны все шкафы, полки, чуланы и кладовые. Все судно, от кормы до носа, было превращено в голое пространство.

Затем на палубе построили две уборные: одна для мальчиков, а другая для девочек. Столовую превратили в медпункт: ни в столовой, ни в камбузе надобности не будет, так как вся пища будет состоять из консервов, а есть будут прямо из банок. Камбуз был превращен в склад оружия. Каюты разобрали: команда будет спать на мостике. Были смонтированы громкоговорители. Капитально отремонтировали ветхую машину. Поставили запасную мачту и приготовили паруса на случай выхода машины из строя.

Среди трехсот детей были верующие, и возникла новая задача. Яркони должен был снести с главой еврейской общины на Кипре и достать через него «кошерную» пищу, законсервированную в соответствии с религиозными предписаниями в специальные банки.

Затем тщательно измерили кубатуру трюма и квадратуру палубы. В трюме, на расстоянии 45 см. друг от друга, были построены перегородки. Эти 45 см. должны были служить «койками»; дети могли спать только лежа на спине или на животе, но не могли позволить себе роскошь повернуться с боку на бок. Они высчитали средний рост детей и разделили перегородки по длине, оставляя для каждого ребенка пространство в 4 фута и 11 дюймов. Точно так же была разбита вся палуба и мосты. Детям оставалось не больше одного дюйма свободного пространства, если они начнут ворочаться во сне.

Отремонтировали спасательные лодки. В бортах судна

прорезали большие щели, вставили и присоединили к сети вентиляторы, чтобы обеспечить приток свежего воздуха в трюм. Смонтировали также взятые на военном складе установки по кондиционированию воздуха. Свежий воздух будет жизненно необходим в набитых до отказа помещениях, чтобы избежать массовой рвоты.

Работа продвигалась хорошо. Вид полудесятка рабочих на палубе старой лохани был обыденным явлением в ларнакской гавани.

Потруднее было доставить на борт все грузы. Ари не хотел пойти на риск и подогнать свои машины к доку, так как это могло привлечь внимание. Когда работы по переоборудованию «Эксодуса» были почти закончены, судно каждую ночь поднимало якорь и подплывало тайком к обусловленному месту в южной части залива всего в нескольких милях от Ларнаки. Сюда подъезжали грузовики 23-ей транспортной роты ЕВЕВК, доверху набитые грузом, взятым из военного склада. Всю ночь между берегом и судном шныряли резиновые лодки, пока «Эксодус» не был загружен до отказа.

Тем временем Зеев Гильбоа выполнял свою часть операции Гедеон в детской зоне караолосского лагеря. Он тщательно отобрал триста самых выносливых мальчиков и девочек и проводил с ними занятия на детской площадке: обучал рукопашному бою, обращению с легким оружием и т. д. Вокруг площади были расставлены часовые, и как только появлялся надзиратель, учения превращались в мирную игру; всего за каких-нибудь три секунды дети переходили от военных занятий к детским играм и исполнению школьных песен. Кто не был на площадке, тот сидел в классных комнатах, изучал палестинские географические карты и заучивал наизусть ответы на случай допроса в британской контрразведке.

Ночью Зеев приводил всех на площадку, усаживал их вокруг костра и вместе с другими палмахниками рассказывал им чудеса о Палестине, где им не придется больше жить за колючей проволокой.

Были и осложнения в подготовке операции Гедеон, но они касались, в основном, только ближайших помощников Ари: Давида, Зеева и Иоава.

Хотя Давид был мягкий, интеллигентный молодой человек, но когда он закусывал удила, ему море было по колено. Теперь он закусил удила. Первая экспедиция на

английскую военную базу прошла так успешно, что он, Зеев и Иоав считали преступлением оставить там хотя бы один ржавый гвоздь. Он считал, что нужно ездить на базу днем и ночью и вывезти в 23-ью транспортную роту все, что только удастся. Зеев намеревался даже отгрузить пушки. Они так долго испытывали нужду, что обилие на складе просто вскружило им головы.

Ари не соглашался, считая, что жадность может погубить всю операцию. Англичане дремали, но не спали мертвецким сном. Показаться время от времени, так сказать, для соблюдения приличий, это, конечно, можно; но опустошить склад — это означало бы верную виселицу для них всех.

Но ему не удалось убедить своих помощников. Они строили планы — один безумней другого. Иоав дошел в своей наглости даже до того, что пригласил нескольких английских офицеров на ужин в 23-ью транспортную роту. Тут у Ари лопнуло терпение, и ему пришлось пригрозить им, что немедленно отправит их обратно в Палестину. Это их вмиг отрезвило.

Прошло немногим более двух недель с появления Ари, как все уже было готово. Последняя часть плана — репортаж Паркера и доставка детей в Кирению — ждали сигнала самих англичан. Эта последняя часть начнется тогда, когда англичане откроют новый лагерь вдоль ларнакской автострады и начнут перевозить туда беженцев из Караолоса.

Г Л А В А 19.

Колдуэлл, адъютант Сатерлэнда, вошел в кабинет майора Аллана Алистер, начальника контрразведки на Кипре. Алистер, мужчина лет сорока, тихого и застенчивого вида, взял папку со стола и пошел вслед за Колдуэллем вниз по коридору в кабинет Сатерлэнда.

Генерал пригласил Колдуэлла и Алистера сесть и кивнул в сторону начальника контрразведки в знак того, что тот может начать. Алистер почесал кончик носа и посмотрел в бумаги.

— В детской зоне караолосского лагеря происходит какая-то странная возня, — начал он полушопотом. — Нам кажется, что готовится не то бунт, не то побег.

Сатерлэнд нетерпеливо забарабанил пальцами по столу. Этот Алистер всегда раздражал его своим шопотом и таинственностью. Когда он наконец перестанет рыться в бумагах?

— Дорогой майор Алистер, — сказал Сатерлэнд, когда тот кончил, — вот вы мне прочитали здесь кучу бумаг, а суть всей этой истории сводится к тому, что евреи затевают якобы какой-то грязный заговор. За последние две недели вы заслали в детскую зону трех осведомителей и пять — в остальные зоны. И что же? Все эти ваши высококвалифицированные шпионы были вмиг разоблачены и им в тот же день пришлось убраться. Вот вы мне прочли две страницы перехваченных радиogramм, которые вы не можете расшифровать и которые, по-вашему, были переданы радиостанцией, которую вы не можете обнаружить.

Алистер и Колдуэлл обменялись быстрым взглядом, словно хотели сказать друг другу: — Старик опять становится невозможным.

— Извините, генерал, — сказал Алистер, наклоняясь вперед. — В нашем деле многое неизбежно основывается только на догадках. Однако мы уже докладывали о ряде бесспорных фактов, но мер никаких принято не было. Мы знаем положительно, что Караолос прямо кишит палестинскими палмахниками, и что они проводят с беженцами

военные занятия на детской площадке. Нам также положительно известно, что палестинцы высаживают своих людей на Кипр неподалеку от развалин Саламиды. У нас все основания подозревать, что этот грек, Мандрия, сотрудничает с ними.

— Бросьте! Все это я знаю, — сказал Сатерлэнд. — Вы забываете одно: если беженцы давно уже не превратились в дикую ораву, то только благодаря этим палестинцам. Они заведуют школами, больницами, кухнями и вообще всем в лагере. Более того, они заботятся также о дисциплине и предотвращают побегι уже одним тем, что не каждому дают входить и выходить. Уберите этих палестинцев, и мы жизни не будем рады.

— Тогда нужно завербовать и среди них несколько стукачей, — сказал Колдуэлл, — чтобы знать, по крайней мере, что у них на уме.

— Среди них стукачей не завербуешь, — сказал Алистер. — Они горой стоят друг за друга. Каждый раз, когда мы вот-вот, кажется, завербовали кого-нибудь, он такие городит нам небылицы, что уши вянут.

— В таком случае необходимо покрепче закрутить гайки, — зло бросил Колдуэлл, — чтобы знали, где раки зимуют.

— Фредди, вы говорите чушь, — сказал Сатерлэнд с укоризной и закурил трубку. — Этих людей ничем не запугаешь. Они прошли через огонь и воду, и медные трубы. Вы помните Берген-Бельзен, Фредди? По-вашему, мы можем потягаться с Берген-Бельзеном?

Майор Алистер уже начинал жалеть, что взял с собой Колдуэлла: все-таки он ужасный тупица.

— Генерал, — быстро вмешался Алистер, — все мы здесь солдаты. Но я поступил бы нечестно, если бы докладывал вам, что в Караолосе тишь и благодать, и что нам ничего не остается, как сидеть и ждать.

Сатерлэнд встал, сложил руки за спиной и начал ходить по комнате. Подымив немного, он взял трубку в руки и забарабанил мундштуком по зубам.

— Моя задача здесь на Кипре заключается в том, чтобы в этих лагерях было спокойно, пока наше правительство не решит, как ему быть с палестинским мандатом. Мы не можем поэтому позволить себе ничего такого, что могло бы быть использовано против нас враждебной пропагандой.

Фред Колдуэлл злился. Он никак не мог понять, как это Сатерлэнд мог спокойно сидеть и позволять этим евреям делать все, что им вздумается. Это было выше его понимания.

Майор Алистер, правда, понимал, но не одобрял. Он был сторонником крутых мер, способных пресечь еврейские планы в Караолосе. Однако в его власти было только докладывать. Принимать решения мог один только Сатерлэнд. Сатерлэнд же вел себя, по его мнению, непростительно мягко.

— Еще что-нибудь? — спросил генерал.

— Да, еще вот что, сэр. — Алистер порылся в бумагах. — Мне хотелось бы знать, познакомились ли вы с моим рапортом об этой американке, Кэтрин Фремонт, и о Марке Паркере, американском журналисте?

— А что такое?

— Видите ли, сэр, мы не знаем точно, является ли она его любовницей, но ее поступление на работу в лагерь совпадает по времени с его прибытием на Кипр. По опыту прошлого мы знаем, что этот Паркер нас недолюбливает.

— Ерунда! Он первоклассный журналист. В Нюрнберге он писал великолепно. Мы допустили тогда ошибку в Голландии, и она нам недешево обошлась. Паркер разоблачил ее. Это его профессия.

— Вправе ли мы полагать, что поступление миссис Фремонт в лагерь на работу может быть как-то связано с намерением Паркера написать репортаж о лагере?

— Майор Алистер, я надеюсь, что если вас когда-нибудь обвинят в убийстве, то присяжные не приговорят вас на основании таких доказательств, какие вы привели мне.

У Алистера появились на лице красные пятна.

— Кэтрин Фремонт — одна из лучших педиатрических медсестер на Ближнем Востоке. Греческое правительство пригласило ее заведывать детским домом в Салониках, и она справилась с этой задачей как нельзя лучше. Обо всем этом говорится в вашем докладе. Она и Марк Паркер — друзья детства. Об этом тоже можно прочесть в вашем рапорте. Там же говорится, что еврейские организации помощи обратились к ней с просьбой наладить работу среди детей в Караолосе. Скажите, пожалуйста, майор Алистер... вы-то хоть сами читаете свои докладные записки?

— Но... сэр...

— Я еще не кончил. Допустим, что худшие ваши по-

дозрения оправданы. Допустим, что миссис Фремонт действительно собирает информацию для Марка Паркера, что Марк Паркер в самом деле собирается написать серию статей о Караолосе. Господа, мы живем сейчас в конце 1946-го года; война кончилась еще полтора года тому назад. Народы устали, им надоели эти истории о беженцах; никакого впечатления эти истории уже не производят. А если мы возьмем и выпроводим из Кипра американскую медсестру и американского журналиста, это таки произведет впечатление и немалое. Господа, заседание кончено.

Алистэр быстро собрал свои бумаги. Фрэд Колдуэлл, сидевший все время молча и кипевший от злости, вскочил.

— А я говорю, нужно повесить пару жидов, чтоб они поняли, кто здесь хозяин.

— Фрэдди!

Колдуэлл обернулся.

— Если вам так хочется, я могу устроить вам перевод в Палестину. Там жида вооружены и не сидят за колючей проволокой. Таких, как вы, они запросто поедают за завтраком.

Колдуэлл и Алистэр быстро пошли по коридору. Фрэдди что-то зло бормотал себе под нос.

— Войдите на минутку ко мне, — сказал Алистэр.

Фрэдди бросился в кресло и вскинул руки вверх. Алистэр схватил со стола нож из слоновой кости, ударил им по ладони и зашагал по комнате.

— По мне, — сказал Колдуэлл, — я бы дал старику титул и отправил бы его на пенсию.

Алистэр вернулся к столу и в нерешительности стал кусать губы.

— Фрэдди, я все время думаю об этом деле. Сатерлэнд становится прямо-таки невозможным. Я напишу лично генералу Тевор-Брауну.

Колдуэлл поднял брови.

— Это рискованное дело, старик.

— Но мы должны что-то сделать, прежде чем этот подлый остров навлечет на нас беду! Вы — адъютант Сатерлэнда. Если вы меня поддержите, я ручаюсь, что никакого риска не будет.

Колдуэлл был зол на Сатерлэнда. Алистэр, к тому же, приходился родственником Тевор-Брауну. Он согласился.

— Не забудьте добавить в письме к Тевор-Брауну пару слов обо мне.

В дверь постучали. Вошел младший сержант с новой стопкой бумаг. Он протянул их Алистэру и вышел из кабинета. Алистэр полистал бумаги и вздохнул.

— Как будто у меня мало своих забот! На острове орудует шайка воров. Они до того хитры, что мы даже не знаем, что именно они воруют.

Несколько дней спустя генерал Тевор-Браун получил срочный и секретный доклад майора Алистэра. Его первым побуждением было вызвать Колдуэлла и Алистэра в Лондон и хорошенько отчитать их за проявленную недисциплинированность. Затем он подумал, что Алистэр не стал бы писать такой доклад, если бы у него не было веских причин для тревоги. С другой стороны, если последовать совету Алистэра и полететь в Караолос, чтобы пресечь планы евреев, то действовать надо быстро, так как, хотя он этого и не знал, но Ари Бен Канаан уже назначил точный день и час побега детей.

Наконец англичане смогли рапортовать, что новые бараки у Ларнаки готовы и что на днях начнется массовое переселение беженцев из переполненных зон в Караолосе. Переселение произойдет на грузовиках. Предполагалось переселять от трех до пятисот человек в день, так что вся операция займет дней десять. Ари избрал для побега шестой день.

Никаких подкопов, никаких гробов, никаких мусорных свалок. Ари собирался просто подогнать свои английские машины к зоне и погрузить в них детей.

Г Л А В А 20.

Заведующему лондонским отделом АСН

Кеннету Брэдбери.

Лично.

Дорогой Брэд!

Податель сего письма и прилагаемого репортажа с Кипра — Ф. Ф. Уитмен, летчик британских межконтинентальных авиалиний.

Срок проведения операции Гедеон — через пять дней. Немедленно подтвердите телеграммой получение сего письма. Я ввязался в это дело на собственный страх и риск. Чувствую, что из этого может получиться что-то очень большое.

В день операции я отправлю вам телеграмму. Если она будет подписана «Марк», то это будет означать, что все идет по плану, и вы можете печатать репортаж. Если она будет подписана «Паркер», то задержите репортаж, так как это будет означать, что произошло что-то непредвиденное.

Я обещал Ф. Ф. Уитмену 500 долларов за доставку этого пакета. Рассчитайтесь с ним, пожалуйста.

Марк Паркер.

Марку Паркеру
Дворцовая Гостиница
Кирения, Кипр.

Тетя Дороти благополучно прибыла в Лондон, и мы все очень рады видеть ее. С нетерпением ждем вестей от вас.
Брэд.

Очерк Марка лежал теперь в лондонском бюро АСН и ждал только сигнала, чтобы появиться в печати.

Начав работать в Караолосе, Китти переехала из Дворцовой гостиницы в гостиницу «Король Георг» в Фамагусте. Марк решил остаться во Дворце, чтобы быть на месте, когда «Эксокус» прибудет в Кирению.

Он дважды съездил в Фамагусту, чтоб повидаться с Китти, но ни разу ее не застал: она была в лагере. Мандрия подтвердил все подозрения Марка. Девушка работала помощницей Китти. Они все время были вместе. Марк начал беспокоиться. Неужели Китти окажется такой дурой и попытается воскресить собственную дочь в лице этой девочки? Во всем этом было что-то нездоровое. Вдобавок она еще должна была выносить из лагеря поддельные документы.

Остались считанные дни до решающего этапа операции Геден. Беспокойство Марка все возрастало, и странное поведение Китти тревожило его все больше и больше. Он назначил с ней свидание в «Короле Георге».

Его нервы были натянуты до предела, когда он ехал в Фамагусту. Все шло очень хорошо. Бен Канаан и его шайка запросто водили англичан за нос. Англичане, правда, чувствовали, что что-то не так, но им никак не удавалось уцепиться за что-нибудь. Марк изумлялся тонкой хитрости Бен Канаана и отваге палмахников. Переделка судна, подготовка детей — все шло без задоринки. Дело и впрямь обещало стать венцом его карьеры, но так как он принимал в нем личное участие, он ужасно волновался.

Добравшись в Фамагусту, он поставил машину у гостиницы «Король Георг». Она была очень похожа на «Дворец» в особенности тем, что она так же стояла на берегу залива и имела такие же, нависающие над морем, террасы.

— Хэлло, Марк! — воскликнула она, улыбнувшись и поцеловав его в щеку, как и в первый раз.

Он заказал что-нибудь выпить, и они закурили. Китти прямо вся сияла. Она словно помолодела на десять лет.

— У тебя вид, — сказала она, намекая на его кислое лицо, — словно ты выиграл миллион в лотерею.

Подали рюмки.

— Неужели ты так волнуешься из-за всего этого?

— Конечно, волнуюсь. А как же иначе? — буркнул он.

Их глаза встретились поверх краев рюмок.

— Ладно, мистер Парк. Ты горшишь весь, как светофор. Начинай уж, а то ты еще лопнешь, чего доброго.

— В чем дело? К чему эти издевки? Мы что же — не друзья больше с тобой?

— Ради бога, Марк! Я не думала, что ты такой шепетильный. Мне приходится нелегко на работе... Кроме то-

го, мы ведь договорились с тобой встречаться некоторое время не слишком часто. Ведь так?

— Меня зовут Марком Паркэром. Раньше мы вроде были друзьями. Ничего не скрывали друг от друга.

— Не понимаю, куда ты гнешь.

— Карен... Карен Ханзен-Клемент. Маленькая беженка не то из Дании, не то из Германии.

— Я не думаю, что это подходящая тема.

— А я думаю.

— Она просто очень милая девочка и она мне нравится. Она мой друг, а я — ее.

— Ты никогда не умела лгать.

— Я не желаю разговаривать на эту тему.

— Ты сама напрашиваешься на беду. В прошлый раз все кончилось в постели того моряка. На этот раз у тебя, боюсь, достанет силы воли покончить с собой.

Она отвела глаза от пронзительного взгляда Марка.

— Я была такой рассудительной всю жизнь... до недавнего, — призналась она.

— Неужели ты начнешь опять все с начала?

Она положила свою руку на его.

— Это, конечно, глупо, но я словно вновь родилась на свет. Она такая душка, Марк.

— А что будет, когда ее посадят на «Эксокус» и увезут? Поедешь с нею?

Китти потушила сигарету и допила коктейль. Ее глаза сузились и приняли выражение, хорошо знакомое Марку.

— Нет, ты скажи! — настаивал он.

— Ее не посадят на «Эксокус». Я выговорила себе это условие, прежде чем пойти работать у них.

— Сумасшедшая... ну, просто сумасшедшая!

— Перестань! — сказала она. — Перестань ты с этими мерзкими намеками. Я одинока и истосковалась как раз по той ласке, которую эта девочка может дать. Я же могу дать ей то понимание и ту дружбу, в которых нуждается она.

— Какая там дружба! Ты просто хочешь быть ей матерью.

— А если бы и так? В этом нет ничего дурного.

— Послушай, Китти. Давай не будем ругаться. Сначала успокойся, пожалуйста. Я не знаю, как ты себе это представляешь, но ее отец, вероятно, жив. Если даже нет, то у

нее есть своя семья в Дании. И в-третьих, эта девочка испорчена, как они испорчены все. У нее одна Палестина на уме.

Китти побледнела, и в ее глазах появилось страдание. Марк пожалел о своих словах.

— Я, пожалуй, поступаю дурно, что не даю ей уехать на «Эксодусе». Мне хотелось побыть с нею несколько месяцев вместе,... чтобы заслужить ее доверие, чтобы уговорить ее, как было бы хорошо, если бы она поехала со мной в Америку. Если бы я провела с нею несколько месяцев, все бы встало на свое место...

— Китти, Китти, Китти!... Она не Сандра. С тех пор как кончилась война, ты только одну Сандру и искала всюду. Ты искала ее в детдоме в Салониках; может быть, оттого ты и у Бен Канаана согласилась работать, что и здесь речь шла о детях, и ты надеялась, что найдешь среди них Сандру.

— Пожалуйста, Марк,... перестань!

— Ну, ладно. Пусть по-твоему. Чем же я могу тебе помочь?

— Узнай, жив ли ее отец. Если его нет уже в живых, я усыновлю ее и увезу в Штаты.

— Постараюсь, — сказал он. К их террасе пробирался Ари Бен Канаан в форме капитана Калеба Мура. Ари быстро подошел к их столу и сел. Его лицо как всегда ничего не выражало. Лицо у Китти засветилось, как только она увидела его.

— Что случилось? — в один голос спросили Марк и Китти.

— Точно не знаю. Этот Ландау, мальчик, который подделывает бумаги. Сейчас он работает как раз над оформлением нарядов на перевод детей из лагеря в лагерь. И вот он отказывается продолжать, пока не поговорит со мной.

— Но я тут при чем? — спросил Китти.

— Ваша подруга, эта датская девушка — единственный человек, которого он слушает.

Китти побледнела.

— Эти бумаги должны быть готовы в течение ближайших 36 часов, — сказал Ари. — Может быть, будет нужно, чтобы вы и Карен поговорили с парнем.

Китти тяжело поднялась со стула и безвольно пошла за ним. Марк с досадой покачал головой и долго не отводил взгляда от опустевшего входа.

Г Л А В А 21.

Карен стояла посреди классной комнаты, служившей штабом Палмаха, и сердито смотрела на мальчика с нежным лицом, русой головой и милой внешностью. Он был слишком маленьким для своих 17 лет, и мягкость его черт была обманчивой. В его холодных голубых глазах проглядывали тревога, смущение и ненависть. Он стоял у небольшого чулана, где находилась его мастерская. Карен подошла к нему и пригрозила ему пальцем.

— Дов, что ты тут опять надумал?

Он скривил губы и что-то невнятно пробормотал.

— Перестань ты рычать на меня как собака, — потребовала она. — Я хочу знать, что ты тут опять затеял?

Он нервно заморгал глазами. С Карен было бесполезно спорить, когда она сердилась.

— Я сказал им, что мне нужно поговорить с Ари Бен Канааном.

— Зачем?

— Ты видишь эти бумаги? Это бланки английских рядов. Бен Ари дал мне список трехсот детей из нашей секции, подлежащих якобы переводу в новый лагерь в Ларнаке. Ни в какой лагерь их не переводят. Где-то тут у них мосадовское судно. Они повезут их всех в Палестину.

— Ну и что из этого? Ты же знаешь, что не нам требовать отчета от Мосада или Палмаха.

— На этот раз я требую отчета. Наших с тобой имен нет в списке. Я не стану оформлять эти списки, если они не возьмут нас с тобой тоже.

— Во-первых, откуда ты взял, что вообще речь идет о судне. Если даже такое судно существует, и мы с тобой на него не попадем, то у них, наверное, есть на это причины. Мы с тобой нужны здесь в Караолосе.

— Мне наплевать на это. Они обещали переправить меня в Палестину, и я их заставлю.

— А не кажется ли тебе, что мы по уши в долгу перед этими ребятами из Палмаха за все, что они сделали и

продолжают делать для нас? Неужели ты такой эгоист?

— Сделали для нас, сделали для нас! — передразнил он ее. — Неужели ты до сих пор не поняла, почему они так лезут из кожи вон, чтобы переправить как можно больше евреев в Палестину? Неужели ты в самом деле думаешь, что все это они делают из одной только любви к нам? Как бы не так! Им нужны люди, чтобы воевать с арабами.

— А как же американцы и все прочие? У них-то какие дела с арабами? Они-то чего ради стараются?

— Я тебе скажу, чего ради. Их грызет совесть. Они-то ведь не видели газовых камер. Вот они и откупаются.

Карен, едва сдерживаясь, сжала кулаки и губы; даже глаза зажмурилась.

— Дов, ради бога! Неужели ты ничего другого не умеешь, как только ненавидеть? — Она пошла к двери.

Он обогнал ее и преградил ей дорогу.

— Опять ты злишься.

— Да, злюсь.

— Ты мой единственный друг, Карен.

— Тебе хочется только попасть в Палестину, чтобы записаться в террористы и убивать. Вот что тебе надо!

Она вернулась в комнату, села у стола и вздохнула. Перед ней на доске было написано мелом и печатными буквами: **БАЛЬФУРСКОЙ ДЕКЛАРАЦИЕЙ 1917-ГО ГОДА АНГЛИЧАНЕ ВЗЯЛИ НА СЕБЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО СОЗДАТЬ В ПАЛЕСТИНЕ ЕВРЕЙСКОЕ ОТЕЧЕСТВО.**

— Я тоже хочу в Палестину, — прошептала она. — Мне до смерти хочется туда. Меня ждет в Палестине мой отец, я это знаю точно.

— Иди в свою палатку и подожди меня там, — сказал Дов. — Сейчас придет Бен Канаан.

Когда Карен ушла, Дов нервно шагнул по комнате минут десять, все больше злясь.

Дверь открылась. На пороге появилась рослая фигура Ари Бен Канаана. Следом за ним шли Давид Бен Ами и Китти Фремонт. Давид замкнул дверь на замок.

У Дова подозрительно сузились глаза.

— Я не хочу, чтобы она присутствовала при нашем разговоре.

— А я хочу, — ответил Ари. — Давай, что там у тебя?

Дов заморгал глазами в нерешительности. Он знал, что

ему не сломить Бен Канаана. Он подошел к чулану и хлопнул по пачке подложных нарядов.

— Мне кажется, вы тут ожидаете контрабандное судно и собираетесь отправить на нем этих трехсот детей.

— Неплохо придумано, — сказал Ари. — Валяй дальше.

— У нас с вами уговор, Бен Канаан. Я не стану оформлять эти бумаги, пока вы не внесете в список также меня и Карен Клемент. Понятно?

Ари посмотрел краем глаз в сторону Китти.

— Ты когда-нибудь подумал, Дов, о том, что никто, кроме тебя, не справится с этой работой и что ты нам нужен именно здесь? — спросил Давид Бен Ами. — Подумал ли ты о том, что ты и Карен принесете здесь гораздо больше пользы, чем в Палестине?

— А вы подумали о том, что мне наплевать на все это? — огрызнулся Дов.

Ари опустил глаза, скрывая улыбку. Дов был хитер и упрям и отнюдь не шутил. Сразу было видно, какую он прошел школу.

— Да, брат, мы у тебя в руках, — сказал Ари. — Вставь в список свою фамилию.

— А Карен?

— Об этом у нас уговора не было.

— Зато есть сейчас.

Ари подошел к нему и процедил:

— Я не люблю таких вещей, Дов. — Он угрожающе навис над ним. Дов не спасовал.

— На, бейте! Меня еще не так били! Хоть совсем убейте, мне не страшно. Куда вам до немцев!

— Ты мне брось эту сионистскую агитацию! У меня этот номер не пройдет, — сказал Ари. — Иди в свою палатку и подожди меня там. Через 10 минут ты получишь ответ.

Дов отомкнул дверь и пулей выскочил вон.

— Вот негодяй! — сказал Давид.

Ари украдкой подмигнул ему, чтобы он смылся. Как только дверь закрылась за ним, Китти схватила Ари за рукав.

— Она не поедет. Вы мне в этом поклялись. Она не поедет на «Эксодусе».

Ари схватил ее за кисти рук.

— Если вы не успокоитесь, я не стану разговаривать с вами. У нас хватит хлопот и без женской истерики.

Китти вырвала свои руки и гордо выпрямилась.

— Послушайте, — сказал Ари, — я не мог предвидеть, что так получится. Этот парень держит нас буквально за горло и знает об этом. Мы не можем шевельнуть и пальцем без этих бумаг.

— Поговорите с ним... обещайте ему все, что угодно, только чтобы Карен осталась здесь.

— Я могу говорить с ним, пока охрипну, но из этого ничего не получится.

— Бен Канаан... пожалуйста!... Он согласится. Он не будет настаивать.

Ари покачал головой.

— Я видел сотни таких, как он. В них почти ничего не осталось человеческого. К одной только Карен он питает человеческие чувства. Вы не хуже меня знаете, что эту девушку он не предаст.

Китти прислонилась к доске, где было написано: БАЛЬ-ФУРСКОЙ ДЕКЛАРАЦИЕЙ 1917-ГО ГОДА АНГЛИЧАНЕ ВЗЯЛИ НА СЕБЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО... Мел испачкал плечо ее платья. Бен Канаан прав, она это знала. Дов Ландау был неисправим, но его странное чувство к Карен было искренне. Она просто дура.

— У нас только один выход, — сказал Ари. — Пойдите к этой девушке и признайтесь ей во всем. Скажите ей, почему вы хотите, чтобы она осталась на Кипре.

— Не могу, — прошептала Китти. — Не могу. — Она посмотрела на Ари глазами полными слез.

— Мне очень жаль, что все так получилось, — сказал Ари. — Простите меня, Китти! — он впервые назвал ее по имени.

— Проводите меня к Марку, — сказала она.

Они вышли в коридор.

— Иди к Дову, — сказал Ари Давиду, — и скажи ему, что мы согласны на его условия.

Когда Дов узнал обо всем, он вихрем бросился в палатку к Карен.

— Мы едем! — крикнул он.

— Милый ты мой — только и могла шепнуть Карен. — Милый ты мой!

— Только молчок! Никто, кроме нас, пока об этом не знает.

— Когда же мы поедем?

— О, теперь уже скоро. Бен Канаан подъедет за нами

на машинах. На них на всех будет английская военная форма. Они заберут нас будто бы для перевозки в новый лагерь недалеко от Ларнака.

— Милый ты мой!

Они вышли из палатки, держась за руки. Дов смотрел на брезентовое море, прогуливаясь с нею среди акаций. Они медленно подошли к детской площадке, где Зеев обучал группу ребят рукопашному бою.

Дов Ландау пошел один вдоль забора из колючей проволоки. Он видел английских солдат, шагавших по ту сторону вдоль забора. На углу стояла вышка, оборудованная пулеметом и рефлектором.

Колючая проволока... пулеметы... солдаты...

Когда еще он находился не за колючей проволокой? Это было давно, так давно, что он уже и забыл.

Колючая проволока... пулеметы... солдаты... Неужели существует жизнь без всего этого? Дов стоял и смотрел. А может, удастся все-таки вспомнить. Это было так давно... так давно...

Г Л А В А 22.

ВАРШАВА, ПОЛЬША, ЛЕТО 1939-го ГОДА.

Мендель Ландау был скромный варшавский пекарь. Если сопоставить с доктором Иоганном Клементом, то он находился на противоположном конце лестницы — как в общественном, так и в экономическом и интеллектуальном смысле. И вообще у них не было ничего общего, кроме того, что они оба были евреями.

Будучи евреями, и тот и другой должны были, каждый по-своему, ответить на вопрос об их отношении к окружавшему их миру. Доктор Клемент до последней минуты верил в ассимиляцию. Мендель же Ландау, хотя он был человеком маленьким, но и он немало размышлял над этой проблемой. Однако он пришел к совершенно другим выводам.

Не в пример Клементу, Мендель Ландау жил в среде, постоянно дававшей ему почувствовать, что он чужеродный элемент. В продолжение семисот лет евреи подвергались в Польше всевозможным гонениям — начиная с дурного обращения и кончая поголовным истреблением.

Первоначально евреи пришли в Польшу, спасаясь от преследований крестоносцев. Они бежали в Польшу из Германии, Австрии, Богемии, спасаясь от меча «святого» очищения.

Как и любой другой польский еврей, Мендель Ландау хорошо знал, что последовало за первоначальным бегством евреев в Польшу. Их обвиняли в ритуальных убийствах, в колдовстве, ненавидели как конкурентов.

Непрерывная цепь страданий достигла высшей точки однажды на пасху, когда чернь высыпала на улицу, силой выволакивая евреев и их семьи из домов. Те, кто не соглашались принять крещение, были тут же на месте убиты.

Евреи облагались особым налогом. Евреев принуждали носить желтую повязку, чтобы их легче было опознать. Бесчисленное множество законов и постановлений имели своей единственной целью угнетение и подавление евреев

всюду и во всем. Их загнали в гетто, отделив высокой стеной от окружающего мира.

Но в этих гетто произошло нечто странное. Вместо того, чтобы медленно отмереть, еврейские вероисповедание и культура пустили еще более глубокие корни, а сами евреи еще быстрее размножались. Насильственно изолированные от внешнего мира, евреи все теснее сплывались вокруг Моисеева закона, образуя одно крепко спаянное целое. В стенах гетто они распорядились всем сами и они создали там систему чрезвычайно крепких семейных и общинных уз, сохранивших свою связующую силу даже после того, как были упразднены сами гетто.

Для тех, кто правил Польшей, создание гетто было только частичным ответом на вопрос, как быть с евреями. Закон запрещал евреям владеть землей или принадлежать к средневековым ремесленным и купеческим гильдиям, где они могли бы соперничать с другими.

Замкнутые в гетто, евреи служили козлами отпущения за каждое несчастье, обрушивавшееся на Польшу. Каждый раз озверевшая чернь, побуждаемая слепой ненавистью и суеверным страхом, врывается в стены гетто, громила и убивала евреев, разрушала их дома и имущество, пока избиение жидов стало у поляков обыкновенным, если не почетным времяпрепровождением.

Четыре столетия не прекращающихся погромов достигли своего кровавого апогея в 1648-ом году. Во время восстания казаков было вырезано полмиллиона евреев. Ярость убийц доходила до того, что младенцев часто бросали в ямы и забрасывали землей заживо.

Средневековая тьма, уже рассеявшаяся в Европе, продолжала витать над еврейскими гетто в Польше. Страшная трагедия 1648-го года, а также века непрерывных гонений породили в стенах гетто ряд странных явлений.

Во всей еврейской истории, всякий раз, когда наступали черные дни, и не оставалось уже ни малейшей, казалось, надежды, в народе появлялись десятки самозванцев, объявлявших себя мессиями. В жуткой тьме, наступившей после резни 1648-го года, появилась новая группа «мессий». Каждый из них заявлял, что он явился во исполнение пророчеств Исайи, и у каждого было немало приверженцев.

Вместе с мессиями возникла также еврейская мистика: культ, призванный найти основанные на священном писании объяснения для вековых страданий. В своем отчаян-

ном стремлении к спасению каббалисты сочиняли фаталистические интерпретации библии, основанные на тайных учениях, на нумерологии, а то просто на сокровенных чаяниях. Посредством запутаной системы, так называемой каббалы, они надеялись найти путь, по которому господь вывел бы их из одичалости и гибели.

Одновременно с мессиями и поисками скрытых значений священного писания, в гетто возникла еще одна секта: хасиды. Это были люди, которые, пренебрегая правилами нормальной жизни, проводили все свое время за священным писанием и в молитвах, благодаря чему им удавалось уйти от горестной действительности в некий религиозный экстаз.

Мессии — каббалисты — хасиды, — все явления, порожденные отчаянием.

Менделю Ландау все это было известно. Он знал также, что были и более светлые периоды, когда гнет не так душил, и законы смягчались. История самой Польши была вся в крови. Поляки дрались за свободу в нескончаемом ряде войн, восстаний и переворотов. Польшу не раз расчленяли и, когда она не была оккупирована, ей грозила оккупация. В этих непрерывных войнах евреи брались за оружие тоже и дрались плечом к плечу с поляками, ставя польское дело выше своего собственного.

Многое из того, что было известно Менделю Ландау, принадлежало теперь истории. Теперь стоял 1939-ый год, и Польша была республикой. Он и его семья больше не жили в гетто. В стране проживали более трех миллионов евреев и они играли немалую роль в жизни страны.

Однако гонения не прекратились и после образования республики. Они только приняли менее жестокие формы. По-прежнему с евреев взимали особый налог; по-прежнему их всячески душили экономически. Поляки все так же винили евреев, когда на страну обрушивались ливни, засухи и т. п.

Гетто, правда, не стало, но для Менделя Ландау вся Польша, где бы он ни жил, была сплошным гетто. Польша, правда, была республикой, но начиная с 1936-го года Менделю Ландау опять пришлось быть свидетелем погромов и издевательств над евреями: в Бжесце, Ченстохове, Бжитике, Минске мазовецком, и слышать улюлюканье хулиганов, набивших руку на еврейских погромах и на выдергивании еврейских бород.

Итак, Мендель Ландау и Иоганн Клемент пришли к противоположным выводам. После семи веков проживания в Польше Мендель Ландау все еще считался пришельцем и он хорошо это знал.

Мендель был простой и очень скромный человек. Лея, его жена, была самая заурядная женщина, преданная, работающая до изнеможения жена и мать.

Мендель Ландау хотел оставить своим детям что-нибудь в наследство. У него не было фанатизма хасидов к молитве, он не верил также в мессию и в выкладки каббалы. Мендель Ландау только в очень слабой мере придерживался веры своих предков. Он отмечал еврейские праздники, как большинство христиан празднуют, скажем, пасху и рождество. Библия была для него не столько священной книгой, сколько историей его народа. Таким образом, он не смог дать своим детям сколько-нибудь твердого религиозного чувства.

Зато Мендель Ландау дал своим детям идею. Она была призрачной, нереальной — всего лишь мечтой. Он вселил в своих детей мысль о том, что евреи должны когда-нибудь вернуться в Палестину и воссоздать там свое древнее государство. Только в собственном государстве они смогут добиться когда-нибудь равенства.

Мендель Ландау был пекарем. Это был нелегкий труд. Весь его мир состоял из забот о семье, об обеспечении ее пищей, кровом, одеждой, образованием и родительской любовью. Даже в самых смелых своих мечтах он не верил, что его дети увидят когда-нибудь Палестину. Но он верил в идею.

Мендель был не одинок среди польских евреев. Среди трех с половиной миллионов евреев, проживавших в Польше, несколько сот тысяч верили в те же идеалы, в которые верил Мендель Ландау, отсюда и бил неиссякаемый источник сионизма. Были религиозные сионисты, сионисты-социалисты, небольшие воинствующие группы и сионизм средних классов.

Будучи членом профсоюза, Мендель и члены его семьи принадлежали к одной сионистско-социалистической группе, называвшей себя «Габоним» — «Строители». Вся общественная жизнь семейства Ландау проходила среди «Строителей». Время от времени приезжали представители из Палестины, велась просветительная работа, обсуждались книги и брошюры; они пели песни, устраивали пляс-

ки, словом — идея жила полнокровной жизнью.

Организация «Габоним», как и другие сионистские организации, содержала сельскохозяйственные фермы, где юноши и девушки проходили обучение и привыкали к земледельческому труду. Они частенько отправляли такие молодежные группы в Палестину для обработки и освоения вновь купленных земель.

Семейство Ландау насчитывало шесть душ. Кроме Менделя и Леи, был еще старший сын Мундек, стройный парень лет восемнадцати — тоже пекарь. Мундек был врожденный вожак и состоял группоргом в «Габоним». Были еще две девушки: Рут, 17 лет, ужасно робкая, какой была когда-то и сама Лея. Она была влюблена в Яна, который тоже был вожакom среди «Габоним». Реббеке было еще только 14 лет, и был еще маленький Дов, самый младший в семье. Это был светловолосый мальчуган лет десяти, с огромными глазами. Он был еще слишком мал, чтобы состоять в «Габоним». Он боготворил своего брата Мундека, который снисходительно позволял ему изредка приходить на собрания.

1-го СЕНТЯБРЯ 1939-го ГОДА.

Инсценировав ряд мнимых пограничных инцидентов, немцы напали на Польшу. Мендель Ландау и его старший сын Мундек были призваны в армию.

Немецкий вермахт разбил Польшу вдребезги всего за каких-нибудь 26 дней. Мендель Ландау был убит в бою вместе с еще тридцатью тысячами еврейских солдат, надевших польскую военную форму.

Семейство Ландау не могло позволить себе роскошь долго оплакивать своего погибшего отца, так как время наступило чрезвычайно опасное. Мундек вернулся после мужественной, но бесполезной защиты Варшавы, и занял место главы семьи.

В тот самый день, когда немцы вошли в Варшаву, «Габоним» устроили собрание, чтобы обсудить, как быть дальше. Большинство польских евреев лелеяли иллюзорные надежды, что, дескать, ничего страшного с ними не случится, и придерживались позиции: «поживем, увидим». «Габоним» и остальные сионистские группы по всей Польше были не такими наивными. Они были уверены, что не-

мецкая оккупация чревата для них со смертельной опасностью.

«Габоним» и многие другие сионистские группы решили сплотиться воедино и действовать сообща. Некоторые группы предпочли бежать в Советский Союз, чьи войска тоже вступили в Польшу вслед за немецким нападением и отторгли восточную часть Польши. Другие группы ушли в подполье, а третьи стали работать над организацией нелегального бегства за границу.

«Габоним» решили остаться в Варшаве и создать сопротивление в самом городе, установив связь с группами тех же «Строителей» всей Польши. Мундек был избран военным руководителем организации, хотя ему еще не было и девятнадцати. Ян, тайная любовь Руфи, был назначен помощником Мундека.

Как только немцы организовали оккупационный режим и Ганс Франк был назначен губернатором, тут же был издан ряд декретов против евреев. Молитвы были запрещены, свобода передвижения — ограничена, налоги — неимоверно увеличены. Евреи были изгнаны с государственных, гражданских и выборных должностей. Евреям не разрешалось стоять в очереди за хлебом, запрещалось ходить в общественные места. Еврейские дети были изгнаны из школ.

Поговаривали даже о создании специального гетто.

Одновременно с антиеврейскими декретами немцы развернули «просветительную» кампанию среди польского населения. Целью этой кампании было — укрепить в людях и без того распространенное среди них мнение, что именно евреи развязали войну. Немцы заявляли, что именно евреи ответственны за оккупацию страны Германией, преследующей, дескать, одну единственную цель, а именно: спасение Польши от «жидов и большевиков». Варшава и остальные города были наводнены плакатами, на которых изображалось, как бородатые жида насилюют малолетних и творят свой пресловутый «жидовский» разврат. Выдергивание бород, осквернение синагог, публичные издевательства — все это всячески поощрялось.

БЕРЛИН, ГЕРМАНИЯ.

В Германии нацистские главари бились над «еврейским вопросом». Было разработано много проектов. Гейдрих,

начальник Эс-Дэ, предлагал взимать выкуп за каждого еврея, а затем сослать их всех в массовом порядке. Шахт, финансовый гений гитлеровской Германии, предложил выкачать постепенно деньги у евреев. Много было предложено и обсуждено проектов. Вспомнили и старый план сослать всех евреев на остров Мадагаскар. Были и такие, что предпочли бы выслать евреев в Палестину, но британская блокада делала это невозможным.

Оберштурмфюрер эсэс Эйхман давно занимался вопросом «расселения» евреев. Он родился в Палестине, бегло говорил по-иврит и был поэтому наиболее подходящим человеком, чтобы провести в жизнь «окончательное решение» еврейского вопроса. Он разбил свой штаб на Курфюрстендаме 46. Прежде всего выяснилось, что еще до того как приступить к «окончательному решению», необходимо осуществить широкую программу переселения. Большинство нацистских главарей сходились на том, что Польша — наиболее подходящее место для этого. Во-первых, в Польше и без того проживает три с половиной миллионов евреев. Во-вторых, в Польше эти массовые ссылки не вызовут того возмущения, которое они вызвали бы в Западной Европе.

Генс Франк, немецкий генерал-губернатор, возражал против отправки евреев в Польшу. Он делал все, что было в его силах, чтобы истребить польских евреев; он расстреливал и вешал, сколько только мог. Но с Франком в Берлине не посчитались.

Немцы организовали сначала охоту на евреев по всей Польше. Специальные отряды врываются в местечки и города и накрывают евреев по определенному сигналу. Их погружали в товарные вагоны, часто не разрешая им взять с собой вещей, и отправляли в города покрупнее.

Некоторые евреи заблаговременно узнавали о намечавшихся облавах и либо бежали, либо пытались прятаться в христианских домах. Очень мало поляков шли на этот риск. Чаще всего они выжимали у евреев все до последней копейки; а затем выдавали их немцам, получая за это дополнительную награду.

Когда кампания «переселений» была завершена, немцы издали декрет, обязывающий всех евреев носить повязку с шестиконечной звездой.

Польша — не Дания. Поляки не стали протестовать про-

тив этого декрета, и евреи носили не только повязку, но Давидов Щит был пришит у них еще и на спине.

ВАРШАВА, ЗИМА 1939-го ГОДА.

Для семейства Ландау наступили трудные дни. Смерть отца, разговоры о восстановлении гетто, беспрестанные «переселения» и нужда делали жизнь очень трудной.

Однажды утром, в начале 1940-го года, у дверей их дома раздался стук. Это были польские синерубашечники, местные полицейские, сотрудничавшие с немцами. Они приказным лаем объявили Лее, что в ее распоряжении два часа, чтобы собрать свои вещи и перебраться в другой район Варшавы, предназначенный специально для евреев. Никакого возмещения за покидаемый дом. У Лей едва хватило времени, чтобы собрать самое ценное из того, что она скопила за 20 лет супружества. Всех евреев Варшавы, в том числе и семейство Ландау, загнали в специально выделенный для этого район в центре Варшавы, расположенный неподалеку от железной дороги.

Мундек и Ян не стали мешкать. Они первыми заняли трехэтажное здание под жилье и штаб для ста с лишним «строителей». Пятеро членов семейства Ландау получили крохотную комнатку с матрацами на полу и парой стульев. Кухня и уборная были общие для десятка разместившихся по соседству семейств.

Евреев загнали в тесный район, длиной всего в 12 кварталов: от улицы Иерозалимской и до кладбища и шириной в шесть кварталов. «Строители» обосновались в квартале щеточников на улице Лешно. Лее удалось спасти кое-какие драгоценности, которые могли пригодиться в дальнейшем, хотя срочной необходимости в них еще пока не было, так как Мундек продолжал работать в пекарне, а «Строители» клали свои продукты в общий котел.

Варшаву наводнили евреи, пригнанные из провинции. Они прибывали нескончаемыми шеренгами, таща то, что им разрешили унести, на плечах, на тачках, детских колясках. Их выгружали эшелон за эшелоном вдоль железнодорожного пути, проходящего неподалеку от гетто. Вскоре во всем районе негде было повернуться. Семейство Яна поселилось вместе с семейством Ландау. Их было теперь девять человек в комнате. Ухаживание Яна за Руфью перестало быть секретом.

Немцы заставили евреев создать свой собственный совет для управления делами района, но он стал вскоре орудием в руках немецких оккупационных властей. Некоторые евреи предпочли выслужиться перед немцами и пошли служить в специальную еврейскую полицию. Население района достигло вскоре полумиллиона.

К концу 1940-го года, спустя год после захвата Польши, немцы стали мобилизовывать трудовые батальоны, в которые загнали много тысяч евреев. Вокруг еврейского района воздвигли трехметровую каменную стену, а сверху протянули колючую проволоку. Все пятнадцать выходов охранялись польскими синерубашечниками и литовскими полицаями. **В Польше воскресло гетто!** Сообщение между гетто и внешним миром прекратилось почти полностью. Мундек, работавший за стенами гетто, ходил сейчас безработным. Продовольствия, отпускаемого для всего гетто, едва хватало, чтобы прокормить кое-как половину людей. Только те, кто работали в каком-нибудь трудовом батальоне или на заводе за пределами гетто, и у кого был рабочий «пропуск», еще могли достать что-нибудь из продуктов.

Создание гетто вызвало панику. Некоторые евреи начали продавать все, что у них было, чтобы доставать пищу, а были и такие, которые пытались бежать из гетто, чтобы потом спрятаться в каком-нибудь христианском семействе. Но все попытки бегства кончались либо гибелью, либо выдачей бежавших властям уже по ту сторону стен гетто. Жизнь в стенах гетто превращалась мало-помалу в беспощадную борьбу за голое существование.

Мундек Ландау оказался талантливым руководителем. Благодаря своему положению среди «Строителей» он получил от юденрата разрешение на открытие пекарни в гетто. Таким образом, благодаря взаимной спайке его группе удалось выжить и кое-как прокормиться.

Но не все в гетто было так мрачно. Прекрасный симфонический оркестр давал каждую неделю концерты, работали школы, создавались драмкружки, читались доклады, велись дискуссии. Издавалась даже своя газета, и особые денежные знаки имели всеобщее хождение в гетто. Проводились также тайные богослужения. Во всем этом «Строители» играли важную роль. Хотя маленькому Дову и хотелось принять более активное участие в работе

«Стронтелей», но родные заставляли его учиться как можно больше, пока не поздно.

МАРТ 1941-го ГОДА

Спустя полтора года после нападения на Польшу Гитлер распорядился о проведении в жизнь «окончательного решения» еврейского вопроса. Приказ был устный. Месяца через полтора начальник эсдэ Гейдрих доложил о приказе фюрера на секретном совещании главарей эсэс, эсдэ и прочих нацистских организаций, созванном в Гросс-Ванзее.

«Окончательное решение» было в сущности чистейшим геноцидом.

Оберштурмфюреру эсэс Эйхману, специалисту по еврейским делам, было поручено истребление евреев Европы.

В течение нескольких месяцев специальные карательные отряды эсдэ «Эйнзацкомандос» были превращены в «Зондерэйнзацgruppen» и они наводнили Польшу, балтийские страны и оккупированные советские области, где они приступили к своей народоубийственной миссии. Специальные карательные отряды эти действовали сначала по заранее разработанному плану. Они сгоняли всех евреев в одно место и заставляли вырыть себе могилы. Затем их ставили на колени у краев могил и убивали выстрелом в затылок.

Рекорд специальные карательные отряды поставили в Киеве, где в Бабьем Яру, неподалеку от города, в течение двух дней были согнаны и расстреляны на краю огромных рвов 33 тысячи евреев.

Карательные отряды действовали так успешно потому, что местное население не оказывало никакого сопротивления. Больше того, оно в известной степени разделяло ненависть немцев к евреям. Побойще в Бабьем Яру происходило на глазах и под громкие крики одобрения украинской толпы.

Вскоре, однако, выяснилось, что методов карательных групп недостаточно для доведения до конца программы геноцида. Расстрелы шли медленно и были неудобны. Кроме того, сами евреи упрямо не вымирали так быстро, как того хотелось немцам.

Эйхман, Пауль Блобель, Гимлер, Штрейхер и десятки других немецко-фашистских главарей выработали грандиозный в своей чудовищности план. Для проведения это-

го плана в жизнь было необходимо тщательно отобрать особые места, расположенные у железной дороги и неподалеку от крупных населенных пунктов. Лучшие инженеры должны были построить при минимальных затратах лагерь уничтожения, чтобы истребление можно было проводить в массовом порядке.

Для руководства новыми лагерями были отобраны лучшие кадры старых концентрационных лагерей, разбросанных по всей Германии.

ЗИМА 1941-го ГОДА.

В Варшавском гетто свирепствовала смерть. По сравнению с тем, что творилось в Варшавском гетто, бледнел даже Бабий Яр. Сотни и тысячи людей умирали от голода и холода. Дети, у которых давно уже не было сил плакать, умирали сотнями, и сотнями же умирали старики, у которых уже не было сил молиться. Каждое утро улицы были усеяны новыми трупами. Санитарные отряды обходили улицы с лопатами и набрасывали трупы на тачки. Малышки, подростки, женщины, мужчины умирали прямо на улицах, их трупы нагромождали один на другой и отвозили в крематорий, чтобы загрузить ими печи.

Когда пекарню Мундека закрыли, Дову было уже одиннадцать лет. Он бросил школу и шатался по улицам в поисках пищи. Даже такие крепко спаянные группы, как «Строители», и те находились в ужасном положении. Дов усвоил все приемы, необходимые для того, чтобы выжить в условиях гетто. Он передвигался, прислушивался и действовал с хитростью зверька. Дома часто нечего было есть. Когда никому из «Строителей» не удавалось достать что-нибудь, Лея обменивала на пищу какую-нибудь из своих драгоценностей.

Это была долгая и жестокая зима. Однажды, когда у них целых пять дней нечего было есть, Лея наконец все-таки приготовила обед, но обручального кольца не стало на ее пальце. Потом положение несколько улучшилось, так как «Строители» где-то достали дохлую лошадь. Это была старая, костлявая кляча; кроме того, по еврейским законам запрещено есть конину, но какая же она была вкусная!

Руфи уже было 19 лет. В эту зиму она вышла замуж за Яна. Она до того похудела, что от ее красоты не осталось и следа. Медовый месяц они провели с Яном в общей

комнате вместе с остальными четырьмя членами семейства Ландау и тремя членами его семьи. И тем не менее молодые супруги ухитрились как-то уединиться; весной Руфь уже была беременна.

Одной из главных обязанностей Мундека в качестве руководителя организации «Строителей» была связь со внешним миром. Польских синерубашечников и литовцев всегда можно было подкупить деньгами, но Мундек считал, что деньги надо беречь для более важных дел. Он начал искать подземные выходы из гетто — через канализационные трубы. Было опасно выбираться в Варшаву, потому что банды польских хулиганов зорко охотились за евреями, чтобы шантажировать их или выдать немцам за награду.

«Строители» потеряли пять человек, посланных с поручениями за пределы гетто. Последним хулиганы поймали, выдали гестапо и тут же повесили Яна, мужа Руфи.

Маленький Дов усвоил множество хитростей в ежедневной борьбе за существование в гетто. Он пошел к Мундеку и вызвался быть его курьером по канализационным ходам. Мундек не хотел и слышать об этом, но Дов настаивал. У него были светлые волосы и голубые глаза, и он меньше всех походил на еврея. К тому же он еще мальчик и, следовательно, не вызовет подозрений. Мундек знал, что Дов смысленный мальчик и хитрый, но он никак не мог решиться поручить своему маленькому брату такое опасное дело. Потом, когда Мундек потерял своего шестого, а затем и седьмого курьера всего за несколько дней, он решил попытать счастья с Довом. Он подумал, все равно ведь их на каждом шагу подстерегает смерть. Лея понимала это тоже и не стала возражать.

Дов оказался лучшим курьером гетто. Он выискал десятки разных подземных лазеек. Он чувствовал себя как дома в этих каналах, где текли густые, грязные и вонючие отбросы Варшавы. Каждый понедельник Дов совершал такую вылазку, пробираясь впотьмах и по грудь в воде. Выбравшись в Варшаву, он отправлялся на улицу Забровска 99, где жила женщина, которую звали Вандой. Пообедав, он возвращался в гетто теми же каналами, нагруженный пистолетами, боевыми зарядами, запчастями для радиостанций и новостями из других гетто и от партизан.

В свободное время, то есть, когда он не был в походе, Дов любил сидеть в штабе, где Мундек и Реббека про-

водили почти все свое время. Реббека занималась подделкой пропусков и паспортов. Дов любил смотреть, как она это делает, и вскоре он и сам начал помогать ей. Очень скоро выяснилось, что у Дова исключительные способности. У него был острый глаз и твердая рука, и в возрасте двенадцати лет он был лучшим подделывателем бумаг среди «Строителей».

ПОЗДНЕЙ ВЕСНОЙ 1942-го ГОДА.

Немцы сделали важный шаг по пути «окончательного решения» еврейского вопроса, построив ряд лагерей массового уничтожения. Для евреев варшавской зоны была выделена и отгорожена от постороннего глаза территория в 33 акра в Треблинке. В двух главных корпусах были сооружены 13 газовых камер. Там находились и жилые дома для рабочих и немецкой охраны, и там же были огромные печи для сжигания трупов. Лагерь в Треблинке, один из первых таких лагерей, был только первенцем целого ряда других, более эффективных лагерей уничтожения, построенных впоследствии.

ИЮЛЬ 1942-го ГОДА.

Июль месяц принес с собой день глубокого траура для всех евреев. Евреи варшавского и других польских гетто отмечали этот день, возможно, еще более глубоким трауром, чем все остальные евреи. Был день девятого Ава, день ежегодного еврейского траура в память дважды разрушенного — вавилонцами и римлянами — иерусалимского храма. Ибо падение Иерусалима в войне с римлянами около двух тысяч лет тому назад ознаменовало собой конец государственного существования евреев. С тех пор евреи жили, рассеянные по всему миру. С того времени они жили в так называемой диаспоре.

9-ый день месяца Ав совпал в 1942-ом году с важнейшим этапом «окончательного решения» еврейского вопроса.

В то самое время, когда евреи оплакивали свои былые и новые несчастья, немецкие отряды ворвались в гетто и остановились перед зданием юденрата. Могло показаться, что немцы затевают новую облаву для пополнения трудовых батальонов. Но на этот раз в воз-

духе носилось что-то гораздо худшее. Началось с того, что немцы стали сгонять только стариков и детей. В гетто возникла паника. Когда немцы согнали в одно место стариков, они устроили настоящую охоту на детей, прямо вырывая их из рук матерей.

Всех согнали на Умшлагплац, а оттуда погнали по улице Ставки к железной дороге, где уже стоял длинный ряд товарных вагонов. Собралась ошеломленная и испуганная толпа. Матерей, в отчаянии бросавшихся к своим детям, удерживали силой, а некоторых тут же и пристрелили.

Дети смеялись и пели. Немецкая охрана обещала им прогулку за город. Вот это да! Многие из них уже забыли, когда были за пределами гетто.

Поезд медленно тронулся по направлению к Треблинке. Началось «окончательное решение». Это произошло в день девятого Ава 1942-го года.

Две недели спустя Дов Ландау вернулся от Ванды с улицы Забровска 99 с ужасным донесением. В донесении говорилось, что все те, кого забрали в день 9-го Ава, а затем в ходе еще пяти таких облав, были умерщвлены в газовых камерах какого-то нового лагеря, Треблинки. Из других польских гетто поступали сведения о существовании других таких лагерей; Бельзец и Хелмно в районе Кракова, Майданек в районе Люблина, который не то уже действует, не то вот-вот будет введен в действие. По всему видно, говорилось в донесении, что строят еще десятков таких лагерей.

Массовые убийства в газовых камерах? Это было просто непостижимо! Мундек в качестве руководителя «Габоним» встретился с руководителями других сионистских групп в гетто, и они выпустили совместное воззвание «Ко всем!» немедленно организовать восстание и прорвать стену.

Воззвание имело скорее моральное значение, чем практическое. У евреев не было оружия. Кроме того, каждый, у кого было на руках рабочее удостоверение, считал себя застрахованным от всего.

Однако главная причина, делавшая восстание невозможным, заключалась в том, что никто за стенами гетто не стал бы его поддерживать. Во Франции вишистское правительство категорически отклонило требования немцев о выдаче французских евреев. В Голландии все население было полно решимости спрятать евреев у себя дома. В

Дании король не только не обращал внимания на немецкие декреты, но датчане еще эвакуировали всех евреев в Швецию.

Поляки же, если они и не поддерживали прямо истребления своих евреев, но и не возражали. Во всяком случае, открыто не протестовали. Только очень небольшая часть поляков была готова скрывать у себя евреев.

В стенах гетто каждая еврейская организация придерживалась своей идеологии. Религиозные препирались с социалистами, консервативные с левыми. Евреи любят препираться. В условиях гетто споры и дискуссии всегда играли большую роль. Но сейчас им грозила смертельная опасность. «Строители» Мундека объединили все враждовавшие группы и создали единое руководство. Эта объединенная организация носила название ЦОБ, и ее ближайшей задачей было сплочение воедино остатков евреев в гетто.

Дов делал теперь одну вылазку за другой к Ванде на улицу Забровска 99. В каждый такой поход он доставлял польскому подполью просьбы от ЦОБ об оружии и помощи. Большинство этих просьб так и осталось без ответа, а те ответы, которые поступили, были просто отписками.

В продолжение этого ужасного лета, когда немцы отправляли в Трешлинку один транспорт евреев за другим, ЦОБ делал отчаянные попытки приостановить это поголовное уничтожение.

Однажды, в начале сентября, Дов чуть не попался. Выходя от Ванды, он привлек внимание четырех хулиганов. Он пытался убежать, но те загнали его в переулок, из которого не было выхода, и потребовали у него документов, которые бы удостоверили, что он не еврей. Мальчик стоял спиной к стене, и его мучители напирали на него со всех сторон, намереваясь спустить ему штаны, чтобы удостовериться самым недвусмысленным образом — еврей он или не еврей. Дов выхватил пистолет, который он должен был доставить в гетто, и наповал убил одного из хулиганов. Остальные убежали. Сам Дов что было мочи побежал прочь и вскоре был уже в канале.

Вернувшись домой, мальчик свалился. Мундек пытался успокоить его. Дов всегда чувствовал какую-то чудесную теплоту, когда брат бывал рядом. Мундеку было теперь без малого 21 год, но он был ужасно худой и вид у него

всегда был усталый. Он был хорошим руководителем и работал до изнеможения. Ему удалось сохранить почти весь отряд «Строителей», и их боевой дух был по-прежнему высок. Братья тихо беседовали. Дов успокоился. Мундек положил руку Дову на плечо, они вышли вдвоем из штаба и пошли в свою комнату. Мундек говорил о том, что Руфь должна вот-вот родить, и как это будет чудесно, когда Дов вдруг станет дядей. Конечно, ребенок будет племянником всех «Строителей», но все-таки Дов будет его настоящим дядей. В отряде уже и до этого справляли свадьбы и уже даже родилось трое детей — все новые «Строители». Но самым чудесным ребенком будет, конечно, сын Руфи. А тут еще Мундек сказал Дову, что им удалось «организовать» еще одну лошадиную тушу, так что будет настоящий пир. У Дова дрожь прекратилась. Добравшись наверх, Дов улыбнулся Мундеку и сказал, что очень его любит.

Едва они открыли дверь и взглянули на Реббеку, как им сразу стало ясно, что стряслась беда. Мундеку с трудом удалось заставить Реббеку рассказать внятно в чем дело.

— Мать и Руфь! — рыдала она. — Их забрали с фабрики. Отменили пропуска и повели на Умшлагплац.

Дов бросился к двери. Мундек схватил его. Мальчик визжал и вырывался.

— Дов, Дов, ничего нельзя сделать!

— Мама, мама, я хочу к маме!

— Дов, Дов, неужели тебе хочется посмотреть, как ее уведут?

Руфь, на восьмом месяце беременности, до газовых камер Треблинки так и не доехала. Она умерла при родах вместе с ребенком в товарном вагоне, до того набитом, что не было никакой возможности прилечь.

Комендант Треблинки, полковник эсэс Вирт, был вне себя от бешенства. Опять случилась авария в газовых камерах, а тут ожидался новый транспорт из Варшавского гетто. Вирт гордился тем, что Треблинка занимала первое место в области предоставления «специальных услуг» среди всех лагерей в Польше. Инженеры доложили, что нет никакой возможности устранить аварию еще до прибытия транспорта из Варшавы.

В довершение всех бед, вот-вот должны были прибыть в целях личной инспекции штурмбанфюрер Эйхман и сам Гиммлер, а Вирт намеревался устроить в их честь пока-

зательный сеанс массового умерщвления в газовых камерах.

Пришлось собрать все старые, почти уже вышедшие из строя, душегубки в окрестностях и послать их на станцию для приема груза. При нормальных условиях в душегубке размещалось всего 20 человек. Но это был аварийный случай. Заставив жертвы поднять руки вверх, немцам удалось втолкнуть в кузова еще шесть или восемь евреев. Затем они обнаружили, что между макушками стоявших и потолком осталось еще несколько дюймов свободного пространства; они и туда затолкнули человек восемь или десять детей.

Лея Ландау находилась в состоянии полнейшей прострации после гибели Руфи, когда поезд загнали в тупик неподалеку от Треблинки. Ее и еще тридцать женщин вытаскивали из товарного вагона и кнутом, дубинками, собаками, их загнали в душегубку, заставив поднять руки над головой. Когда душегубка была набита до отказа, железная дверь захлопнулась. Машина тронулась, и не прошло и минуты, как стальной кузов машины наполнился окисью углерода. Когда машина доехала до лагеря и остановилась у заранее вырытых ям, все в кузове были уже мертвы; оставалось только разгрузить трупы и вырвать золотые корснки из ртов жертв.

Но тут Лея, наконец, надсмеялась над палачами: ее золотые зубы были уже давно выдернуты и обменены на пищу.

Опять настала зима, и немцы устраивали облавы все чаще и чаще.

Все гетто перебралось теперь в подвалы, захватив с собой все, что представляло собой какую-то ценность. Подвалы все более расширяли, а некоторые, как подвал «Стронтелей», были превращены в настоящие дзоты. Возникли десятки, затем и сотни таких бункеров. Прокладывались подземные ходы сообщения между ними.

Облавы, устраиваемые немцами и их польскими и литовскими наймитами, приносили все меньший и меньший улов евреев для Треблинки.

Немцы начинали злиться. Бункеры были так хорошо замаскированы, что их почти нельзя было обнаружить. Наконец комендант Варшавы пожаловал в гетто самолично, чтобы поговорить с председателем юденрата. Он был очень

сердит и требовал, чтобы юденрат помог немцам в быстрейшем завершении программы «переселения» и вылавливании трусов, скрывающихся от «честного труда». Вот уже три года, как юденрат находился между молотом и наковальней: с одной стороны, ему приходилось выполнять распоряжения немцев, а с другой он пытался спасти евреев. Теперь, сразу после того как немцы потребовали его прямую помощь, председатель юденрата покончил с собой.

В гетто опять пришла зима.

«Стреителям» Мундека было поручено разработать план обороны части квартала щеточников. Дов проводил свои дни либо в канале, либо в бункере, подделывая бумаги и паспорта. Все-таки его подземные экспедиции позволяли ему наедаться досыта один или два раза в неделю у Ванды. Он выводил теперь из гетто стариков и инвалидов, а на обратном пути приносил оружие и радиочасти.

В эту зиму 1943-го года смертность в гетто достигла пугающих размеров. Из полумиллиона евреев, загнанных в гетто первоначально, в живых осталось всего каких-нибудь 50 тысяч.

Однажды, в середине января, Мундек и Реббека отвели Дова в сторону перед тем, как ему отправиться по каналу к Ванде.

— Мы до того замотались последнее время, — сказал Мундек, — что даже посидеть и поговорить некогда.

— Дов, — сказала Реббека, — Мы тут переговорили кое о чем, пока ты был в Варшаве, и поставили вопрос на голосование. Было решено, что ты останешься на той стороне.

— Какое-нибудь особое задание? — спросил Дов.

— Нет... ты не понял.

— А что такое?

— А то, — сказала Реббека, — что мы решили отправить кое-кого из наших ребят в город насовсем.

Дов не понимал. Он знал, что «Строители» нуждаются в нем. Ни один человек во всей организации не знал канал так, как знал его он. Если ЦОБ готовит теперь оборону, то, значит, он им нужен еще больше. Кроме того, он подделывает документы и паспорта, благодаря которым многим уже удалось выбраться из Польши. Дов вопросительно посмотрел на брата и сестру.

Реббека зажала ему в руки конверт.

— Здесь деньги и бумаги. Поживешь у Ванды, пока она найдет для тебя какую-нибудь христианскую семью, где ты сможешь спрятаться.

— Ничего вы не проголосовали. Это ты с Мундеком все выдумали. Никуда я не пойду.

— Ты пойдешь. Это приказ, — сказал Мундек.

— Какой это приказ? — отмахнулся Дов.

— Это приказ от главы нашей семьи!

Все трое стояли в крошечной землянке, в углу бункера. Стало очень тихо.

— Это приказ, — повторил Мундек.

Реббека обняла Дова и погладила его по волосам.

— Ты теперь большой, Дов. Жилось тебе с нами не очень сладко. Сколько раз мне приходилось смотреть, как ты спускаешься в канал, и сколько раз ты приносил нам ворованную пищу! У тебя совсем не было детства.

— Вы тут ни при чем.

— Дов, — сказал Мундек. — Пожалуйста, сделай нам с Реббекой это единственное одолжение. Мы не очень тебя баловали. Не мешай нам, когда мы пытаемся спасти твою жизнь.

— Мундек, Реббека! Мне ничего не надо. Лишь бы остаться с вами!

— Пожалуйста... ну, пожалуйста, Дов! Пойми ты нас! По крайней мере, один Ландау должен остаться в живых. Надо, чтоб ты жил за нас за всех.

Дов взглянул на брата, которого он боготворил. Глаза Мундека смотрели с мольбой.

— Ладно, я понял, — прошептал Дов. — Я буду жить.

Он посмотрел на конверт, сунул его в брезент, так чтобы его не намочило в канале.

Реббека прижала его голову к своей груди.

— Встретимся в Эрец Исраэль! — сказала она.

— Да... в стране Израиля.

— Ты был хорошим бойцом, Дов, — сказал Мундек. — Я горжусь тобой. Шалом, лейтраот.

— Шалом, лейтраот, — повторил Дов.

Дов Ландау провел свой тринадцатый день рождения, пробираясь по сточным каналам Варшавы к Ванде на квартиру. У него было на душе так тяжело, что, казалось, он этого не вынесет. При иных условиях и в ином мире это был бы день его Бар-мицвы.

18-го ЯНВАРЯ 1943-го ГОДА

Три дня после того, как Дов покинул гетто, ища временный приют на квартире у Ванды, немцы, польские синерубашечники и литовцы наводнили гетто. Теперь, когда осталось всего пятьдесят тысяч евреев, они начали форсировать, «окончательное решение».

Однако немцев и их приспешников встретил град пуль из оборонительных позиций ЦОБ. Они бежали, оставив за собой немалые потери.

Эта новость распространилась по Варшаве с быстротой пожара!

Евреи восстали!

В эту ночь вся Варшава напряженно слушала подпольную радиостанцию ЦОБ, непрерывно передававшую следующее воззвание:

«Братья поляки! Сегодня мы нанесли удар по палачам! Мы призываем всех наших братьев, находящихся за пределами гетто, восстать тоже и ударить по врагу. Присоединяйтесь к нам!».

Все остались глухи к этому возванию. Но на здании штаба ЦОБ, расположенном на улице Мила, был поднят флаг со Щитом Давида. Рядом с ним развевалось польское национальное знамя. Евреи варшавского гетто решили биться насмерть под тем знаменем, под которым им было отказано жить.

ГЛАВА 23.

Самолюбие немцев было жестоко оскорблено тем, что их прогнали из гетто. Конрад, начальник гестапо по делам гетто, доложил Гансу Франку, генералгубернатору Польши, что за два или три дня со всем этим будет покончено. Поляки, которым до этого говорили, что евреи — подлые трусы, уверяли теперь, что это все — дело рук горстки безумцев и сексуальных маньяков, тех самых, кто насиловал польских девушек.

ЦОБ взял власть в гетто в свои руки и первым делом сместил юденрат. Быстро и беспощадно расправившись с теми, о которых было известно, что они добросовестно служили немцам, они вернулись в свои бункеры.

Ганс Франк решил не поддаваться на удочку восставших и отказался от немедленного наступления на гетто. Немцы решили поднять восставших на смех и свести на нет значение восстания. Они развернули широкую пропагандистскую кампанию, требуя от обитателей гетто добровольной явки для дальнейшего «переселения» и обещая хорошее отношение ко всем тем, кто согласится «работать честно».

ЦОБ издал распоряжение, оповещавшее жителей гетто о том, что каждый, кто попытается выполнить требования немцев, будет немедленно расстрелян. Никаких «переселений» больше не будет.

Две недели прошли спокойно. Затем вооруженные отряды вновь отправились в гетто на облаву. На этот раз они были хорошо вооружены и передвигались в высшей степени осторожно. Бойцы ЦОБ, хорошо укрывшись в тщательно подготовленных позициях, открыли огонь. Опять немцам пришлось отступить.

Немцы задумались. Их печать и радио неистово ругали жидовских большевиков, повинных в беспорядках. Пока они неистовствовали, ЦОБ еще больше укрепил свои оборонительные позиции и отчаянно продолжал взывать о помощи к польскому подполью. Они обращали свои призывы ко всем слоям населения, но ни оружия, ни помощи

не приходило: только несколько десятков добровольцев пробрались по каналам в гетто, чтобы принять участие в борьбе.

Немецкое командование разработало план, чтобы одним решительным ударом стереть с лица земли все, что осталось от гетто. Они выбрали для этого канун пасхи, праздника, олицетворяющего исход евреев из египетского рабства под водительством Моисея.

В три часа утра три тысячи отборных эсэсовских карателей, при поддержке польских синерубашечников и литовцев, окружили гетто кольцом. Десятки прожекторов заматались по гетто, выискивая цели для немецких минометов и легких орудий. Артподготовка велась до самого утра.

На рассвете эсэсовцы пошли в атаку. Сходясь со всех концов, они проникли глубоко в сердце гетто, не встречая сопротивления.

Из-за тщательно замаскированных баррикад, с крыш домов, из окон, бойцы ЦОБ — мужчины и женщины — внезапно открыли огонь из легкого огнестрельного оружия и с короткого расстояния по попавшим в засаду немцам. В третий раз немцам пришлось спасаться бегством.

Вне себя от ярости, немцы вернулись в гетто на танках, но их встретил ураган бутылок с горючим, превративших стальные чудовища в пылающие гробы. Немцам пришлось бросить подбитые танки и бежать опять; на этот раз они оставили на улицах гетто несколько сот человек убитыми.

Бойцы ЦОБ вмиг выскочили из укрытий и собрали брошенное немецкое оружие, а также сняли с павших военную форму.

Конрад был смещен с должности. На его место пришел генерал эсэс Строоп. Ему было приказано разрушить гетто до основания, чтобы в дальнейшем никому уж неповадно было сопротивляться немецким вооруженным силам.

Строоп день за днем организовывал одну атаку за другой. В каждой новой атаке он прибегал к другой тактике и наносил удар из другого направления. Но каждую атаку и каждый отряд постигла одна и та же судьба: бойцы ЦОБ, сражаясь, как безумные, за каждый дом, за каждую пядь, отражали их одну за другой. Ни один из них живым в руки немцев не сдавался. Самодельные мины, ловушки, бешеные контратаки, отчаянная отвага людей, ко-

торым нечего уже терять, вновь и вновь отбивали атаки немцев и заставляли их отступать.

Прошло десять дней, а обещанной победы не было. Тогда немцы развернули атаку на единственную больницу в гетто. Они ворвались в больницу, расстреляли всех больных до единого, взорвали здание и объявили, что они уничтожили генштаб ЦОБ.

Бойцы ЦОБ, переодевшись в немецкую военную форму, пробирались в ряды немцев, сбивали их с толку, заманивали в ловушки и уничтожали. Они все чаще и чаще пробирались из гетто наружу, чтобы наносить немцам удары в спину, и взрывали склады оружия.

Немцы продолжали свои атаки и, благодаря своему численному превосходству, начали брать верх. ЦОБ не мог заменить павшего бойца, разрушенную позицию приходилось оставить; они не могли пополнить боеприпасы с той быстротой, с какой они их расходовали. И все же, несмотря на свое превосходство, немцам не удалось закрепиться в гетто. ЦОБ обратился с призывом к лицам, не состоявшим в вооруженных соединениях, пробираться в Варшаву, так как не хватало винтовок на всех.

Переодевшись в немецкую форму, Мундек организовал атаку на тюрьму Павиак и освободил всех заключенных.

Трехдневный срок, обещанный Конрадом, растянулся на целых две недели. На 15-ый день боев, Реббека Ландау участвовала в сражении, происходившем в квартале щеточников неподалеку от штаба «Строителей». Разорвавшаяся мина перебила всех, только она одна осталась в живых. От непрерывного минометного огня стены дома стали рушиться, и ей пришлось выскочить из укрытия. Когда немцы ее окружили, отрезав все пути к отступлению, она достала гранату из-за пазухи и бросилась бежать к немцам. Добежав, вырвала предохранитель и погибла, убив заодно трех немцев.

По истечении трех недель Строопу пришлось переменить тактику. Он понес тяжелые потери, пропаганде было уже не скрыть этих потерь, и давным-давно он не мог скрыть отважного сопротивления, оказываемого евреями. Строоп оттянул свои войска назад, окружил гетто плотным кольцом и объявил осаду гетто. Он притащил тяжелые орудия и непрерывно обстреливал гетто, стараясь разрушить все здания, где евреи могли найти укрытие. По ночам бомбар-

дировщики Хейнкель сбрасывали на гетто зажигательные бомбы.

Мундек вернулся к «Строителям» после совещания в штабе ЦОБ. Он и его бойцы едва держались на ногах от изнеможения, голода и жажды. У многих были ожоги. Все собрались вокруг него.

— Немецкая артиллерия разрушила почти все здания. Что еще не рухнуло, то горит, — сказал он.

— С подпольем связь установлена?

— Да, конечно... связь-то мы установили, но вряд ли они нам помогут. Мы не можем теперь достать ни продовольствия, ни воды, ни боеприпасов. Только на то можем рассчитывать, что у нас под руками. Наши коммуникации все разрушены. Короче, друзья, мы не можем больше воевать по плану. Каждый бункер сам себе хозяин. Попытаемся держать связь с штабом ЦОБ посредством посыльных, но если немцы придут опять, мы будем действовать против них самостоятельно, кто как сумеет.

— А сколько мы сможем так продержаться, Мундек? У нас ведь осталось всего человек тридцать людей, десяток пистолетов и шесть штук винтовок.

Мундек улыбнулся.

— Вся Польша продержалась всего лишь 26 дней. Мы и так продержались дольше.

Мундек распределил охрану, раздал что еще осталось из пищи, назначил маршрут для утреннего патруля.

Рифка, одна из девушек, взяла в руки потрепанную гармошку и стала наигрывать тихую, грустную мелодию. В этом сыром, вонючем бункере, три метра под землей, остатки «Строителей» запели неумело и тоскливо. Они пели песню, которую они разучили еще в детстве на собраниях. В песне говорилось о прекрасной Галилее, о чудесной пшенице на ее полях, которую колышет нежный ветерок. В бункере варшавского гетто они пели о полях Галилеи, которые, они это хорошо знали, никто из них уже не увидит.

— Стой! — крикнул наверху караульный, заметив одинокую тень, приближающуюся со стороны горящих развалин.

В бункере мгновенно потушили свет, стало темно и тихо. В дверь раздался обусловленный стук. Дверь открыли и опять закрыли, зажгли свет.

— Дов! Ради бога! Откуда ты взялся!

— Не отсылай меня назад, Мундек!

Братья обнялись, и Дов заплакал. Хорошо чувствовать вокруг себя руки Мундека! Все уселись вокруг Дова, и он доложил им страшную весть о том, что польское подполье не собирается придти им на помощь и что вообще никто там не принимает близко к сердцу все восстание.

— На обратном пути, — сказал Дов, — я видел, что каналы забиты людьми. Они прямо лежат в дерьме; у них нету даже сил встать. Идти им некуда. Никому они в Варшаве не нужны».

Дов вернулся в гетто. И тут произошло что-то странное. Со всей Варшавы и окрестных деревень евреи, которым удалось спрятаться у христиан, стали возвращаться в гетто на последний бой. Они пришли к выводу, что лучше все-таки умереть стоя.

МАЙ 1943-го ГОДА.

Обстрел наконец прекратился.

Пожары улеглись.

Строоп вновь послал свои эсэсовские отряды в гетто. На этот раз все карты были у них в руках. У евреев не было ни оборонительных позиций, ни связи друг с другом, ни планов, и почти не было у них пищи, воды и оружия. Немцы действовали систематически. Они отрезывали один квартал за другим, выкуривали огнем из орудий и огнеметов всех из бункеров, затем полностью разрушали квартал.

Они стремились из всех сил взять кого-нибудь в плен, чтобы пытками заставить его выдать расположение бункеров, но бойцы ЦОБ предпочитали сгореть заживо, чем сдаваться в плен.

Немцы открыли канализационные крышки и накачали в канал отравляющие газы. Скоро все каналы были забиты трупами.

Но ЦОБ все-таки не сдавался. Заметив немецкий патруль, они молниеносно выскакивали из своих бункеров и уничтожали его.

Добровольцы обрекали себя на верную смерть, сея панику и разрушение среди немцев. Немецкие потери все росли и исчислялись уже тысячами.

Строоп продолжал нажимать. Когда какое-нибудь еврейское подразделение распадалось, отдельные бойцы продолжали драться, руководствуясь одним инстинктом.

14-го мая Мундек собрал своих оставшихся из всей группы двенадцать человек и провел с ними совещание. Он предложил им выбрать одно из двух: либо остаться в гетто и стоять насмерть, либо же спуститься в канал, и тогда Дов, может быть, сумеет вывести их из гетто. Тогда у них был бы шанс — очень, правда, небольшой — податься к партизанам. Дов убедил Мундека, что можно обойти те части канализационной сети, которые немцы отравили газами.

Он отправился сначала один. Добравшись до улицы Забровска, он инстинктивно почуял что-то неладное. Он прямо прошел мимо дома, даже не повернув головы. Его острый глаз разглядел десяток мужчин, следивших за домом № 99 с разных концов. Дов не знал, попалась ли Ванда в лапы гестапо, но он твердо знал, что место это небезопасно.

Он вернулся в гетто поздно ночью. Даже ему было теперь трудно найти бункер, так как ни улиц, ни домов больше не было, а были сплошные развалины. Подойдя к бункеру, он почуял знакомый запах горелого мяса. Он спустился под землю и зажег свечу, которую он всегда носил с собой в канале. Слабый, мерцающий свет упал на стены бункера. Дов обошел весь бункер, то и дело опускаясь на колени: везде лежали трупы. Прямое попадание из огнемета до того обезобразило еще тлевшие тела, что он никого не смог опознать. Даже своего любимого брата Мундека.

15-го мая 1943-го года радиостанция ЦОБ в последний раз передала отчаянный крик о помощи: «Говорит варшавское гетто. Ради всего святого помогите!».

16-го мая 1943-го года. Сорок два дня прошло со дня первой немецкой атаки на гетто. Четыре месяца прошло с того дня, как ЦОБ поднялся и впервые выгнал немцев из гетто. Чтобы как-нибудь поэффективнее завершить свою «победу», генерал Строоп взорвал Большую синагогу на улице Тламацка. Эта синагога с давних пор олицетворяла польское еврейство. Подобно тому как Соломонов храм пал от рук римлян, так пала и синагога на улице Тламацка. Немцы сообщили, что проблема варшавского гетто нашла свое окончательное решение.

Разрушение было полное. На всем пространстве бывшего гетто ничего выше человеческого роста не поднималось. Строоп доложил о взятых трофеях: 16 штук пистолетов и четыре винтовки. Еще, что развалины можно будет использовать как строительный материал. Пленных не было.

Даже после этого тщательнейшим образом проведенного поголовного истребления, все еще остались в живых бойцы ЦОБ, не желавшие умереть. Даже среди сплошных развалин борьба продолжалась. Евреи, чудом уцелевшие, объединялись по два, по три человека в шайки и нападали по ночам на немецкие патрули. Немцы и польские синерубашечники клялись, что в гетто водятся черти.

Дов нашел еще шесть евреев среди развалин. Порывшись в бункерах, они нашли оружие. Они переходили с места на место, но всюду витала и воняла смерть. Ночью Дов выводил их по каналам в город, и они совершали там молниеносные нападения на продовольственные магазины.

Евреи поднялись также в ряде других гетто, разбросанных по Польше, но все эти восстания постигла одна и та же участь. Слишком мало, слишком поздно, никакой поддержки.

Днем Дов и его шесть товарищей оставались под землей в свежевыкопанном бункере. Пять нескончаемых, ужасных месяцев ни Дов Ландау, ни кто-нибудь из его товарищей не видели белого света. Они погибли все один за другим: трое во время грабежа в Варшаве, двое покончили с собой, один умер с голоду.

Один Дов уцелел. Пять месяцев спустя его, полуживого, нашел немецкий патруль. Он уже ничем не походил на человека. Его привели в чувство ровно настолько, чтобы можно было потащить в гестапо на допрос. Допросы всегда кончались избитием, но они ничего не дали. Дов Ландау, 13 лет от роду, крыса гетто, каналов и развалин, специалист по подделкам, был включен в состав транспорта, намеченного к «переселению». Назначение — Освенцим.

Г Л А В А 24.

Дова Ландау, вместе с еще 60 евреями, погрузили на открытую железнодорожную платформу. Гестаповцы отказывались верить, что он ухитрился прожить без помощи извне целых пять месяцев среди развалин варшавского гетто. Поезд шел по заснеженной местности на юг в сторону Освенцима.

БЕРЛИН, ГЕРМАНИЯ, 1940-ой ГОД.

Подполковник эсэс Карл Гес вошел в кабинет полковника эсэс Эйхмана, которому было поручено проведение в жизнь «окончательного решения» еврейского вопроса. Эйхман познакомил Геса с грандиозным планом — венцом коллективного творчества всех нацистских главарей.

Весь европейский материк был усеян концентрационными лагерями и политическими тюрьмами. Каждая страна, подлежащая оккупации, была хорошо оснащена учреждениями гестапо.

Еще одна сеть, состоявшая из трехсот «комбинированных» лагерей, опутывала Европу. Половина этих лагерей предназначались для евреев.

Тщательно разработанный план намечаемого геноцида произвел на подполковника эсэс Карла Геса глубокое впечатление.

Несмотря на все эти лагеря и на их тщательно выбранное расположение, проектировщики чувствовали, что они столкнутся рано или поздно с особой трудностью, и из-за этого-то Гес и был вызван в Берлин. Нацисты знали, что будет чрезвычайно трудно обеспечить бесперебойную работу лагерей уничтожения в Западной Европе. Кроме того, Польша занимала более или менее центральное положение, если учесть Балканы и западную Европу. Нужен был головной, огромный лагерь, который служил бы «образцом». Помимо евреев, были ведь еще русские, французские и прочие военнопленные, партизаны, политические про-

тивники в оккупированных странах, религиозные фанатики, в особенности католики; цыгане, уголовные преступники, массоны, марксисты, большевики и даже немцы, болтавшие о мире, свободе, профсоюзах и просто настроенные пораженчески. Были еще подозрительные иностранные агенты, проститутки, педерасты и много других неблагонадежных элементов. Всех их нужно было уничтожить, чтобы привести Европу в надлежащий вид с арийской точки зрения.

Как раз о создании такого лагеря, куда можно было бы поместить все эти категории людей, и говорил Эйхман с Гесом. Эйхман добавил, что в награду за долголетнюю верную службу Гес будет назначен начальником этого нового лагеря. Эйхман указал на карте небольшой польский городок у польско-чешской границы. Название этого городка было Освенцим.

Поезд, везший Дова Ландау и следовавший на юг, в сторону Освенцима, остановился в Кракове, важном железнодорожном узле. Состав подали на боковую ветвь, а там к нему прицепили еще вагоны. В телячьих вагонах находились французские и греческие евреи, в угольных — евреи из Югославии и Голландии; были и открытые платформы, где находились итальянские евреи, следовавшие на «поселение». Стоял жестокий холод. Ледяной ветер со снегом пробирал насквозь Дова, стоявшего на открытой платформе и не защищенного от холода ничем, кроме разорванной в клочья рубашки и скупого тепла от тесно сбитых в кучу человеческих тел.

БЕРЛИН, ГЕРМАНИЯ, 1940—1941 гг.

Нацистские главари не случайно назначили именно Геса начальником лагеря уничтожения в Освенциме, этой чудовищной человеческой бойни. Они знали, что на Геса можно положиться. Его послушной список в системе концлагерей тянулся с самого прихода Гитлера к власти. До назначения начальником лагеря в Освенциме он был заместителем начальника лагеря в Саксенхаузене. Это был человек аккуратный до педантичности и он выполнял приказы, не задавая никаких вопросов. Кроме того, он был редкость работоспособен.

В районе Освенцима была расчищена территория в 20 ты-

сяч акров и окружена забором. Все крестьянские хозяйства были разрушены, а крестьяне высланы. Лучшие инженеры, ученые, строители, транспортники и отборные штурмовые отряды приступили к осуществлению грандиозного проекта. Газовые камеры было решено построить в поселке Биркенау, расположенном в двух милях от главного лагеря. Биркенау находился на отшибе и имел свои собственные подъездные пути. Оттого на него и пал выбор, что туда было удобнее всего подавать железнодорожные составы со всех концов: из западной, восточной и южной Европы. Небольшой городок Освенцим ничем особым не отличался. Он был расположен на окраине силезского угольного бассейна и вечно утопал в грязи. Приступив к созданию своей системы концентрационных лагерей, немцам пришлось сначала преодолеть возражения из своей собственной среды.

Немецкий вермахт нуждался во всех железнодорожных путях и вагонах, которые только были в наличии, чтобы успешно вести войну на восточном фронте. Использование дефицитнейшего подвижного состава для перевозки евреев они считали нелепостью и были отнюдь не в восторге от него. Однако нацистские главари твердо стояли на том, что окончательное решение еврейского вопроса столь же важно, как успешное ведение войны. Вопрос был поставлен перед самим Гитлером, который принял сторону эсэс, эсдэ, гестапо и прочих нацистских элементов, несмотря на возражения верховного командования немецкой армии.

Став начальником Освенцимского лагеря, Гес поехал в Треблинку, чтобы познакомиться с методами уничтожения. Он пришел к выводу, что полковник эсэс Вирт — всего лишь неопытный любитель. В Треблинке пользовались окисью углерода, весьма малоэффективным средством. Механизмы то и дело выходили из строя, и расходовалось ценное горючее. Кроме того, у Вирта не было системы, к обману он почти не прибегал, отчего дело часто доходило до беспорядков среди евреев. Наконец, что это за лагерь, где за один прием можно уничтожить не более трехсот человек!

Когда газовые камеры в Биркенау были введены в эксплуатацию, Гес провел серию широких опытов над первыми «гостями». Он и его ученые пришли к заключению, что Циклон Б, газ, содержащий цианистую кислоту, яв-

ляется наиболее подходящим. Он заказал огромные количества этого газа у гамбургской фирмы ИИС (Международная Компания по производству инсектисидов).

Газовые камеры в Биркенау имели по проекту пропускную способность в три тысячи человек за один раз. При хорошей погоде и при максимальном использовании мощностей можно было уничтожить до десяти тысяч человек в день.

Поезд, везший Дова Ландау, состоял теперь из пятидесяти вагонов. Он остановился на станции Гжанов, последней станции перед Освенцимом. Каждый пятый пассажир поезда умер в пути. Сотни других до того примерзли к стенам вагонов, что не могли сдвинуться с места, не отодрав клочьев мяса с рук и ног. Многие женщины выбросили своих детей из вагонов, умоляя крестьян, глазевших на поезда, забрать их с собой. Группы выгрузили из вагонов и забросили в шесть новых вагонов, специально для этой цели прицепленных в хвосте. Дов, хоть и полуживой, был все же в сознании и начеку. Он знал, что его ждет, и он знал также, что как никогда раньше ему понадобится теперь вся его находчивость. Поезд опять тронулся. До Освенцима оставался час езды.

ОСВЕНЦИМ 1941—1942 гг.

Гес непрерывно совершенствовал процесс уничтожения в Биркенау. Сначала он разработал систему обмана, благодаря которой жертвы должны были сохранить спокойствие до самого конца. Вокруг зданий, в которых размещались газовые камеры, были посажены деревья, разбиты газоны и цветники. Всюду были прибиты таблички, на которых было на разных языках написано: САНЧАСТЬ. Главное очковтирательство состояло в том, что жертвам внушали, что они должны пройти медосмотр, баню и дезинсекцию, а там им выдадут новую одежду и отправят в рабочий лагерь в самом Освенциме или в окрестностях.

Вокруг газовых камер были оборудованы чистенькие раздевалки с пронумерованными вешалками для одежды. Каждому велели запомнить свой номер. Затем их стригли наголо и велели снять очки, прежде чем зайти в «душевую».

Каждому давали пронумерованный кусочек мыла, затем их

водили — по три тысячи человек за один раз — вдоль длинных коридоров. Справа и слева были десятки огромных дверей. Когда эти двери открывались, можно было видеть огромные «душевые».

Большинство жертв были до того подавлены, что они ничего не подозревали и спокойно входили в душевые. Только немногие рассматривали свой кусочек «мыла» и обнаруживали, что это был всего лишь камушек. Еще меньше замечали, что душевые головки на потолке — липа, и что на полу нет стока.

Бывало, в последнюю минуту возникала паника, но немцы были начеку: кнутами и дубинками они заталкивали строптивых в «душевые».

Затем стальные двери завинчивались на болтах.

В каждую «душевую» вводили один или два бидона Циклона Б, и минут через десять—пятнадцать все было кончено.

Затем приходили особые бригады. Это были такие же заключенные, их задачей было разгрузить газовые камеры и перевезти трупы к печам. Перед загрузкой в печь с трупов снимали кольца, вырывали коронки; все это отправлялось на плавку, затем — в Берлин. Если попадался череп особо красивой формы, эсэсовцы частенько брали его себе в качестве пресспапье.

На семейные фотокарточки или письма, которые находили в карманах жертв, не обращали внимания. Эсэсовцы были гораздо более заинтересованы в том, чтобы прощупать прокладку: там частенько были спрятаны драгоценности. Случалось, что в одежде находили ребенка, нарочно оставленного там матерью. Его немедленно отправляли в очередной «душ».

Гес хорошо относился к своим подчиненным. Им крепко доставалось, когда в Биркенау прибывал большой эшелон. Гес выдавал им дополнительные пайки и шнапс. Его система работала безотказно, и ничего на него не действовало. Он даже тогда остался равнодушным, когда Эйхман отгрузил в его адрес четверть миллиона венгерских евреев, не предупредив заблаговременно.

Гес нажимал на своих ученых, требуя от них повышения производительности и снижения себестоимости. Его проектировщики разработали чертежи для ряда нововведений. Одним из таких нововведений был передвижной пол камеры, который можно было перемещать гидравли-

ческим путем, как лифт, под самые печи. Другие проекты предусматривали увеличение производительности камер в Биркенау до сорока тысяч убийств в день.

Самым узким местом в Биркенау была обработка трупов. Сначала их вывозили прямо из камер в поле, бросали в рвы и забрасывали известью. Вонь, однако, была невыносима. Эсэсовцы заставили еврейские особые бригады выкопать все эти трупы, сжечь их, а затем измельчить кости в порошок. Но и сожжение на открытом воздухе ужасно воняло, и тогда были построены специальные печи.

Поезд, везший Дова Ландау, проехал Освенцим и остановился на станции Биркенау.

Г Л А В А 25.

Дов был полумертв от голода и весь окоченел от холода, но долгие годы, проведенные в непрерывной смертельной опасности, до предела обострили его инстинкт, и даже в этом состоянии он был начеку и полон решимости уцелеть. Дов знал, что предстоящий час решит его судьбу.

Борта и двери телячьих и товарных вагонов открылись, и всем, приехавшим, как и он, на открытых платформах, отрывистым лаем приказали прыгнуть на землю. Несчастные жертвы запрудили длинный перрон, вдоль которого в ряд стояли эсэсовцы, вооруженные дубинками, кнутами, пистолетами, и со злыми собаками на поводу. Кнуты зашвистели в воздухе, и люди застонали от боли. Дубинки глухо ударяли по черепам, а из пистолетов пристреливали тех, у кого не было сил передвигаться.

Люди построили в колонну по четыре и повели в сторону огромного станционного здания. Медленно, но без остановок колонна приближалась к зданию.

Дов посмотрел вокруг. Слева стояли поезда. За поездами, на улице по ту сторону вокзала он заметил колонну грузовиков. Кузова были открытые, так что это не могли быть душегубки, подумал Дов. Справа, по ту сторону цепи охранников, Дов увидел чистенькие газоны и деревья, окружавшие кирпичные здания газовых камер Биркенау. Он смотрел на контуры этих зданий и на их конусообразные трубы и понял, что справа от него находятся газовые камеры.

Колонна напирала сзади. Дов почувствовал тошноту. Кто-то споткнулся и упал, не будучи в состоянии подняться. Двое твякающих псов были спущены с поводка и разорвали беднягу в клочья. Его душераздирающие вопли ввергли Дова в панику. Он изо всех сил старался овладеть собой; он знал, что ему сейчас никак нельзя проявлять слабость.

Его четверка вошла в здание. Тут колонна расходилась, и каждый ряд направлялся к одному из столов в глубине зала. За каждым столом сидел немецкий врач, а во-

круг каждого врача стояло человек десять эсэсовцев и помощников. Дов не отрывал глаз от стола, к которому подходил его ряд, чтобы разобраться, что тут происходит.

Врач быстро осматривал каждого подходившего к столу. Затем он приказывал ему отойти от стола в одно из трех направлений.

Первым направлением была дверь справа. Дов начал считать. Семь человек из десяти направлялись в эту дверь. Это были либо старики, либо дети, либо совсем больные. Так как он уже догадался, что постройка справа были газовыми камерами, то он сделал вывод, что те, которым велели отойти вправо, шли прямо в газовые камеры.

Вторым направлением был выход слева. Эта дверь вела туда, где стояла колонна грузовиков. Из каждых десяти человек сюда направляли не более двух. Дов понял, что этих людей направят в трудовой лагерь.

Дверь справа означала смерть, дверь слева — жизнь!

Была еще одна группа. Эти люди, один из десяти, а то и того меньше, были чаще всего молодые женщины, некоторые — довольно красивые. В эту же группу попали также несколько подростков мужчин. Дов был уверен, что этих девушек поместят в бордели, а мальчики отобраны для немецких офицеров-педерастов.

Дов сделал несколько глубоких вздохов, когда стала подходить его очередь. На нем была только кожа и кости, и он знал, что у него нет никаких шансов попасть налево, то-есть, в трудовой лагерь.

Рядом раздались вопли женщины; на нее бросились эсэсовцы, опрокинули на пол и подняли юбку: женщина, оказывается, пыталась спрятать ребенка.

— Направо... направо... направо... направо..., — то и дело приказывал врач.

Дов остановился перед столом.

Врач поднял голову и посмотрел на него.

— Направо!

Дов состроил любезную улыбку.

— Вы, верно, ошиблись, доктор, — сказал он преспокойно. — Я специалист по подделкам. Распишитесь вот на этом листочке бумаги, и я вам это докажу.

Доктор ошеломленно откинулся назад. Хладнокровие Дова произвело на него впечатление; было ясно, что парень знает, что ему предстоит. Произошла небольшая заминка в однообразном шествии к смерти. Врач быстро при-

нял решение, и на его лице появилась улыбка. Два эсэсовца схватили Дова и потащили его к двери.

— Подождите! — приказал доктор. Он еще раз посмотрел на Дова и велел ему подойти к столу. Мгновение он колебался: ясно, что мальчик пытается обмануть его. Он чуть не указал ему опять направо, но любопытство взяло верх. Врач быстро расписался на листочке бумаги.

Дов тут же сделал еще шесть штук подписей и протянул листок врачу.

— Какая из этих подписей ваша? — спросил он.

Кучка эсэсовцев изумленно таращили глаза через плечо врача. Врач еще раз посмотрел на Дова, затем о чем-то пошептался с одним из эсэсовцев, который тут же отошел прочь.

— Становись вот здесь, — бросил врач Дову, указав место сбоку.

Дов стоял у стола и смотрел на обреченных, проходивших мимо. Он подсчитал, что они шли на смерть со скоростью четыре человека в минуту.

Дов посмотрел на эсэсовцев, на их дубинки, на их рычащих собак. Он смотрел на дверь справа и насвистывал песенку сквозь зубы.

Прошло пять минут. Казалось, конца не было плетущейся колонне.

Эсэсовец вернулся, а с ним еще один в чине офицера.

Офицер долго смотрел на мальчика.

— Где ты этому научился? — коротко спросил он.

— В варшавском гетто.

— А что ты умеешь делать?

— Все. Паспорта, проездные билеты, любые документы. Все, что хотите.

— Следуй за мной.

Дов вышел в дверь налево. Когда он полез в машину, и его повезли в Освенцим, он вспомнил слова Мундека: «Хотя бы один Ландау должен уцелеть». Еще через несколько минут машина проехала через главные ворота Освенцима. Над входом в лагерь красовалась надпись: «Честным трудом ты добьешься свободы».

Главный лагерь был расположен в местности, утопающей в грязи. Один за другим шли деревянные бараки, разделенные высокими заборами из колючей проволоки, по которой шел электрический ток.

Этот бесконечный ряд бараков снабжал рабочей силой

примерно тридцать трудовых лагерей, подчиненных Освенциму. заключенные носили полосатую одежду, а на рукаве и на груди был пришит лоскут определенного цвета: у педерастов — розовый, у проституток — черный, у уголовников — зеленый, у священников — фиолетовый, у русских и у поляков — красный, у евреев же — традиционная шестиконечная звезда.

Дов получил в Освенциме еще один опознавательный знак: ему накололи номер на левом предплечье. Дов Ландау ходил теперь в полосатой одежде заключенного и был жидом номер 359195.

ЧЕСТНЫМ ТРУДОМ ТЫ ДОБЬЕШЬСЯ СВОБОДЫ. Дов Ландау отметил свой 14-ый день рождения в Освенциме, а подарком ко дню рождения была жизнь. В конце концов Дову повезло, так как среди десятков тысяч заключенных маленькая группа фальшивомонетчиков, в которую входил Дов, была самая привилегированная. Он и его группа должны были подделывать билеты достоинством в один и пять долларов для немецких шпионов, действовавших в странах Западной Европы.

Прошло некоторое время, и Дов все чаще задумывался о том, что, пожалуй, было бы лучше, если бы он погиб в Биркенау.

Заключенных держали впроголодь, заставляли работать до изнеможения, а спать им давали на тесных нарах всего пять часов в сутки. Свирепствовали эпидемии, людей пытали, заключенные сходили с ума; их избивали, над ними издевались, не было той жестокости, которой бы к ним не применили.

Каждое утро с петли снимали десятки людей, покончивших с собой. Многие прямо бросались на колючую проволоку, ища избавления от мук. Ни днем, ни ночью не прекращались пытки, и розги хлестали обнаженные ягодицы на виду у всех прямо на перекличке.

Кто попадал в штрафной изолятор, того сажали в темную одиночку, а кормили пересоленными овощами, чтобы измучить его жаждой.

В блоке номер 10 нацистские врачи Вирте, Шуман и Клауберг использовали человеческое мясо для своих «научных» опытов. заключенный поляк, врач по профессии, доктор Владислав Деринг, кастрировал тысячи и тысячи заключенных по распоряжению немецких начальни-

ков, работавших над стерилизацией всего еврейского племени.

Вот чем был Освенцим, вот какой подарок получил Дов ко дню рождения.

ЧЕСТНЫМ ТРУДОМ ТЫ ДОБЬЕШЬСЯ СВОБОДЫ.

«Хоть один Ландау должен уцелеть», сказал Мундек. Какой он был, Мундек? Он никак не мог вспомнить. А Руфь или Реббека, или отец, или мать? Он совсем не помнил отца. Воспоминания становились все смутнее, пока не стерлись совсем. Он помнил только смерть и ужасы и просто не мог себе представить жизнь, где не было ни ужасов, ни смерти.

Прошел год. В Биркенау поезда приходили и уходили. Число тех, кто умирал в трудовых лагерях от болезней и голода, было почти такое же, как в Биркенау. И все-таки Дов упрямо цеплялся за свой инстинкт самосохранения и не умирал.

Даже в этом аду были некоторые светлые стороны. Был лагерный оркестр. Действовало лагерное подполье, и у них даже был радиоприемник. Даже здесь мужчина мог найти женщину.

ЛЕТО 1944-го ГОДА.

Освенцим был охвачен каким-то странным беспокойством. Дов часто видел в небе русские бомбардировщики, и тайный радиоприемник все чаще сообщал о немецких поражениях. Сквозь пытки и муки стал пробиваться слабый луч надежды. Каждая новая победа союзников ввергала эсэсовцев в какую-то безумную свирепость, и дело дошло до того, что заключенные стали прямо бояться известий о немецких поражениях. В Биркенау еще более усилили работу газовых камер, и они действовали теперь круглые сутки.

ОСЕНЬ 1944-го ГОДА.

Стало ясно, что гитлеровская Германия идет к поражению. Немецкую армию громили на всех фронтах. Но чем больше они терпели поражения на поле битвы, тем они становились кровожаднее и с тем большим наслаждением они убивали безоружных. Эйхман мобилизовал все силы на завершение своей программы геноцида.

ОКТАБРЬ 1944-го ГОДА.

Особые бригады подняли бунт в Биркенау, в ходе которого они вывели из строя одну из печей. Каждый день происходили новые бунты. Члены «особых команд» все чаще хватали эсэсовцев и их собак и бросали их в печи. Под конец все бригады особого назначения были уничтожены, и в Освенцим затребовали новых работяг.

Прижатый к стенке, Эйхман все же ухитрился отправить 20 тысяч евреев, сливки европейского еврейства, находившиеся в привилегированном чешском лагере Терезине, в Биркенау на уничтожение.

Список евреев, умерщвленных в Биркенау все рос и рос, пока он не составил в круглых цифрах: около миллиона выходцев из Польши, 50 тысяч — из Германии, сто тысяч — из Голландии, 150 тысяч — из Франции, 50 тысяч — из Австрии и Чехословакии, 50 тысяч — из Греции, 250 тысяч — из Болгарии, Италии, Югославии и Румынии, и еще четверть миллиона — из Венгрии.

В этой дьявольской гонке, целью которой было поголовное истребление, все чаще и срочнее требовали еще и еще особые бригады.

НОЯБРЬ 1944-го ГОДА.

Фальшивомонетную мастерскую в Освенциме внезапно закрыли, и всех отправили в Биркенау для пополнения особых бригад.

Новая работа Дова заключалась в том, чтобы ждть в коридорах, ведущих к газовым камерам, пока в камерах находилась очередная партия. Он и остальные члены бригады стояли в коридорах, пока не затихали предсмертные вопли и не прекращались бешеные удары жертв о стальные двери. Затем они выжидали еще минут пятнадцать, пока камеры проветривались. Лишь тогда открывались двери камер, и начиналась работа бригад. Крючьями и веревками Дову приходилось разбирать клубки сплетенных между собой рук и ног, вытаскивать трупы из камер и погрузить на вагонетки для отправки в печь. После этого он возвращался в камеру, окатывал пол водой и готовил камеру для новой партии, которая уже ждала в раздевалках.

Целых три дня Дов работал на этой адской работе.

Вся его энергия иссякла до последней капли, и его упрямая, неукротимая воля к жизни все больше и больше иссякала тоже. Дов чуть не падал в обморок от ужаса в ожидании того мгновения, когда откроются стальные двери камер и он вновь увидит на полу сплетенный клубок трупов. Он боялся этого мгновения больше, чем боялся чего бы то ни было в гетто или в каналах. Он знал, что недолго выдержит это адское зрелище.

И тут произошло что-то невероятное!

Немцы приказали разбить печи и взорвать газовые камеры! Союзные войска наступали с запада, а русские — с востока. Теперь нацисты делали отчаянные усилия, чтобы скрыть свои преступления. По всей Польше вскрывали рвы и разбивали в порошок кости убитых. Транспорт, в котором так отчаянно нуждалась армия, использовался для перевозки евреев в Германию.

22-го ЯНВАРЯ 1945-го ГОДА.

Советская армия захватила Освенцим и Биркенау и освободила заключенных. Оргии убийств наступил конец. Дов Ландау, 15 лет от роду, был одним из пятидесяти тысяч польских евреев, уцелевших из трех с половиной миллионов. Он сдержал обещание, данное брату.

Г Л А В А 26.

Русские военные врачи, осмотревшие Дова, были поражены, что несмотря на все вынесенные им лишения и ужасы, он все же остался в живых и его здоровье даже не пострадало серьезно. Правда, он был слаб и недоразвит, особенно крепким он уже никогда не будет, но при надлежащем уходе его можно поставить на ноги.

Хуже обстояло дело с его душевным состоянием. Парень уцелел благодаря своему нечеловеческому упорству. Теперь, когда после шести лет постоянного напряжения можно было отдохнуть, на него хлынул нескончаемый поток воспоминаний и видений, мучивших его днем и ночью. Он стал нелюдимым, впал в апатию, и его психическое состояние все более и более приближалось к той узкой грани, где норма переходит в ненормальное состояние.

Колючую проволоку сняли, газовых камер и печей не стало, но память о них никогда не исчезнет в его душе. Ему казалось, что по-прежнему в воздухе пахнет горелым мясом. Вид наколотого на его руке лагерного номера неизменно напоминал ему то ужасающее мгновение, когда открывались двери газовых камер. Вновь и вновь видел он, как его мать и сестру Руфь вытаскивают из такой вот камеры в Треблинке. Вновь и вновь подносил он мерцающую свечку к обгоревшим лицам в бункере варшавского гетто, стараясь отгадать, кто же из них Мундек. Вновь и вновь видел он черепа своей матери и сестры на немецком письменном столе.

Евреи, уцелевшие в Освенциме, сгрудились в нескольких бараках. Дов просто не мог представить себе, что где-то есть жизнь без подлости и пыток. Сытая, теплая жизнь, без ненависти — была выше его понимания. Даже весть о капитуляции немцев не вызвала в Освенциме особого энтузиазма. Эти люди не могли радоваться даже победе.

Воспоминания Дова Ландау превратились в ненависть. Он жалел, что не было больше газовых камер. Он видел в своем воображении нескончаемые ряды эсэсовцев, ко-

торых он с радостью загнал бы вместе с их собаками в эти камеры.

Война кончилась, но никто не знал, что им теперь делать и куда податься. Варшава? До нее было километров двести, а дороги были запружены потоками беженцев. Если ему даже удастся добраться до Варшавы, что тогда? На месте гетто лежат одни развалины, его мать, отец, сестры, Мундек — никого нет, они все погибли. День за днем Дов стоял у окна, не говоря ни слова. Он стоял и смотрел на низкое, мрачное небо, нависшее над Силезией.

Один за другим освенцимские евреи отправлялись по своим домам. И один за другим они возвращались в Освенцим, когда рушилась и эта последняя надежда. Немцев теперь не стало, но их дело продолжали поляки. Никто из поляков не оплакивал гибель трех с половиной миллионов евреев. Совсем напротив: в городах всюду торчали плакаты и раздавались крики: «Жида навлекли на нас войну... Они затеяли эту войну, чтобы нажиться на ней... Во всем виноваты жида!» Никто мертвых не оплакивал, зато тем свирепее ненавидели кучку евреев, оставшихся в живых. Они громили еврейские лавки и избивали евреев, пытавшихся вернуться к себе домой.

Этим и объяснялось, что кто бы ни пытался покинуть Освенцим, неизменно возвращался туда. Они торчали в грязных бараках, ни на что уже не надеясь и, полоумные, ждали смерти. Память о гибели ни на миг их не покидала. В воздухе по-прежнему носился смрад Биркенау.

ЛЕТО 1945-го ГОДА.

В Освенцим пришел какой-то мужчина. Его встретили подозрительным шипением. Это был молодой человек высокого роста с большими черными усами. На нем была белоснежная рубашка с закатанными рукавами. У него была чудесная походка, свидетельствовавшая о том, что он — свободный человек. Созвали собрание под открытым небом, и все уселись вокруг него.

— Меня зовут Бар Дрор, Шимшон Бар Дрор, — громко сказал он. — Меня послали из Палестины забрать вас... домой!

Впервые после долгих, долгих лет эти люди выразили радость; некоторые даже заплакали от счастья. Его забросали вопросами. Многие встали перед ним на колени,

целовали ему руки, другие хотели просто дотронуться до него, слышать его, видеть его. Свободный еврей — из Палестины! Шимшон Бар Дроп — Самсон Сын Свободы — явился, чтобы забрать их домой!

Бар Дроп взял дела лагеря в свои руки и с головой окунулся в работу. Он сказал им, что пройдет еще некоторое время, прежде чем они смогут тронуться с места, но пока Мосад Алия Бет все устроит, им все же надлежит наладить здесь на месте более достойный образ жизни.

В лагере повеял совершенно новый дух. Бар Дроп создал комитеты и поручил им навести порядок в лагере. Он организовал школу, драмкружок, небольшой оркестр и танцы, выпустил газету и устраивал нескончаемые дискуссии о Палестине. Шимшон даже организовал образцовую сельскохозяйственную ферму в окрестностях, чтобы люди начали привыкать к земледельческому труду.

Когда все это было налажено и самоуправление лагеря заработало как полагается, Шимшон Бар Дроп отправился вербовать на дорогах новое пополнение для своей базы.

Пока Шимшон Бар Дроп и другие агенты Мосада Алия Бет рыскали повсюду и собирали евреев для отправки через польскую границу, другие силы работали не менее упорно, чтобы задержать их в Польше.

Во всей Европе британские посольства и консульства оказывали нажим на все правительства, чтобы закрыть границы перед беженцами. Англичане утверждали, что вся эта возня — не более как заговор мирового сионизма, имеющий целью навязать собственное решение палестинской проблемы.

Пока шла беспощадная подпольная борьба между англичанами и Мосадом Алия Бет, польское правительство приняло поразительный декрет; по этому декрету все евреи, находившиеся на польской территории, должны были остаться в Польше. Польское правительство исходило из того, что если уцелевшим евреям разрешат покинуть Польшу, то они подтвердят всему миру, что поляки продолжают гонения на евреев, — как это и было в действительности, — даже после немецких зверств. Таким образом, евреев силой удерживали в стране, где они были нежелательны, и не давали им ехать туда, где их так ждали.

В Освенциме опять настала зима, и моральное состояние людей резко понизилось. Все усилия Бар Дропа пошли насмарку. Палестинец созывал собрания, чтобы объяснить

им, какая вокруг них идет борьба, но люди не хотели и слушать. Им дела не было до политики.

Глубокой зимой в лагерь пришел еще один агент Алии Бет. Они приняли с Бар Дрором отчаянное решение. Оба палестинца созвали группоргов и распорядились, чтобы все приготовились в путь.

— Мы собираемся добраться до чешской границы, — сказал Бар Дрор. Это не так уж далеко, но добраться туда будет все-таки нелегко. Мы ведь сможем передвигаться только очень медленно: со скоростью самого слабого из нас. К тому же мы должны держаться подальше от шоссе.

Бар Дрор раскрыл карту и наметил маршрут общей длиной примерно в сто километров по Карпатским горам и через Яблунский перевал.

— А что будет, если мы доберемся в конце концов до границы? — спросил кто-то.

— Наши агенты уже действуют там. Они подкупают польских пограничников. Если только нам удастся пробраться в Чехословакию, все будет в порядке. Ян Массарик — наш друг. Он нас не выдаст обратно.

Они вышли из Освенцима глубокой ночью и пошли по проселкам, в стороне от шоссе, несчастная кучка бездомных скитальцев, где более сильные поддерживали слабых и носили на руках детей. Так они плелись по полям, покрытым снегом, таща свои разбитые кости, в продолжение кошмарных шести дней. Затем они начали взбираться в горы сквозь ледяной ветер, и палестинцам просто чудом удалось довести их всех живыми до границы.

На границе другие агенты Алии Бет лихорадочно работали, чтобы подкупить польских пограничников, и когда изможденная толпа добралась наконец до границы, пограничники, набив карманы, ничего не видели и не слышали. Бывшие узники Освенцима благополучно перебрались в Чехословакию.

Надо было идти дальше по жестокому холоду и перебраться через Яблунский перевал. Наконец они собрались все у подножья перевала, уже на чешской стороне, голодные, с разбитыми в кровь ногами, больные, еле-еле держась на ногах. Мосад Алиа Бет арендовал специальный поезд. Беженцев погрузили в вагоны, где их ждали тепло, пища и заботливый уход. Первый этап этого труднейшего путешествия был позади.

Евреи, въезжавшие в Палестину легально, передавали

свои паспорта Мосаду, чтобы их можно было использовать еще раз. Пятьсот таких паспортов были розданы бывшим узникам Освенцима. Кроме того, Алия Бет позаботилась снабдить все эти паспорта еще и въездными визами Венесуэлы, Эквадора, Парагвая и других стран Южной Америки. Эти «документы» были призваны обезоружить, по крайней мере, на первых порах англичан.

Британское Си-Ай-Ди (Центральное Разведывательное Управление) узнало об этих 500 евреях, бежавших из Польши, и немедленно доложило обо всем в британское Министерство иностранных дел. Уайтхолл направил британскому послу в Праге предписание немедленно снестись с чехословацким Министерством иностранных дел и добиться задержки поезда. Посол получил немедленно аудиенцию у Массарика и потребовал, чтобы евреев отправили назад в Польшу. Он подчеркнул, что вся эта операция Мосада была нелегальной, незаконной, и что ее инициаторами были сионисты, стремящиеся навязать миру свое решение палестинского вопроса.

Массарик улыбнулся.

— Я не очень разбираюсь в нефтяных делах, господин посол, — сказал он, — зато немножко разбираюсь в делах человеческих.

Давно было известно, что Массарик стоит на стороне евреев. Посол заметил, что Великобритания может высказать свое неудовольствие более «конкретным» образом.

— Господин посол, — ответил Массарик, — на меня никакие британские угрозы не подействуют. Пока я министр иностранных дел Чехословакии, границы моей страны будут открыты для евреев независимо от того, имеют ли они паспорта и въездные визы, или нет.

Посол доложил Уайтхоллу, что поезд задержать не удалось. Он отправился в Братиславу, где сходились границы Венгрии, Чехословакии и Австрии.

Опять англичане сделали попытку остановить его, но на этот раз поезд пересек австрийскую границу под личным покровительством сочувствовавшего евреям высокого американского офицера.

В Вене поезд сделал остановку, чтобы беженцы могли отдохнуть и получить остро необходимую медицинскую помощь. Им выдали новую одежду на огромной базе, созданной именно для таких целей на средства американских евреев.

Следующим этапом была Италия. Тут Мосад Алия Бет пользовался открытой поддержкой как населения, так и официальных учреждений, но помехой было то, что страна находилась под британской оккупацией.

Некоторые из британских оккупационных частей, как это ни парадоксально, состояли из палестинских еврейских подразделений. Палестинская бригада Британской Армии и ее подразделения, расположенные по всей Италии, считались Британским командованием образцовыми. Агенты Мосада проникли в эти части, и вскоре палестинские солдаты начали помогать в создании лагерей для беженцев, организации нелегальных морских рейдов и т. д. Формально палестинскими подразделениями командовали английские офицеры, но практически ими управляли Мосад и Палмах. Шимшон Бар-Дроп был сержантом в одном таком подразделении и воспользовался своими военными документами, чтобы съездить в Польшу и собрать там беженцев.

Стояла уже весна, когда группа беженцев из Освенцима, в которой находился Дов, села в новый поезд и отправилась через австрийские Альпы и перевал Бреннер в Италию.

Поезд остановился неподалеку от озера Комо в окрестностях Милана на боковой и глухой ветке. Хотя беженцев и предупредили, что их встретят люди, одетые в британскую военную форму, все же возникла паника. Эти люди никак не могли представить себе солдат в военной форме с шестиконечной звездой на рукаве. Шестиконечная звезда олицетворяла для них гетто. Вот уже две тысячи лет, если не считать восстания в гетто, что евреи не воевали под знаменем Давидова Щита.

Они сошли с поезда, оглядываясь с опаской. Солдаты относились к ним хорошо, некоторые говорили даже по-идиш и все говорили по-иврит. Они были очень милы, но несколько не похожи на евреев.

Спустя неделю после их прибытия в Милан, Дова и еще сто человек забрали глубокой ночью из небольшого лагеря, где они находились. Их посадили в британские грузовые машины, а за рулем сидели бойцы Палестинской бригады. Колонна тихо, но на полной скорости добралась до заранее обусловленного тайного места у побережья, где уже ждали еще человек триста беженцев, привезенных из других лагерей. Со стороны расположенного неподалеку порта Ла Специя приплыло небольшое судно.

Судно бросило якорь в открытом море, и беженцев перевезли на борт на резиновых лодках. Судно немедленно подняло якорь и пересекло трехмильную зону. Тут же Британский флот, всегда начеку, напал на след.

Что-то было не так с этими «Вратами Сиона». Не в пример другим судам с беженцами, этот корабль не взял курса на Палестину. Он явно шел в Лионский залив на южном побережье Франции. Ни англичане, ни беженцы на борту «Врат Сиона» не имели ни малейшего понятия, что это суденышко являлось частью гигантского заговора.

Г Л А В А 27.

Биль Фрай сидел за столиком в ресторанчике братьев Миллер в Балтиморе, Мэриленд. Он бросил горсть сухариков в большую тарелку флотского супа с моллюсками и помешивал его ложкой. Он хлебнул пару раз, но у него не было аппетита. «Господи боже мой, — подумал он. — Как же мне переправиться на этой лохани через океан?».

Биль Фрай считался наиболее толковым капитаном Мосада. Его высадка «Давидова Щита» у Кесарии открыла новую страницу в войне за нелегальную иммиграцию. Она заставила англичан создать концентрационные лагеря на Кипре. Это был поворотный пункт: Мосад направлял в Палестину одно судно за другим, а англичане с той же регулярностью заворачивали их. Теперь назревал новый кризис. Мосад Алия Бет прислал столько беженцев, что лагеря на Кипре их просто уже не вмещали.

Гордый своими успехами и полный решимости сорвать английскую политику ограничения иммиграции, Мосад затеял безумный план, и на Биля Фрая было возложено его проведение в жизнь.

Его «Давидов Щит» со своими двумя тысячами пассажирами был до сих пор крупнейшим нелегальным транспортом. На других судах было всего несколько сот беженцев, не более тысячи. Теперь Мосад решил, что если ему удастся прорваться через блокаду на судне, вмещающем более пяти тысяч беженцев, это нанесет англичанам сокрушительный удар.

Билю было поручено найти подходящее судно, отремонтировать его и погрузить на борт пять тысяч беженцев из лагеря Ла Сиотат на юге Франции. Судно решили достать в Соединенных Штатах или в Южной Америке, чтобы англичане ничего не могли заподозрить. За европейскими портами Си-Ай-Ди наблюдало неусыпно. Агенты Мосада рыскали по Южной Америке, а сам Биль объезжал порты мексиканского залива и восточного побережья. Очень скоро выяснилось, что на деньги, которыми они располагали, подходящего судна купить не удастся. Пришлось Билю пойти на риск, и теперь он не находил себе ме-

ста. Он купил старый-престарый пароход, который совершал когда-то рейсы по Чизапикскому заливу между Балтиморой и Норфольком. Пароход этот с гордым названием «Дженерел Стоунвол Джэксон», неуклюжее пассажирское судно, никогда по океану не плавал. Единственное его преимущество состояло в том, что его удалось купить дешево.

Официант в белой куртке подошел к столику и спросил: — Что-нибудь не так с супом, сэр?

— А? О, чорт, нет... суп чудный, — пробормотал Биль, хлебнув ложку.

А может, покупка этой лохани была ошибкой? В настоящую минуту пароход находился на верфи в Ньюпорт Ньюз, штат Виргиния, где его переоборудовали под 6850 пассажиров.

Биль вздохнул. А вот и другая сторона медали. Если только ему удастся вывезти из Европы одним махом семь тысяч беженцев! Вся политика англичан полетит тогда вверх тормашками!

Биль отодвинул суп и попросил счет. Он достал потухший окурок сигары из пепельницы, зажег его и еще раз прочитал телеграмму, полученную из Ньюпорт Ньюз: **ДЖЕКСОН ГОТОВ.**

На следующий день Биль собрал свою команду, состоявшую из палестинских палмаховцев и ребят Мосада, американских евреев, сочувствующих испанских бойцов, итальянцев и французов. Он осмотрел судно и сделал пробный рейс вдоль берега южной части залива, затем дал «Полный вперед» и вышел в океан.

Не прошло и трех часов, как пошли неполадки, и пришлось вернуться в Ньюпорт Ньюз.

В течение следующих двух недель Биль сделал еще два пробных рейса. Как только старое судно выходило из привычных вод, оно тут же бунтовало, и приходилось возвращать его в порт.

Биль признался ребятам Мосада, что он сделал ошибку. Джэксон ни за что не справится. Они уговорили его загнать судно в верфь еще на неделю и попытаться еще раз.

При пятой попытке вся команда затаила дыхание, когда ветхий пароход обогнул мыс Генри и пыхтя вышел в Атлантический океан. К радостному изумлению всех, он продолжал пыхтеть.

Двадцать два дня спустя «Стоунвол Джэксон» притащился во французский порт Тулон в Лионском заливе, всего в сорока милях от Марселя и не более двадцати от главного лагеря беженцев в Ла Сиотат.

Во Франции была как раз забастовка водителей грузовых машин, и Си-Ай-Ди, неусыпно наблюдавшее за Ла Сиотат, могло позволить себе небольшой отдых: раз не было движения, то и бояться было нечего. Кроме того, после прибытия «Врат Сиона», на борту которого находился Дов, в Пор-де-Бук несколько недель тому назад, из европейских портов не поступало никаких сведений о новых нелегальных судах.

Прибытие «Джэксона» захватило англичан врасплох.

Никаких сведений о нем к ним не поступало, так как купили и переоборудовали его в Штатах, а до сих пор не было еще ни одного случая, когда мосадовский корабль был бы достаточно большим, чтобы переплыть Атлантический океан. Когда «Джэксон» должен был вот-вот бросить якорь в Тулоне, люди Мосада пошли к председателю профсоюза шоферов и объяснили ему положение. Шоферы тайно собрали грузовики и, несмотря на забастовку, без шума перевезли шесть с половиной тысяч беженцев, среди них и Дова, из Ла Сиотат в Тулон.

Си-Ай-Ди обо всем стало известно лишь в самый последний момент. Они тут же бросились в Тулон и всучили огромные взятки служащим порта, чтобы только задержать отплытие «Джэксона» до тех пор, пока они свяжутся с Лондоном и получают указания.

Мосад Алия Бет, действуя еще большими взятками, добивался разрешения на выход в море, и «Джэксон», теперь переименованный в «Обетованную землю», открыто и вызывающе поднял сине-белый флаг на мачту.

В британском Адмиралтействе, в Чэтэм Хауз, и в Уайтхолле происходили срочные совещания. Было ясно, какими осложнениями все это грозит политике англичан. «Обетованная земля» должна быть задержана во что бы то ни стало. Англичане направили французам гневные ноты, полные угроз. К Тулону подплыли британские военные корабли. В ответ французы дали санкцию на отплытие «Обетованной земли».

«Обетованная земля» вышла из тулонской гавани под радостные восклицания тысяч беженцев, находившихся на борту. Как только она пересекла трехмильную зону, тут

же за ней увязались два подстерегавших ее британских крейсера: «Апекс» и «Данстон Хил».

Прошло три с половиной дня, во время которых Биль Фрай следовал по прямому курсу в Палестину. Длинная и узкая труба парохода пыхтела, машина стонала, на палубе копошились люди, а крейсера не спускали глаз с судна.

«Апекс» и «Данстон Хил» держали постоянную связь с адмиралтейством в Лондоне. Когда «Обетованная земля» доплыла уже почти к цели, и до палестинского берега осталось не более пятидесяти миль, англичане не посчитались с правилами борьбы против нелегальной иммиграции. «Апекс» подплыл вплотную к пароходу и дал залп чуть ли не по самому носу судна. Затем в громкоговорителе крейсера раздался голос:

«Контрабандное судно! Остановите машину и приготовьтесь к обыску!».

Биль Фрай принялся кусать свою сигару. Он схватил мегафон и шагнул на мостик.

«Мы в открытом море, — заорал он. — Если вы возьмете нас на абордаж, это будет чистейшим пиратством!».

— Очень жаль, ребята, но приказ есть приказ. Вы дадите себя обыскать, не оказывая сопротивления?

Биль обернулся к командиру-палмахнику, стоявшему позади.

— Ну-ка, устроим встречу этим мерзавцам!

«Обетованная земля» дала полный вперед, пытаясь ускользнуть от крейсеров. «Апекс» поплыл рядом, затем резко повернул и протаранил бок ветхого судна. Пробоина получилась огромная, но над ватерлинией, и пароход весь зашатался от удара. «Апекс» открыл пулеметный огонь, чтобы прогнать всех с палубы и приступить к абордажу.

Британские матросы в противогазах и вооруженные пистолетами прыгнули на палубу «Обетованной земли» и направились к палубным надстройкам. Палмахники тут же протянули заграждение из колючей проволоки и обрушили на англичан град камней и струи из брандспойтов.

Англичан оттеснили назад к борту. Они пустили в ход огнестрельное оружие и потребовали подкрепления. Появились свежие силы, на этот раз с ножницами. Англичане вновь бросились в атаку. Вновь вода из брандспойтов отогнала их. Под прикрытием пулеметного огня с «Апекса» англичане в третий раз пошли в атаку, добрались до колючей проволоки и только начали орудовать ножницами,

как на них обрушились струи кипятка из брандспойтов. Теперь палмахники перешли в атаку сами, опрокинули англичан и сбросили их, одного за другим, в море.

«Апекс» прекратил огонь, чтобы поднять на борт своих барахтавшихся в воде матросов, а «Обетованная земля», с огромной пробоиной в боку, опять запыхтела. «Данстон Хил» бросился вдогонку и тут же настиг ее. На борту крейсера уже обсуждали вопрос, не следует ли протаранить пароход еще раз. Но еще одна пробоина, и ветхое судно могло пойти ко дну. Крейсер не стал рисковать. Зато «Данстон Хил» обрушил на палубу свирепый огонь из пулеметов, и беженцам, а также палмахникам, пришлось скрываться. Приставив к борту лестницы, матросы «Данстон Хила» взяли пароход на абордаж. Последовал яростный бой врукопашную. Действуя дубинками, частенько и пистолетами, англичане напирала на лестницу, ведущую к капитанскому мостику.

Тем временем «Апекс» оправился и подплыл к месту боя. Оба крейсера взяли пароход в ножницы. «Апекс» вооружил свою абордажную команду слезоточивыми газами, и под прикрытием газов команда «Апекса» напирала с тыла.

Дов Ландау участвовал в схватке. Он с группой беженцев охраняли лестницу, ведущую на мостик. Добрых полдесятка раз они сбросили англичан с лестницы, пока слезоточивые газы и огонь из пистолетов не заставили их отступить.

Наконец англичане захватили всю палубу. Получив подкрепление и угрожающе направив винтовки и дула пистолетов на беженцев, они дали возможность другому отряду броситься в сторону рубки, чтобы завладеть штурвалом.

Биль Фрай и пятеро матросов встретили первых трех англичан, ворвавшихся в рубку, пистолетами и кулаками. Отрезанный от всех, Биль Фрай продолжал драться, пока англичане не избили его до полусмерти и выволокли из рубки.

Бой длился четыре часа. Англичане потеряли восемь человек убитыми. Два десятка англичан были ранены. Евреев было убито пятнадцать человек, среди них и капитан судна, американец Биль Фрай. Наконец-то англичане завладели «Обетованной землей».

Когда «Данстон Хил» с «Обетованной землей» на бук-

сире стал подплывать к Хайфе, были приняты чрезвычайные меры, чтобы все это держать в строгой тайне. Старый пароход сильно пострадал. Британские солдаты наводнили весь район порта в Хайфе. Расположенная в районе Шестая дивизия парашютистов, вооруженная до зубов, была приведена в боевую готовность. Однако, несмотря на все попытки держать все в тайне, ничего из этого не получилось. Англичане не знали, что евреи уже передали по радио полный отчет о захвате «Обетованной земли» в открытом море.

Когда оба судна подплыли к Хайфе, евреи объявили в Палестине всеобщую забастовку. Англичанам пришлось мобилизовать войска и даже танки, чтобы оградить порт и беженцев от возмущенных палестинских евреев.

Четыре британских корабля, предназначенных для перевозки заключенных: «Эмпайр Монитор», «Эмпайр Ринуан», «Эмпайр Гардиан» и «Магна Харта» ждали погрузки беженцев с «Обетованной земли». Но в тот самый момент, когда ветхий катер, курсировавший по Чизапикскому заливу, вошел в гавань, весь порт и вся Хайфа задрожали от мощного взрыва. Взрыв произошел на «Эмпайр Монитор» и от судна остались только рожки да ножки. Операция была проведена палмахниками-амфибиями, подложившими магнитную мину под бугшприт.

«Обетованная земля» причалила к пристани, и тут же началась погрузка беженцев на британские суда. Большинство беженцев пало духом и не помышляло уже о сопротивлении. Их повели в баню, раздели наголо, обыскали, погнали под душ, затем всю эту жалкую процессию повели на оставшиеся три корабля.

Дов Ландау, а с ним еще человек двадцать пять беженцев, засели в трюм, вооружившись кусками стальных труб, и продолжали оказывать сопротивление до конца. В трюм накачали слезоточивые газы, но и тогда Дов, схваченный четверьмя солдатами, не переставал ругаться и отчаянно отбиваться. Его бросили за решетку на «Магна Харта».

Забитые до отказа, три британских судна, в сопровождении крейсеров «Данстон Хил» и «Апекс», подняли якорь и отплыли из Хайфы.

Если бы беженцев отправили на Кипр в без того переполненные лагеря, то евреи достигли бы своей цели: шесть с половиной тысяч беженцев было бы вывезено из Европы, и на столько же увеличилось бы непрерывно растущее

число заключенных, ожидавших на Кипре отправки в Палестину.

«Беженцы с так называемой «Обетованной земли», находящиеся сейчас на борту «Эмпайр Гардиан», «Эмпайр Ринуан» и «Магна Харта», подлежат возвращению в порт отправления, то есть в Тулон. С нынешнего дня все нелегальные иммигранты, которые попытаются пробраться в Палестину, будут возвращены в те порты, где они сели на судно».

Палмахники и агенты Мосада, находившиеся на борту трех кораблей вместе с беженцами, приняли поэтому следующее решение. Если англичане добьются своего, и беженцев высадут в Тулоне, то на этом нелегальная иммиграция закончится. Ни под каким видом нельзя поэтому допустить этой высадки.

Когда корабли вошли в Лионский залив и бросили якорь в открытом море, англичане приняли все меры, чтобы все дело держать в глубокой тайне.

Одновременно с этим командиры-палмаховцы, находившиеся на борту кораблей, передали капитанам всех трех кораблей заявление, гласившее: «Вы сможете высадить нас на берег только силой».

Начальник эскадры немедленно радировал обо всем в Лондон и потребовал указаний. Уайтхолл тут же принялся нажимать на Париж, угрожая вплоть до разрыва отношений. Они предупредили французов не принимать сторону евреев и не возражать против высадки беженцев силой. Четыре дня летели донесения и инструкции от кораблей, из Лондона, из Парижа и назад. Затем французское правительство объявило англичанам о своем решении: «Французское правительство не будет участвовать и не допустит применения силы к беженцам. Если беженцы желают вернуться во Францию по своей доброй воле, мы их всегда примем с радостью».

Французы приняли сторону евреев, несмотря на угрозу разрыва отношений с англичанами. Беженцы облегченно вздохнули. Как один человек они решили не двигаться с места. Оправившись от удара, англичане объявили беженцам, что либо они добровольно высадутся в Тулоне, либо же будут торчать в лионском заливе пока не сдохнут.

На борту «Эмпайр Гардиан», «Эмпайр Ринуан» и «Магна Харта» евреи устроили баррикады. Палмахники создали школы, обучали беженцев ивриту, стали издавать газету,

организовали драмкружок и делали все, чтобы не дать людям падать духом. Французские власти ежедневно направляли длинные конвои баркасов к кораблям, чтобы снабдить беженцев продовольствием и медикаментами. На борту кораблей родилось за это время больше десятка детей. Прошла неделя, а беженцы стояли на своем.

На берегу появились журналисты, заинтересовавшиеся странными тремя кораблями и возмущавшиеся таинственностью, которой их окружали. Однажды ночью агент Мосада с «Эмпайр Гардиан» добрался вплавь на берег и рассказал обо всем французским журналистам.

Весть немедленно разнеслась по Франции, Италии, Голландии и Дании. Передовицы газет во всех четырех странах были полны грубых ругательств в адрес британских властей.

Лондон заранее приготовился к этому взрыву негодования. Они ничего и не ожидали другого. Они все предусматривали, только не это неукротимое упрямство беженцев. Условия на кораблях были ужасные. Было невыносимо душно, и очень многие заболели. Тем не менее беженцы отказывались высаживаться. Судовые команды, не очень-то отваживавшиеся в закрытые решетки трюмы, начинали мало-помалу нервничать. Прошла вторая неделя, а евреи не сдавались. **Возмущение печати все нарастало.**

Прошла еще одна неделя. Затем еще одна.

Интерес постепенно слабел. Затем на берег был доставлен без применения силы первый еврей. Он был мертв. Последовал новый взрыв возмущения в мировой печати. Капитаны всех трех кораблей доложили, что беженцы, как никогда, полны решимости не сдаваться, и нажим на Уайтхолл все усиливался. Если на берег будут доставлены новые трупы, дело примет весьма скверный оборот.

Инициаторы британской политики решили прибегнуть к обходному маневру. Они потребовали от беженцев послать делегацию для ведения переговоров. Они рассчитывали на то, что удастся найти какой-нибудь компромисс, который позволит им выйти с честью из всей этой истории. Со всех трех кораблей получился один и тот же ответ: «Мы согласны высадиться только в Палестине».

Пошла шестая неделя. Когда на борту умер еще один беженец, англичане поставили перед беженцами ультима-

тум: либо они высадятся на берег, либо вся ответственность падет на них. Было не совсем ясно, о какой ответственности шла речь, но когда беженцы отклонили и ультиматум, настаивая на своем, англичане были вынуждены действовать.

«Транспортным судам «Эмпайр Гардиан» и «Эмпайр Ринуан», — говорилось в приказе, — немедленно поднять якорь и следовать в Гамбург, британская зона оккупации. Пассажиров этих двух кораблей высадить на берег и отправить в Дахау до дальнейшего распоряжения».

Пока оба корабля взяли курс через Гибралтарский пролив на Гамбург, Мосад делал отчаянные попытки посадить на два других корабля 15 тысяч новых беженцев, чтобы вывезти их нелегально в Палестину. Ибо, когда «Ринуан» и «Гардиан» прибыли в Германию, возмущение мирового общественного мнения бесчеловечной английской политикой достигло предела. Победа, одержанная Мосадом над Англией, была довольно безрадостна.

Все же последнему из трех кораблей, транспортному судну «Магна Харта» англичане разрешили высадить беженцев на Кипре, где их тут же отвезли в лагерь в Караолос. Дову повезло. Он отпраздновал свой 16-ый день рождения не в Дахау, а в Караолосе. Зато у него ничего не осталось в душе, кроме ненависти.

Г Л А В А 28.

Свой семнадцатый день рождения Дов отметил тоже в лагере — в Караолосе. Он провел этот день точно так же, как и все остальные дни. Он лежал на койке, глядя в пространство, и не сказал никому ни слова. Он вообще ни разу ни с кем не говорил с того самого дня, когда его вынесли из трюма «Обетованной земли». Длинные недели перед Тулоном еще более усилили его ненависть.

В Караолосе с ним пытались заговорить десятки людей: социальные работники, врачи, учителя и палмахники, но Дов никому не доверял и никого не хотел видеть. Им так и не удалось пробить эту стену.

Днем он лежал на своей койке. Ночью он гнал от себя сон: стоило ему заснуть, как тут же одолевали кошмары. Вновь и вновь он видел во сне, как открываются двери газовых камер в Освенциме. Целыми часами он смотрел на лагерный номер, наколотый на его руке: 359195.

В палатке напротив жила девушка. Это была красивая девушка. Он еще такой не видел. В этом не было ничего удивительного: в тех местах, где ему пришлось жить, женщины не могли быть красивыми. Она работала воспитательницей, всегда улыбалась ему и никогда на него не сердилась, как сердились все остальные. Эта девушка была Карен Ханзен-Клемент.

Карен тоже обратила внимание на Дова и пыталась разузнать, почему он не учится в школе и вообще ни в чем не принимает участия. Ее предупредили держаться подальше от него; он, дескать, неисправим и, пожалуй, даже опасен.

Это предупреждение только подзадорило Карен. Она знала, что Дов был в Освенциме, и испытывала к нему глубокое сочувствие. Ей не раз удавались с такими юношами вещи, которые вряд ли удались бы кому-нибудь другому, и хотя она понимала, что лучше с таким не связываться, любопытство брало верх всякий раз, когда она выходила из своей палатки, расположенной как раз напротив.

Однажды Дов лежал, как обычно, на своей койке и

глядел в пространство. Было очень жарко, и он весь вспотел. Вдруг он почувствовал, что кто-то зашел в палатку, и молниеносно спрыгнул с койки. Перед ним стояла Карен. Мальчик весь напрягся.

— Ты не одолжишь мне ведро? Мое потекло, а вот-вот подъедет водовоз.

Дов вытарашил на нее глаза и заморгал.

— Я говорю, ведро не одолжишь?

Дов что-то проворчал.

— Так как же? Да или нет? Ты что, немой?

Они стояли друг против друга, как два петуха, приготовившиеся к прыжку. Карен уже жалела, что вообще зашла в палатку. Она сделала глубокий вдох.

— Меня зовут Карен, — сказала она. — Я живу напротив.

Дов все еще не отвечал. Он не сводил с нее глаз, но молчал.

— Ну, ты мне дашь ведро?

— Чего тебе здесь надо? Тоже мне — агитатор!

— Я пришла, чтоб попросить ведро. Чего это я буду тебя агитировать? Больно много о себе воображаешь!

Он отвернулся, сел на койку и начал кусать ногти. Ес прямота совершенно обезоружила его. Он показал рукой на ведро, стоявшее в углу, и она тут же взяла его. Он быстро посмотрел на нее краем глаз.

— А тебя-то как зовут? Вот я приду и верну тебе ведро, а как зовут, не знаю.

Он не ответил.

— Ну?

— Дов!

— А меня — Карен. Можешь звать меня Карен. И здороваться со мной можешь. А там, глядишь, и улыбаться научишься.

Он стал медленно оборачиваться, но она уже выскочила из палатки. Он подошел к двери и посмотрел ей вслед. Как раз подъехала английская цистерна, и она пошла набрать воды. Она была удивительно красива.

Это был первый случай за много, много месяцев, оторвавший Дова от его вечного самоанализа. Эта Карен была совсем непохожа на тех, кто пытался заговорить с ним до этого. Она была прямая, немного капризная и пугливая, но ее существо излучало какую-то ласку. Она не надоедала ему и не говорила громких слов, в которые сама

не верила. Она была такая же заключенная, однако не жаловалась и не ходила злая, как все остальные. У нее был нежный голосок, но в то же время решительный.

— Привет, Дов, — сказала Карен, вернувшись. — На, возьми ведро. Спасибо!

Он что-то буркнул.

— Ах да, ты же говорить не умеешь по-человечески, а только бурчать. У меня в садике есть такой. Только он разыгрывает из себя льва.

— Привет! — заорал Дов, что было мочи.

Дов знал теперь, когда она встает по утрам. Он знал, когда она идет стирать, а когда в садик. Однажды он украдкой забрался в ее палатку и осмотрел ее ведро. Ничего оно не текло. Он лежал теперь целыми днями на койке и с нетерпением ждал стука ее каблуков на дорожке. Он подсакивал к двери своей палатки и украдкой смотрел ей вслед. Частенько и Карен смотрела в сторону его палатки, и их взгляды на мгновение встречались. Тогда Дов обычно сердился и упрекал себя в слабости и в том, что он просто губошлеп.

Дни шли за днями, но для Дова что-то все-таки изменилось. Он по-прежнему молчал и чуждался людей, но его мысли частенько отвлекались от смерти и ненависти, и он даже слышал, бывало, как дети играют рядом на площадке, и как она им что-то говорит. Все это было ново для него. За все время пребывания в Караолосе он почему-то не слышал голоса детей, пока он не познакомился с Карен.

Однажды ночью Дов стоял у колючей проволоки и следил за лучами прожекторов, скользившими над палатками. Он часто стоял так и смотрел, потому что спать он боялся. Палмахники устроили костер на детской площадке, там люди сидели, пели и плясали. Когда-то он сам пел так и плясал на собраниях «Строителей», но теперь все это ему опостыло. Тогда на собраниях были и Мундек, и Руфь и Реббека.

— Хэлло, Дов!

Он обернулся рывком и увидел рядом тонкий силуэт Карен. Слабый ветерок играл в ее длинных волосах, а она куталась в видевший виды платок.

— Давай подойдем к костру!

Она подошла ближе, но он повернулся к ней спиной.

— Ведь я же тебе нравлюсь, дурачок ты этакий! Меня

ты можешь не стесняться. Почему ты живешь таким волком?

Он только мотнул головой.

— Дов..., — шепнула она.

Он резко обернулся к ней. Его глаза сверкали от бешенства.

— Бедный Дов! — закривлялся он. — Бедный безумец! Ты ничуть их всех не лучше! Ты только красивее! — Дов положил ей руки на шею и начал стискивать пальцы вокруг горла. — Оставьте меня в покое... оставьте меня в покое...

Карен посмотрела ему прямо в глаза.

— Убери руки прочь... Сию же минуту!

Он отнял руки.

— Я хотел только нагнать на тебя страху, — сказал он. — Ничего плохого я бы тебе все равно не сделал.

— Никакого страха ты на меня не нагнал и не нагонишь, — ответила она презрительно и пошла прочь.

Неделю Карен не разговаривала с ним и даже не смотрела в его сторону. Его охватило какое-то мучительное беспокойство. Дов не мог уже проводить часы на койке в молчании, как проводил раньше. Целыми днями он ходил взад и вперед по палатке. На кой черт он связался с этой девушкой! Раньше у него были его воспоминания и только они одни. Теперь он даже думать разучился!

Однажды вечером Карен была с детьми на площадке. Вдруг один ребенок упал и начал плакать. Она опустилась перед ним на колени, обняла его и начала его успокаивать. Подняв голову, она увидела перед собой Дова.

— Хэлло! — сказал он быстро и пошел прочь.

Несмотря на все предостережения, Карен знала, что она глубоко проникла в его душу, покрытую мраком. Она знала, что мальчик в отчаянии, что ему хотелось выбраться из своего мрачного одиночества, и что своим скучным «хэлло» он хотел по-своему извиниться.

Несколько дней спустя она нашла на своей койке рисунок. Она поднесла рисунок к свече и принялась рассматривать его. Рисунок изображал девушку, стоящую на коленях и держащую в руках ребенка. На заднем плане — колючая проволока. Она перешла дорожку и вошла к Дову в палатку. Увидев ее, Дов повернулся к ней спиной.

— Ты очень хорошо рисуешь, — сказала Карен.

— Еще бы! — бросил он в ответ. — Пора было набить

руку. Моя специальность — Джордж Вашингтон и Линкольн.

Он присел на краю койки и принялся кусать губы. Карен села рядом. Его охватило какое-то странное ощущение: кроме как со своими сестрами, он еще никогда не сидел так близко к девушке. Она дотронулась пальцем до голубой наколки на его левой руке.

— Освенцим?

— На кой чорт я тебе вообще сдался?

— Может, ты мне нравишься.

— Нравлюсь?

— Ага. Когда ты не рычишь, а это с тобой почти не бывает, ты ничего. И голос у тебя приятный, когда не орешь.

У него задрожали губы.

— А я... а ты мне действительно нравишься. Ты не такая, как все остальные. Ты, кажется, понимаешь меня. У меня был брат, Мундек; тот меня гоже всегда понимал.

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать. — Дов вскочил на ноги и резко обернулся к ней. — Боже, как я ненавижу этих англичан! Они ничуть не лучше немцев.

— Дов!

Взрыв прекратился так же быстро, как начался. Все же начало было положено: он, хоть немного, а сбросил маску. Уже больше года он не сказал ни с кем больше одного-двух слов. Он тут же на глазах у Карен полез обратно в свою мрачную скорлупу.

Дов так искал общества Карен, потому что она была ласкова к нему, слушала его и, кажется, даже понимала. Он начинал, бывало, говорить спокойно, но потом на него находило, из него перла ядовитая ненависть, и кончалось тем, что он обратно забирался в свой странный мирок.

Карен доверяла ему все больше и больше и рассказала ему, что она оттого так стремится попасть в Палестину, что надеется найти там своего отца. С тех самых пор, как она оставила Ханzenов, она была все время до того занята своими детьми, что у нее просто не оставалось времени подружиться с кем-нибудь. Дову было лестно, что она рассказывала ему все это, а и она, как ни странно, испытывала удовольствие от этих бесед.

И однажды произошло что-то очень важное. Дов Ландау улыбнулся.

Когда они мирно беседовали, ему тоже хотелось рассказать ей о чем-нибудь приятном. Она так ласково говорила о Ханзенах, о датчанах, о детях, которых она так любила, о своей надежде найти отца. Ему очень хотелось подражать ей, но как он ни силился, а ничего приятного он вспомнить не мог. Родители, сестры, родной дом — все это было так давно, что он все позабыл.

Карен тщательно избегала тем, которых избегал он сам. Она никогда его не расспрашивала об Освенциме или о гетто.

Спустя несколько недель она явилась к нему с заданием.

— Дов, сделай для меня что-то.

Дов сразу стал подозрительным.

— Ребятам из Мосада известно, что ты был в Освенциме и что ты умеешь подделывать бумаги.

— Ну так что же?

— Здесь какой-то новый палестинец, Иоав Яркони говорит, что он хочет побеседовать с тобой. Его зовут Ари Бен Канаан. Ему нужны паспорта и всякие бумаги. Вот ты ему и нужен.

— Ах, вот оно что! Вот для чего ты так ко мне подлизывалась! Чтобы завербовать!

— Дов, перестань! Ты сам не веришь тому, что ты говоришь.

— Ну, хорошо, — пробормотал Дов. — Если я им так уж нужен, то чего ж им не прийти и не попросить меня самим?

— Как же они могут попросить тебя, когда ты ни с кем не хочешь разговаривать?

— А с какой стати мне работать на них?

— С той стати, что они работают на тебя.

— Чорта с два они на меня работают! Они работают на самих себя.

— Ладно, пусть по-твоему. Но ведь они не хуже немцев, а если ты мог подделывать доллары для тех, то ничего с тобой не случится, если ты будешь подделывать паспорта для Мосада.

— Да, ты за ответом в карман не полезешь.

— Дов, я никогда ни о чем тебя не просила. А теперь прошу. Что мне им сказать?

— Скажи им, что я, может быть, соглашусь, но нужно сначала о многом поговорить.

— Вот и походи поговори. Ари Бен Канаан сидит и ждет.

— Пускай приходит сюда.

Дову Ари Бен Канаан понравился, хотя он ни за что бы в этом не признался. Он был прямой, говорил дело и без обиняков сказал Дову, что если он не согласится работать на него, то он отправит его с Кипра последним. Дову нравились в нем качества врожденного вождя, те качества, которыми обладал и Мундек. Он начал работать в одном из классных помещений, где находился штаб Палмаха. Тем не менее все, кроме Карен, продолжали считать его неисправимым. Он по-прежнему говорил только сердито. Когда на него находило, ее всегда звали, чтобы успокоить его.

Она замечала в нем вещи, которых не замечал никто другой — неукротимую силу и гордость. Были еще и другие причины, не совсем ясные ей самой, из-за которых он ей нравился все больше и больше.

Спустя две с половиной недели после прибытия Бен Канаана на Кипр, Давид Бен Ами передал Дову список в триста фамилий детей, для которых он должен был изготовить наряды на переброску из Караолоса в новые лагерь у Ларнаки. Дов знал, что никакая это не переброска, а побег. Ни его фамилия, ни фамилия Карен в списке не значились.

Дов сказал Давиду, что ему нужно поговорить с Бен Канааном. Во время этого разговора он потребовал от Ари, чтобы его и Карен включили в список. Ари согласился.

Г Л А В А 29.

До последнего этапа Операция Гидеон осталось всего 24 часа.

Ари Бен Канаан созвал совещание своих командиров в доме Мандрии, их союзника-киприота.

Давид Бен Ами вручил Ари наряды, изготовленные Довом. Ари посмотрел на бумаги и сказал, что парень — настоящий артист своего дела. Никто не догадается, что это подделка. Давид доложил, что он покончил со всеми приготовлениями, начиная от мер безопасности и вплоть до кошерной пищи для верующих детей.

Иоав Яркони, марокканец, доложил, что грузовые машины все наготове и что потребуется не более двадцати минут, чтобы они добрались от 23-ей колонны до Караолоса. Он сообщил также точное время, необходимое для переезда из Караолоса в Кирению по ряду других маршрутов.

Зеев Гильбоа доложил, что погрузка детей в машины займет считанные минуты, как только машины придут в Караолос. Он сообщит детям о цели поездки непосредственно перед отправкой.

Американец Ханк Шлосберг, капитан «Эксодуса», сказал, что он поднимет якорь в Ларнаке на рассвете, возьмет курс на Кирению и придет туда за час, а то и за два, до прибытия автоколонны.

Мандрия доложил, что он расставил наблюдателей вдоль пути следования автоколонны. Они немедленно сообщат водителям, если произойдет что-нибудь непредвиденное. Другие наблюдатели следили за целым рядом обходных маршрутов. Мандрия сказал, что он лично будет ждать, как приказано, в Фамагусте у себя дома. Как только колонна проедет мимо его дома, он тут же позвонит в Кирению Марку Паркеру.

Ари встал и окинул взглядом своих помощников. Все нервничали. Даже столь спокойный обычно Яркони устался в землю. Ари не стал ни поздравлять их, ни желать им успеха. С поздравлениями еще успеется. Что же касается успехов, то об этом они уж побеспокоятся сами.

— Я сначала хотел устроить этот побег только дня че-

рез три, когда сами англичане начнут перебрасывать детей в новые лагеря. Но нам стало известно, что майор Алистер что-то заподозрил. Мы имеем все основания считать, что он потребовал из Лондона указаний, минуя своего непосредственного начальства, генерала Сатерленда. Поэтому нам приходится действовать немедленно. Наши машины прибудут в Караолос в девять утра. Я надеюсь, что к десяти часам дети будут уже в машинах и мы проедем мимо вашего дома в Фамагусте. С момента, когда мы свернем с ларнакского шоссе, нам предстоят два решающих часа. Нет оснований полагать, что нашу колонну остановят. Наши машины известны по всему Кипру. Однако... мы должны действовать так, как если бы были на подозрении. Есть еще какие-нибудь вопросы?

Восторженная натура Давида Бен Ами не позволила ему покончить с таким делом без тостов. Ари относился к его затеям со снисхождением.

— **Лехаим!** — сказал Давид, подняв рюмку.

— **Лехаим!** — ответили остальные.

— Мне частенько приходится слышать этот ваш «Лехаим», — сказал Мандрия. — Что это слово обозначает?

— Оно обозначает «За жизнь!», — ответил Давид. — В устах евреев это немалое требование.

— «За жизнь», — повторил Мандрия. — Хорошо как!

Ари подошел к Мандрии и обнял его по-палмаховски.

— Вы были нам настоящим другом, — сказал он. — Теперь мне надо пойти к Паркеру.

У Мандрии были слезы на глазах. Он знал, что так они обнимаются только со своими. Такое объятие со стороны Ари означало, что его полностью приняли как своего.

Полчаса спустя Ари, под видом капитана Калеба Мура, встретил Марка на террасе отеля «Кинг Джордж». Марк был сплошной комок нервов.

Ари сел, от сигареты отказался и заказал себе виски.

— Ну как? — нетерпеливо спросил Марк.

— Завтра мы будем в Караолосе в девять утра.

— Я думал, вы подождете, пока англичане сами начнут перебрасывать детей.

— Оно и было бы лучше, но мы не можем ждать. Дружок из Си-Ай-Ди сообщил нам, что Алистер о чем-то догадывается. Успокойся, — сказал Ари. — Еще немного, и все будет позади. Англичане, хотя и заподозрили что-то, но сами не знают что. Вот и все наши дела.

Марк кивнул. Он собирался послать телеграмму и попросить о продлении отпуска. В Лондоне Брэдбери узнает по подписи «Марк», что Операция Гедеон закончилась успешно и немедленно напечатает репортаж, который Марк отправил ему через знакомого гражданского летчика неделю тому назад.

— А что, если Мандрия не позвонит мне в десять?

Ари улыбнулся.

— Тогда я бы тебе советовал оторваться как можно скорее. Разве только ты желаешь написать репортаж о моей казни.

— Получился бы неплохой репортаж, — ответил Марк. Он допил свою рюмку.

— Кстати, — сказал Ари, глядя в сторону моря, — с того дня, как нам пришлось включить Карен в список, Китти ни разу не была в лагере.

— Правильно. Она со мной во «Дворце».

— И как она?

— Ну, как, по-твоему? Плохо, конечно. Она не хочет, чтобы Карен попала на «Эксокус». Можно ли осуждать ее за это?

— Я и не осуждаю. Мне просто жаль ее.

— Очень мило с твоей стороны. Я не знал, что ты можешь пожалеть кого-нибудь.

— Мне жаль, что она поддалась своему чувству.

— Вот как? Я забыл. Ты ведь не признаешь никаких чувств.

— Ты нервный, Марк.

Спокойствие Ари злило Марка. Он вспомнил, как горевала Китти, когда она вернулась в Киренню и рассказала ему, что Карен тоже попадет на «Эксокус».

— Что ты хочешь? Китти вынесла в жизни больше страданий, чем под силу женщине.

— Страданий? — сказал Ари. — Я боюсь, что Китти Фремонт вообще не знает, что такое «страдания».

— Ну тебя к чорту, Бен Канаан. Не думаешь ли ты, что евреи взяли все страдания на свете на откуп?

— По счастью, вам платят не за то, чтобы мне сочувствовать. А мне на ваше сочувствие в высшей степени наплевать.

— Как ты так можешь? Я сочувствую каждой человеческой слабости.

— У меня их нет в рабочее время.

Марк поднялся, собираясь уйти. Ари схватил его за рукав. Марк впервые видел Ари по-настоящему сердитым. Его глаза сверкали гневом.

— Что, по-твоему, здесь происходит? К чорту! Это тебе не пикник в саду у герцогини. Мы вызываем завтра на бой всю Британскую империю.

Он выпустил рукав Марка и пожалел о своей вспышке. В эту минуту Марк пожалел его. Ари, правда, умел скрывать свои чувства, но нарастающее напряжение сказывалось.

Несколько часов спустя Марк был уже во «Дворце» в Кирении. Он постучал в дверь Китти. Она ухитрилась встретить его с улыбкой на лице, но ее покрасневшие веки красноречиво говорили о ее муке.

— Завтра.

Китти вся сжалась.

— Так быстро?

— Они боятся, как бы англичане не спохватились.

Китти подошла к окну и посмотрела на остров и на пирс. Стоял сияющий вечер, и вдали виднелись даже неясные очертания турецкого берега.

— Я пытаюсь набраться мужества, собрать свои вещи и уехать с Кипра.

— Послушай, — сказал Марк. — Как только со всем этим будет покончено, давай съездим на пару недель на Ривьеру.

— Чтобы зализать раны? Я думала, ты собираешься в Палестину.

— Вряд ли англичане меня туда пустят. Я чувствую себя последним мерзавцем, что втянул тебя в эту историю.

— Ты тут ни при чем, Марк.

— Это очень мило с твоей стороны, но не совсем правильно. Как ты думаешь — справишься ли?

— Думаю, справлюсь. Зря только ввязалась. Ты, правда, предупреждал. Все-то время я чувствовала, что почва ускользает у меня из-под ног. Помнишь, Марк, как мы спорили с тобой той самой ночью, когда ты меня познакомил с Бен Канааном? Я сказала, что в евреях есть что-то особое. Они не похожи на нас.

— У них особый талант попадать в беду. В этом им не откажешь, — сказал Марк, поднимаясь с края кровати и потирая виски. — Однако как бы там ни было, поесть надо. Я голоден.

Китти встала тоже и стояла, прислонившись к двери, пока Марк помыл лицо под краном. Он потянулся за полотенцем. Она подала ему.

— Марк! Эта история с «Эксопусом», она очень опасна?

Он поколебался с минуту. Обманывать ее не имело смысла.

— Этот твой «Эксопус» — настоящая подводная мина. В любой момент может взорваться.

У Китти сжалось сердце.

— Скажи мне правду, Марк. Есть ли у них хоть какой-нибудь шанс?

— С таким начальником, как это бесчувственное чудовище Ари Бен Канаан, у них шансы неплохие.

Солнце село и наступила ночь.

Марк и Китти молча сидели в ее номере.

— Что ж мы, всю ночь так и будем сидеть?

— Пожалуйста, не уходи, — попросила Китти. — Я лягу прямо поверх одеяла.

Она достала из тумбочки две таблетки снотворного, потушила лампу и растянулась на кровати.

Марк уселся у окна и следил за прибором.

Прошло минут двадцать. Он посмотрел в сторону кровати и увидел, что Китти заснула беспокойным сном; она то и дело ворочалась во сне. Марк подошел к кровати, постоял с минуту над ней, затем прикрыл ее одеялом и вернулся к своему стулу.

В Караолосе Дов и Карен тоже сидели на его койке слишком возбужденные, чтобы заснуть. Они разговаривали шопотом. Среди всех детей только они одни знали, что их ждет завтра.

Карен пыталась успокоить Дова. Он без умолку говорил шопотом о том, что он станет делать, приехав в Палестину. Он немедленно пристанет к террористам и будет убивать британских солдат. Она успокаивала его, как умела, затем все-таки уговорила его прилечь.

Когда он закрыл глаза, Карен тихонько встала. Ее охватило какое-то странное ощущение, непонятное и страшное. Дов значил для нее гораздо больше, чем она думала до сих пор. Сначала она его просто жалела. Теперь она была в его власти. Она не понимала, как это могло случиться. Она хотела бы поговорить обо всем этом с Китти. Но Китти не было.

— Карен?

— Я здесь, Дов.

В темноте медленно текли часы.

В 23-ей Транспортной роте ЕВЕВК три человека лежали на своих койках с широко открытыми глазами.

Зеев Гильбоа, впервые за без малого год, позволил себе представить весну в Галилее. Он думал о своей жене, о ребенке и о своем хозяйстве. Его ребенку было всего несколько месяцев от роду, когда Палмах направил Зеева на Кипр.

Иов Яркони тоже думал о своем хозяйстве. Оно было не такое, как у Зеева: оно было расположено у самого моря на севере Саронской долины. Хозяйство звали «Сдот Ям», то есть «Морские Нивы», и занималось оно преимущественно рыболовством. Яркони любил скитаться часами по заброшенным руинам Кесарни, делать раскопки в поисках древностей, и он надеялся, что Палмах отпустит его теперь на некоторое время домой. Он очень тосковал по брату и сестре, а с каким удовольствием он сядет теперь на катер и отправится ловить рыбу!

...Давид Бен Ами думал о своем любимом Иерусалиме. Он любил Иерусалим почти столько же, сколько Иордану, сестру Ари. Теперь он увидит их обоих, пока не пошлют куда-нибудь с новым заданием. Скалистые горы Иудеи, где жили шестеро его братьев, и каменный город, поднимающийся среди гор. Давид приподнялся на локоть и прочитал еще раз потертое письмецо, которое привез ему Ари. Иордана, Иордана! У него бешено забилося сердце. Иордана, любовь моя!

Все трое знали, что недолго им дадут побыть дома. Они принадлежали Палмаху и Мосаду, и их в любой момент могли отправить куда угодно. Но в эту ночь все их мысли были дома...

Генерал Брус Сатерлэнд проснулся среди ночи, измученный кошмарами, оделся и вышел прогуляться. Он шел вдоль древней крепостной стены Фамагусты, погруженной в темноту, и вглядывался в старый город с его сотнями церквей и соборов и с развалинами дворцов и памятников прошедшей славы. Он шел, пока не добрался до башни Отелло. Он взобрался на башню и посмотрел вниз, в сторону порта. Он устал, ужасно устал. Будет ли еще в его

жизни ночь, когда он сможет спокойно закрыть глаза и заснуть мирным сном?

Майор Дж. Дж. Алистэр заснул прямо за письменным столом. Почти всю ночь он рылся в донесениях, в отрывках рапортов, поступивших от агентов, пытаясь отгадать, что же такое затевают евреи в Караолосе.

Мандрия шагал взад и вперед по комнате, где Мосад и Палмах провели уже столько совещаний. Да, прошло всего лишь несколько недель с того дня, когда Ари Бен Канаан и Давид Бен Ами стояли на этом же балконе и смотрели вниз на конвой евреев, снятых с «Ворот Надежды». Завтра он тоже будет стоять на балконе и смотреть, как мимо проезжает другой конвой. Это будет венцом безумного плана Ари Бен Канаана. Отвага Мосада произвела огромное впечатление на воображение греческих патриотов на Кипре. Те из них, кто, подобно Мандрии, сотрудничали с евреями, уже подумывали о собственном подпольном движении против британского владычества на Кипре.

Телько один спал крепко. Ари Бен Канаан спал мирным сном хорошо накормленного ребенка, у которого нет никаких забот на свете.

Луч света упал Марку Паркеру на лицо. Он открыл глаза и зевнул. Он задремал у окна, упершись ногами о подоконник. Он весь околочен, во рту было горько от табака и виски. Он оглянулся и увидел Китти, спавшую спокойным и глубоким сном на кровати. Он спустил штору, на цыпочках вышел из комнаты, побрился, принял холодный душ и почувствовал себя лучше. Он оделся, вернулся в комнату Китти, осторожно присел на краю кровати и нежно погладил ее по волосам. Она проснулась и медленно открыла глаза. Увидев Марка, она улыбнулась и сладко потянулась. Но тут же на ее лице изобразился страх.

Было без двадцати девять, когда Ари Бен Канаан, в форме капитана Калеба Мура, сел в военный джип, возглавлявший автоколонну из двенадцати грузовых автомашин 23-ей Транспортной роты. В каждой машине за рулем сидел палмахник, переодетый в британскую военную форму. Они выехали с базы и минут через двадцать остановились перед зданием управления в Караолосе, находившемся за зоной.

Ари вошел в здание управления и постучал в двери на-

чальника лагеря, с которым он предусмотрительно подружился в течение последних трех недель.

— Доброе утро, сэр! — сказал Ари.

— Доброе утро, капитан. Чем могу служить?

— Мы получили приказ из штаба, сэр. Похоже, что новые лагеря готовы раньше срока. Мне приказано перевести туда часть детей уже сегодня.

Ари положил на стол поддельные наряды.

Начальник лагеря полистал бумаги.

— В нашем графике ничего об этом не сказано, — заметил он. — Мы рассчитывали начать переброску только дня через три.

— Таков приказ, — ответил Ари.

Начальник лагеря принялся кусать губы в задумчивости. Он посмотрел на Ари, затем еще раз на бумаги и поднял телефонную трубку.

— Алло, говорит Поттер. Капитан Мур привез приказ на переброску трехсот детей из секции № 50. Выделите им бригаду в помощь.

Начальник достал ручку и завизировал бумаги. Он написал еще дюжину пропусков для каждого водителя.

— Только, пожалуйста, побыстрей, Мур. Через час должна прибыть другая колонна. Как бы не получилась пробка.

— Хорошо, сэр.

— Ээ... ээ... Мур. Большое спасибо, старик, за виски, которое вы послали для нашего клуба.

— Мне это доставило большое удовольствие, сэр.

Ари собрал бумаги со стола начальника лагеря. Начальник вздохнул.

— Евреи приходят и евреи уходят.

— Да, сэр, — ответил Ари. — Они приходят... и уходят.

Завтрак стоял на столике, поставленном у самого окна в комнате Марка. Он и Китти едва дотрагивались до пищи. Зато пепельница на столе была полна окурков.

— Который час? — уже в пятнадцатый раз спросила Китти.

— Около половины десятого.

— Что же будет?

— Если все у них идет по графику, то они в эту минуту погружают детей в машины. Посмотри! — сказал Марк, показывая рукой на море. Старая красавица «Афродита», переименованная в «Эксодус», как раз поворачивала мед-

ленно в сторону входа в гавань.

— Боже мой, — вскрикнула Китти, — это вот и есть «Эксокус»?

— Точно.

— Но ведь, господи боже мой, он вот-вот развалится на части, Марк.

— Вполне может быть.

— Но как же они думают разместить там триста детей?

Марк зажег новую сигарету. Ему хотелось походить по комнате, но он боялся выдать Китти свое беспокойство.

Девять тридцать.

Девять сорок.

«Эксокус» проплыл между маяком и «Дворцом», сквозь узкий вход между обоими рукавами мола, и вошел в гавань.

Без десяти минут десять.

— Марк, пожалуйста, присядь. Надоело.

— Вот-вот должен позвонить Мандрия. Остались считанные минуты.

Десять.

Десять пять.

Десять шесть минут.

Десять семь минут.

— Что они там, черти! Я ведь заказал кофе. Китти, позвони, пожалуйста, из своей комнаты. Пусть немедленно приносят кофе сюда.

Четверть одиннадцатого. Кофе наконец принесли.

Семнадцать минут одиннадцатого. Нервное напряжение Марка начало падать. Он знал: если Мандрия не позвонит в течение ближайших десяти минут, значит, что-то произошло непредвиденное.

Двадцать минут одиннадцатого. Звонок!

Марк и Китти обменялись быстрым взглядом. Марк вытер пот с ладони, сделал глубокий вдох и поднял трубку.

— Алло.

— Мистер Паркер?

— У телефона.

— Минуточку, сэр. Вас вызывают из Фамагусты.

— Алло... алло... алло.

— Паркер?

— У телефона.

— С вами говорит Мандрия.

— Слушаю.

— Они только что проехали.

Марк медленно положил трубку.

— Все в порядке. Он их все-таки вывез из Караолоса. Теперь они едут по ларнакскому шоссе. Минут через пятнадцать они повернут на север. Это каких-нибудь пятьдесят миль, все по ровной местности. Только один раз им придется перевалить через горы, если, конечно, они не будут вынуждены поехать в обход. Они придут, вероятно, сразу после обеда... если все пойдет хорошо.

— Я чуть не молю бога, чтобы пошло нехорошо.

— Ладно, давай пойдем. Теперь уже нечего сидеть и ждать.

Он взял бинокль, направился с Китти вниз к телеграфу и попросил бланк.

Кеннету Брэдбери

директору Американского Синдиката Новостей

Лондон

Подвернулось дело тчк прошу продлить отпуск две недели тчк подтвердите получение тчк

Марк

— Отправьте это, пожалуйста, срочно. Когда придет?

Телеграфист прочитал текст.

— Будет в Лондоне через пару часов.

Они вышли из «Дворца» и направились к пристани.

— Чего это ты? — спросила Китти.

— Это был условный знак, что мой репортаж может быть отдан в печать.

Они постояли несколько минут на набережной и смотрели, как ветхое судно причаливает к пристани. Марк увел Китти. Они пересекли порт и взобрались на башню Дворца Девы. Отсюда перед ними открывался вид на порт, а также на шоссе, тянувшееся вдоль моря. По нему должна была проехать колонна.

В четверть двенадцатого Марк направил бинокль на шоссе. Он медленно оглядывал шоссе, вьющееся вдоль берега, исчезая за холмами и вновь появляясь. До перевала было слишком далеко, чтобы увидеть что-нибудь. Вдруг он весь сжался! Он заметил маленькое облако пыли и колонну автомашин, которые с этого расстояния казались не больше муравьев. Он толкнул Китти в бок и протянул ей бинокль. Она направила его на машины, ползшие по извилистому шоссе в сторону Кирении.

— Пути всего на полчаса.

Они сошли вниз, вновь пересекли порт и остановились на самом конце набережной, всего в пяти минутах ходу от «Дворца». Когда колонна проехала госпиталь на окраине города, Марк взял Китти под руку и повел ее назад в гостиницу.

Он вошел в телефонную кабину и срочно вызвал британскую контрразведку в Фамагусте.

— Мне нужно поговорить с майором Алистэром, — сказал Марк, положив носовой платок на микрофон и стараясь говорить с английским акцентом.

— Назовите, пожалуйста, свою фамилию и объясните, по какому делу вы хотите поговорить с майором Алистэром.

— Послушайте, старик, — ответил Марк. — Триста евреев только что совершили побег из лагеря. Бросьте вы эти дурацкие вопросы и соедините меня с Алистэром.

Его немедленно соединили.

— Алистэр слушает, — послышался в трубке сдержанный голос майора.

— С вами говорит доброжелатель, — сказал Марк. — Я хочу вам доложить, что несколько сот евреев совершили побег из Караолоса и в эту самую минуту направляются на борт корабля в Кирении.

Он тут же положил трубку. Алистэр нажал несколько раз на рычаг.

— Алло... алло... кто говорит? Алло... кто говорит, спрашиваю?... Алло...

Он тоже положил трубку и тут же позвонил куда-то сам.

— Говорит Алистэр. Мне только что доложили о побеге евреев. Они якобы направляются на борт корабля в Кирении. Сейчас же объявите тревогу. Пусть проверит военный комендант Кирении немедленно. Если это правда, нужно немедленно вызвать туда несколько военных кораблей.

Алистэр положил трубку и побежал вниз в кабинет Сатерленда.

Автоколонна остановилась у самой пристани. Ари Бен Канаан вылез из своего джипа, и шофер тут же угнал его. Один за другим грузовики подъезжали к «Эксодусу». Ребята работали как часы, благодаря тренировке Зеева. Они спокойно и быстро перебрались с их машин на борт корабля. На борту Иоав, Давид и Ханк Шлосберг, капитан судна,

указывали каждому место в трюме или на палубе. Всю операцию провели спокойно и молча.

Несколько прохожих остановились на набережной и с любопытством смотрели на происходящее. Несколько британских солдат пожалли плечами и почесали затылки. Как только машину разгружали, ее тут же угоняли в горы, а там, в окрестностях святого Илария, бросали. 23 Транспортная рота выполнила свое задание и прекращала существование. Иоав оставил в своей машине записку, в которой он благодарил англичан за оказанную помощь.

Ари поднялся на борт «Эксодуса» и направился в рубку. Машины подъезжали одна за другой, и не прошло и 20 минут, как они все были разгружены. Зеев, Давид, Иоав и Ханк Шлосберг доложили, что погрузка детей на борт закончена. Ари отдал команду Ханку, тот скрылся, и тут же заработала машина.

— Идите к детям, — распорядился Ари, — объясните им, чего мы от них требуем. Если кто-нибудь чувствует, что у него не хватит сил, пусть приходит ко мне в рубку, и мы его тут же отправим назад в Караолос. Разъясните им, что, оставаясь здесь, они рискуют жизнью. Ни вы, ни кто-нибудь из детей не должны оказывать никакого давления на желающих вернуться.

Пока палмахники пошли к детям, «Эксодус» доплыл до середины гавани и бросил якорь.

В эту минуту всюду завывали сирены! Ари посмотрел в бинокль в сторону берега и шоссе вдоль моря и увидел десятки британских грузовиков и джипов, подъезжающих со всех сторон к Кирении. Он не мог удержаться от смеха, видя также грузовики 23-ей Транспортной роты. Они следовали в противоположную сторону, чтобы остаться в горах. Они только что разминулись с военной авдоколонной, мчавшейся в сторону Кирении.

Ари посмотрел на палубу. Дети были спокойны.

Англичане наводнили весь район порта. Машина за машиной подъезжала к пристани. Несколько офицеров показывали рукой на «Эксодус» и отдавали приказы. Солдаты бросились бежать по обоим рукавам мола, устанавливая пулеметы и минометы у входа в гавань, чтобы отрезать путь судну, если бы оно захотело выйти из гавани.

Подъезжали все новые машины. Пристань оцепили и удалили зевак с набережной. Ари наблюдал за все прибывающим британским пополнением. Не прошло и часа, как

порт прямо кишел солдатами; съехалось их никак не меньше пятисот. Все солдаты были вооружены до зубов. За гаванью бросили якорь несколько торпедных катеров. На горизонте Ари различил три миноносца. Вой сирен не прекращался! Мирный городок превратился в настоящий военный лагерь. Затем по набережной загрохотали танки, и пулеметы у входа в гавань заменили орудия.

Вновь завывли сирены, и к пристани подъехали на машине генерал Сатерлэнд, Колдуэлл и Алистэр. Майор Кук, военный комендант Киренин отдал рапорт Сатерлэнду.

— Вон то судно, сэр, посредине гавани. Доверху забито еврейми, это точно. Но уйти оно никак не может.

Сатерлэнд внимательно оглядел пристань.

— Вы стянули войска, словно предстоит бой с танковой дивизией, — сказал он. — Эти люди на судне просто сошли с ума. Распорядитесь, чтобы установили громкоговоритель.

— Слушаюсь, сэр.

— Если бы вы спросили меня, то я бы советовал сбросить их всех в море, — сказал Колдуэлл.

— Но я вас не спросил, — отрезал Сатерлэнд. — Кук... оцепите весь район порта. Организуйте абордажный отряд. Слезоточивые газы, легкое оружие, на случай, если они не согласятся сойти на берег добровольно. Фредди, сбегайте во «Дворец» и скажите в штабе, что я требую прекращения связи с внешним миром.

Алистэр стоял молча и тщательно оглядывал судно.

— Ваше мнение, Алистэр?

— Мне все это не нравится, сэр, — ответил он. — Они не рискнули бы устроить побег среди бела дня, если бы у них не было еще что-то другое на уме.

— Бросьте, Алистэр! Вам всегда мерещатся призраки.

Марк Паркер проложил себе путь через оцепление и подошел к офицерам.

— Что тут происходит? — спросил он Алистэра.

Как только Алистэр заметил Марка, он сразу понял, что его подозрение было правильным.

— Вот-вот, Паркер, — ответил Алистэр. — Будьте ланькой и расскажите вы нам. Впрочем, старик, вам не мешало бы поработать немножко над своим британским произношением на случай, если вам захочется поговорить со мной по телефону еще раз.

— Не понимаю, о чем вы говорите, майор.

Генерал Сатерлэнд начинал догадываться. Он посмот-

рел на судно, затем на Паркера, затем на Алистэра и понял, что Мосад Алия Бет захватил его врасплох. Он покраснел. Майор Кук, комендант Кирении, подошел с докладом.

— Минут через десять абордажные группы смогут приступить к выполнению задания. Двести человек. Они доберутся до судна на рыбацких катерах, которые вот-вот будут поданы.

Сатерлэнд даже не стал его слушать.

— Где громкоговоритель, чорт возьми!

Десять минут спустя Сатерлэнд поднес ко рту микрофон. На порт спустилась тишина. Абордажные команды стояли тут же, готовые в любую минуту броситься к судну.

— Эй, вы там на судне! С вами говорит генерал Брус Сатерлэнд, — раздался его голос. Ему громко повторило эхо. — Вы меня слышите?

В рубке «Эксодуса» Ари включил свой громкоговоритель.

— Алло, Сатерлэнд, — крикнул он в ответ. — С вами говорит капитан Калев Мур из 23-ей Транспортной роты Еврейского Войска Его Величества на Кипре. Ваши грузовики находятся в окрестностях Святого Илариона.

Сатерлэнд побледнел. Алистэр разинул рот.

— Эй, вы там, — сердито заорал Сатерлэнд. — Мы даем вам десять минут сроку, чтобы подплыть к пристани. Если вы не пристанете, мы пошлем за вами вооруженную абордажную команду.

— Алло, Сатерленд! С вами говорит «Эксодус». У нас на борту триста двое детей. Весь машинный зал забит динамитом. Как только кто-нибудь из ваших людей ступит на борт или откроет огонь по нас, мы тут же взорвем корабль.

В эту минуту репортаж Марка Паркера передавался по телеграфу из Лондона во все концы света.

Сатерлэнд, Алистэр и пятьсот британских солдат, собравшихся в порту, окаменели на берегу, когда на мачте «Эксодуса» взвился флаг. Это был Юнион Джек с огромной свастикой посредине.

Бой за «Эксодус» начался!

Г Л А В А 30.

Экстренный выпуск! Давид против Голнафа, модель 1946-го года. От специального корреспондента американского синдиката новостей Марка Паркера. Кирения, Кипр, АСН.

«Я пишу этот репортаж в Кирении. Это крохотный, похожий на жемчужину портовый городок на северном побережье британской королевской колонии Кипр.

У Кипра богатая и бурная история. На острове много следов блистательного прошлого, начиная руинами Саламиды и соборами Фамагусты и Никозии и кончая множеством дворцов славной эпохи крестоносцев.

Однако все это красочное прошлое — ничто по сравнению с той драмой, которая происходит в эту минуту в этом тихом, неизвестном и заброшенном городке. Вот уже несколько месяцев, как Кипр превращен в место ссылки для еврейских беженцев, пытавшихся прорваться через британскую блокаду в Палестину.

Сегодня триста детей в возрасте от десяти до семнадцати лет совершили (пока неизвестно как), побег из британского лагеря, расположенного в Караолосе, пересекли остров, и сели в Кирении на специально переоборудованное для этой цели старое транспортное судно водоизмещением примерно в двести тонн, которое ожидало их в порту, чтобы отплыть с ними в Палестину.

Почти все беглецы — бывшие узники немецких концлагерей и лагерей уничтожения. Транспортное судно, метко переименованное в «Эксодус», было обнаружено британской разведкой еще до того, как ему удалось покинуть порт.

Теперь судно с тремястами детей на борту стоит на якоре посреди гавани, диаметром не более чем в триста метров, и решительно отклоняет все попытки англичан принудить детей высадиться обратно на берег и вернуться в Караолос.

Представитель «Эксодуса» заявил, что трюм судна забит динамитом. Дети полны решимости покончить с собой и они взорвут судно при первой попытке англичан взобраться на корабль силой».

ЛОНДОН

Генерал сэр Кларенс Тевор-Браун бросил газету на письменный стол. Он зажег сигару и принялся изучать поступившие донесения. Репортаж Марка Паркера упал как бомба и всколыхнул не только всю Европу, но и Соединенные Штаты. Сатерлэнд отказался отдать приказ на взятие «Эксодуса» силой и просил инструкций.

Тевор-Браун знал, что часть вины лежит на нем самом. Это он, Тевор-Браун, рекомендовал Бруса Сатерлэнда на эту должность, и он же не обратил должного внимания на донесение Алистэра, в котором его предупреждали, что что-то там затевается, и что Сатерлэнда нужно немедленно сменить.

В кабинет вошел Хамфри Кроуфорд. Этот снедаемый честолюбием, всегда бледный чиновник ближневосточного отдела в министерстве колоний служил связующим звеном между армией, с одной стороны, Уайтхоллом и Чэтэм Хаузом, с другой.

— Добрый день, сэр Кларенс, — нервно поздоровался Кроуфорд. — Нам пора на совещание с Брэдшоу.

Тевор-Браун встал из-за стола и собрал бумаги.

— Правильно. Старик уже, верно, ждет.

Кабинет Сесилия Брэдшоу находился в Институте международных связей в Чэтэм Хаузе. Вот уже тридцать лет, как он один из главных творцов британской политики на Ближнем Востоке.

К концу первой мировой войны между Великобританией и Францией шла борьба за сферы влияния на Ближнем Востоке. Когда Великобритания получила мандат на Палестину, Брэдшоу вместе с Уинстоном Черчилем, был одним из тех, кто не жалел усилий для создания на одной половине территории мандата отдельного арабского государства. Это государство получило название Трансиордании. Целью создания этого государства было превращение его в британскую военную базу. С английской помощью была создана также британская арабская армия, так называемый «Арабский легион», а во главе государства поставлен король. Это был хашемит Абдалла, смер-

тельный враг Сауда, короля Саудовской Аравии.

К концу второй мировой войны к власти в Англии пришла лейбористская партия. Она чего только не наобещала во время предвыборной кампании! Между прочим, она обещала также создать еврейское отечество в Палестине и прибежище для уцелевших жертв нацизма в Европе. Именно Сесиль Брэдшоу возглавлял сильную фракцию в Чэтэм Хауз, убедившую нового министра иностранных дел в том, что все эти предвыборные обещания звучат, конечно, очень красиво, но практически совершенно не выгодны, и что британские интересы требуют поддержки арабов. У арабов десять миллионов квадратных миль, и вся эта территория богата нефтью; вдобавок, там же находится Суэцкий канал, жизненно важный для Великобритании.

Сэр Кларенс Тевор-Браун и Хамфри Кроуфорд прошли в кабинет Сесили Брэдшоу. Брэдшоу, грузный мужчина лет шестидесяти с небольшим, стоял у стены спиной к вошедшим, заложив за спину толстые руки. Хамфри Кроуфорд нервно присел на краешек стула. Тевор-Браун удобно расположился в голубом кожаном кресле и зажег сигару.

— Поздравляю вас, господа, — обращаясь к стене, сказал Брэдшоу язвительным голосом, дрожащим от гнева. — Мы с вами попали сегодня, я вижу, на первую полосу.

Он обернулся, похлопал себя по круглому животу и улыбнулся.

— Вы, верно, ожидали, что со мной случился припадок. Нет, нет, Уайтхолл, правда, звонил с утра. Как и следовало ожидать, министр спихнул все это дело с «Эксодусом» мне. — Брэдшоу сел за письменный стол, взглянул на лежавшие на столе донесения и резким рывком сорвал с носа очки в роговой оправе.

— Сэр Кларенс, скажите мне, пожалуйста, вот что... Ваша разведка там, вымерла, что ли, или они просто отравились играть в теннис? Кроме того, вы объясните нам, я надеюсь, что нашло на этого Сатерленда. Это ведь была ваша идея назначить его туда.

Тевор-Браун не дал себя огорошить.

— Я думаю, это была ваша идея создать эти лагеря на Кипре. Как вы это объясните?

— Господа, — быстро вмешался Кроуфорд, чтобы предупредить ссору, — мы попали из-за этого «Эксодуса» в

весьма неловкое положение. Впервые обо всем этом заговорили в американской печати.

Брэдшоу язвительно захохотал. Его розовые щеки побавровели.

— Вопреки всем трумэнновским разговорам, американцы приняли с конца войны не более десятка тысяч еврейских беженцев. Конечно, Трумэн за сионизм... покуда Палестина находится не в Пенсильвании. У всех на устах громкие слова, но именно на нашей шее сидит миллион евреев. Миллион евреев, которые могут подорвать все наши позиции на Ближнем Востоке. — Брэдшоу вновь надел очки. — «Давидов Щит», «Моисей», «Палмах», «Врата Сиона», «Врата Надежды», а теперь вот «Экзодус». Сионисты очень хитрый народ. Вот уже 25 лет, как они валят на нас все шишки в Палестине. Они вычитывают из статей мандата и из Бальфурской декларации такое, чего там никогда не было. Они даже верблюда способны убедить, что он ишак. Господи боже... двухчасовая беседа с Хаимом Вейцманом, и я сам стал бы убежденным сионистом.

Сесиль Брэдшоу опять снял очки.

— Ваши симпатии, Тевор-Браун, нам известны.

— Я не принимаю вашего намека, Брэдшоу. Может быть, я и впрямь один из твердолобых, считающих, что единственный способ удержать Ближний Восток — это создать сильную еврейскую Палестину. Я руководствуюсь при этом не еврейскими, а британскими интересами.

Брэдшоу перебил его.

— Давайте поговорим лучше об этом деле с «Экзодусом». Последствия совершенно ясны. Мы пошли на уступки в истории с «Обетованной Землей», но на этот раз мы ни на какие уступки не пойдем. Судно находится в наших водах, а не во французских. Мы не будем брать их силой, мы не станем отправлять их в Германию, мы не потопим судно. Мы их будем держать в Кирении, пока они не сдохнут. «Сдохнут» — слышите, Тевор-Браун! Именно сдохнут. — Он впал в ярость и его руки задрожали.

Тевор-Браун прикрыл глаза.

— Мы не можем пойти на это уже из моральных соображений. У нас нет никаких оснований удержать триста детей, выросших в концентрационных лагерях, и помешать им поехать в Палестину. Нефть... каналы... арабы...

к черту все это! Мы выставили себя на посмешище, отправив беженцев с «Обетованной Земли» в Германии.

— Мне известны ваши симпатии.

— Господа!

Тевор-Браун поднялся и нагнулся над письменным столом к Брэдшоу.

— Существует только один способ выйти с честью из всей этой истории. Евреи тщательно спланировали все это дело в целях пропаганды. Спутайте им карты. Дайте «Эксодусу» отплыть сию же минуту. Именно этого они ни за что не хотят.

— Никогда!

— Неужели вы не видите, что этим мы только сыграем им на руку?

— Пока я сижу в Чэтэм Хауз, это судно не поднимет якорь.

Г Л А В А 31.

**Марку Паркеру
Дворцовая гостиница
Кирения, Кипр.**

**Получилось неплохо тчк Гоните продолжение тчк
Кен Брэдбери АСН Лондон**

**Кирения, Кипр АСН,
От нашего специального корреспондента Марка Паркера**

«Получается смешно: тысяча вооруженных солдат, танки, артиллерия и военно-морская эскадра стоят и смотрят беспомощно на невооруженное транспортное судно.

Первая неделя борьбы за «Эксодус» закончилась вничью. Обе стороны: англичане и беженцы, твердо стоят на своем. До сих пор никто не пытался взобраться силой на борт нелегального судна, заявившего, что оно взлетит в воздух, если такая попытка будет предпринята. Меж тем, до судна всего несколько сот метров от набережной, и в хороший бинокль видно все, что происходит на борту.

Моральное состояние трехсот детей на борту «Эксодуса» по всем признакам, очень высокое. Всю неделю они пели песни и издевались над британскими солдатами, несшими охрану на набережной и на моле».

Марк отправлял свои репортажи день за днем, добавляя все новые и новые подробности.

Когда Сесиль Брэдшоу принял решение поставить все на карту и превратить «Эксодус» в пример в назидание другим, он знал, что на него обрушится убийственная критика. Французская печать реагировала, как всегда, с крайним возмущением, но на этот раз ее нападки были до того безудержны, что ничего подобного не было во всю историю англо-французского сотрудничества. Вся европейская печать писала об этом деле, и даже в британской прессе

мнения разделились. Все чаще в газетах высказывались сомнения в мудрости решения, принятого Уайтхоллом по поводу «Эксодуса».

Брэдшоу был опытным политическим деятелем, пережившим на своем веку не одну бурю. В данном случае речь шла, по его мнению, о буре в стакане воды, которая вот-вот стихнет. Он послал в Кирению трех дружественных журналистов, которые должны были нейтрализовать репортажи Марка Паркера, и полдюжины экспертов были день и ночь заняты разъяснением британской позиции в этом процессе. У англичан была зацепка, и они ловко использовали ее, однако было нелегко побороть в людях естественное сочувствие к судьбе детей, выросших в концлагерях.

«Если сионисты действительно такие благородные люди, почему они подвергают опасности жизнь трехсот невинных детей? Все это дело ничто иное, как мрачный и хладнокровно задуманный заговор, имеющий целью вызвать сочувствие и напустить туману при решении палестинского вопроса. Мы тут явно имеем дело с фанатиками. Ари Бен Канаан — матерый сионистский агент, с большим стажем нелегальной деятельности».

В аэропорту в Никозии высадились корреспонденты из десятков стран, требуя разрешения поехать в район Кирении. Ряд иллюстрированных журналов послал своих фотокорреспондентов. Дворцовая гостиница все более и более напоминала резиденцию небольшого политического съезда.

В парижских кафэ англичан ругали.

В лондонских ресторанчиках англичан защищали.

В Стокгольме пасторы читали проповеди.

В Риме спорили.

В Нью-Йорке букмекеры организовали пари. Ставили четыре против одного, что «Эксодусу» не дадут поднять якорь.

К концу второй недели Марк получил от Ари разрешение подняться на борт судна. Марк сам выбрал этот наиболее подходящий по его мнению момент и договорился обо всем при помощи сигналов. Так как он был первым посторонним, которому удалось подняться на борт «Эксодуса», его следующие три репортажа были напечатаны на первых страницах всех газет.

Первое интервью, данное нашему специальному корреспонденту представителем «Эксодуса»

Ари Бен Канааном.

Кирения, Кипр, АСН.

Сегодня я в качестве первого корреспондента получил интервью от Ари Бен Канаана, представителя детей, находящихся на борту «Эксодуса». Я спросил его, что он может сказать по поводу появившихся в печати обвинений в том, что он профессиональный сионистский бунтовщик, а также по поводу других обвинений, поднятых против него Уайтхоллом. Мы беседовали в рубке судна, единственном месте, не забитом детьми. Моральное состояние детей продолжает и сегодня оставаться высоким, но осада, продолжающаяся уже две недели, начинает сказываться на их физическом состоянии.

Бен Канаан, — высокий мужчина лет тридцати, рост — свыше 1,80 м., у него черные волосы и холодные голубые глаза, он легко мог бы сойти за киноартиста. Он выразил глубокую благодарность всем благожелателям во всем мире и заверил меня, что дети держатся великолепно. В ответ на мои вопросы он сказал: «Мне наплевать на личные нападки. Интересно, впрочем, упомянули ли англичане о том, что я служил в британской армии в чине капитана во время второй мировой войны? Я признаюсь, что я действительно сионистский агент и что я им останусь до тех пор, пока они не выполнят всех своих обещаний по вопросу Палестины. Легальна ли моя работа, или нелегальна — это зависит от того, как смотреть на дело».

Я задал вопрос, касающийся английских доводов и значения «Эксодуса». На это Бен Канаан ответил: «Нас, евреев, обвиняют во многом, и мы к этому привыкли. Когда дело касается какой-нибудь проблемы, вытекающей из британского мандата на Палестину и которую нельзя ни объяснить, ни оправдать логически, они всегда вытаскивают на свет предлог, что речь идет о новой провокации сионистов. Я удивляюсь, что они еще не обвинили сионистов в беспорядках, происходящих в Индии. Ганди, к счастью, не еврей».

«Уайтхолл опять прибегает к старому жупелу таинственного сионизма, чтобы прикрыть им три десятилетия грязного правления, лживых заверений, данных как евреям, так и арабам, когда тех и других продавали и пре-

давали. Не успели они опубликовать в 1917-ом году Бальфурскую декларацию, обещавшую создать в Палестине еврейское отечество, как они тут же ее нарушали. С тех пор они все время нарушают данные обещания. Последнее предательство совершили лейбористы, обещавшие перед выборами открыть двери Палестины для уцелевших жертв нацизма.

Крокодиловы слезы Уайтхолла по поводу судьбы трехсот детей просто смешны. Каждый ребенок, находящийся на борту «Эксодуса» пришел сюда добровольно. Каждый ребенок на борту «Эксодуса» — сирота по вине Гитлера. Почти все эти дети провели в немецких или британских концентрационных лагерях шесть лет жизни.

Если Уайтхолл в самом деле так озабочен благополучием этих детей, то пусть они примут мой вызов и откроют ворота лагерей в Караолосе, чтобы журналисты могли познакомиться с положением детей в этих лагерях. Людей держат за колючей проволокой под дулами автоматов, кормят плохо, не хватает воды, медицинское обслуживание никуда не годится. Никаких обвинений против этих людей нет. И тем не менее их держат под стражей.

Уайтхолл обвиняет нас, будто мы пытаемся навязать ему несправедливое решение палестинского вопроса. В Европе из шести миллионов евреев уцелело не больше четверти миллиона. Британская норма иммиграции евреев в Палестину составляет 700 человек в месяц. И это они называют «справедливостью»?

Наконец, я вообще оспариваю право англичан на Палестину. Неужели у них больше прав находиться там, чем у жертв нацизма? Позвольте, я вам что-то прочту».

«Так говорит Господь: вот, Я возьму сынов Израилевых из среды народов, между которыми они находятся, и соберу их отовсюду, и приведу их в землю их и очищу их пред глазами народов, и будут жить на земле, которую я дал рабу моему Иакову, на которой жили отцы их; там будут жить они и дети их, и дети детей их во веки».

Ари Бен Канаан положил библию обратно на стол. «Впредь пусть господа из Уайтхолла обосновывают свои претензии получше. Я скажу министру иностранных дел то же самое, что один великий человек сказал другому

поработителю три тысячи лет тому назад: «ОТПУСТИ НАРОД МОЙ».

Назавтра после появления в печати репортажа под заголовком «Отпусти народ мой» Марк предал гласности некоторые подробности операции Гидеон, в том числе и историю о том, как при побеге были использованы британские военные машины. Британский престиж упал совсем низко.

По совету Марка, Ари разрешил и другим журналистам подняться на борт «Эксодуса». Вслед затем они громко требовали пропуска в караолоские лагеря.

Сессиль Брэдшоу приготовился к нападкам, но он никогда не думал, что они достигнут такой небывалой резкости. Совещание следовало за совещанием, так как гавань в Кирении находилась теперь в центре внимания всего мира. Теперь уже никоим образом нельзя было разрешить «Эксодусу» поднять якорь; это было бы настоящей катастрофой.

Генерал сэр Кларенс Тевор-Браун полетел тайно на Кипр, чтобы взять командование в свои руки и искать какой-то выход из положения.

Его самолет приземлился под строжайшим секретом в никозийском аэропорту в предрассветные часы. Встречать его пришел майор Алистер. Они быстро сели в штабную машину и с ходу помчались в генштаб, расположенный в Фамагусте.

— Мне хотелось поговорить с вами, Алистер, прежде чем Сатерлэнд передаст мне дела. Я, конечно, получил ваше письмо. Вы можете говорить не стесняясь.

— Да, сэр, — сказал Алистер. — Я бы сказал, что это дело оказалось не по силам Сатерлэнду. С ним происходит что-то непонятное. Колдуэлл сказал мне, что у него каждую ночь кошмары. Ночи напролет, вплоть до самого утра, он расхаживает по комнате и проводит все свое время за чтением библии.

— Какой ужас! — сказал Тевор-Браун. — Брус всегда был отменным солдатом. Я надеюсь, что все, что было сказано здесь, останется между нами. Мы должны отстоять его.

— Конечно, сэр, — ответил Алистер.

Кирения, Кипр, АСН.

От нашего специального корреспондента.

«Генерал сэр Кларенс Тевор-Браун, знаменитый своими славными победами в пустыне, инкогнито высадился ночью в никозийском аэропорту. Сэр Кларенс был в гражданском и его прибытие держалось в секрете. Появление на сцене Тевор-Брауна свидетельствует о том, до чего Уайтхолл озабочен историей с «Эксодусом». Весьма возможно, что произойдут перемены в политике, а то и в командовании».

Марк поднялся на борт «Эксодуса» и попросил, чтобы к нему в рубку привели Карен. Он явно нервничал, пробираясь по забитой детьми палубе. У детей был бледный вид, от них шел дурной запах, так как на борту не хватало воды.

Ари сидел в рубке, невозмутимый, как всегда. Марк передал ему сигареты и несколько бутылок бранди.

— Как дела на берегу? — спросил Ари.

— Что-то незаметно, чтобы что-нибудь переменялось с прибытием Тевор-Брауна. Газеты по-прежнему шумят о нас. Шум получился даже больше, чем я ожидал. Послушайте, Ари. У вас, как и у меня, все это дело выгорело на славу. Вы добились того, чего хотели: вон какой фонарь посадили англичанам. У меня есть сведения, что англичане не пойдут на уступки.

— Что вы этим хотите сказать?

— А то, что вы можете завершить это дело чрезвычайно эффектной концовкой. Высадите детей на берег, и мы такую развернем кампанию в газетах, когда англичане повезут их обратно в Караолос, что у всех на свете будут слезы на глазах.

— Это Китти послала вас с этим предложением?

— Оставьте, пожалуйста! Вы только посмотрите на детей. Они вот-вот свалятся.

— Они знали, на что идут.

— И вот еще что, Ари. Я боюсь, что мы достигли вершины нашей газетной шумихи. Конечно, мы все еще на первой полосе, но если Франк Синатра заедет завтра какому-нибудь газетчику в рыло в ночном кабаке, то все — мы сразу окажемся на задворках.

В рубку вошла Карен.

— Хэлло, мистер Паркер, — поздоровалась она тихо.

— Хэлло, детка. Вот тебе письмо от Китти и небольшая посылочка.

Она взяла письмо и передала другое для Китти. От посылки она отказалась, как отказывалась до этого.

— Господи, у меня просто не хватит духу сказать Китти, что она отказывается от ее передач. Девочка больна. Вы заметили синие круги под глазами? Еще пара дней, и вы бед не оберетесь на этом корабле.

— Мы говорили о том, как нам удержать интерес публики. Поймите одно, Паркер. Мы ни за что не вернемся в Караолос. Четверть миллиона евреев ожидают в Европе ответа, и только мы одни можем ответить им. Начиная с завтрашнего утра мы объявим голодовку. Тех, кто не выдержит и свалится с ног, вынесем наверх и положим на палубу, чтобы англичане могли налюбоваться вдоволь.

— Вы, чудовище... вонючее чудовище, — прошипел Марк.

— Называйте меня, как хотите, Паркер. Вы думаете, мне доставляет удовольствие обрекать сирот на голод? Дайте мне какое-нибудь другое оружие. Дайте мне что-нибудь, чтобы я мог броситься на эти танки и миноносцы! У нас ничего нет, кроме нашего духа и нашей веры. Две тысячи лет нас избивали и унижали. Но этот бой мы выиграем.

Г Л А В А 32.

НА «ЭКСОДУСЕ» ОБЪЯВЛЕНА ГОЛОДОВКА! ДЕТИ ПРЕДПОЧИТАЮТ УМЕРЕТЬ С ГОЛОДУ, ЧЕМ ВЕРНУТЬСЯ В КАРАЛОС.

Выждав две недели, в продолжение которых шумиха, поднятая газетами, всколыхнула весь мир, Ари Бен-Канаан неожиданно перешел в атаку. Теперь это уже не была игра в «поживем, увидим»; дети навязали англичанам необходимость принять решение.

За бортовую стену была спущена огромная доска, на которой по-английски, по-французски и на языке иврит менялась надпись:

ГОЛОДОВКА, ЧАС 1.

ГОЛОДОВКА, ЧАС 15.

Двое мальчиков и одна девочка в возрасте десяти, двенадцати и пятнадцати лет потеряли сознание и их положили на верхнюю палубу судна без сознания.

ГОЛОДОВКА, ЧАС 20.

Десять детей лежали без сознания на палубе.

— Ради бога, Китти! Перестань ходить и сядь!

— Уже двадцать часов. До каких же пор это будет продолжаться? У меня просто не хватило духу пойти на набережную посмотреть. Карен тоже лежит без сознания на палубе?

— Я уже сто раз говорил тебе, что нет.

— У них вообще слабое здоровье, а тут они еще проторчали две недели на этом судне. Это подорвало их последние силы. Китти затынулась сигаретой и принялась нервно теребить волосы. — Этот Бен Канаан — не человек, он просто зверь.

— Я много думал над этим, — сказал Марк, — очень много. Боюсь, что нам никогда не понять, что именно двигает этими людьми. Ты когда-нибудь была в Палестине? Это мертвая пустыня на юге, выветрившаяся степь посредине и сплошное болото — на севере. Вонючая выж-

женная дыра, окруженная плотным кольцом смертельных врагов, не меньше пятидесяти миллионов. И все же они валят туда сломя голову. Они называют эту дыру странной, где течет молоко и мед... Они поют песни о брызгалках и оросительных каналах. Две недели тому назад я сказал Бен Канаану, что у евреев нет монополии на страдание, но теперь я начинаю сомневаться. Ей-богу, начинаю сомневаться. Какая же должна быть мера страдания, чтобы люди стали такими фанатиками!

— Не защищай его, Марк, и не защищай, пожалуйста, этих людей.

— Ты подумай вот о чем. Без поддержки со стороны детей у Ари ничего бы не вышло. Они же поддерживают его безоговорочно.

— Это-то и страшно, — ответила Китти. — Эта круговая порука. Они горой стоят один за другого.

Зазвонил телефон. Марк поднял трубку, послушал и положил трубку на рычаг.

— Что случилось? Что случилось, Марк?

— На палубу вынесли еще детей, потерявших сознание. Человек пять-шесть.

— А... а... Карен?

— Я не знаю. Пойду узнаю.

— Марк.

— Что?

— Я хочу на «Эксокус».

— Это невозможно.

— Я не могу больше, — сказала она.

— Если ты это сделаешь, ты пропала.

— Нет, Марк... тут что-то другое. Если бы я знала, что она жива и здорова, мне было бы легче. Я клянусь тебе, что справлюсь с собой. Я хорошо это знаю. Но сидеть так, сложа руки, и знать, что она там умирает. Нет, на это у меня нет сил.

— Если мне даже удастся уговорить Бен Канаана, все равно англичане тебя не пустят.

— Ты должен, — настаивала она. — Ты должен.

Она встала спиной к двери и загородила ему дорогу. Ее лицо выражало твердую решимость. Марк опустил глаза.

— Постараюсь, — сказал он.

ГОЛОДОВКА, ЧАС 35.

Перед посольствами Великобритании в Париже и в

Риме происходили бурные демонстрации протеста. Возмущенные ораторы и плакаты решительно требовали снятия запрета с «Эксодуса». В Париже пришлось пустить в ход полицию и слезоточивые газы. В Копенгагене и в Стокгольме, в Брюсселе и в Гааге тоже устраивали демонстрации. Но там они прошли более спокойно.

ГОЛОДОВКА. ЧАС 38.

На Кипре стихийно возникла всеобщая забастовка протеста против англичан. Транспорт замер, были закрыты магазины, порты, театры и рестораны. Фамагуста, Никозия, Ларнака и Лимассол словно вымерли.

ГОЛОДОВКА, ЧАС 40.

Ари Бен-Канаан не сводил глаз со своих помощников. Он смотрел прямо в глаза Иоава, Давида, Зеева и Ханка Шлоссберга.

Зеев, крестьянин из Галилеи, заговорил первым.

— Я солдат. Я не могу стоять и смотреть, как дети умирают с голоду.

— В Палестине, — резко оборвал его Ари, — ребята не старше их уже воюют в рядах Гадны.

— Одно дело воевать, и совсем другое умирать с голоду.

— Это та же борьба, только в другом виде, — ответил Ари.

Иоав Ярконн работал с Ари много лет, они вместе воевали во время второй мировой войны.

— Я никогда не шел против тебя, Ари. Но в ту минуту, когда кто-нибудь из этих детей умрет, все дело обернется бумерангом против нас самих.

Ари посмотрел на капитана судна, американца Ханка Шлоссберга. Ханк пожал плечами.

— Вы здесь босс, Ари, но судовая команда начинает нервничать. Об этом в договоре нет ни слова.

— Другими словами, — сказал Ари, — вы хотите сдаться.

Последовавшее молчание красноречиво подтвердило его догадку.

— Давид, а ты? Ты еще ничего не сказал.

Давид был ученым. Он хорошо разбирался в Священном писании и вообще в святых книгах. Он ближе стоял к богу, и все относились к нему поэтому с особым уважением.

— Шесть миллионов погибло в газовых камерах, не зная, за что они умирают, — начал он. — Если мы, каких-

нибудь триста человек, погибнем тоже, то мы очень хорошо будем знать, во имя чего мы умираем. И не только мы, но и весь мир будет знать. Когда две тысячи лет тому назад мы еще были нацией и боролись против римского и греческого порабощения, мы, евреи, установили традицию драться до последнего. Мы так и сделали в Арбеле и в Иерусалиме, в Бейтаре и в Геродиуме. Массаду мы четыре года держали, а когда римляне наконец ворвались в крепость, они нас застали всех мертвыми. Никогда ни один народ не дрался за свою свободу так, как дрался наш народ. Мы выгнали из своей страны римлян и греков, пока нас самих не рассеяли по всему свету. В продолжение последних двух тысяч лет нам не часто приходилось бороться как нации. Но когда мы поднялись в варшавском гетто, мы остались верны своей древней традиции. Если мы сойдем теперь с этого судна и добровольно вернемся за колючую проволоку, мы предадим своего бога.

— Вопросы будут? — спросил Ари.

ГОЛОДОВКА, ЧАС 42.

В Соединенных Штатах, в Южной Африке, в Англии состоялись массовые молитвы в синагогах; даже во многих христианских церквях молились о благополучии детей с «Эксодуса».

ГОЛОДОВКА, ЧАС 45.

В Аргентине евреи объявили пост в знак сочувствия детям с «Эксодуса».

ГОЛОДОВКА, ЧАС 47.

Уже темнело, когда Китти поднялась на борт «Эксодуса». Вонь стояла невыносимая. По всей палубе, в спасательных лодках, у палубных построек, всюду валялись обессиленные дети. Все лежали на полу, не шевелясь, чтобы не тратить лишней энергии.

— Я хочу посмотреть на детей, потерявших сознание, — сказала она.

Давид повел ее на верхнюю палубу, где без сознания лежали три ряда детей, всего человек шестьдесят. Давид опустился на колени, поднося фонарь к лицам детей, а Китти передвигалась от одного к другому, щупая пульс и поднимая веки у детей. Несколько раз она чуть не потеряла сознание сама, когда она с бьющимся сердцем поворачивала к себе девочку, похожую на Карен.

Давид повел ее по забитой телами палубе. Приходилось шагать прямо через тела. Дети тупо смотрели потухшими глазами. Лица были покрыты толстым слоем грязи, волосы нечесаны.

Давид повел ее по лестнице в трюм. В нос ударила такая вонь, что ее чуть не стошнило. Она различала в полумраке детей, лежавших вповалку в своих клетках.

Во втором ряду нар дети лежали тесно прижатые один к другому. Она нашла Карен в каком-то углу. Ноги, руки детей сплелись в сложный клубок. Рядом с Карен спал Дов. Они лежали на лохмотьях, пол был скользкий от грязи и сырости.

— Карен, — шепнула она. — Карен, это я, Китти.

Карен открыла глаза. Под глазами были черные круги, губы все потрескались. У нее не было сил подняться.

— Китти?

— Да, это я.

Карен протянула к ней руки, и Китти крепко обняла ее.

— Не уходи, Китти. Я так боюсь.

— Я буду с тобой, — шепнула Китти, успокаивая девушку.

Она пошла в лазарет и посмотрела, что еще осталось от лекарств. Она вздохнула.

— Тут много не сделаешь, — сказала она Давиду. — Все-таки попробую помочь им, сколько сумею. Вы с Иоавом сможете мне помочь?

— Безусловно.

— Некоторые из детей, лежащих без сознания, находятся в тяжелом положении. Нам придется сделать им холодные компрессы, чтобы согнать температуру. На палубе теперь прохладно. Их надо укрыть. Затем я требую, чтобы все работоспособные принялись за уборку судна.

Китти лихорадочно работала в течение нескольких часов, чтобы отразить смерть. Но это было каплей в море. Как только она приводила в чувство одного ребенка, заболело трое других. У нее не было ни лекарств, ни воды, вообще ничего. Единственного, что могло бы помочь, пищи, она использовать не могла.

ГОЛОДОВКА, ЧАС 81.

На палубе «Эксодуса» лежали без сознания семьдесят детей.

На набережной в Кирении английские войска начинали

проявлять недисциплинированность. Многие отказывались выполнять приказания и требовали, чтобы их сменили, несмотря на то, что это угрожало им военным трибуналом.

ГОЛОДОВКА, ЧАС 82.

Карен Ханзен-Клемент вынесли в бессознательном состоянии на верхнюю палубу.

ГОЛОДОВКА, ЧАС 83.

Китти вошла в рубку и в изнеможении упала на стул. Она работала без перерыва 35 часов. Она валилась с ног и оступела. Ари налил ей стакан виски.

— Возьмите, выпейте, — сказал он. — Вы-то ведь в голодовке не участвуете.

Она проглотила виски, потом еще рюмку; это вернуло ей силы. Она долго и пристально смотрела на Ари Бен Канаана. Какой он сильный! Вся эта осада на нем почти не отразилась. Она посмотрела в его холодные глаза и подумала о том, какие он замышляет новые планы. Она задавала себе вопрос, испытывает ли он страх, знает ли он вообще, что такое страх. Она спрашивала себя, озабочен ли, потрясен ли он происходящим.

— Я рассчитывал, что вы придете ко мне гораздо раньше, — сказал он.

— Я не стану вас умолять, Ари Бен Канаан. Но Бен Канаан, господи — порядок слов правильный? — там на палубе лежат дети прямо на краю смерти. Я не молю, а просто докладываю, как хороший палмахник. Они вот-вот умрут, Бен Канаан. Каково будет приказание?

— Меня часто пытались оскорблять, Китти. Я на это не обращаю внимания. Кстати, эти ваши гуманные чувства продиктованы заботой обо всех детях или только о каком-нибудь одном?

— Вы не имеете права задавать мне этот вопрос.

— Вы хотите спасти жизнь одного ребенка. А мне нужно спасти жизнь четверти миллиона людей.

Она поднялась.

— Я пойду работать, Ари. Но скажите еще вот что. Вы ведь знали, почему мне так хотелось попасть на «Эксодус». Почему вы мне это разрешили?

Он повернулся к ней спиной и посмотрел в окно на море, где крейсер и миноносцы стояли на вахте.

— Может быть, потому, что мне хотелось видеть вас.

ГОЛОДОВКА, ЧАС 85.

Генерал сэр Кларенс Тевор-Браун ходил взад и вперед по кабинету Сатерлэнда. В кабинете дым от сигар стоял коромыслом. Он несколько раз останавливался и смотрел в окно в сторону Кирении.

Сатерлэнд выбил трубку и посмотрел на бутерброды на чайном столике.

— Присядьте, сэр Кларенс, закусите, выпейте чаю.

Тевор-Браун посмотрел на часы и вздохнул. Он сел, взял бутерброд, оглядел его, откусил кусочек, но тут же бросил на стол.

— Мне просто совестно есть сейчас, — сказал он.

— Да, вся эта история не для тех, у кого есть совесть, — ответил Сатерлэнд. — Две войны, одиннадцать должностей за рубежом, шесть наград, три ордена. А оборвала карьеру кучка безоружных детей. Блестящий конец для тридцатилетней службы, не так ли, сэр Кларенс?

Тевор-Браун опустил глаза.

— О, я знаю, что вам нужно поговорить со мной, — сказал Сатерлэнд.

Тевор-Браун налил себе чаю и в некотором смущении вздохнул.

— Послушайте, Брус. Если бы по мне...

— Чепуха, сэр Кларенс. Вы тут ни при чем. Это не вы, а я должен чувствовать себя неловко. Я ведь подвел вас. — Сатерлэнд встал. Его глаза горели. — Я устал. Ужасно устал.

— Мы добьемся для вас полной пенсии, а отставка не вызовет никакого шума. Вы можете положиться на меня, — сказал Тевор-Браун. — Послушайте, Брус. По дороге сюда я остановился в Париже и долго беседовал с Нэдди. Я рассказал ей о ваших трудностях. Послушайте, старик, если вы будете действовать умно, вы можете оба сойтись вновь. Нэдди будет рада вернуться, а вам она теперь будет нужна.

Сатерлэнд покачал головой.

— Между Нэдди и мной уже давно все кончено. Если нас что-нибудь связывало раньше, так это была моя служба в армии. Только на этом и держался наш брак.

— У вас есть какие-нибудь планы?

— Со мной что-то произошло здесь на Кипре, сэр Кларенс, в особенности за эти последние недели. Вы можете мне не верить, но я не считаю, что потерпел поражение. Наоборот, у меня такое чувство, что я, может быть, выиг-

рал что-то очень важное. Нечто такое, что я очень, очень давно потерял.

— А именно?

— Правду. Вы помните тот день, когда я согласился на эту должность? Вы сказали тогда, что единственное царство, где правит добро и справедливость, это царство небесное, и что на земле правит нефть.

— Очень хорошо помню, — сказал Тевор-Браун.

— Так вот, — продолжал Сатерлэнд. — Я очень много думал об этом с тех пор, как началась эта история с «Эксодусом». всю жизнь я знал, что такое правда, и умел отличить добро от зла. Большинство людей это умеет. Но знать, где правда, это одно... А вот жить по правде, создать царство небесное здесь на земле — это что-то совсем другое. Как часто приходится делать в жизни вещи, о которых ты знаешь, что они безнравственны, и все-таки делаешь, потому что твои интересы этого требуют. Как я всегда восхищался теми немногими, что умели постоять за свои убеждения, хотя бы это им и угрожало позором, пытками и даже смертью. Какое у них должно быть чудесное чувство душевного покоя! Такое чувство, какого мы, обыкновенные смертные, никогда не будем иметь. Возьмите Ганди.

Вы спрашивали, есть ли у меня какие-нибудь планы. Да. Я поеду в ту дыру, которую эти евреи называют своей самим господом «обетованной землей». Я хочу познакомиться с ней... с Галилеей, с Иерусалимом... со всей страной.

— Я вам завидую, Брус.

— Может быть, я и поселюсь где-нибудь в окрестностях Сафеда... или на Канаанской горе.

В кабинет вошел майор Алистер. Он был бледен, и его рука дрожала, когда он протянул Тевор-Брауну какую-то бумагу. Тевор-Браун читал бумагу еще и еще и не мог поверить своим глазам.

— Да смилуется над нами господь, над всеми нами! — прошептал он и протянул бумагу Сатерлэнду.

ЭКСТРЕННО

«Ари Бен Канаан, представитель «Эксодуса», заявил, что начиная с завтрашнего дня, десять добровольцев будут ежедневно в 12 часов дня лишать себя жизни на капитанском мостике корабля на виду у всего британского

гарнизона. Эти действия протеста будут продолжаться до тех пор, пока либо «Эксоодусу» будет разрешено сняться с якоря, либо же все покончат с собой на борту до единого».

Брэдшоу, в сопровождении Хамфри Кроуфорда и еще полдесятка помощников, оставил Лондон и направился в мирную тишину своего небольшого загородного дома. До начала самоубийств на «Эксоодусе» осталось всего 14 часов.

Он сильно промахнулся со всем этим делом. Во-первых, он проморгал решимость и упрямство детей на борту. Во-вторых, он недооценил размеры шумихи, которую поднимет этот инцидент во всем мире. И главное, он дал захватить себя врасплох, и теперь Бен Канаан прямо навязывал ему решение. Брэдшоу был упрям, как бык, но он умел и проигрывать, и теперь он лихорадочно искал какой-нибудь компромисс, чтобы выйти с честью из всей этой истории.

Брэдшоу заставил Кроуфорда и остальных своих помощников срочно обратиться по телеграфу или по телефону к ведущим еврейским деятелям в Англии, Палестине и Соединенных Штатах и попросить их о вмешательстве. Может быть, им — в особенности палестинцам — удастся отговорить Бен Канаана. В крайнем случае они могли добиться хоть какой-нибудь отсрочки, во время которой Брэдшоу уж нашел бы какой-нибудь компромисс. Если бы только удалось уговорить Бен Канаана пойти на переговоры, уж он, Брэдшоу, заговорит «Эксоодус» до смерти. Через шесть часов пришел ответ от еврейских руководителей. Они в один голос заявили: НЕ СТАНЕМ ИНТЕРВЕНИРОВАТЬ.

Брэдшоу тут же связался с Кипром. Он велел Тевор-Брауну передать на «Эксоодус», что английское правительство разрабатывает компромисс, и добиться отсрочки самоубийств хотя бы на 24 часа.

Тевор-Браун немедленно выполнил это указание и передал в Лондон ответ Бен Канаана.

СРОЧНО

«Бен-Канаан ответил нам, что ни в какие переговоры он не вступит. Он не признает никакого другого решения. Либо «Эксоодус» поднимет якорь, либо он начинает действовать. Он заявил, кроме того, что одним из его условий является полная амнистия для всех палестинцев, находя-

щихся на борту. Резюмируя, Бен Канаан сказал: Отпусти народ мой.

Тевор-Браун».

Заснуть Сесиль Брэдшоу в эту ночь уже не мог. Он ходил по комнате взад и вперед, не останавливаясь ни на минуту. До того момента, когда дети начнут эту чудовищную кампанию, осталось немногим более шести часов. У него у самого оставалось, следовательно, всего три часа, чтобы внести в правительство соответствующее решение. Никакого компромисса добиться не удалось.

Что он, безумец, этот Бен Канаан? Или это просто хитрый и бессовестный картежник, который все глубже и глубже втягивал его в эту западню?

ОТПУСТИ НАРОД МОЙ!

Брэдшоу подошел к письменному столу и включил лампу.

СРОЧНО.

«Ари Бен Канаан, представитель «Эксодуса», заявил, что начиная с завтрашнего дня, десять добровольцев будут ежедневно в 12 часов дня лишать себя жизни...».

Лишать себя жизни... жизни... жизни...

Рука у Брэдшоу так дрожала, что бумага выпала у него из рук.

На его письменном столе лежали официальные ноты от ряда европейских и американских правительств. Во всех этих нотах дипломатическим языком выражалась тревога по поводу тупика, в который, по-видимому, зашло это дело с «Эксодусом». С другой стороны, тут же были ноты от всех арабских правительств, в которых говорилось, что если «Эксодусу» будет разрешено следовать в Палестину, это будет рассматриваться как вызов, брошенный в лицо каждому арабу в отдельности.

Сесиль Брэдшоу совсем растерялся. Последние несколько дней он жил прямо как в аду. Как все это началось? Тридцать лет он успешно разрабатывал политическую линию на Ближнем Востоке, а теперь попал в такое безвыходное положение с этим невооруженным транспортным судном.

Каким образом он вдруг попал в палачи? Никто не мог сказать о нем, что он антисемит. В глубине души Брэдшоу восхищался палестинскими евреями и понимал их стрем-

ление вернуться на родину. Он с удовольствием спорил с сионистами на всевозможных конференциях, отражая натиск их блестящих ораторов. Однако Сесиль Брэдшоу верил всеми силами души, что интересы Англии на стороне арабов. Еврейское население подмандатной территории достигло полумиллиона. А арабы твердо стояли на том, что британцы нарочно насаждают среди них еврейский народ.

Все эти годы он был честным с самим собой. Что тут происходило? Он представил себе, что на борту судна находятся его собственные внуки. Брэдшоу знал библию не хуже любого другого англичанина и, как все англичане, относился к ней с большим уважением, хотя и не был религиозным. Могло ли быть, что дети на «Эксопусе» движимы какой-то сверхъестественной силой? Нет, он — реалист и дипломат и он не верит в сверхъестественное.

Все-таки у него армия, флот, и он в два счета может покончить с этим «Эксопусом» и с любыми незаконными иммигрантами. Но вот беда: он никак не мог решиться на это!

А разве египетский фараон не имел силы на своей стороне? По лицу Брэдшоу струился пот. Все это чепуха! Он просто устал. Напряжение было слишком велико. Какое это все безумие!

ОТПУСТИ НАРОД МОЙ!

Брэдшоу прошел в библиотеку, достал библию и начал лихорадочно читать страницы книги «Исход», где говорилось о десяти наказаниях, ниспосланных богом на Египет.

Неужели он сам Фараон? Неужели он навлекает проклятие на Великобританию? Он вернулся к себе, пытался прилечь, но в его мозгу происходила какая-то дикая пляска... отпусти народ мой... отпусти народ мой...

— Кроуфорд! — завопил он. — Кроуфорд!

Кроуфорд ворвался в комнату, застегивая на ходу халат.

— Вы меня звали?

— Кроуфорд. Немедленно свяжитесь с Тевор-Брауном. Передайте ему... передайте ему, пусть он отпустит «Эксопус» в Палестину.

КНИГА ВТОРАЯ

ЗЕМЛЯ ПРИНАДЛЕЖИТ МНЕ.

**Ибо земля — Моя; вы пришельцы
и поселенцы у Меня. И по всей
земле владения вашего позволяйте
выкуп земли**

Книга Левит, гл. 25, стихи 23/24.

ГЛАВА 1.

Борьба за «Эксокус» закончилась.

Не прошло и минуты, и слова «Эксокус поднимает якорь» понеслись по эфиру, чтобы тут же захлестнуть весь мир в виде аршинных заголовков.

На Кипре радость населения была неопишима, и весь мир вздохнул с облегчением.

На самом «Эксокусе» дети были слишком измучены, чтобы выражать свою радость.

Англичане предложили Ари Бен Канаану подать судно к пирсу, чтобы детям можно было оказать медицинскую помощь, а заодно и отремонтировать судно. Бен Канаан согласился, и когда «Эксокус» причалил, в Кирении закипела лихорадочная работа. Десятка два английских военных врачей поднялись на борт и тут же распорядились перевезти на берег серьезно больных детей. Во «Дворце» был спешно оборудован госпиталь. На пристань стали прибывать продовольствие, одежда и прочий инвентарь. Вдобавок на судно обрушился нескончаемый поток подарков от населения острова. Инженеры британского королевского флота тщательно осмотрели ветхое судно от носа до кормы, заваривали трещины, ремонтировали двигатель и приводили судно в порядок. Санитары произвели полную дезинфекцию судна.

После предварительного медицинского осмотра детей Бен Канаану доложили, что потребуется несколько дней, прежде чем дети достаточно окрепнут и судно сможет отправиться в 36-часовой рейс в Палестину. Небольшая еврейская община на Кипре послала к Ари делегацию с просьбой позволить детям отпраздновать первый день предстоящего праздника «Ханука» на острове. Ари согласился.

Только после многократных заверений, что у Карен все в порядке, Китти позволила себе роскошь принять горячую ванну, съесть сочный бифштекс, выпить двойную порцию виски и погрузиться в чудесный, глубокий 17-часовой сон.

Проснувшись, Китти задумалась над вопросом, увилить от которого теперь уже было нельзя. Ей нужно было решить окончательно: положить ли раз и навсегда конец эпизоду с Карен, или последовать за девушкой в Палестину.

Поздно вечером, когда Марк пришел к ней на чашку чаю, на ее лице не было уже никаких следов пережитого. После целительного сна она выглядела прямо-таки обольстительно.

— Корреспонденты по-прежнему беснуются?

— Вообще-то нет. — ответил Марк. — Короли и рыцари уже отправились за кулисы. «Эксокус» — это теперь уже старо... Чего ты хочешь: прошли ведь уже целые сутки. В репортажи об этом деле теперь еще разве что можно завернуть рыбу. Но я все-таки надеюсь, что мы еще раз попадем на первую полосу, когда судно дотащится до Хайфы.

— До чего же люди непостоянны!

— Нет, люди тут ни при чем. Просто земной шар имеет обыкновение вертеться и не останавливаться.

Она отпивала чай маленькими глотками и молчала. Марк закурил сигарету и положил ноги на подоконник. Он сложил пальцы правой руки пистолетом и целился поверх носков в сторону пирса.

— А ты как, Марк?

— Я? Старик Марк Паркер несколько злоупотребил гостеприимством британской империи. Я подамся в Штаты, а там, может, махну в Азию. Мне уже давно хочется туда... Там опять заваривается каша.

— В Палестину англичане тебя теперь не пустят?

— Ни под каким видом. Они теперь относятся ко мне — хуже некуда. Если бы они не были благовоспитанными англичанами, я бы сказал, что они ненавидят меня как чуму. Впрочем, я к ним не в претензии.

— Дай мне сигарету.

Марк прикурил еще одну сигарету и протянул ее Китти. Затем он опять принялся стрелять из воображаемого пистолета в цель.

— Ну тебя к чорту, Марк! Я терпеть не могу эту твою манеру читать мои мысли.

— А ты девка не промах. Уже успела сходить куда надо, чтобы получить разрешение на въезд в Палестину. Как истые джентльмены они, конечно, распахнули перед

тобой дверь и отвесили тебе почтительный поклон. Почему бы и нет? Ты ведь для них всего лишь смазливая американочка, ты только выполнила свой долг. О твоих машинациях с Мосадом Си-Ай-Ди не имеет, конечно, понятия. Ладно... ты поедешь, нет?

— Господи, я еще и сама не знаю...

— Ты хочешь сказать, что еще не успела уговорить самое себя?

— Я просто хочу сказать, что еще не знаю.

— Если так, то чью же сторону ты прикажешь принять мне?

— Да перестань ты вести себя таким противным Буддой и смотреть свысока на обыкновенных смертных. Заодно перестань целиться в меня.

Марк спустил ноги с подоконника.

— Валяй, валяй! Поезжай в Палестину. Ведь этого ты от меня ждешь, не так ли?

— Понимаешь, Марк, я все еще чувствую себя не совсем ловко с этими евреями... ничего не могу с собой поделать.

— Зато ты себя очень хорошо чувствуешь с этой девушкой, ведь так? Она тебе все еще напоминает дочь?

— Не совсем. Вернее, совсем уже не напоминает. Она слишком самобытна, чтобы напоминать кого бы то ни было другого. Но я ее люблю и хочу быть с ней, если ты это имеешь в виду.

— У меня к вам еще один вопрос, миссис Фремонт; весьма скользкий вопрос.

— Я слушаю.

— Ты любишь Ари Бен Канаана?

Любит ли она Ари Бен Канаана? Она знает только, что испытывает какое-то странное волнение, когда разговаривает с ним, смотрит на него, даже когда думает о нем. Она знала также, что она еще никогда не встречала мужчины, который бы во всем был похож на него. Она знала, что испытывает трепет от его мрачной невозмутимости и от его неукротимой энергии. Она была восхищена его мужеством и отвагой. Она знала, что временами он возмущает ее так, как еще никто не возмущал. Но любить?

— Я не знаю, — ответила она тихо. — Я не могу ни ринуться к нему без оглядки, ни отойти прочь... Не знаю, в чем тут дело... не понимаю.

Немного погодя Китти просидела около часа с Карен в больничной палате, устроенной на втором этаже гостиницы. Карен быстро поправлялась. Врачи были поражены тем, какое прямо-таки волшебное действие оказывают два слова: «Эрец Исраэл» на всех детей. Это было сильнее любой медицины. Сидя у кровати Карен, Китти смотрела на остальных детей, лежавших в палате. Кто они такие? Откуда они? Куда они направляются? Какой странный, непонятный народ... какой у них странный, непонятный фанатизм!

Китти и Карен все больше молчали. Ни та, ни другая не смела заговорить первой о предстоящем отъезде Карен в Палестину. Под конец Карен заснула. Китти долго смотрела на личико, покоящееся на подушке. До чего же она мила... до чего невыразимо мила! Она поцеловала девочку в лоб, погладила по волосам, и Карен, улыбнулась ей сквозь сон.

Она вышла в коридор, где Дов Ландау ходил взад и вперед. Мальчик остановился, они посмотрели друг другу в глаза, не проронив ни слова.

Уже смеркалось, когда Китти вышла на набережную. Напротив, у пирса, Зеев Гильбоа и Иоав Яркони наблюдали за погрузкой ящиков на борт судна. Китти украдкой оглянулась вокруг, надеясь увидеть Ари. Но его нигде не было.

— Шалом, Китти! — крикнули ей парни.

— Хэлло! — откликнулась она.

Она пошла вниз по набережной, в сторону маяка. Становилось прохладно. Она надела жакет. «Я должна разобраться... я должна решиться... я должна...» сверлило у нее в мозгу. В самом конце набережной сидел Давид Бен Ами. Он сидел погруженный в мысли, смотрел на море и время от времени бросал камешки в воду.

Она подошла к нему, он поднял голову и улыбнулся ей.

— Шалом, Китти. У вас чудесный вид.

Она присела рядом. Некоторое время они оба молча смотрели на море.

— О доме задумался? — спросила она.

— О доме.

— Иордана... так, кажется, ее зовут — сестру Ари.

Давид кивнул.

— Вы с нею теперь повидаетесь?

— Если мне повезет.

— Давид.

— Да?

— А что будет с детьми?

— О них хорошо позаботятся. Они — наше будущее.

— Но ведь там опасно?

— Очень опасно.

Китти помолчала.

— Вы поедете с нами? — спросил Давид.

Ее сердце екнуло.

— Почему вы спрашиваете?

— Просто так. Мы к вам привыкли. Кроме того, Ари кажется, что-то говорил в этом роде.

— Если... если Ари заинтересован, чтобы я поехала, то почему бы ему не попросить меня об этом?

— Ари никогда ни о чем не просит, — ответил Давид смеясь.

— Давид, — сказала она внезапно. — Вы должны мне помочь. Я в ужасной нерешительности. Вы, пожалуй, единственный человек, который хоть что-нибудь понимает...

— Я помогу, если это в моих силах.

— ...Я никогда в жизни не имела дело с евреями. Вы для меня какие-то загадочные.

— Мы не только для вас, но и для самих себя загадка, — ответил Давид.

— Можно, я поговорю с вами откровенно? Я чувствую себя какой-то чужой...

— В этом нет ничего необычного. Почти все чувствуют то же самое. Даже те немногие, которых мы считаем своими друзьями, даже те, кто предан нам до фанатизма. Некоторые, мне кажется, чувствуют за собой некоторую вину за все то, что нам пришлось вынести. Другие хотят быть евреями — один бог знает почему. Вы правы, мы загадочный народ.

— Но Ари Бен Канаан? Кто он? Какой он на самом деле? Реальный ли он человек?

— О, Ари Бен Канаан вполне реальная личность. Он просто убудок исторического развития.

Они пошли назад в сторону гостиницы, так как подходило время ужина.

— Не знаю, с чего лучше начать, — сказал Давид. —

Все же я думаю, что для того, чтобы рассказать вам настоящую историю Ари Бен Канаана, лучше всего начать со Симона Рабинского, жителя еврейской черты оседлости. Черта оседлости — это была область на юго-западе России, куда входила и Украина. Мне кажется, что начать надо с конца прошлого столетия, точнее — с 1884 года.

Г Л А В А 2.

ЖИТОМИР, РОССИЯ, 1884

Симон Рабинский был сапожник. Его жену звали Рахилью. Это была добродушная и преданная женщина. У Рабинских было двое сыновей, и родители прямо души не чаяли в них.

Младшему, Якову, было 14 лет. Это был самолюбивый мальчуган, острый на язык и скорый на руку. Чуть что, он готов был полезть в драку.

Иосе, старшему из братьев, было шестнадцать. У него была необыкновенная внешность. Это был рослый силач с рыжей копной волос, как у матери. Насколько Яков был горяч, настолько же Иосе был добродушен. Его никогда не покидала невозмутимость, он всегда был спокоен и любезен. Если бы гиганту Иосе еще неуемный ум Якова — из него мог бы выйти настоящий сверхчеловек.

Рабинские были крайне бедны. Они жили в той части российского юга, куда входили Бессарабия, Украина, Крым и часть Белоруссии. Все это составляло пресловутую еврейскую черту оседлости. Границы этой черты были установлены еще в 1804 году, и только там разрешалось в России селиться евреям. Это было, по существу, огромное гетто; Москва и Петербург находились за его пределами, и только немногим богатым евреям удавалось получить за взятки разрешение проживать за пределами черты.

Создание черты оседлости было всего лишь звеном в долгой цепи гонений. Первые евреи поселились в Крыму еще в первом столетии н. э. Хазарам, правившим тогда в тех местах, нудизм до того пришелся по душе, что они сделали его своей религией. Хазарское царство было в сущности еврейским государством. В десятом веке русские, укрепившись на севере, обрушились на хазар, разбили их вдребезги и рассеяли так, что от хазар не осталось и следа. Тогда-то и началась мрачная летопись гонений на евреев в России.

В то самое время, когда на севере складывалось рус-

ское государство, с юга напирал пламенный меч Ислама. Период мусульманской оккупации южных территорий России был для евреев периодом мира и расцвета, так как евреи были немаловажным фактором в мощном развитии самого Ислама.

После окончательного поражения мусульман цари и православная церковь распространили свою власть над всей Россией. Неверных евреев сотнями сжигали на кострах. Невежественному русскому крестьянству беспрестанно вдалбливали в головы всевозможные сказки о том, что евреи, дескать, колдуны, что они запродали себя дьяволу и пользуются христианской кровью в ритуальных целях.

Эти вековые гонения достигли вершины в царствование Екатерины Первой. Погромы за погромами обрушивались на евреев, в особенности на тех из них, кто отказывался перейти в православную веру. Все это, однако, не помогло: евреев так и не удалось обратить в православие. Тогда Екатерина выслала из России около миллиона евреев. Большинство из них подалось в Польшу.

Затем начался период войн и завоеваний, во время которого Польшу не раз оккупировали и делили. Миллион евреев, изгнанных Екатериной Первой, достался в наследство Екатерине Второй.

Именно эти события привели к установлению черты оседлости. В 1827 году евреев изгнали из деревень и заставили поселиться в переполненных и без того еврейских кварталах местечек побольше. В том же году царским указом была установлена норма поставки еврейских рекрутов на призыв в царскую армию, где срок службы составлял 25 лет.

Симон Рабинский, житомирский сапожник, его верная жена Рахил и сыновья Яков и Иося были пленниками черты оседлости, где господствовал образ жизни совершенно ни на что не похожий. Между еврейскими общинами и остальным населением не было почти никакой общественной или экономической связи. Единственный гость извне был сборщик податей, который всегда уносил с собой если не подсвечник, то что-нибудь из постели или одежды. Частыми, хоть и не столь регулярными гостями, были озверелые толпы казаков, крестьян и студентов, жадных до еврейской крови.

Изолированные от общества, евреи питали мало преданности к «матушке Руси». Они говорили и писали не по-

русски, а на языке идиш, испорченном немецком языке. Молились они на древнееврейском языке. Одежда евреев тоже была не такая, как у всех. Они носили черные шляпы и длинные черные кафтаны. Хотя это и запрещалось законом, многие носили пейсы, а для русских не было больше наслаждения, чем поймать еврея и отрезать эти пейсы.

Симон Рабинский вел в стенах гетто тот же образ жизни, который вели его отец и дед. Они были ужасно бедны, и из-за этого велись бесконечные споры о каждой копейке. Однако, несмотря на несказанно трудную жизнь, Рабинские и все остальные евреи придерживались в гетто очень строгих правил. Обманывать соседа, обкрадывать его или ограбить было строго запрещено.

Вся жизнь общины вращалась вокруг священных законов, синагоги и раввина, который был одновременно учителем, духовным пастырем, судьей и главой общины. Все раввины в черте оседлости были великими учеными. Их мудрость была всеобъемлюща, а авторитет непререкаем.

Внутри гетто евреи организовали собственное самоуправление, всецело подчиненное власти раввинов. У них были свои суды и множество других административных органов. Существовало много библейских и талмудических обществ. Были приюты для сирот и общества для сбора приданого для девушек победнее. Были духовные лица, специально занимавшиеся венчанием и составлением брачных контрактов, у каждой синагоги был избранный казначей и много других служителей синагоги. Имелся духовный суд, имелись чтецы псалмов и надзиратели над ритуальными банями. Почти не было сферы жизни, которая бы не регулировалась общиной.

Бедные жертвовали для еще более бедных. Эти — для совсем нищих. Благотворительность была неписанной, одиннадцатой заповедью. Надо было заботиться о выдающихся ученых и духовных руководителях. Никакие житейские заботы не должны были мешать ученым занятиям.

Многие говорили, что сапожник Симон Рабинский уступал в учености одному только раввину. В черте оседлости, где все были нищие, авторитет человека определялся его ученостью. Симон служил настоятелем своей синагоги. Ежегодно его избирали еще на одну или больше вы-

соких должностей в общине. Симон мечтал только об одном: дать своим детям возможно больше образования.

Евреи называли свой Талмуд «морем». Они утверждали, что это море до того бескрайнее, что нельзя добраться до противоположного берега, хотя бы ты всю жизнь только и делал, что корпел над Талмудом и больше ни над чем. Братья Рабинские долго изучали этот огромный свод законов, где предусматривалось решительно все: начиная от поведения в обществе и вплоть до личной гигиены.

Помимо Талмуда, братья Рабинские усиленно изучали также Пятикнижие, то есть пять книг Моисея, составляющие Тору, и являющиеся наиболее святыми.

Всю субботу Симон Рабинский проводил в молитвах, в благочестивых размышлениях и беседах со своими сыновьями, проверял их знания, вел с ними беседы на религиозные и философские темы.

Когда солнце садилось, Симон с женой и детьми пели заключительную молитву: «Возрадуйся Израиль... избави нас от бед».

Наутро он возвращался к горькой действительности. В мрачном подвале, служившем ему домом и мастерской, Симон Рабинский сидел, согнувшись над своим верстаком, и при мерцающем свете свечи резал морщинистыми руками кожу. За работой он произносил те же слова молитвы, которые евреи произносили с того самого дня, как были угнаны в вавилонское рабство...

«Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня десница моя. Прильни язык мой к гортани моей, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего».

Молитва утешала, а Симон Рабинский был глубоко верующим человеком. Но каким бы верующим он ни был, он все же не мог закрывать глаза на свою собственную и окружающую его нищету. «Доколе, господи... доколе?...» — спрашивал он, бывало. «Доколе нам жить в этой неприглядной тьме?». И тут же утешал себя, повторяя проникновенно свой излюбленный пасхальный стих: «На будущий год — в Иерусалиме!».

На будущий год в Иерусалиме? Сбудется ли это когда-нибудь? Явится ли когда-нибудь Мессия, чтобы вернуть их на родину...?

Они изучали священное писание. Они изучали Мишну. Они изучали народные легенды, мудрые изречения и комментарии к Библии и к Мишне, содержащиеся в Мидраше.

Они изучали Кабалу, книгу тайного учения, и они изучали молитвы, напевы, обычаи и праздники.

Иося и Яков изучали Маймонида и Раши, великих ученых средневековья.

Хотя Рабинским и жилось трудно, все же это была не совсем безрадостная жизнь, лишенная всякой надежды. Всегда были разговоры и дискуссии, если не о каком-нибудь чрезвычайном происшествии, так о предстоящей или уже состоявшейся свадьбе, или бар-мицве, о родах и похоронах. Затем были праздники, к которым надо было готовиться. У свах работы было всегда по горло, но главное, была суббота.

Один раз в неделю Симон Рабинский, как и всякий другой еврей в гетто, становился королем. В гетто раздавался звук традиционного рожка, и Симон прятал свой инструмент и начинал готовиться ко дню, посвященному господу-богу. Как он любил звук этого рожка! Это был тот же звук, который в течение четырех тысяч лет призывал его народ к молитве и к бою. Симон отправлялся в баню, в то время как его жена Рахиль зажигала субботние свечи, произнося слова молитвы.

Затем он надевал свой субботний костюм, длинный, черный шелковый кафтан и красивую шляпу, отороченную мехом. Взяв Иосю за одну руку и Якова за другую, он гордо отправлялся в синагогу.

К субботней трапезе они всегда приглашали какую-нибудь семью, беднее их самих. При свете горящих свечей он благословлял хлеб и вино и благодарил господу за все ниспосланное.

Затем Рахиль подавала фаршированную рыбу, куриный бульон с лапшой, а после ужина он либо отправлялся посещать больных, либо принимал гостей у себя в мастерской, так как гостиней у него, конечно, не было.

Г Л А В А 3.

Яков и Иося шли домой из Талмуд-Торы. Иося шел, низко опустив голову. Он задумался над одним местом из Библии, которое они как раз проходили сегодня. Рядом вприпрыжку шел неугомонный Яков, то и дело швыряя камни в какую-нибудь цель. У него карманы всегда были набиты камнями — на случай, если нападут хулиганы.

Дойдя до угла своей улицы, Яков схватил Иосю за руку.

— В мастерской Когана сегодня вечером состоится еще одно собрание, — сказал он.

— Я уже слышал об этом, — ответил Иося.

— Пойдешь на этот раз?

— Нет.

— Сегодня тебе бы надо пойти, — сказал Яков. — Будет выступать настоящий Билу из Палестины.

У Иоси забилось сердце. Настоящий Билу из Палестины! Как бы ему хотелось увидеть и послушать кого-нибудь, кто на самом деле был в Палестине! Иося втайне завидовал своему младшему брату, посещающему тайком собрания «Друзей Сиона». Эта новая организация, призванная создавать в гетто собственную охрану и возвращаться в Святую Землю, возбуждала его любопытство. Настоящий Билу! Нет, он не поддастся соблазну, пока отец относится с неодобрением к «Друзьям Сиона».

Они завернули за угол и вошли в мастерскую, поцеловав, как водится, мезузу, маленький священный свиток в коробочке, прибитой к дверному косяку. Сильно пахло смолой. Отец поднял голову и улыбнулся.

— Здравствуй, отец, — сказали оба в один голос и пошли за занавеску в тот угол мастерской, который служил им спальней. Симон сразу узнал по их поведению, что они совещались о чем-то тайном; он даже знал, на что именно молодой Яков подбивал брата, но он не сказал им ни слова. — Пусть ребята сами решат, как им быть, — подумал Симон. — Я не стану навязывать им свою волю и даже не заговорю первым. Пускай они сами придут ко мне.

Среди евреев гетто Симофа можно было считать счастливым. Все в его семье были здоровыми, у него была работа, которая, хоть и скудно, все же давала им пропитание. Смертность среди евреев черты была вдвое выше, чем среди остального населения России.

Бедствовали не только евреи. Большинство населения России, в особенности крестьяне, жило почти впроголодь. Страна погрязла в средневековье, промышленности почти не было, страну жестоко эксплуатировали дворяне.

По всей стране раздавались требования: земля, воля, реформы! Так как положение евреев было хуже всех, то их можно было найти во всех подпольных организациях, стремившихся низвергнуть царское самодержавие.

Россию охватило брожение. Появились подпольные организации, прямо призывавшие к восстанию. Только тогда царь Александр Второй провел некоторые запоздалые реформы. Он отменил крепостное право и несколько смягчил законы, касавшиеся евреев. Новые правила разрешали даже некоторым специалистам и ремесленникам проживать в Москве. В Бессарабии некоторым евреям было разрешено владеть землей. Но этих реформ было явно недостаточно.

В своих стараниях отвлечь внимание народа от истинных причин его бедственного положения, царские советники решили прибегнуть к старому козлу отпущения, евреям. Русское крестьянство, ослепленное религиозными предрассудками, невежеством и условиями своего нищенского прозябания, издавна питало неприязнь к евреям. Теперь русское правительство решило превратить антисемитизм в подлинное политическое оружие. Оно развернуло пропагандистскую кампанию, чтобы при помощи сфабрикованных данных об участии евреев в «Земле и Воле» доказать, что все это революционное движение было не больше как еврейским заговором, направленным на то, чтобы посеять анархию в народе и под шумок захватить власть в России в свои руки.

По тайному указанию царского правительства это оружие тщательно оттачивалось, совершенствовалось и распространялось, пока озверевшие массы не обрушили ряд погромов на еврейские гетто в черте. Они убивали направо и налево, насиловали женщин и проливали кровь ручьями. Когда погромщики бесчинствовали в гетто, рус-

ская полиция смотрела на это сквозь пальцы, а то и сама участвовала в погромах.

13-го марта 1881 года на евреев обрушилась страшная катастрофа. В результате удачного покушения был убит царь Александр Второй. Одна из участниц заговора была еврейкой.

Годы, последовавшие за убийством царя, были ужасны.

Наибольшим влиянием при дворе Александра Третьего пользовался заслуживший мрачную известность Победоносцев. Он делал с новым слабовольным царем все, что хотел. В его глазах такие принципы, как свобода, равенство и братство были крамолой, лозунгами черни, и он объявил им беспощадную войну.

Относительно евреев у Победоносцева были особые планы. В качестве Оберпрокурора Святейшего Синода он заручился молчаливым согласием православной церкви для проведения в жизнь своего плана, сводившегося всего лишь к поголовному уничтожению еврейского населения России. Одна треть должна была погибнуть от погромов и голода, другую треть он собирался сослать и изгнать из страны, а последнюю треть он заставит принять крещение.

Пасха 1881 года. Сигналом послужила церемония венчания нового царя, Александра Третьего. На черту оседлости обрушилась волна погромов, задуманных Победоносцевым.

После первой волны погромов Победоносцев срочно провел ряд законов, которые либо совершенно упразднили все послабления, добытые евреями в упорной и длительной борьбе, либо имели своей целью окончательное истребление еврейского населения России.

После ужасных событий 1881 года евреи черты отчаянно принялись искать выход из положения. Выдвигались сотни предложений, одно другого несбыточней. Во многих уголках гетто стал раздаваться тогда голос группы, называвшей себя «Ховеве Цион» — «Друзьями Сиона».

Одновременно с возникновением движения «Друзей Сиона» появилась брошюра Леона Пинскера, в которой излагались причины и указывался путь к решению еврейского вопроса. Брошюра Пинскера призывала к «автоэмансипации», то есть — к освобождению собственными силами, как к единственному пути вырваться из черты оседлости.

В конце того же 1881 года группа еврейских студентов из города Ромны действительно покинула черту и отпра-

вилась в Палестину с девизом «Бет Яков Леху Венелха» — «Дом Якова, давайте тронемся в путь», на устах. Эта отважная группа, насчитывавшая человек сорок, получила широкую известность под сокращенным названием «БИЛУ» — составленном из инициалов их девиза.

Билуицы построили небольшую деревню в Саронской долине. Они назвали ее Ришон Лецион — Первенец Сиона.

Погромы в черте оседлости все усиливались. В первый день Пасхи 1882 года в местечке Балте произошла небывалая по размерам кровавая резня.

В результате новой волны погромов, в Землю Обетованную подались новые группы «Билуицев», и движение «Ховевей Цион» росло и крепло с каждым днем.

Билуицы построили в Саронской долине Петах-Тикву — Врата Надежды.

В Галилее они основали Рош-Пину — Краеугольный камень.

В Самарнии они основали Зихрон Яков — Память о Якове.

Таким образом, в 1884 году на Святой Земле уже было налицо с полдюжины маленьких, слабых, но мужественно борющихся за свое существование поселений.

Каждую ночь в Житомире и во всех других городах черты оседлости происходили тайные собрания. Молодежь начинала восставать и отмежевываться от всего, что было в прошлом.

Яков Рабинский, младший из братьев, с головой окунулся в новую идеологию. Часто он лежал ночью без сна в углу, где он спал вместе с братом, и глядел в темноту. Как бы было чудесно, если бы он получил возможность бороться! Какое бы это было счастье, если бы он бросил все и отправился в Святую Землю! Голова Якова была набита сведениями о славном прошлом евреев. Он часто рисовал в своем воображении, как он, Яков Рабинский, сражается плечом к плечу с Иудой Маккавеем в те дни, когда греков прогнали из Иудеи, как он вместе с ним победоносно врывается в Иерусалим и присутствует при восстановлении храма.

Юноше представлялось, как он, Яков Рабинский, стоит рядом с Симоном Бар-Гиорой, удержавшем Иерусалим под натиском всей мощи Рима в продолжение восемнадцати месяцев. Как он, закованный в цепи, следует за ле-

гендарным и гордым еврейским героем, брошенным в Риме ко львам.

Или вот он, Яков Рабинский, сражается рядом с величайшим из героев, с Бар-Кохбой, бичом римлян.

Геродиум, Махерус, Массасада, Бейтар, где после долголетней осады легли все до последнего.

Но из всех этих героев больше всех Якову хотелось быть рабби Акивой, принимающим мученическую смерть в Кесарии, так как Акива был одновременно учителем, ученым и бойцом.

Когда «Друзья Сиона» появились и в Житомире, Яков сразу стал ходить на их собрания. Их призыв к освобождению собственными силами был для его слуха райской музыкой. «Друзьям Сиона» очень хотелось заполучить также его брата Иосю, рослого и сильного парня, но тот строго соблюдал господни заповеди, требующие почтения к родителям, и поэтому нелегко принимал новые крайние взгляды.

Однако после того, как палестинский «билуец» выступил на собрании в свечной мастерской Когана, Иося не мог дольше совладать с собой. Он расспросил брата обо всем: о том, какой «е», этот «билуец», что он сказал, как он себя вел.

— Я думаю, Иося, тебе давно пора пойти со мной на такое собрание.

Иося вздохнул. Это означало бы первый раз в жизни пойти против воли отца.

— Ладно, — шепнул он наконец и до самого вечера молился и спрашивал прощения за тот грех, который он собирался совершить.

Братья сказали отцу, что они отправляются сказать «Кадись», то есть совершить поминальную молитву по одному товарищу, недавно скончавшемуся. Они поспешили в мастерскую свечника Когана. Это была маленькая мастерская, расположенная, как и мастерская их отца, в подвале. Сладко пахло воском. Окна были тщательно занавешены, а на улице был установлен караул. Иося узнал среди присутствующих очень много знакомых, и это его сильно поразило. Выступал человек из Одессы, которого звали Владимиром.

Владимир держался и говорил совсем не так, как они. У него не было ни бороды, ни пейсов. На нем были кожаные сапоги и кожаная куртка. Как только он загово-

рил, Яков забыл обо всем на свете. Докладчика то и дело перебивали издевательские голоса.

— Ты что же, Мессия, что зовешь нас назад?

— А ты, случаем, не наткнулся на Мессию под кроватью, где ты прятался в дни погрома? — ответил Владимир.

— Ты уверен, что ты не царский агент?

— А ты уверен, что ты не будущая царская жертва? — резко ответил Владимир вопросом на вопрос.

Наконец-то установилась тишина. Владимир говорил спокойно. Он кратко коснулся истории евреев в Польше и России, затем перешел к Германии и Австрии. Потом он остановился на насильственном изгнании евреев из Франции и Англии, на резне, учиненной в Брее и Йорке, в Шпеере и Вормсе.

Владимир рассказал, как папа римский призвал христиан освободить Святую Землю из-под власти мусульман, и как пять крестовых походов, длившихся три столетия, истребляли евреев именем господина.

Владимир рассказал о самом ужасном периоде из всех — о периоде испанской инквизиции, в продолжение которого над евреями именем церкви христовой были совершены самые невероятные зверства.

— Товарищи, нет такой нации на свете, которая бы над нами не издевалась. Мы должны вновь стать нацией. Это наше единственное спасение. Пинскер это понял, это поняли также «Друзья Сиона» и это поняли, наконец, «Билуйцы». Мы должны восстановить «Дом Якова».

Когда ребята ушли домой, у Якова сильно билось сердце.

— Ты видишь, Иося? Правильно я говорил? Даже рабби Липцин, и тот пришел на собрание!

— Мне еще надо подумать, — уклончиво ответил Иося. Но в глубине души он уже знал, что Владимир прав и прав Яков. На улице было тихо и темно, и они прибавили шагу. Дойдя до своего дома, они быстро поцеловали мезузу и вошли.

На верстаке отца горела свеча. Сам отец стоял позади верстака в длинной ночной рубашке, заложив руки за спину.

— Здравствуй, отец, — сказали они скороговоркой, пытаясь пройти за занавеску.

— Подождите! — приказал Симон. Они остановились и подошли к верстаку.

В эту минуту послышался голос матери:

— Симон, ребята дома?

— Дома.

— Скажи им, пускай не ходят так поздно.

— Ладно, мать, — ответил Симон. — Ты иди ложись, я им скажу.

Симон взглянул сначала на Якова, затем на Иосю, затем еще раз на Якова.

— Я скажу завтра вдове Горовица, что ее покойному мужу царство небесное теперь обеспечено, так как оба моих сына прочитали по нему Упокойную молитву.

Лгать своему отцу Иося не мог.

— Мы не молились за упокой Горовица, — пробормотал он.

Симон изобразил удивление на лице и поднял руки.

— Вот как! Впрочем, мне следовало догадаться. Вы, ребята, невесту, верно, смотрели. Как раз сегодня у меня был Абрам, наш шадхен. Говорит: «Хороший парень, этот твой Иося. Он приведет тебе в дом богатейшую невесту». Вы представляете? Он подыскивает для тебя невесту, Иося.

— Никой невесты мы не смотрели, — вырвалось у Иоси.

— Как? Ни на смотринах, ни на молитвенном собрании... Может, вы в синагоге задержались за священными книгами?

— Нет, отец, — чуть слышно ответил Иося.

Яков не мог больше выдержать и выкрикнул:

— Мы пошли на собрание «Друзей Сиона»!

Иося с глупым видом посмотрел на отца, покраснев и кусая губы. Яков был рад, что наконец-то сказал отцу правду. Он принял дерзкую позу. Симон вздохнул и долго смотрел на сыновей.

— Вы меня обидели, — сказал он наконец.

— Именно поэтому мы тебе и не сказали. Мы не хотели обижать тебя, — сказал Иося.

— Я обижен не тем, что вы пошли на собрание «Друзей Сиона», а тем, что сыновья Симона Рабинского не доверяют больше своему отцу.

Теперь и Яков был смущен.

— Но ведь если бы мы тебе сказали, ты бы нам мог и запретить ходить.

— Ну-ка, Яков, скажи мне, когда это было, чтобы я

запретил вам набирать знания? Разве я вам когда-нибудь запрещал читать книжку? Даже когда тебе взбрело почему-то на ум прочитать, прости господи, христианское евангелие, разве я тебе запретил?

— Нет, отец, — ответил Яков.

— Не кажется ли вам, что нам пора поговорить в открытую? — сказал Симон.

Рыжие волосы Иоси светились, казалось, в ровном свете свечи. Он стоял перед отцом, на целую голову выше него, и заговорил без колебаний. Хотя Иося и был медлительным по натуре, но раз приняв решение, он редко менял его.

— Мы с Яковом не хотели обидеть тебя, потому что мы знаем, как ты относишься к «Друзьям Сиона» и к новым идеям. Но я рад, что пошел сегодня на собрание.

— Я тоже рад, что ты пошел, — ответил Симон.

— Рабби Липцин предложил мне записаться в оборонительный отряд гетто, — сказал Иося.

— Рабби Липцин нарушает столько обычаев, что я начинаю сомневаться — еврей ли он еще, — ответил отец.

— Вот в этом-то и дело, отец, — сказал Иося. — Тебя пугают эти новые идеи. — Иося впервые в жизни разговаривал со своим отцом в таком тоне и тут же устыдился.

Симон вышел из-за верстака и положил руки на плечи сына. Затем он повел их за занавеску и они все устроились на койку.

— Вы думаете, я не понимаю, что происходит в ваших головах? Новые идеи — смотри-ка! Совершенно те же разговоры об автоэмансипации и обороне гетто велись еще в то время, когда я был юношей. Вы переживаете сейчас тот кризис, который переживает в своей жизни каждый еврей. Вам хочется найти ответ на мучающие вас вопросы, найти место в жизни. Когда я был в ваших летах, я даже подумывал о крещении. Так что напрасно вы думаете, что все это для меня вновь.

Иося был поражен. Его отец подумывал о крещении!

— А что плохого в том, что мы хотим постоять за себя? Почему это грех, когда мы хотим бороться за улучшение наших условий? — запальчиво спросил Яков.

— Ты — еврей, — ответил отец, — а быть евреем, это налагает кое-какие обязанности.

— Спрятаться, что ли, под кровать, когда приходят убивать?

— Не повышай голоса на отца, — бросил Иося.

— Никто не говорит, что быть евреем — легко. Мы родились не затем, чтобы наслаждаться благами жизни. Мы пришли на свет божий, чтобы соблюдать Его законы. Вот наша миссия. Вот наша цель.

— А вот и расплата! — резко ответил Яков.

— Придет время, и явится Мессия, и он нас поведет назад на родину, когда настанет час, — невозмутимо продолжал Симон, — и я не думаю, что дело Якова Рабинского — подвергать сомнению мудрость Всевышнего. Я думаю, что дело Якова Рабинского состоит в том, чтобы жить по законам Священного Писания.

В глазах Якова от обиды заблестели слезы.

— Я вовсе не сомневаюсь в мудрости Всевышнего, — крикнул он, — я только сомневаюсь в мудрости некоторых людей, кто берется истолковывать эти законы.

Наступило короткое молчание. Иося глотал слюни. Никто никогда не смел говорить с его отцом в таком тоне. Но в глубине души он восхищался смелостью брата, отважно ставящего те самые вопросы, которые он сам ставить не смел.

— Если мы сотворены по образу и подобию бога, — продолжал Яков, — то Мессия живет в каждом из нас, а Мессия, который в моей душе, велит мне обороняться и постоять за себя. Он все время повелевает мне присоединиться к «Друзьям Сиона» и отправиться с ними в Страну Обетованную. Вот что мне велит Мессия, отец.

Симон Рабинский был по-прежнему невозмутим.

— В продолжение всей нашей истории мы немало пострадали от всякого рода лжемессий. Боюсь, ты тоже попался на удочку одного из них.

— А как же мне отличить настоящего Мессию от мнимого? — вызывающе спросил Яков.

— Вопрос заключается вовсе не в том, распознает и признает ли Яков Рабинский Мессию. Вопрос заключается в том, признает ли Мессия Якова Рабинского. Если Яков Рабинский начнет отходить все дальше от господних законов и прислушиваться к мнимым пророкам, то Мессия безусловно не признает его за еврея. Я предлагаю поэтому Якову Рабинскому, чтобы он оставался евреем и следовал дорогой своего отца и всего его народа.

Г Л А В А 4.

— Бей жидов!

Через окно, разбив стекло, в школьное помещение угодил камень. Раввин поспешно повел ребят задним ходом в более или менее безопасный подвал. На улицах обезумевшие от страха евреи беспорядочно бежали кто куда, тщетно ища укрытия от озверевшей толпы, насчитывавшей по меньшей мере тысячу человек, среди них много гимназистов.

— Бей жидов! — иступленно орала толпа. — Бей жидов!

Это был очередной погром, вдохновителем которого был на этот раз Андреев, горбатый директор местной гимназии и один из самых ярых врагов евреев в Житомире. Гимназисты Андреева ворвались в еврейские кварталы, били окна, громили лавки, выволакивали евреев, которые не успели спрятаться, на улицу и зверски избивали их.

— Бей жидов!... Бей жидов!... Бей жидов!

Яков и Иося изо всех сил бросились бежать домой. По узким и пустынным закоулкам они спешили, чтобы защитить и спасти родителей. То и дело раздавался лошадиный топот казаков, слышался иступленный рев гимназистов, и ребятам не раз приходилось прятаться.

Но вот они повернули на свою улицу и угодили прямо в руки шайки хулиганов с фуражками гимназистов на голове — это были ученики Андреева.

— Вот еще двое жиденят!

Яков и Иося круто повернули назад, стремясь увести за собой гимназистов от родительского дома. С диким визгом гимназисты бросились преследовать братьев. С четверть часа продолжалось это дикое преследование по переулкам и закоулкам, пока наконец гимназисты не загнали братьев в переулок, из которого не было выхода. Иося и Яков стояли припертые спиной к стене, ловя воздух и вытирая пот, ливший с них градом, а гимназисты, образовав полукруг, подступали все ближе. Главарь погромщиков, с горящими от ненависти глазами и с куском

стальной трубы в руке, подошел совсем близко и, нацеливаясь на Иосю, взмахнул трубой.

Иося перехватил удар, схватил гимназиста мощными руками, поднял его высоко над головой и что было силы швырнул его на остальную банду. Яков, у которого всегда были в карманах камни для такого рода случаев, тоже не стоял сложа руки и попал в головы двух хулиганов, которые тут же упали без сознания. Остальные гимназисты обратились в бегство.

Ребята помчались домой, распахнули дверь мастерской.

— Мать! Отец!

В мастерской все было разбито вдребезги.

— Мать! Отец!

Они нашли мать, обезумевшую от страха, в каком-то углу. Иося принял ее трести.

— Где отец?

— Тора! — воскликнула мать. — Тора!

В это самое время, через шесть кварталов, Симон Рабинский пробирался в горящую синагогу, прокладывая себе путь к амвону. Он раздвинул занавес с вытканными на нем десятью заповедями и достал Тору, пергаментный свиток Моисеева Пятикнижия.

Симон прижал священный свиток к груди, чтобы защитить его от пламени, и, пошатываясь, стал пробираться назад к выходу. Его сильно обожгло, и дым чуть не задушил его. Кое-как он дополз до выхода.

Десятка два Андреевских молодчиков ждали его на улице.

— Бей жида!

Симон еще прополз на коленях несколько шагов, а там рухнул без сознания, прикрыв Тору своим телом. Дубинки раскрошили его череп, окованные железом сапоги обезобразили его лицо...

— Бей жида!

На последнем дыхании, Симон Рабинский вскрикнул:...
— Слушай, Израиль!.. Господь — наш бог!.. Господь — один!..

Когда нашли труп Симона Рабинского, он был изуродован до неузнаваемости. Тору, где содержался Закон, данный Господом Моисею, погромщики бросили в огонь.

Все житомирское гетто оплакивало гибель Симона Рабинского. Он умер самой достойной для еврея смертью —

защищая своей жизнью Тору. Его похоронили вместе с десятками других жертв Андреевского погрома.

Для Рахили Рабинской гибель мужа была еще одним звеном в длинной цепи трагедий, из которой состояла ее жизнь, мало что знавшая, кроме горя. На этот раз, однако, ее фило и воля к жизни были надломлены. Даже родные сыновья ее не могли утешить. Родственники забрали ее в другое местечко.

Иося и Яков ходили два раза в день в синагогу, чтобы справить Кадиш по отцу. Иося живо помнил, как старался отец жить евреем, чтобы Мессия немедленно признал его за такового. Вся его жизнь была посвящена одной задаче — блюсти закон божий. Может быть отец был прав, может быть жизнь действительно дана евреям не для того, чтобы наслаждаться ею, а исключительно — чтобы блюсти законы Господа. Убитый горем, Иося все пытался найти какое-нибудь оправдание ужасной гибели отца.

Совсем другое дело Яков. В его душе бушевала ненависть. Даже когда он произносил слова молитвы, его душа взывала о мести. Его душила злоба, он просто места себе не находил от желания мести. По нескольку раз в день он клялся сквозь зубы, что отомстит за отца.

Иося, понимавший, что происходит в душе брата, не спускал с него глаз. Он пытался успокоить его и утешить, но Яков был безутешен.

Спустя месяц после гибели Симона Рабинского Яков украдкой ушел из дома, пока Иося спал. Он захватил с отцовского верстака длинный острый нож, спрятал его за поясом и направился вон из гетто — в сторону школы, где жил Андреев.

Иося инстинктивно проснулся несколько минут спустя. Как только он заметил, что брат ушел, он тут же натянул на себя одежду и выбежал на улицу. Он знал, куда направился Яков.

Было четыре часа утра, когда Яков Рабинский постучал медным молотком в дверь Андреевского дома. Когда кровожадный горбун приоткрыл дверь, Яков выскочил из тени и до рукоятки всадил ему нож в сердце. Андреев коротко взвизгнул и замертво упал на землю.

Когда через несколько минут подоспел Иося, он застал брата над трупом убитого, от которого он не мог оторвать взгляда. Он оттащил Якова и они оба побежали.

Следующие сутки они провели в подвале рабби Лип-

цина. Весть об убийстве Андреева распространилась с быстротой молнии по всему Житомиру. Старейшины гетто собрались и приняли решение.

— Есть основания опасаться, что вас там узнали, — сказал раввин, когда он вернулся с собрания. — Какие-то гимназисты видели твою рыжую голову, Иося.

Иося принялся кусать губы, но он и не подумал заикнуться о том, что он пытался всего лишь помешать убийству. Яков не чувствовал никакого раскаяния. — Я с удовольствием повторил бы то же самое, — сказал он.

— Мы, конечно, понимаем, что толкнуло тебя на этот шаг, — сказал раввин, — но все равно это тебя не оправдывает. Очень может быть, что это приведет к новому погрому. С другой стороны, ... мы — евреи, и справедливости нам ждать не приходится. Мы приняли поэтому решение, которому вы должны безоговорочно подчиниться.

— Да, рабби, — сказал Иося.

— Вы тут же отрежете пейсы и переоденетесь в «гоев». Мы дадим вам продукты и деньги, которых вам должно хватить на неделю. Вы должны сейчас же покинуть Житомир и никогда сюда не возвращаться.

Так, в 1884 году, Яков и Иося Рабинские, в возрасте четырнадцати и шестнадцати лет, стали беглецами. Они шли на восток, в сторону Лубен, расположенных километрах в трехстах от Житомира. Шли они только ночью, а днем прятались. В Лубнах они с ходу направились в гетто к раввину, но в городе о них уже знали. Раввин собрал и здесь старейшин, и было решено дать ребятам продукты и деньги еще на одну неделю. На этот раз они направились в Харьков, куда было тоже с двести пятьдесят километров. Они надеялись, что там их будут разыскивать не так упорно. Лубенский раввин позаботился сообщить в Харьков о том, что Рабинские направились туда.

Розыски двух братьев велись по всей Украине. Прошло двадцать дней, прежде чем им удалось добраться в Харьков. По всей черте оседлости только и говорили, что о братьях Рабинских. Власти считали их поимку чуть ли не святым делом. Две недели ребята скрывались в сыром подвале харьковской синагоги. Об этом знали только раввин и некоторые старейшины.

Наконец рабби Соломон спустился к ним в подвал.

— Здесь для вас тоже небезопасно, — сказал он. — Это дело всего лишь нескольких дней, пока вас здесь найдут. Полицейские уже ходят и разнюхивают. Но зима на носу, пробираться дальше будет почти невозможно.

Рабби вздохнул и покачал головой.

— Мы пытались раздобыть для вас бумаги, которые бы позволили вам выбраться за пределы черты, но, боюсь, что это невозможно: уж больно вас хорошо знают в полиции. — Он принялся шагать назад и вперед по подвалу. — Остается одно, и это мы и решили. Тут живут в деревнях несколько еврейских семейств. Они приняли крещение и у них небольшие хозяйства. Нам кажется, вам лучше всего скрываться у них хотя бы до весны.

— Рабби Соломон, — ответил Яков, — мы очень благодарны за все, что вы сделали для нас, но мы с братом уже приняли другое решение.

— А именно?

— Мы отправляемся в Палестину, — сказал Яков.

Старый добряк ошеломленно посмотрел на ребят.

— В Палестину? А как?

— Мы уже продумали маршрут. С божьей помощью доберемся.

— Конечно, бог вам поможет, но знаете, — нехорошо, когда пытаются заставить Его совершить чудо. До Одессы добрых шестьсот верст. И если вы даже доберетесь до Одессы, вам все равно не сесть на пароход без бумаг.

— А мы вовсе не через Одессу.

— Но ведь другого нет пути.

— Мы пешком.

Рабби Соломон раскрыл рот от удивления.

— Моисей странствовал сорок лет, — сказал Яков, — нам так много не потребуется.

— Молодой человек, мне очень хорошо известно, что Моисею пришлось странствовать сорок лет. Однако это ничего не говорит о том, как именно вы собираетесь добраться до Палестины.

— Я вам сейчас скажу, — ответил Иося. — Мы отправимся на юг. Как раз на юге нас не очень будут разыскивать. Мы выберемся из черты, проберемся в Грузию, а оттуда через Кавказ в Турцию.

— Вы с ума сошли! Это же чистое безумие! То, что вы задумали, совершить невозможно. Неужели вы в са-

мом деле думаете пройти пешком свыше трех тысяч километров, и зимой, по совершенно незнакомой местности, перевалить через высочайшие горы... не зная никого... и вдобавок, скрываясь от полиции? Да ведь у вас еще молоко не обсохло на губах!

Глаза Якова страстно горели, когда он поднял их на равнина:

«Не бойся, ибо я с тобой; от востока приведу племя твое, и от запада соберу себя. Северу скажу: отдай; и югу: не удерживай; веди сыновей моих издалека и дочерей моих от концов земли».

И вот так случилось, что братья Рабинские, которых разыскивали по делу убийства учителя Андреева, покинули Харьков и направились на восток, затем на юг, зимой, в нечеловеческий холод и мороз. Днем им приходилось скрываться еще тщательнее прежнего.

Опять настала зима, и ребята должны были решиться на невероятно трудный шаг. Либо углубиться в Грузию и пытаться перевалить зимой через Кавказский хребет, либо же — пытаться перебраться через Черное море на каком-нибудь судне. Оба варианта были чреватые большими опасностями. Хотя попытка перевалить через Кавказ, да еще зимой, и представлялась чистым безумием, их желание оставить Россию позади было настолько сильным, что они решились на этот план.

В Ставрополе, у подножья гор, они совершили ряд краж и полностью запаслись одеждой и пищей для похода в горах. Затем они забрались, спасаясь от преследования полиции, еще глубже в горы и направились в сторону Армении.

Настала суровая зима. Они забрались глубоко в горы. Теперь они шли и днем, перебираясь через коварные перевалы и обворовывая деревни. Предыдущая зима закалила их, и теперь у них было гораздо больше опыта. С каждым днем росло также их неукротимое желание попасть в Палестину, оно-то и поддерживало их слабые силы. Частенько Яков читал вслух отрывки из Библии, когда силы у них иссякали. Последнюю часть пути они проделали чисто инстинктивно, словно в каком-то забытьи.

И вот настала вторая весна и все вокруг чудеснейшим образом возродилось к новой жизни. Однажды они встали — и впервые вдохнули воздух свободы: «матушка

Россия» была позади, чтобы никогда уже к ней не возвращаться. Когда Яков перешел рубеж, он обернулся и плюнул на Россию.

Теперь им уже не нужно было скрываться. Но это была странная страна, все звучало и даже пахло как-то необычно, а у ребят не было ни паспортов, ни бумаг. Вся восточная Турция — гориста, и пробирались они медленно. Когда они не могли воровать пищу, они нанимались на полевые работы, но дважды за эту весну их ловили и сажали в тюрьму; правда, ненадолго.

Иося решил, что надо отказаться от воровства. Это было слишком опасно: если поймают, могут отправить обратно в Россию.

В середине лета они миновали подножье горы Арарат, где остановился Ноев ковчег. Они спешили дальше на юг.

В каждой деревне они первым делом спрашивали: — Евреи есть здесь?

В некоторых деревнях действительно жили евреи; они встречали братьев хорошо, брали их к себе, кормили, одевали, давали отдохнуть.

Однако это были совсем другие евреи. Это были простые крестьяне, невежественные и суеверные, но они свято блюли Тору, соблюдали также субботу и праздники.

— Евреи есть здесь?

— Мы евреи.

— Мы хотим поговорить с вашим раввином.

— А куда вы, ребята, направляетесь?

— В Страну Обетованную.

Это слово творило чудеса, оно всюду служило пропуском.

— Евреи здесь есть?

— В соседней деревне живет несколько еврейских семейств.

Ни разу им не отказали в гостеприимстве.

Так прошли два года. Ребята упрямо продолжали свой путь, останавливаясь лишь, когда силы у них иссякали, или когда нужно было заработать на хлеб.

— Евреи здесь есть?

И вот они уже добрались до турецко-сирийской границы. Еще одна необычная страна.

В Алеппо они впервые познакомились с арабским миром. Они шли по базарам, по покрытым навозом пере-

улкам, а с минаретов раздавались мусульманские песнопения...

Они шли все дальше и дальше, пока перед ними не предстала сине-зеленоватая гладь Средиземного моря. Море появилось внезапно, и после холодных ветров пережитых лет они обливались потом в тридцатиградусную жару. Кутаясь в арабские отрепья, они шли вдоль берега на юг.

— Евреи есть здесь?

Да, здесь были евреи, но они опять были совсем другими. Эти евреи во всем походили на арабов: та же одежда, тот же язык. Они, однако, знали и древнееврейский и знали также Тору. Точно так же, как евреи черты оседлости и евреи Турции, эти евреи тоже без лишних расспросов оказывали гостеприимство братьям Рабинским, делясь с ними пищей и кровом. Они так же благословляли братьев, как их и раньше благословляли всюду на святой подвиг.

Путь шел теперь в Ливан — через Триполи и Бейрут — и вот они уже совсем близко от Обетованной Земли.

— Евреи есть здесь?

Стоял 1888 год. Прошло ровно сорок месяцев с той ночи, когда Яков и Иося бежали из житомирского гетто. Иося вытянулся в стройного, крепкого великана, ростом в метр девяносто и с телосложением атлета. Ему теперь было двадцать лет от роду и носил он пламенно-рыжую бороду.

Якову было всего восемнадцать лет. Он тоже сильно возмужал и окреп за этот почти четырехлетний поход, но рост у него был средний, черты лица — тонкие. Он остался таким же дерзким и беспокойным, каким он был еще юношей.

Они стояли на вершине горы. Под ними простиралась долина. Яков и Иося смотрели вниз на Хулу в северной Галилее. Иося Рабинский присел на скалу и зарыдал. Их поход кончился.

«Но жив Господь, который привел племя дома Израилева с северной страны и со всех прочих стран, куда он их было повел, и будут они жить в своей собственной стране».

Яков положил свою руку на плечо брата.

— Мы дома, Иося! Мы дома!

Г Л А В А 5.

Они смотрели с вершины горы на простирающуюся перед ними страну. По ту сторону долины на ливанской стороне возвышался покрытый снегом Хермон. Под ними простиралось озеро Хула со своими болотами. Справа в горах приютилась арабская деревушка. Иося Рабинский находился во власти такого волнения, какого он еще ни разу не испытал. До чего же прекрасна Страна Обетованная, если смотреть отсюда!

Он поклялся в душе, как это часто делают при таких обстоятельствах люди его возраста, что непременно вернется сюда в один прекрасный день еще раз и будет смотреть вниз на участок земли, который будет его собственным.

Они провели здесь сутки, а на следующее утро они спустились с горы по направлению к арабской деревушке. Белые саманные домики, теснившиеся в ложбинке, сияли в утреннем солнце. Луга и оливковые рощи тянулись вниз до самого озера. В поле ослик тащил деревянный плуг. Ишаки перевозили на себе тощие снопики невзрачного урожая. В виноградниках среди кустов маячили работающие женщины. Вид у деревушки был такой же, какой был, вероятно, тысячу лет тому назад.

Чем ближе они подходили к деревне, тем она становилась непригляднее, а вскоре братьям ударила в нос невыносимая вонь. С полей, из хижин, отовсюду за братьями следили подозрительные взгляды, как только они вошли в деревню. Деревушка жила своей ленивой жизнью в ярких лучах южного солнца. Улицы были сплошь покрыты верблюжьим и ослиным навозом. На братьев наседали тучи огромных мух. Ленивая собака лежала без движения в сточной канаве, наслаждаясь прохладной сыростью. Женщины с закутанным лицом спешно прятались в убогие хижины из саманного кирпича. В этих наполовину развалившихся домиках жило по десять и более человек, помимо свиней, кур, мулов и коз.

Братья остановились у деревенского колодца. Строй-

ные девушки носили огромные кувшины на голове, другие стирали белье, стоя на коленях и обменивались сплетнями.

Как только к колодцу подошли путники, все внезапно замолкли.

— Можно напиться воды? — спросил Иося.

Никто не отважился ответить. Ребята сами вытащили ведро воды, умылись, напились, налили воды в свои флаги и ушли.

Чуть дальше стояла такая же полуразрушенная хижина, служившая чайханой. Мужчины лениво сидели или лежали на полу, предоставляя женам работать в поле. Некоторые играли в кости. В воздухе сильно пахло крепким кофе, табаком, хашишом и всей вонью деревни.

— Нам бы хотелось навести кое-какие справки, — сказал Иося.

После некоторого молчания с пола поднялся один араб и велел им следовать за собой. Он их повел вон из деревни, в сторону речушки. На противоположном берегу речушки стояла небольшая мечеть с минаретом. Рядом стояло приличное каменное здание в тени, а неподалеку — небольшое помещение, которое служило сельской управой. Их пригласили в это помещение и предложили сесть. Высокие стены помещения были чисто выбелены известкой, стены были толстые, окна хорошо пригнаны, отчего в комнате было довольно прохладно. По всей длине стен шли широкие, застеленные пестрыми подушками скамьи. На стенах висели всевозможные сабли, безделушки и портреты арабов, а также иностранцев.

Наконец в помещение вошел мужчина лет двадцати пяти. На нем был полосатый халат до колен, на голове — белый бурнус с черной окантовкой. Одна уже внешность говорила о том, что это состоятельный человек.

— Меня зовут Каммал, я — мухтар села Абу-Йеша, — сказал он. Он ударил в ладоши (при этом блеснули богатые кольца на пальцах) и велел подать гостям фрукты и кофе. Когда его братья ушли выполнять его приказания, в комнате воцарилось молчание. Вслед затем в комнату один за другим прошли старейшины села.

К немалому удивлению братьев, Каммал знал немного по-древнееврейски.

— На том месте, где стоит эта деревня, похоронен, по преданию, Иус Навин, — сказал он. — Иус Навин не

только еврейский герой. но и мусульманский пророк.

Затем, следуя арабскому обычаю никогда не задавать прямых вопросов, Каммал повел беседу кругом да около, чтобы узнать, кто они такие, эти гости, и чего им здесь надо. Под конец он намекнул, что, может, они заблудились, так как еще не было случая, чтобы какой-нибудь еврей забирался в Хулу.

Иося пояснил, что они пришли с севера и ищут ближайшее еврейское селение. Прошло еще полчаса окольных расспросов, пока Каммал убедился, что эти двое евреев не собираются поселиться на этом месте.

Немного успокоившись, Каммал рассказал братьям, что он не только местный мухтар и владелец всей земли в Абу-Йеша, но еще и духовный вождь общины и единственный грамотный человек в деревне.

Иосе этот человек чем-то нравился. Чем именно, он не мог бы сказать и сам. Он рассказал Каммалу об их бегстве из России, об их долгом путешествии, а также о том, что они желают поселиться в Святой земле и обрабатывать ее. Покончив с фруктами, Иося стал прощаться.

— Вы найдете евреев километрах в тридцати к югу. Если поднажать и держаться дороги, вы сможете добраться туда еще засветло — в Рош-Пину.

Рош-ПИНА! Неужели правда! Они не раз слышали это название еще в черте оседлости.

— Рош-ПИНА находится на полпути от Хулы до Тивериадского озера. Вам попадетя по дороге большой курган. Под курганом лежит древний город Хацор... Да поможет вам бог в пути!

Дорога шла по полям села Абу-Йеша, затем — вдоль зловонных болот Хулы, Иося оглянулся. Он хорошо видел то место, где они стояли сегодня утром. — Я вернусь, — сказал он самому себе, — я обязательно вернусь...

В полдень они дошли до большого искусственного кургана, описанного Каммалом. Взбираясь наверх, они неотрывно думали о том, что под ними похоронен древний город Хацор. Иося был глубоко взволнован:

— Ты только подумай! Может быть Иисус Навин стоял на этом самом месте, когда он завоевал город, победив ханаанеев. — Иося то и дело нагибался, собирал какие-то обломки, которыми была усеяна вся местность. С тех пор как он ступил на Святую Землю, Иося находился в таком приподнятом душевном состоянии, что он совер-

шенно не замечал дурного настроения брата. Якову не хотелось портить настроение брату, поэтому он молчал, но его досада усиливалась с каждым часом.

В сумерки они дошли до Рош-Пины, Краеугольного Камня, самого северного еврейского селения. Их появление вызвало большую суматоху. Их повели в небольшое здание, служившее местом для сходов, и жадно расспрашивали обо всем. Но они покинули Житомир еще сорок месяцев тому назад, и все, что они могли рассказать, было то, что после 1881 года погромы становились с каждым разом все кровавее.

Хотя оба брата старались не подавать виду, но Рош-Пина их жестоко разочаровала. Вместо цветущих хозяйств, они нашли запущенную деревню. Здесь жили несколько десятков евреев в условиях немногим лучших, чем у арабов в Абу-Йеша.

— Порой я думаю, что было бы, пожалуй, лучше, если бы я остался в России, — как-то бросил один из билуцев. — Там мы по крайней мере жили среди евреев. Читали книги, слушали музыку, было с кем поговорить... были женщины. Здесь ничего этого нет и в помине.

— Но как же! Ведь сколько говорили на собраниях «Друзей Сиона»... — вставил Иося.

— Ну, конечно, когда мы приехали сюда, мы были полны воодушевления. Со временем мы, однако, растеряли свои идеалы в этой стране. Вы только посмотрите! Все ужасно запущено, здесь ничего расти уже не может. То немногое, что у нас есть, крадут бедуины, а что еще остается после них, то забирают турки. Будь я на вашем месте, ребята, я бы пошел в Яффо и на первом же пароходе уплыл в Америку.

Какая чушь, подумал Иося.

— Если бы не помощь Ротшильда, де Гирша, де Шумана, мы бы здесь уже давно подошли все с голоду.

Наутро они покинули Рош-Пину и направились через горы в Сафед. Сафед был одним из четырех городов, которые евреи почитали священными. Он был расположен на неописуемо красивом холме, отделявшим Хулу от Галилеи. Вот здесь, подумал Иося, от нашего разочарования не останется и следа; в Сафедде жило уже четвертое поколение евреев и изучали тайное учение Кабалы. Однако в Сафедде повторилось то же, что произошло в Рош-Пине. Они нашли здесь несколько сот стариков, которые толь-

ко и знали, что корпеть над книгами. Жили они на пожертвования, собираемые среди евреев всего мира. Им не было никакого дела до восстановления Дома Якова. Им хотелось только одного: жить тихо, хоть и в нищете, и изучать священные книги.

Братья Рабинские ушли наутро и из Сафед. Они поднялись на расположенную неподалеку гору Канаан и сделали там привал, чтобы сориентироваться. Вид, открывшийся перед ними с горы, был великолепный. Отсюда можно было видеть, если смотреть назад, конусообразную гору, на которой расположен Сафед, а дальше к югу — Тивериадское озеро. На севере переходили один в другой склоны Хулы, откуда они пришли; эту местность Иося особенно любил, так как именно там он впервые ступил на родную землю. Да, он поклялся в душе еще и еще, что когда-нибудь это будет также его собственная земля.

Яков не скрывал больше свою горечь:

— Всю нашу жизнь, все молитвы мы посвятили одному... И вот — смотри!

Иося обнял брата за плечи.

— Я смотрю. Посмотри и ты. Посмотри, какая кругом красота! — сказал он. — Вот посмотришь, когда-нибудь мы сделаем так, чтобы вблизи все выглядело таким же красивым, как и отсюда.

— Я уже не знаю, во что мне еще верить, — тихо ответил Яков. — Все эти зимы в горах, когда мы коченели от холода... весь летний зной... к этому ли мы стремились?

— Ну, ладно, ладно, нечего падать духом. Завтра мы отправляемся в Иерусалим.

Иерусалим! Услышав магическое слово, Яков вмиг воспрянул духом.

На следующее утро они спустились с горы Канаан и пошли на юг, вдоль Тивериадского озера, пересекли Гиносарскую долину, минуя Арбель и Хитимские выступы, где сын курдов Саладин когда-то наголову разбил крестоносцев.

Однако, чем дальше они шли, тем даже Иося становился скучнее.

Страна Обетованная была отнюдь не страной, где текли молоко и мед, а страной зловонных болот, оголенных склонов, каменистых полей и бесплодной земли — все результат тысячелетней турецкой и арабской бесхозяйст-

венности. Эта страна просто растеряла свое плодородие, и вот она лежала перед ними голая и вся в ранах.

Немного погодя они добрались до горы Табор в центре Галилеи и поднялись на эту гору, которая сыграла такую большую роль в истории их народа. Именно здесь еврейская Жанна д'Арк Дебора и ее полководец Барак устроили засаду и потом наголову разбили врага, пытавшегося завладеть страной. С вершины горы Табор перед ними во всех направлениях открылась широкая панорама. Вокруг лежали руины с времен крестоносцев, а неподалеку — маленький монастырь: именно здесь произошло преображение Христово, здесь он общался с Моисеем и пророком Ильей. С грустью смотрели они с горы на безрадостную картину, представшую их глазам: серая, лишенная растительности, умирающая земля.

С тяжелым сердцем они продолжали путь. Их все время окружали тени прошлого. Вот и гора Гильбоа, где в битве пали Саул и Ионатан и где похоронен Гидеон, вот Вифлеем и Иерихон...

Когда они дошли до Иудейских гор, они воспрянули духом. Древние террасы стояли здесь еще с того времени, когда сотни тысяч евреев получали богатые плоды земли. Теперь от всего этого изобилия не осталось и следа: склоны гор лежали перед ними выветрившиеся и нагие. Все же один вид этих древних террас глубоко взволновал молодых братьев, они взбирались все выше и выше.

Добравшись до вершины, Иосия и Яков Рабинские увидели город Давида!

Иерусалим! Кровь их сердца, самая сокровенная их мечта! В это мгновение они забыли все горести и перенесенные ими муки. Они вошли в город через Дамасские ворота и направились по узким проулкам и торговым рядам к знаменитой синагоге «Хурва».

— Эх, если бы отец был с нами! — вздохнул Иосия.

«ЕСЛИ Я ТЕБЯ ЗАБУДУ, ИЕРУСАЛИМ...» прошептал Яков молитву изгнанников.

От синагоги они пошли к единственной стене, сохранившейся от древнего храма. Она стояла рядом с мечетью Омара, святилищем Скалы. Эта стена — величайшая святыня для всех евреев.

Когда братья стали искать потом ночлег, их постигло жестокое разочарование. Евреи Иерусалима были хасидами, религиозными фанатиками, которые истолковывали за-

кон божий с такой строгостью, что надо было совершенно отказаться от человеческой цивилизации. Даже в черте оседлости эти секты жили обособленно от всех остальных евреев.

С тех пор как они покинули Житомир, Иося и Яков впервые столкнулись с тем, что евреи отказывают им в гостеприимстве. Евреи Иерусалима относились с неприязнью к «билуйцам», а «Друзей Сиона» они прямо считали богоотступниками.

Молодые братья почувствовали себя непрошенными гостями в своей собственной стране. Они распрощались и с Иерусалимом, спустились с тоской в сердце с Иудейских гор и направились в Яффо.

Этот древнейший город, служивший портом со времени финикийцев, был точной копией Бейрута, Алеппо или Триполи. Те же узкие улицы, та же грязь и то же запустение. Правда, неподалеку находились несколько еврейских селений: Ришон-Лецион, Реховот, Петах-Тиква. В самой Яффе тоже жило несколько еврейских торговцев, было даже агентство для еврейских иммигрантов. Здесь-то они узнали всю правду. Во всей Палестинской провинции Оттоманской империи проживало всего лишь тысяч пять евреев. Это были в основном старики, посвятившие свою жизнь молитве. Они жили в четырех городах, считавшихся святыми: Сафед, Иерусалим, Хевроне и Тивериаде. Десяток сельскохозяйственных поселков, созданных евреями, находились в очень тяжелом положении. Они могли существовать только благодаря помощи богатых европейских евреев: барона Гирша, Ротшильда и швейцарского миллионера де Шумана. Высокие идеалы, двигавшие билуйцами улетучивались понемногу. Одно дело — говорить о восстановлении Дома Якова в каком-нибудь подвале в черте оседлости, и совсем другое — преодолевать нечеловеческие трудности и полнейший развал в самой Палестине. Билуйцы не имели никакого сельскохозяйственного опыта. Их богатые покровители направляли к ним в помощь специалистов, но все дело сводилось к использованию дешевой арабской рабочей силы и выращиванию двух-трех культур для экспорта: маслин, цитрусовых, винограда. Трудиться самому и внедрить настоящее сельское хозяйство никто даже не пытался. Фактически евреи становились в Палестине надсмотрщиками.

Арабы, а тем более хозяева страны, турки, беспощад-

но грабили евреев. Доходы облагались огромными налогами, воздвигались всякого рода преграды и ограничения. Разбойничьи банды бедуинов смотрели на евреев, как на обреченных, так как те не умели и не хотели обороняться.

Все же в стране проживало несколько молодых еврейских парней, как братья Рабинские; они жили в окрестностях Яффы и они-то и переняли идеи билуйцев. Они ночами напролет сидели в арабских кофейнях и спорили. Задача возродить эту обнищавшую страну казалась почти невыполнимой, но все-таки можно было бы попробовать, если бы только в стране было побольше евреев с боевым духом. Иося считал, что рано или поздно евреи ринутся в Палестину, так как погромы происходили все чаще и чаще, а черта оседлости уже охвачена брожением. Все были согласны, что чего-то не хватало, чего-то такого, чего не было ни в Талмуде, ни в Библии, ни в Мишне и ни в Мидраше. Большинство парней, подобно Иосе и Якову, сбежали из России, чтобы не служить в царской армии, или спасаясь от бесправия и нужды, или из более высоких побуждений. Евреи, приехавшие в Палестину еще раньше, относились к ним, как к «чужакам». Вдобавок — у них не было никакого гражданства.

Прошел целый год, прежде чем пришел ответ от рабби Липцина. Он писал, что их мать скончалась от безутешного горя.

В продолжение следовавших затем четырех-пяти лет Яков и Иося превратились в настоящих мужчин. Они работали то в порту в Яффо, то на полях еврейских колоний в качестве батраков или надсмотрщиков. Когда с помощью богатого английского еврея, Моисея Монтефиоре, евреи начали селиться за пределами старого города в Иерусалиме, они работали и каменщиками. В Иерусалиме единственным строительным материалом служили очень красивые и своеобразные блоки, добываемые в Иудейских горах.

Так они и жили, перебиваясь с одной работы на другую. Мало помалу они отвыкли от религиозных обрядов, которые играли такую большую роль в стенах гетто. Только по великим праздникам они отправлялись в Иерусалим. Только Йом-Кипур, день всепрощения, проводили они в молитве, да еще Рош-Гашана, новый год, день суда. Яков и Иося Рабинские стали постепенно типичными представителями евреев совершенно нового склада. Они были

молоды и сильны, чувствовали себя свободными людьми, какими они себя никогда не могли чувствовать в черте оседлости. Они тосковали, однако, по ясной цели, а также по контактам с евреями Европы.

Так прошли 1891, 1892 и 1893 годы.

За эти годы в страну прибыли еще несколько нахлебников, живших на подаяния европейских благодетелей.

Но пока Яков и Иося прозябали, казалось, бесцельно в Палестине, в другом месте земного шара происходили драматические события, которые определили их собственные судьбы, а также судьбу каждого еврея на вечные времена.

Г Л А В А 6.

ФРАНЦИЯ 1894-97

Положение евреев Франции, а также большинства западной Европы было значительно лучше, чем в восточной Европе. После массовых погромов и изгнаний в Средние века антисемитизм потерял свой кровавый характер как во Франции, так и в Англии.

С Великой французской революцией для евреев тоже наступили лучшие времена. После пятнадцати лет бесправия по крайней мере одна европейская страна признала их людьми. Франция была первой страной в Европе, которая предоставила евреям полные гражданские права без всяких ограничений. При Наполеоне, который видел в иудаизме только религию, а не национальность, положение евреев еще больше укрепилось. Покуда французские евреи рассматривали свое еврейство только как религию, а во всем остальном являлись преданными гражданами Франции, они пользовались полнейшим равноправием в стране.

Начало девятнадцатого века было для французских евреев началом золотой эры. Евреи дали Франции множество блестящих врачей, юристов, ученых, поэтов, писателей, композиторов и государственных деятелей, и казалось, что политика ассимиляции Наполеона была совершенно правильной.

Правда, антисемитизм не совсем исчез во Франции, но он принял более скрытые формы. Так или иначе, а еврейская принадлежность влекла за собой во Франции меньше неприятностей, чем в любой другой стране. Никогда раньше евреи не пользовались в Европе такой свободой и таким положением в обществе. К середине девятнадцатого столетия они уже успели занять место во всех областях французской жизни и организовали мощный «Всеобщий Альянс», служивший их рупором и развернувший широкую деятельность.

Однако неприязнь к евреям — неизлечимый недуг. Демократическое общественное устройство в известном

смысле мешает распространению этой заразы. Бывает, что от этой заразы не остается как будто бы и следа, но в действительности она даже при идеальном общественном климате не исчезает совершенно.

Во Франции жил один молодой военный, по званию — капитан. Он происходил из хорошей и состоятельной семьи. В 1893 году он был отдан под суд по сфабрикованному обвинению в продаже немцам секретных французских документов. Судебный процесс над этим человеком вызвал сильнейшую бурю во всем мире и нанес непоправимый удар французскому правосудию. Французский военный трибунал нашел капитана виновным и приговорил его к пожизненному заключению на Чертовом острове.

Этого человека звали Альфредом Дрейфусом.

В суровую зиму 1894 года несчастного Альфреда Дрейфуса вывели в какой-то двор, где должно было состояться его публичное разжалование. С него сорвали погоны, ударили по щекам, переломили его шпагу и сорвали пуговицы с мундира. Под приглушенный бой барабанов он был объявлен предателем Франции. Когда его увели под конвоем, Дрейфус воскликнул: — Я ни в чем не повинен! Да здравствует Франция!

Альфред Дрейфус был евреем по происхождению.

Зараза антисемитизма, тлевшая до тех пор под пеплом, захлестнула Францию. Возглавляемые Эдуардом Дрюоном, главным жидоненавистником, на улицах Парижа собирались толпы французов, в иступлении выкрикивавших извечное: — Смерть жидам!

Впоследствии великий французский писатель Эмиль Золя вмешался в дело Дрейфуса. В открытом письме, адресованном французскому президенту, он гневно и блестяще заклеил неслыханное злоупотребление французским правосудием.

При церемонии публичного разжалования Дрейфуса, состоявшейся в парижском дворе, присутствовал, среди прочих приглашенных, один человек. Хотя Дрейфуса впоследствии и оправдали, но этот человек не мог забыть горестного крика несчастного: — Я ни в чем не повинен! Он так же не мог забыть иступленных криков парижской толпы: — Смерть жидам! Эти видения преследовали его днем и ночью.

Этот человек, который не мог забыть, был Теодор Герцль.

Теодор Герцль был тоже еврей. Он родился в состоятельной семье в Будапеште, но впоследствии его родители переехали в Австрию, и мальчик вырос уже в Вене. Он был знаком с иудаизмом только поверхностно. Он, как и вся его семья, был сторонником господствовавшей тогда теории ассимиляции.

Герцль был блестящим эссеистом, драматургом и журналистом. Подобно очень многим творческим натурам, он постоянно испытывал какое-то беспокойство. Он был женат на очень милой женщине, но она была совершенно не в состоянии дать ему то сочувствие и понимание, в которых он нуждался. К счастью для Герцля, его состоятельная семья могла финансировать его страсть к путешествиям.

Потом Герцль подался в Париж и стал там корреспондентом крупнейшей венской газеты «Нойе фрайе прессе». Он был более или менее счастлив. Париж был беззаботным городом, зарабатывал он неплохо, работа доставляла ему радость, а главное — интеллектуальная жизнь была здесь ключом.

Что привело его в Париж, если разобраться? Какая невидимая рука повела его в тот парижский двор зимой? Почему именно Герцля? Он не придерживался ни еврейского образа жизни, ни еврейского образа мыслей, но когда до его слуха донеслись раздававшиеся на улицах крики «Смерть жидам!» в его жизни и в жизни каждого еврея произошла перемена на веки вечные.

Теодор Герцль глубоко задумался. Он сделал вывод, что проклятие антисемитизма никогда не будет окончательно устранено. До тех пор, пока будет жить хотя бы один еврей — до тех пор будет жить кто-нибудь, кто будет его ненавидеть. В его душе возникла глубокая тревога, и он начал искать какой-то выход из этого положения. И тут Герцль пришел к тому же выводу, к которому до него пришли многие евреи всюду в мире, к тому выводу, к которому недавно пришел Пинскер в своей брошюре, посвященной автоэмансипации. Герцль пришел к выводу, что только тогда, когда евреи станут снова нацией, они станут также свободными людьми, где бы они ни жили. Им нужен был официальный представитель, они должны были внушать уважение, как равные среди рав-

ных, а для этого им нужно было собственное общепризнанное государство.

Все эти мысли Герцль изложил в небольшой книжке, которую он так и назвал: «Еврейское государство».

Преисполненный сознанием своей внезапно возникшей миссии, Герцль принялся действовать. Не жалея никаких усилий, он начал вербовать сторонников. Он отправился к тем сказочно богатым евреям, которые поддерживали еврейские поселения в Палестине. Они буквально высмеяли его план создания еврейского государства. Одно дело благотворительность — будучи евреями, они, конечно, не отказывали в помощи своим нуждающимся братьям — но воскрешать нацию, это было в их глазах чистым безумием.

Однако идея создания еврейского государства нашла широкий отклик и быстро распространилась по всему миру. Идея Герцля не была ни новой, ни оригинальной, но его неутомимая деятельность не давала ей умирать.

Вскоре его стали поддерживать со всех сторон. Макс Нордау, всемирно известный писатель, родившийся, как и Герцль, в Венгрии и пустивший корни в Париже, поспешил к нему на помощь; то же сделали Вольфсон в Германии, Де-Хаас в Англии. Даже многие высокопоставленные христиане выразили поддержку его плану.

В 1897 году в швейцарском городе Базеле был созван конгресс представителей евреев всего мира. Это был, в сущности, парламент мирового еврейства. Ничего подобного не было с тех пор, как был разрушен второй храм. На конгрессе съехались ассимилянты и «Друзья Сиона», религиозные евреи и социалисты. Каких бы они ни придерживались взглядов, они были евреями, и все до единого были готовы восстать против двух тысячелетий чудовищных преследований. Базельский съезд призывал евреев вернуться на свою историческую родину, так как только создание еврейского государства обеспечит свободу евреям всех стран.

Это движение получило название «Сионизм».

В то самое время, когда кровавые погромы и всякие прочие издевательства вспыхнули с новой силой в России, Польше, Румынии, Австрии, Германии и даже Франции, Базельский конгресс принял свою историческую программу:

СИОНИЗМ СТРЕМИТСЯ СОЗДАТЬ ДЛЯ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА ПРАВООХРАНЯЕМОЕ УБЕЖИЩЕ В ПАЛЕСТИНЕ.

Теодор Герцль записал в своем дневнике: «В Базеле я положил основу еврейского государства. Если бы я это сказал вслух, меня бы неминуемо все засмеяли. Может быть лет через пять и наверняка — через пятьдесят — это признают все.

После формальной декларации сионизма Теодор Герцль как безумный ринулся в работу. Он был врожденным вождем и вдохновлял всех, кто были вокруг него. Он укрепил свое положение, вербовал все новых и новых сторонников, учредил фонды и создал организацию.

Ближайшей целью Герцля было — добиться «чартера» — государственного договора — или какой-нибудь другой законной основы, на которой Сионизм мог бы воздвигнуть свое здание.

Среди евреев не было единства. На Герцля то и дело нападали круги, которые считали его «политический» сионизм не совсем чистым. Многие из старых «Друзей Сиона» возражали тоже. Часть религиозного еврейства объявила его лжемессией, другая часть видела в нем настоящего Мессию. Однако движение, вызванное в жизнь Герцлем, нельзя уже было остановить. Сотни тысяч евреев всегда носили с собой отпечатанный «шекель», подтверждающий их участие в движении.

Так и не добившись чартера, Герцль отправился добиваться аудиенций у глав правительств, чтобы изложить им свои планы.

Герцль работал до изнеможения. Он растратил свое личное имущество, пренебрегал семьей и расстроил свое здоровье. Он весь отдался сионизму. Наконец ему удалось добиться аудиенции у султана расшатанной оттоманской империи, Абдул-Хамида Второго, «Абдула проклятого». Старый деспот все хитрил с Герцлем, пообещав, что он предоставит «чартер» на Палестину взамен на огромную сумму денег, в которой он отчаянно нуждался. Абдул был насквозь продажный человек. Его владения на Ближнем Востоке тянулись от самого Междуречья, включая Сирию, Ливан, Палестину и большую часть Аравийского полуострова. Он надеялся извлечь из предложения сионистов еще больше выгоды и наконец отказал Герцлю. Это был страшный удар для Герцля.

В 1903 году положение в России сильно ухудшилось. В Кишиневе против евреев снова подняли обвинение в том, что они пользуются христианской кровью в ритуальных целях. На пасху этого года царские власти спровоцировали новый погром, в результате которого кишиневское гетто было превращено в развалины.

Под конец Англия выразила готовность помочь. На стыке двух веков Великобритания все больше и больше распространяла свое влияние на Ближнем Востоке, успев стать серьезным соперником для Турции. Англичане проникли в Египет, а также в многочисленные княжества, расположенные на Аравийском полуострове. Для англичан было очень важно заручиться поддержкой мирового еврейства, чтобы таким путем осуществить свои собственные цели. Они предложили сионистам часть Синайского полуострова. Подразумевалось, что как только англичане завладеют также Палестиной, они пустят евреев и туда, так как Синайский полуостров находится в непосредственном соседстве со Страной Обетованной. Это был очень смутный и недоработанный план, так что Герцль решил не прекращать хлопот о мандате на Палестину. Английский план лопнул.

Настойчивые попытки добиться мандата не дали результатов. Волна погромов захлестнула большую часть Европы. Герцль решил, что надо получить хоть какое-нибудь убежище в качестве временного выхода из положения. Англичане предложили новый план. Они были готовы предоставить сионистам Уганду для целей еврейской иммиграции и колонизации. Не видя другого выхода, Герцль согласился поставить этот вопрос перед предстоящим конгрессом.

Когда Герцль предложил съезду проект Уганды, его встретили в штыки, в особенности — русские сионисты. Они основывали свои возражения главным образом на том, что в Библии ничего не говорилось об Уганде.

Четверть века все усиливающихся погромов в России и Польше привели к тому, что евреи покидали теперь восточную Европу прямо тысячами. К началу века около пятидесяти тысяч евреев поселились в Палестине. Абдул Хамид II рассматривал все прибывающих евреев как потенциальных союзников Великобритании и заявил, что не допустит больше в Палестину ни одного еврея из России, Польши или Австрии.

Однако в турецкой империи все было продажно. Сионисты организовали в Англии всемирный штаб, создали мощный банк ему в поддержку. С помощью взяток сионисты получали разрешения на въезд в Палестину для каждого, кто хотел.

Это была первая волна еврейского Исхода.

Одновременно с возвращением изгнанников в Землю Обетованную, в арабском мире тоже произошло важное событие. После долгих веков чужеземного владычества, среди арабов началось брожение, предвещавшее зарождение арабского национализма. Во всем арабском мире не существовало ни одно независимое или хотя бы автономное государство.

Арабский национализм возник впервые в либеральных кругах Ливана как прогрессивное движение, требовавшее проведения давно назревших реформ. Движение все росло, и наконец в Париже была созвана конференция, звавшая арабов к пробуждению.

Все эти тенденции испугали не только колониальных господ, но и угнетателей в самом арабском мире. По этой причине вожди племен, шейхи, религиозные вожди и помещики-эффенди решили завладеть этим движением и поставить его на службу собственным интересам. Под их влиянием эти первоначально передовые идеи выродились в догмы, проповедывавшие главным образом ненависть. Ловко маневрируя ими, арабские шейхи и помещики стремились обеспечить за собой контроль над умирающей оттоманской империей.

Двадцатый век!

Хаос на Ближнем Востоке. Сионизм! Арабский национализм! Развал оттоманской и рост британской империи! Все это бродило в одном огромном котле, и рано или поздно должно было перелиться через край.

Звезда Теодора Герцля молниеносно пронеслась по историческому небосклону, оставив за собой яркий и неизгладимый след. Прошло не больше десяти лет с того дня, когда он услышал крик Дрейфуса: — Я невиновен!, — как он, в возрасте сорока четырех лет, скончался от сердечного удара.

Г Л А В А 7.

К тому времени, когда возникло сионистское движение, братья Рабинские были уже старожилками в Палестине. Они знали каждый уголок страны и перепробовали уже все виды работ. Они утратили почти все иллюзии.

Яков был по-прежнему беспокойным и злым. Иося, напротив, пытался найти хоть какое-нибудь удовлетворение в своем образе жизни. Он ценил относительную свободу, выпавшую ему на долю. Кроме того, он никогда не переставал мечтать о районе Хулы к северу от Сафеда.

Яков презирал как арабов, так и турок. Он видел в них таких же врагов, как в казаках и русских гимназистах. Конечно, турки не допускали, чтобы евреев убивали, но до всего остального им не было дела. Не одну ночь братья провели в спорах.

— Конечно, мы должны приобрести землю законным образом, — говорил Яков, — но где же мы возьмем людей для обработки этой земли, а главное — как мы заставим бедуинов и турок оставить нас в покое?

— Будут у нас и люди, когда погромы начнутся опять, — отвечал Иося, — что же касается турок, то их всегда можно купить. С арабами мы должны научиться жить бок-о-бок, как мирные соседи. А это мы сможем только тогда, когда научимся понимать их.

Яков пожимал плечами. — Арабы понимают только одно. — Он поднимал руку и потрясал ею. — Вот это они понимают.

— Тебя еще повесят когда-нибудь, помяни мое слово! — отвечал Иося.

Пути братьев расходились все больше и больше. Иося всегда стремился к миру и взаимопониманию, в то время как Яков считал, что клин нужно вышибать клином, иначе никогда не будет конца несправедливостям, на которые обрекают евреев.

В начале нового столетия Яков присоединился к группе, насчитывавшей человек пятнадцать, которая затеяла одно очень смелое начинание. Один из еврейских фон-

дов приобрел небольшой участок земли глубоко в ЕздRELонской долине, куда веками не отваживался ни один еврей. Здесь эти пятнадцать пионеров создали сельскохозяйственную школу и опытное хозяйство. Они назвали это место «Сде Тов» — «Добрый полем». Их положение было в высшей степени опасным, так как они были окружены со всех сторон арабскими деревнями и, кроме того, отданы на милость племени бедуинов, которые без всяких колебаний были готовы убивать, если только была какая-нибудь надежда пожитья.

В 1900 году в Палестине проживало уже тысяч пятьдесят евреев, и у Иоси было теперь больше связей. Большинство из тех, кто спасался от погромов, не хотели иметь ничего общего с бедствовавшими сельскохозяйственными колониями и старались устроиться ремесленниками или торговцами в Яффе. Некоторые поселились также в маленьком порту Хайфы. Однако их было слишком много, чтобы все могли заниматься торговлей, тем более что очень многие не имели ничего, помимо того, что было на них. Очень скоро начали поговаривать все чаще о необходимости покупки земли.

Сионисты открыли свою первую контору по покупке земель — так называемое Сионистское Поселенческое Общество — в грязной, обшарпанной гостинице в Яффе. Эта контора стала вскоре штабом еврейской иммиграции в городе. Палестинские компании Ротшильда и де Шумана тоже приступили к операциям по покупке земель с целью создать новые села для «возвращенцев».

В середине 1902 года Общество, созданное де Шуманом, вошло в контакт с Иосей Рабинским и предложило ему должность главного агента. Он знал страну, как никто другой, знал также всех евреев, и был известен своей отвагой и тем, что часто ездил по местности, населенной исключительно арабами. Кроме того, у него был немалый опыт, как нужно вести себя с турками, а это было очень важно, так как евреям разрешалось приобретать землю только в очень ограниченном размере. Надо было вдобавок уметь торговаться также с арабскими эффенди, владевшими землей. У Иоси были свои сомнения в части целесообразности создания новых сельскохозяйственных поселений. Жить на средства благодетелей и пользоваться наемным трудом феллахов — все это не казалось ему наилучшим путем для освоения Земли Обетованной, но

он все же принял предложение, так как оно давало ему возможность хотя бы приобретать землю для евреев.

Была еще и другая причина, побудившая Иосю принять предложение. Его новая должность даст ему возможность почаще встречаться с братом. Кроме того, он сможет теперь еще лучше изучить каждый уголок страны. Иося никогда не уставал восторгаться древней славой своего народа, а ведь каждый клочок Палестины был так или иначе связан с их славными делами. Наконец Иосе очень хотелось попадать как можно чаще на север страны, по ту сторону Рош-Пины, самого северного еврейского селения, чтобы любоваться Хулой и в особенности той частью долины, где расположено село Абу-Йеша.

У Иоси был великолепный вид, когда он ездил верхом на своем белоснежном арабском скакуне. Теперь ему было уже лет тридцать, он был рослым, стройным и сильным мужчиной. Его яркая борода выделялась на фоне его белых арабских одежд и бурнуса. На груди он носил патронташи крест-накрест, сбоку болталась нагайка, и в таком виде он отправлялся глубоко в горы Самарии, объезжал Саронскую долину и Галилею в поисках земли.

В Палестине подавляющая часть земли принадлежала нескольким десяткам всемогущих семейств так называемых эффенди. Они сдавали землю в аренду феллахам и получали чуть ли не три четверти урожая. Они не делали решительно ничего для облегчения участи несчастных крестьян.

Иосе и агентам остальных обществ приходилось платить огромные цены за землю. К тому же эффенди продавали евреям только худшие участки — неплодородные пустоши и болота. По их мнению, ничего на этих землях делать нельзя, а на «еврейское золото» они всячески льстились.

Иося частенько поднимался выше Рош-Пины, и часто бывал у Каммала, мухтара Абу-Йеши. Они стали друзьями.

Каммал был на несколько лет старше Иоси. Он был белой вороной среди эффенди. Большинство эффенди жили за границей, проводя жизнь в наслаждениях в Каире и Бейруте. Каммал был не такой. Ему принадлежала вся земля в самом селе и в его окрестностях, и в своих владениях он был абсолютным монархом. У него еще в молодости была несчастная любовь к дочери нищего феллаха. Его отец не обратил никакого внимания на его

просьбы сделать что-нибудь для лечения девушки — она страдала трахомой. По мнению отца, Каммал мог себе позволить иметь четырех жен и сколько угодно любовниц, так что не имело никакого смысла возиться с какой-то нищей крестьянкой. Девушка ослепла и не дожидая даже до восемнадцати лет.

Этот случай озлобил Каммала против своего собственного класса. Он нанес ему такую глубокую рану, что в результате у него развилось известное общественное сознание. Он поехал в Каир, не чтобы наслаждаться, а чтобы учиться сельскому хозяйству, санитарии и медицине. После смерти отца он вернулся в Абу-Йешу, твердо решив жить среди народа и работать над улучшением условий его существования.

Каммал затеял безнадежное дело. Турки не соглашались открыть в селе ни школу, ни амбулаторию, вообще ничего. Жители села вели точно такой же образ жизни, какой вели их предки тысячу лет тому назад. Больше всего Каммал страдал от того, что он не мог претворить в жизнь всего того, чему он научился. Люди были совершенно неграмотными и до того отстали, что они просто не понимали, чего он от них хочет.

Став мухтаром, Каммал все же добился того, что положение Абу-Йеши было лучше, чем положение любого другого села в Галилее, но тем не менее оно оставалось еще весьма и весьма примитивным.

Каммал недоумевал, зачем это евреи стали вдруг прибывать в Палестину. Стараясь понять причину, он сознательно поддерживал дружбу с Иосей Рабинским.

Иося всячески уговаривал Каммала, чтобы тот продал ему клочок пустующей земли, который можно было бы обработать. Каммал никак не соглашался. Эти евреи сбивали его с толку. Он не знал, можно ли им доверять, потому что, конечно, не все были похожи на Иосю Рабинского. Кроме того, он не собирался стать первым эффенди в долине Хулы, который продаст землю евреям.

Подобно тому, как Каммал учился у Иоси, так и Иося учился у Каммала. Несмотря на все образование, Каммал остался арабом с ног до головы. Он никогда не разговаривал о своих трех женах, так как женщины считались рабынями и разговаривать о них было не принято. Каммал был всегда очень любезен, но когда речь шла о какой-нибудь сделке, он торговался как цыган. Иося с интере-

сом наблюдал за тем, как он правит селом. Несмотря на его несомненное сочувствие к своим крестьянам, он не мог даже представить себе какой-нибудь другой образ правления, чем основанный на беспрекословном повиновении.

Бывало, Каммал даже обращался за советом к Иосе, и хотя речь шла частенько о сугубо мошенническом деле, это нисколько не смущало араба.

Благодаря Каммалу Иося Рабинский узнал многое о славной, но трагичной истории арабского народа.

В седьмом веке среди полудиких бедуинских племен аравийской пустыни возникло новое вероисповедание, Ислам. Вдохновленные учением Магомета, арабы оставили свою пустыню и огнем и мечом насадили Ислам от границ Китая до ворот Парижа. За каких-нибудь сто лет под знамена Ислама встали сотни миллионов людей во всем мире. Однако душой Ислама были арабы, которых объединял общий язык и общая вера, сводящаяся к беспрекословному подчинению божьей воле. В эти годы небывалого подъема Ислама евреи добились высочайшего положения в арабском мире.

Аравийская пустыня подарила миру великолепную цивилизацию. В то время как западный мир прозябал в болоте средних веков и феодализма, Ислам стал светочем мира. Багдад и Дамаск стали Афинами своего времени. Арабская культура безраздельно господствовала в мире. В продолжение пяти столетий арабы дали миру самых передовых мыслителей, самую развитую науку, величайших мастеров во всех областях.

Затем наступили священные войны крестоносцев, сеявших всюду смерть и разрушение именем того же самого бога, в которого верили как мусульмане, так и христиане.

После крестовых походов наступил век монгольских нашествий. Монголы, появившиеся из бескрайних степей Азии, пронеслись как смерч по миру, превосходя жестокостью и кровожадностью все, что было до них. Целые пирамиды арабских черепов служили монголам памятниками.

Арабы до того обессилели за это столетие непрерывных войн, что их некогда могущественные города почти вымерли, а цветущие оазисы покрылись пылью. Прекрасные острова плодородия и изобилия выветрились и

покрылись песком. Арабы все больше и больше погрязли в междоусобных войнах, в кровной мести, где брат шел на брата. Вследствие этих внутренних распрей рушилось хозяйство, погибала культура, и у них уже не было сил обороняться, когда наступила окончательная катастрофа.

На этот раз их ввергли в катастрофу их единоверцы мусульмане. Они попали под власть турок. Последовали пять столетий коррупции и феодализма.

Капля воды стала на вес золота в этой стране, потерявшей плодородие. Самое скромное, самое нищее существование превратилось в непрерывную цепь мучительной борьбы в продолжение всей жизни. Лишенный воды, арабский мир погряз в дерьме. Болезни, неграмотность и нищета стали всеобщими. В жизни арабов не стало ни песен, ни радости. Это была сплошная борьба за существование.

В этих условиях хитрость, коварство, убийство, ревность, зависть и кровная месть стали повседневными явлениями. Жестокая действительность обусловила у арабов такие черты характера, которые сбивали с толку постороннего.

Жестокость между братьями стала обычным делом. Во многих частях арабского мира тысячи и тысячи арабов были рабами; за воровство отсекали руку, за проституцию отсекали уши и нос. Арабы мало сочувствовали друг другу. Феллахи, прозябавшие в невообразимой нищете, и бедуины, каждый день жизни которых просто напоминал чудо, стали прибегать к единственному средству, которое могло отвлечь их от мыслей о своем жалком существовании. Они стали фанатиками, подобно тому, как некоторые части еврейства обратились к фанатизму в труднейшие дни своего существования.

Что ж удивительного, что арабы относились с недоверием к посторонним. Освободительное движение возникло у них среди правящего класса, потому что бедуины и феллахи слишком погрязли в невежестве и даже не понимали, что такое свобода и благосостояние. Массы были всего лишь пешками в игре эффенди и шейхов. Их в любую минуту можно было ввергнуть в религиозную истерию, и тогда они служили неплохим политическим орудием.

Противоречивый характер арабов производил на Иосю сногшибательное впечатление. Он мог стоять часами в какой-нибудь лавке в Яффе и наблюдать за тем, как они бесконечно торгуются, осыпая друг друга ругательствами. Он заметил, что араб ведет себя в жизни так, словно он все время играет в шахматы. Каждый ход был рассчитан на то, чтобы обмануть тех, с кем ему приходилось иметь дело. В кофейнях и кабаках Иося не раз был свидетелем буйства арабов. Разъезжая по стране, он близко познакомился с полнейшим отсутствием у арабов моральных принципов. Однако стоило ему войти в арабский дом, как он становился свидетелем такого гостеприимства, какого, пожалуй, нигде нет. Его сбивала с толку странная логика, резко осуждавшая всякое преступление, только не убийство. Положение женщин было просто невыносимым: они жили в беспрекословном повиновении, не показывались на людях, не участвовали в разговоре, никто с ними никогда не советовался. Часто женщины жестоко мстили, прибегая к кинжалу или яду. Корыстолюбие и страсть к наслаждениям, ненависть и хитрость, коварство и насилие, дружеское отношение и гостеприимство — все эти свойства были составными частями противоречивого арабского характера, столь непонятного постороннему.

Каммал познакомил Иосю Рабинского с Кораном, священным писанием Ислама. Иося узнал, что праотец Авраам был предком не только евреев, но и арабов. Арабское племя происходило, по преданию, от Исмаила, сына Агари и праотца Авраама.

Иося узнал, что арабы считали Моисея, великого законодателя евреев, одним из главных своих пророков, и что все библейские пророки были одновременно и пророками Корана. Даже некоторые из великих еврейских раввинов почитались святыми у мусульман.

Каммал смотрел косо на возвращение евреев в Землю Обетованную. Эти евреи были ему непонятны, так как приезжали они мирно, землю покупали законно, а об освоении страны говорили в очень спокойном тоне. Понимая побудительные причины этого «возвращения», Каммал соглашался в душе, что оно законно и справедливо, но с другой стороны он не мог поверить, что эти новоприбывшие не станут когда-нибудь теснить и эксплуа-

тировать арабов так же, как это делали все те, кто приходил раньше.

Яков покинул Сде-Тов. Опыт с экспериментальным хозяйством не удался. В том же желчном состоянии духа, в котором он пребывал до этого, Яков продолжал носиться по стране с одного конца в другой, ища где бы приткнуться.

В 1905 году в России произошла наконец давно назревавшая революция. Она была подавлена.

Поражение революции 1905 года послужило сигналом для новых погромов. Эти погромы отличались такой жестокостью, что весь цивилизованный мир пришел в ужас. Лев Толстой был до того потрясен, что написал статью, резко осуждавшую царя, министра внутренних дел, графа Плеве, и Черную Сотню, возглавлявшую всегда погромы и убийства. Однако черносотенцы, пользуясь тайной поддержкой царских властей, развязывали один погром за другим, пока сотни тысяч евреев не покинули Россию. Большинство из них подалось в Америку, но были и такие, кто поехал в Палестину.

Те, которые поехали в Палестину, были людьми совсем нового склада. Это были не беглецы, как братья Рабинские, они приехали не с целью стать купцами. Это были молодые люди, прошедшие хорошую школу сионизма, и полные решимости построить страну заново.

1905 год принес с собой вторую волну еврейского Исхода.

Г Л А В А 8.

Вторая волна иммиграции принесла с собой тот идеализм, которого недоставало в Палестине. Эти иммигранты не собирались заниматься торговлей в Яффе, еще меньше они были согласны жить на пожертвования единоверцев. Они прибыли полные решимости освоить страну заново.

Они отправились группами на участки, купленные у помещиков, и принялись за осушение болот. Это был адский труд. Многим старожилам одна мысль о том, что евреи будут работать в поле, словно арабы, казалась невероятной. Сами они работали в лучшем случае надсмотрщиками; «дома» они вообще не знали, что такое сельское хозяйство. Самым ценным из всего, что принесла с собой Вторая алия, был, пожалуй, провозглашенный ею принцип личного труда, а также завоевания еврейского физического труда. Благодаря стараниям и личному примеру ее главного представителя А. Д. Гордона, физический труд получил некий возвышенный характер. Сам Гордон был уже пожилым человеком и ученым, но он добровольно отказался от интеллектуальной карьеры для гораздо более высокой цели возделывать землю собственными руками.

Яков вновь воспрял духом в эти дни. Он снова отправился — на этот раз в Галилею, — чтобы вместе с другими молодыми людьми создать в Седжере опытное хозяйство. Как только в Седжере прибыли молодые представители второй волны иммиграции, жизнь забила там ключом. Однажды Яков приехал в Яффу, чтобы повидаться с братом. Его сильно занимала одна мысль и он очень волновался, когда рассказывал о ней Иосе.

— Как тебе известно, — заговорил он со свойственной ему страстностью, — бедуины прибегают ко всякого рода вымогательству, чтобы заставить нас поручить им охрану наших сел против... самих себя. Ну, они пытались заставить и нас в Седжере. Они явились и пригрозили нам, что они нам то сделают и это, если мы не заключим с

ними договора. Мы, однако, не стали. Мы сами себя охраняем. Поначалу это было трудно, но мы устроили засаду и убили их вожака. С цех пор они не кажут носа.

— Потом мы долго обсуждали это, — продолжал Яков. — Если мы в состоянии охранять одно село, то мы с таким же успехом можем охранять и все села. И вот мы разработали план организации вооруженных отрядов и хотим, чтобы ты взял на себя руководство одним из этих отрядов.

Еврейская охрана! Неслыханная вещь! Идея взволновала Иосю, но он не подал виду и ответил с обычным спокойствием.

— Я подумаю.

— Чего тут думать?

— У тебя, как всегда, все получается очень просто, Яков. Прежде всего бедуины без борьбы не откажутся от этого важного источника дохода. Кроме того, есть еще и турки. Они никак не допустят, чтобы мы носили оружие.

— Я тебе скажу прямо, — сказал Яков. — Мы хотим заполучить тебя, потому что никто не знает страну лучше, чем ее знаешь ты, и ни у кого нет такого опыта, как нужно обращаться с арабами и турками, какой имеешь ты.

— Ишь ты, — ехидно ответил Иося, — вдруг до твоего сознания дошло, что моя долголетняя дружба с арабами не была напрасной тратой времени.

— Ну ладно, ты лучше скажи — какой твой ответ.

— Я уже сказал. Я подумаю. Придется сначала убедить наших, чтобы они согласились поручить охрану нам. Но что меня больше всего тревожит, так это то, что если мы станем носить оружие, нас заподозрят в том, что мы сами ищем драки.

Яков нетерпеливо вскинул руки:

— Выходит, если мы хотим отстоять свое имущество, то это значит, что мы ищем драки? Ты живешь в Палестине уже двадцать лет, а смотришь на вещи все еще как еврей из гетто.

Иося не сдавался.

— Мы приехали сюда мирно. Мы законно приобрели свои земли. Мы построили свои села, никому не мешая. Если мы теперь станем носить оружие, это будет отступлением от мирного характера сионизма, и ты, пожалуйста, не пытайся мне доказать, что в этом нет никакого риска.

— «Но он стоял посреди поля и защищал его... и Господь одержал великую победу».

— Опять ты со своими цитатами...

— От тебя прямо заболеть можно, — гневно возразил Яков. — Ладно, Иося..., ты строй страну под великодушным покровительством головорезов-бедуинов. Очень хорошо. Я им скажу, что мой брат погрузился в размышления. Однако знай, что с тобой или без тебя, а отряды так или иначе будут созданы. Тот отряд, который мы хотели передать тебе, отправится уже на будущей неделе.

— Куда?

— На гору Канаан.

Канаан! В сердце Иоси что-то скнуло. Он лизнул губы, пытаясь скрыть волнение.

— Я подумаю, — сказал он.

Иося и впрямь подумал. Ему надоели эти покупки земли для Шумановского фонда и основание новых поселений, которым суждено жить на пожертвования.

Десяток вооруженных евреев, сорви-голов вроде Якова, могли доставить немало хлопот. Спокойствие и мудрость — вот в чем нуждался вооруженный отряд. Однако мысль о том, что придется жить в окрестностях горы Канаан, откуда можно будет отправляться время от времени в долину Хулы, была слишком великим соблазном.

Иося уволился из де Шумановского фонда и присоединился к отряду, когда тот прибыл к горе Канаан. Они называли свою организацию «Гашомер» — «Охранник».

Отряд Иоси должен был охранять местность, расположенную по кругу от горы Канаан и Рош-Пины на севере вдоль Тивериадского озера до Гиносара на юге, и до Сафед и Мерона — на западе.

Иося знал, что рано или поздно не миновать стычек. Как только бедуины убедятся, что они потеряли выгодную работу, они, конечно, нападут на отряд. Он разработал план, как избежать столкновения. Самые воинственные племена бедуинов возглавлял старый ренегат и контрабандист, которого звали Сулейманом, и силы которого были, как правило расположены в горах над Абу-Йешей. За свои услуги по «охране» Сулейман вымогал у крестьян Рош-Пины около четверти урожая. Назавтра после прибытия отряда, когда арабы еще ничего не успели узнать, Иося отправился верхом, один и без оружия, в лагерь Сулеймана.

Он нашел лагерь поздно вечером в горах над Абу-Йешей и неподалеку от Тель-Хая, на ливанской границе. Палатки из козлиных шкур, разбросанные по коричневому склону горы, вот и весь лагерь. Эти вечные кочевники считали себя самыми чистыми и свободными представителями арабов и относились с презрением к нищим феллахам и жителям городов. И действительно, хоть жилось бедуину трудно, но он был вольным человеком. Сильно привязанный к своему племени, бедуин превосходил всех остальных арабов не только отвагой в бою, но и хитростью в делах.

Вид незнакомого великана с рыжей бородой вызвал в лагере всеобщий переполох. Женщины, одетые в черные бедуинские одежды, с нанизанными в виде покрывала монетами на лице, попрятались в палатках, когда Иося шагом въехал в лагерь.

Когда он доехал до середины лагеря, один араб-негр — верно, из Судана — направился ему навстречу. Негр назвал себя личным рабом Сулеймана и повел Иосю к самой просторной палатке, где рядом паслась самая большая отара коз.

Старый разбойник вышел из палатки. На нем были черные одежды и черный бурнус на голове. С пояса свисали два богатейших серебряных кинжала. У него был только один глаз, а лицо — все в рубцах: следы ножевых ран, полученных в боях с мужчинами, и острых когтей — в драках с женщинами. Сулейман и Иося окинули друг друга быстрым и пронзительным взглядом.

Иосю пригласили в палатку. Земляной пол покрывали циновки и подушки. Обое мужчин удобно уселись. Сулейман велел своему рабу принести фрукты и кофе для гостя. Мужчины курили из одной наргиле с длинным чубуком и в течение добрых получаса обменивались лишними всякого значения любезностями. Подали плов из баранины, затем дыни, так они провели в болтовне еще час. Сулейман понял, что Иося не какой-нибудь простой еврей и что пришел он не по пустячному делу.

Наконец он спросил Иосю о цели его приезда. Иося сообщил ему, что «Гашомер» будет выполнять теперь те функции по охране, которые до сих пор выполнял он, Сулейман. Он поблагодарил Сулеймана за его верную службу в прошлом. Араб не моргнул и глазом. Иося про-

тянул ему руку в знак заключения договора о дружбе. Сулейман улыбнулся и пожал его руку.

Поздно ночью Иося поехал в Рош-Пину и созвал там общее собрание. Все крестьяне были ужасно напуганы уже одной мыслью об «Охранниках». Они были уверены, что Сулейман перережет всех до единого, когда узнает об этом. Появление Иоси Рабинского и его обещание остаться в Рош-Пине в значительной степени успокоили их.

На собрании присутствовала также молодая девушка лет двадцати. Она только недавно приехала из Силезии и внимательно слушала Иосю Рабинского. Ее звали Сарой. Насколько Иося был крупным, настолько она была маленькой, и цвет ее волос был настолько же черным, насколько рыжими были волосы Иоси. Она слушала его и прямо не могла оторвать от него глаз.

— Вы, видно, недавно приехали, — сказал он ей после собрания.

— Да.

— Меня зовут Иося Рабинский.

— Вас знает здесь каждый.

Иося оставался в Рош-Пине целую неделю. Он был уверен, что Сулейман что-то замышляет и рано или поздно нагрянет, но он знал также, что тот достаточно хитер, чтобы не испортить все излишней поспешностью. Впрочем, Иося тоже несколько не торопился. Сара произвела на него сильное впечатление. В ее присутствии он все больше застенчиво молчал, так как у него совсем не было опыта, как нужно обращаться с девушками. Чем больше Сара его дразнила, тем больше он залезал в свою скорлупу. Все в Рош-Пине, кроме разве него самого, знали, что он безнадежно влюблен.

На девятый день десяток арабов пробрались в полночь в Рош-Пину и унесли несколько центнеров зерна. На вахте стоял сам Иося, он их заметил сразу и видел каждый их шаг. Он запросто мог накрыть их с поличным, но для бедуина не было ничего зазорного в том, чтобы попасться на краже. У Иоси был другой план на уме.

На следующее утро Иося оседлал коня и отправился к Сулейману еще раз. На этот раз он взял с собой свою трехметровую нагайку. Он галопом ворвался в лагерь, резко осадил коня у самого входа в палатку Сулеймана и соскочил с седла. Раб-суданец встретил его со слащавой улыбкой и пригласил в палатку. Иося ударил раба тыль-

ной стороной руки по лицу, словно отмахиваясь от назойливой мухи, и повалил его на землю.

— Сулейман! — раздался его громовой голос по всему лагерю. — Выйди ко мне!

Десяток арабов, вооруженных винтовками, появились вдруг, словно из-под земли, и уставились на него.

— Выйди сюда! — заорал Иося еще раз.

Старый разбойник не спешил показываться. Наконец он вышел из палатки, подбоченился и угрожающе усмехнулся. Их разделяло расстояние всего в три метра.

— Кто это тут блеет у меня перед палаткой, словно чесоточная коза? — спросил Сулейман. Бедуины громко захохотали вокруг. Иося смотрел на главаря, не мигая.

— Это я, Иося Рабинский, блею здесь как чесоточная коза, — ответил он. — Не просто блею, а утверждаю, что Сулейман — вор и лгун.

Ухмылка на лице Сулеймана превратилась в злобную гримасу. Бедуины напряженно ждали знака, чтобы наброситься на жида и разорвать его на куски.

— Давай, давай, — спокойно продолжал Иося, — позови всю свою родню. Чести у тебя не больше, чем у свиньи, а мужества, я слышал, у тебя столько же, сколько у бабы.

Баба! Это смертельное оскорбление для бедуина. Это уже был личный вызов, которого нельзя не принять.

Сулейман поднял кулаки и потряс ими в воздухе.

— Твоя мать шлюха, какой нет больше на свете!

— Давай, давай, баба... трепись больше! — отозвался Иося.

Честь Сулеймана была в опасности. Он выхватил один из своих серебряных кинжалов и со звериным рыком набросился на Иосю.

Кнут Иоси засвистел в воздухе!

Он обвил ноги араба, поднял его в воздух и швырнул оземь. Иося настиг его одним прыжком. Он с такой быстротой и с такой силой хлестал кнутом спину Сулеймана, что слышно было даже эхо ударов с окрестных гор.

— Мы ведь братья с тобой! Мы ведь братья! — завизжал Сулейман после пятого удара, моля о пощаде.

Иося направил кнутовище на грудь поверженного им врага.

— Сулейман, мы с тобой обменялись рукопожатием в знак честной дружбы, а ты нарушил данное слово. Если

хотя бы один из твоих людей хоть раз покажет нос на наших полях, я разрежу тебя на куски вот этим самым кнутом и брошу тебя шакалам.

Иося круто обернулся и его глаза пронзили стоявших рядом бедуинов. Они все словно окаменели. Им ни разу не приходилось видеть до этого такого сильного, такого бесстрашного и такого сердитого человека. Не обращая ни малейшего внимания на их винтовки, Иося повернулся к ним спиной, подошел к своей лошади, сел и уехал прочь.

С тех пор Сулейман ни разу не трогал еврейских полей.

На следующее утро, когда Иося снова сел на лошадь, чтобы вернуться к своему отряду у горы Канаан, Сара спросила, когда он придет еще раз. Он что-то пробормотал о том, что будет приезжать в Рош-Пину один раз в месяц, а то и чаще. Когда он вскочил в седло, помахал ей рукой и ускакал, сердце Сары прямо разрывалось от боли разлуки. Нет, на всем свете не было другого такого Иоси — ни среди евреев, ни среди арабов, ни среди казаков, ни даже среди королей. Глядя ему вслед, Сара поклялась, что всю жизнь будет любить Иосю Рабинского.

Целый год Иося командовал отрядом «Охранников», да так умело, что во всем районе почти не было стычек. Ни разу ему не пришлось открыть огонь. Когда возникали осложнения, он отправлялся к арабам, вел с ними дружеские переговоры и заодно предостерегал. Если это не помогало, он пускал в ход свой кнут. Кнут Иоси Рабинского получил вскоре такую же известность в северной Галилее, как его рыжая борода. Арабы называли его «молнией».

Все это нагоняло скуку на Якова. Ему не хватало действия. Пробыв месяцев шесть в рядах «Охранников», он снова заметался по стране, ища, чем бы заполнить внутреннюю пустоту.

Иося не был в восторге от своей деятельности в рядах «Охранников», но и не страдал. Эта работа давала ему больше удовлетворения, чем покупка земельных участков; к тому же она доказывала, что евреи вполне могут постоять за себя, и вовсе они не «обреченные». Он с нетерпением ждал каждый раз очередного рейда на север, где он мог побывать у своего друга Каммала, а затем подняться на гору и предаваться своей мечте.

В глубине души он всегда готовился к этим поездкам в Рош-Пину и заранее предвкушал радость, ожидавшую

его там. Подъезжая к селу, он всегда подтягивался, сидя на своем белом жеребце, чтобы вид у него был еще более внушительный. Чем ближе он подъезжал, тем сильнее у него билось сердце, потому что он знал, что Сара, эта смуглая девушка из Верхней Силезии, наблюдает за ним. Но когда они сидели рядом, Иося словно набирал воды в рот.

Сара не знала, что делать. Ей никак не удавалось сломить его застенчивость. Если бы это было на старой родине, все было бы гораздо проще: «шадхн» отправился бы к родителям Иоси и все бы устроил. Здесь не было не только «шадхена», но не было даже раввина.

Так прошел год.

В один прекрасный день Иося неожиданно приехал в Рош-Пину. Его хватило только на то, чтобы спросить — не согласится ли она поехать с ним в долину Хулы, расположенную недалеко на севере.

Сару охватило волнение. Никто из евреев, кроме Иоси Рабинского, не отваживался севернее Рош-Пины. Они пронесли мимо Абу-Йеши, затем поднялись в горы. Они остановились на вершине его горы.

— Вот на этом самом месте я перешел когда-то границу, — нежно сказал он.

Достаточно было видеть, с какой нежностью Иося смотрит вниз на долину Хулы, чтобы понять, как сильно это место запало ему в сердце. Так они стояли оба и долго смотрели вниз. Сара едва доходила ему до плеча.

По ее телу прошла теплая волна любви. Она поняла, что это был единственный путь, которым Иося мог выражать свои самые сокровенные чувства.

— Иося Рабинский, — прошептала Сара, — вы не хотите жениться на мне?

Иося прочистил горло и пробормотал:

— Да... э... как странно, что вы об этом заговорили как раз сейчас! Я только что хотел задать вам примерно тот же вопрос.

Никогда еще в Палестине не было свадьбы, которую бы можно было сравнить со свадьбой Иоси и Сары. Гости съехались со всей Галилеи и даже из далекой Яффы, откуда было два дня езды до Сафед. Пришли «Охранники», приехал Яков, явились все жители Рош-Пины, пришли и турки, и Каммал, и даже Сулейман. Все пришли посмот-

реть, как Иосю и Сару венчают под балдахином, как они произносят ритуальный обет и пьют освященное вино. Потом Иося бросил свой стакан на землю и, в память разрушения храма, раздавил его каблуком. Угощений было столько, что можно было накормить целый полк, и танцы и веселье продолжались чуть ли не целую неделю.

Когда гости разъехались, Иося повел жену в свою палатку на склоне горы Канаан и там они провели первую брачную ночь.

Затем молодежены распрощались с горой Канаан и отправились в Яффу, где их ждала напряженная работа. Он пользовался к этому времени немалой славой и обладал всеми необходимыми качествами для работы с новоприбывшими, для их бытового и трудового устройства в этой незнакомой для них стране. Он подписал договор с Сионистской организацией и стал одним из руководителей Сионистского Поселенческого Общества.

В 1909 году к Иосе обратились за советом по очень важному делу. Многие из евреев, проживавших в Яффе, стремились к улучшению жилищных, санитарных и культурных условий, создать которые в старом арабском городе было невозможно. Иося приложил большие усилия, чтобы купить полосу земли к северу от Яффы, которая состояла из песка и цитрусовых плантаций.

На этой полосе земли был построен первый чисто еврейский город за две тысячи лет. Город назвали «Холмом весны» — Тель-Авив.

Г Л А В А 9.

Старые сельскохозяйственные поселения находились в весьма плачевном состоянии. Причин для этого было много. Прежде всего — равнодушие, апатия и совершенное отсутствие идеалов у поселенцев. Они по-прежнему выращивали только культуры на экспорт и продолжали использовать дешевый труд арабов. Несмотря на приток евреев и на сильное желание этих евреев обрабатывать землю в стране, очень трудно было убедить старых хозяев давать новоприбывшим работу.

В общем и целом положение страны было малоутешительным. Оно мало чем изменилось за те двадцать лет, что братья Рабинские находились в Палестине. Какая-то работа, правда, велась вокруг нынешнего Тель-Авива, но это было, пожалуй, все.

Энергия и душевный подъем, которые привезли с собой люди второй волны иммиграции, начинали улетучиваться. Как некогда Яков и Иося, так и эти новоприбывшие метались с места на место бесцельно и нигде не пускали корней.

По мере того как Сионистское поселенческое общество приобретало все больше и больше земли, становилось ясно, что необходим какой-то крутой перелом в самом подходе к проблеме заселения страны.

Иося и многие его товарищи давно уже пришли к убеждению, что индивидуальный способ ведения хозяйства просто физически невозможен. Тут и проблема безопасности, и отсутствие у евреев сельскохозяйственного опыта, а главное — страшная запущенность земли.

То, к чему стремился Иося на своей новой родине, это были села, жители которых обрабатывали бы землю собственными руками, вели бы смешанное хозяйство, чтобы прокормить себя без посторонней помощи, и были бы в состоянии постоять за себя сами. Из этого само собой вытекало основное требование, чтобы вся земля была собственностью Сионистского поселенческого общества, то есть всенародной собственностью. На этой земле должен

был допускаться только самостоятельный труд: чтобы еврей возделывал землю сам и не имел права нанять ни евреев, ни арабов.

Вскоре произошло еще одно важное событие, а именно, когда евреи Второй алии торжественно поклялись трудиться исключительно на благо страны, строить родину, не руководствуясь личными соображениями и выгодой. Это обязательство подходило уже вплотную к идеям, приведшим впоследствии к созданию коллективных хозяйств. Сельскохозяйственная коммуна родилась не из общественных или политических идеалов. Она вытекала как настоятельная необходимость из борьбы за существование: другого пути просто не было.

Таким образом были созданы предпосылки для драматического эксперимента. Шел 1909 год. Сионистское поселенческое общество купило четыре тысячи дунамов земли к югу от Тивериады, там где река Иордан вливалась в Тивериадское озеро. Это было сплошное болото. Общество снабдило двадцать молодых парней и девушек инвентарем, а также продовольствием и деньгами на год, и поставило перед ними задачу освоить эту землю.

Иося отправился вместе с ними, помогая им поставить палатки на краю болота. Они назвали это место «Шошана»; так называется дикая роза, которая растет в окрестностях Тивериадского озера.

Опыт на всенародной земле в Шошане мог и должен был служить ключом для будущего заселения страны. Это был самый важный шаг, предпринятый евреями со времени исхода.

Построили три барака из неостроганных досок. Один служил столовой и местом для собраний, второй — сараем и складом для инструментов, а третий — жильем для шестнадцати мужчин и четырех женщин.

В первую зиму бараки рухнули раз десять под натиском ветров и воды. Кругом была такая грязь, что они надолго были оторваны от мира. В конце концов им пришлось перебраться в соседнюю арабскую деревню, где они и дождались весны.

Весной, когда закипела работа, Иося навестил Шошану. Нужно было шаг за шагом отвоевывать землю у болота. Посадили сотни австралийских эвкалиптов, которые должны были вбирать влагу. Копали ручную дренажные каналы, работали от зари до зари, а треть все время бо-

леда малярией. У них было только одно средство против малярии: старое арабское средство, состоявшее в том, чтобы надрезать мочки ушей и пустить кровь. Все лето они работали в адской жаре и по пояс в болоте.

Однако прошел год, и уже можно было видеть первые результаты их нечеловеческого труда: часть болота была осушена. Теперь нужно было вывезти камни с поля, для чего использовали ослов, а также вырубить и сжечь кустарник.

В Тель-Авиве Иося продолжал упорно бороться в поддержку эксперимента. Он убедился, что стремление построить себе родину было настолько сильно, что по крайней мере эти два десятка человек были по-прежнему готовы изнемогать безвозмездно на этой неблагодарной и изнурительной работе.

В Шошане трудностям не было конца, но по истечении двух лет было освоено достаточно земли, чтобы можно было приступить к севу. Это был весьма критический момент, так как почти никто из всей группы не имел ни малейшего понятия о том, что сеять, как сеять, и с трудом даже отличал курицу от петуха. Они принялись за дело наобум, и результаты, конечно, были плачевные. Они не умели провести ровную борозду плугом; не знали, как нужно сеять, как сажать деревья; не умели доить коров; все это было для них сплошной тайной.

Они принялись за сельское хозяйство с тем же упорством, с каким приступили к осушению болота. После осушения болота, землю нужно было орошать. Сначала воду возили на ослах в бочках. Потом попытались применить арабский круг, выкопать колодцы, пока наконец не выкопали оросительные каналы, построили систему плотин, чтобы задержать дождевые воды зимой.

Мало-помалу земля выдавала им свои секреты. Часто, во время своих наездов у Иоси спирало дыхание, когда он бывал свидетелем энтузиазма жителей Шошаны. У них ничего не было, кроме того, что на них, да и то принадлежало не лично им, а всему коллективу. Они питались в высшей степени скромно в общей столовой; у них были общие душевые и уборные, и все спали под одной крышей. Арабы и бедуины с удивлением следили за медленным, но неуклонным ростом Шошаны. Когда они увидели, что засеваются уже несколько сот акров, они решили прогнать евреев.

Теперь все полевые работы приходилось вести под вооруженной охраной. Вдобавок к болезням, к изнурительной работе, у них появилась новая проблема — проблема безопасности. После нечеловечески тяжелого труда днем, люди, валившиеся с ног от усталости, должны были еще нести вахту по ночам. Однако ни оторванность от мира, ни окружавшее их изуверство, ни угрозы, ни болота, ни убийственный зной, ни малярия, ни множество других трудностей не могли их запугать: они упорно продолжали делать свое дело в Шошане.

Яков Рабинский тоже решил попытать счастья в Шошане.

Прибыл и Иосиф Трумпельдор. Трумпельдор служил когда-то офицером в царской армии, проявил недюжинное мужество во время русско-японской войны, где он потерял руку в боях. Увлеченный идеями сионизма, он приехал в Палестину, а здесь сразу подался в Шошану. Трумпельдор и Яков взяли на себя обеспечение безопасности, и вскоре набеги бедуинов прекратились.

Жизнь в коллективе ставила перед людьми гораздо больше проблем, чем они могли предвидеть.

Прежде всего, вопрос управления коллективом. Хотя все и велось на демократических началах, но евреи, как известно, испокон веков отличаются независимостью взглядов, и почти не бывает, чтобы два еврея придерживались одного мнения по какому-нибудь вопросу. Неужели и тут управление выродится в бесконечные митинги и препирательства?

Затем был вопрос о разделении труда. Вопросы здравоохранения, социальные и касающиеся воспитания — решались всем коллективом. Но как быть, если кто-нибудь не мог или не хотел работать, как все? Как быть с теми, кто был недоволен порученным ему делом? Или с теми, кому не нравилась еда или тесные жилищные условия? И как быть с личными ссорами?

Однако был один фактор, который улаживал все. Каждый житель Шошаны всем сердцем ненавидел все то, что наделило его качествами, свойственными еврею в гетто. Они были полны решимости разбить вдребезги все эти факторы и они были не менее полны решимости построить свою страну заново. Шошана имела собственный кодекс чести и собственные общественные законы. Люди в Шошане вступали в брак и разводились с общего согла-

сия. Они не руководствовались в своих делах старыми традициями. С прошлым они покончили раз и навсегда.

После долгих веков гонений, здесь в Шошане сбылась их вековая мечта: здесь родилось подлинное, свободное еврейское крестьянство. Они одевались как крестьяне и плясали хору при свете костра. Возделывание земли и строительство страны стали самым почетным делом в жизни. Время шло, всюду были разбиты цветники, посажены деревья, устроены газоны и построены новые красивые здания. Для женатых построили небольшие коттеджи, начали строить библиотеку, и в селе работал врач на полной ставке.

Затем случилось восстание женщин. Одну из четырех девушек, которые первыми приехали в Шошану, звали Руфью. Это была невысокая и не очень красивая девушка, но именно она возглавила бунт женщин. Она выступала на собраниях и доказывала, что женщины не для того покинули черту оседлости и Польшу, и, конечно же, не для того приехали в Шошану, чтобы стать здесь домохозяйками. Они требовали полного равенства не только дома, но и в труде. Они постепенно опрокинули все общепринятые традиции, работая плечом к плечу с мужчинами даже в поле. Они взялись за птицеферму и за овощеводство, обнаруживая не меньше способностей и выносливости, чем мужчины. Они научились даже обращению с оружием и несли вахту по ночам.

Руфь, возглавлявшая бунт женщин, поставила себе целью завладеть животноводческой фермой Шошаны, состоявшей в то время из пяти коров. Ей ужасно хотелось получить коров в свое распоряжение. Но мужчины на это не шли ни в какую. Это уж было слишком! Яков, самый опытный оратор среди мужчин, ринулся в словесный бой с Руфью. Как же она не понимает, что коровы — это все-таки слишком опасное дело для женщин! Кроме того, эти пять коров были самым ценным достоянием Шошаны, над которым буквально дрожали все.

К изумлению всех Руфь замолчала и подчинилась. Это было так на нее не похоже! Целый месяц она не обмолвилась ни единым словом о коровах. Зато она при малейшей возможности убегала украдкой в соседнее арабское село, чтобы научиться там искусству доения. В свои редкие свободные от работы часы она тщательно прочита-

ла все книжки по животноводству, которые ей удалось достать.

Однажды рано утром Яков, после ночного дежурства, вошел как-то в коровник. Руфь нарушила слово! Она сидела и доила Иезевель, их лучшую корову.

Немедленно был созван митинг, чтобы вынести общественное порицание товарищу Руфи за недисциплинированность. Однако Руфь привела цифры и данные, доказывая, что при надлежащем уходе и кормлении коров, можно значительно увеличить надои. Она упрекнула мужчин в невежестве и нетерпимости. Чтобы убедить ее во вздорности ее утверждений, собрание решило поручить ей стадо на время.

Дело кончилось тем, что Руфь стала таки заведующей фермой. Она увеличила поголовье в двадцать пять раз и стала одной из самых опытных животноводов страны.

Яков и Руфь поженились. Говорили, что она единственный человек на свете, который может переспорить Якова. Они любили друг друга и были как нельзя более счастливы.

Острейший кризис наступил в Шошане с рождением первых детей. Женщины так упорно дрались за равные права, они их и добились и играли важную роль в хозяйственной жизни. Многие женщины занимали руководящее положение. Вопрос подвергся тщательному обсуждению. Должны ли женщины оставить теперь работу и заняться домашним хозяйством? Нельзя ли найти другой выход? Жители Шошаны придерживались мнения, что коль они ведут образ жизни единственный в своем роде, то и в вопросе о детях они должны найти выход единственный в своем роде.

Так возникли детские учреждения. Определенным жителям Шошаны было поручено ходить за детьми и воспитывать их в рабочее время. Это освобождало женщин для работы в хозяйстве. По вечерам дети возвращались в свои семьи. Многие подняли крик за пределами Шошаны, что такой образ жизни разрушит семью, в которой евреи находили единственное спасение во все века гонений. Несмотря на эти опасения, семейные связи в Шошане остались такими же тесными, как в любой другой семье.

Наконец-то Яков Рабинский обрел свое счастье. Шошана все росла и росла, и вот она уже насчитывает около

ста членов и возделывает свыше тысячи дунамов земли. У Якова не было никакого личного имущества; даже предметы его одежды принадлежали не ему лично. У него была зато жена, которая не лезла за словом в карман, и была одним из лучших земледельцев Галилеи. По вечерам, после дневного труда, они гуляли вдвоем с Руфью по газонам и цветникам, или они поднимались на небольшой холм и смотрели вниз на зеленеющие поля. Яков был счастлив.

Шошана, первый к и б у ц в Палестине, был, пожалуй, долгожданным ответом на вопросы, поставленные сионизмом.

Г Л А В А 10.

Однажды вечером Иося вернулся домой с важного совещания «Ваад Галашон» — «Комитета по делам языка», глубоко погруженный в мысли. Так как он занимал выдающееся положение в стране, к нему обратились со специальным призывом.

У Сары всегда был готовый чай для Иоси, в какой бы час дня или ночи он ни возвращался со своих заседаний. Они сидели на веранде своей трехкомнатной квартиры на улице Гаяркон, с которой открывался широкий вид на Средиземное море. Отсюда была хорошо видна излучина побережья, переходящая из Тель-Авива в Яффу.

— Сара, — сказал он наконец, — я принял решение. Я был сегодня на совещании «Ваад Галашон», и там мне предложили принять новую фамилию и разговаривать исключительно на языке иврит. Сам Бен-Иегуда выступал. Он проделал огромную работу по модернизации иврита.

— Чепуха какая! — ответила Сара. — Ты мне как-то сам сказал, что ни разу во всей человеческой истории не удалось воскресить язык.

— Правильно. Но ведь никогда еще ни один народ не пытался воскресить нацию, как пытаемся мы. Когда я смотрю на все то, что сделано в Шошане и в других кибуцах...

— Вот-вот, хорошо, что ты сам заговорил о Шошане. Ты хочешь переменить фамилию только потому, что твой брат, бывший Яков Рабинский, так поступил.

— Глупости.

— Впрочем, как его теперь зовут, твоего бывшего Якова Рабинского?

— Акивой. Он назвал себя именем человека, которого он боготворил еще в детстве.

— А может быть ты назовешь себя Исусом Христом, которым ты тоже восхищался в детстве.

— Ты прямо невозможна, — рассердился Иося и вышел с веранды.

— Если бы ты еще посещал синагогу изредка, — ска-

зала ему Сара, следуя за ним по пятам, — ты бы знал, что древнееврейский существует только для того, чтобы общаться с господом-богом.

— Сара!... Порой я задаю себе вопрос — зачем ты, собственно, взяла на себя труд и приехала из Силезии? Если мы хотим думать и действовать как нация, то мы и говорить должны как единая нация.

— А мы и говорим. Идиш — вот наш язык.

— Идиш — это язык диаспоры. Идиш — это язык гетто. Иврит — вот общий язык всех евреев.

Она погрозила пальцем своему великану-мужу.

— Ты брось эту сионистскую пропаганду. Меня, Иося, агитировать нечего. Для меня ты до самой смерти останешься Иосей Рабинским.

— Ну, как знаешь. А я твердо решил, Сара. Ты бы лучше тоже занялась ивритом, потому что с этого дня мы будем говорить дома только на этом языке.

— Сплошная чушь, это твое твердое решение!

Иося не сразу согласился с Бен-Иегудой и с остальными. Но они были правы. Надо было воскресить древнееврейский язык. Если только их стремление к национальной самобытности достаточно сильно, то можно воскресить к новой жизни и язык. Однако Сара была упряма. Она всю жизнь говорила на языке идиш, на том же языке говорила ее мать. Она вовсе не собиралась приниматься за учебу на старости лет.

Целую неделю Иосе пришлось спать на диване. Но он не сдавался. Потом он в течение трех недель разговаривал с ней на иврите, а она отвечала на идиш.

— Иося, — позвала она однажды вечером, — Иося, пойдй сюда и помоги мне.

— Прошу извинить, — ответил Иося, — но в этом доме нету никакого Иоси. Если ты имеешь в виду меня, — продолжал он, — то да будет тебе известно, что меня зовут Бараком. Барак Бен Канаан.

— Барак Бен Канаан?!

— Да, я долго подбирал себе подходящие имя и фамилию. Арабы звали мой кнут «волнией», а «Барак» и есть «молния» на иврите. Так же звали полководцы легендарной Деборы. А фамилию я себе выбрал «Бен Канаан», потому что я люблю, как ты знаешь, гору Канаан.

Сара хлопнула дверью.

Иоси повысил голос:

— Да, я был счастлив на горе Канаан! Тогда моя жена еще не была такая упрямая! Привыкай, привыкай, Сара Бен Канаан... Сара Бен Канаан!

Иося, теперь Барак, опять перешел спать на диван. Целую неделю воюющие стороны не проронили ни слова.

Однажды ночью, спустя месяц после начала военных действий, Барак вернулся с утомительного трехдневного совещания, происходившего в Иерусалиме. Он приехал поздно ночью, очень усталый, и ему очень хотелось поделиться обо всем с Сарой за чашкой чая. Однако дверь в спальню была заперта. Он вздохнул, стянул ботинки и лег на диван. При его росте он никак не помещался на диване, и его ноги всегда свисали. Он сильно устал и ему очень хотелось отдохнуть в кровати. Он уже жалел, что затеял все это. Он уже засыпал, как вдруг заметил через щель у порога, что в спальне зажегся свет. Дверь открылась, Сара подошла к нему на цыпочках, спустилась на колени перед диваном и положила голову на его широкую грудь.

— Я тебя люблю, Барак Бен Канаан, — прошептала она на чистом иврите.

У Барака Бен Канаана была масса дел в новом городе Тель-Авиве. По мере того, как росло еврейское население Палестины, — «Ишув», как оно себя называло на иврите, — иврит становился разговорным языком «ишува». Барак Бен Канаан занимал теперь очень высокое положение среди сионистов и в Сионистском Поселенческом Обществе. Его жизнь была теперь сплошной цепью заседаний, совещаний и сложных переговоров с турками и арабами. Он писал важные доклады, касавшиеся политики сионистов, и не раз ездил с Сарой в Лондон, где находился генеральный штаб сионистов, и в Швейцарию — на съезды. Все же Барак не знал того полного счастья, которое нашел его брат Акива в Шошане. Сердцем Барак был всегда в долине Хулы к северу от горы Канаан. Сара была умная и преданная жена. Ей очень хотелось заглушить его тоску по долине детьми. Но ничего из этого не получилось. Пять раз подряд у нее были преждевременные роды. Она очень страдала от этого, так как Бараку было уже за сорок.

В начале 1908 года произошло восстание младотурок, которое отстранило от власти продажного старого деспота

Абдул-Хамида Второго. Все сионистское движение воспряло духом, когда турецким султаном и духовным вождем всего мусульманского мира стал Мохаммед Пятый. Вскоре, однако, выяснилось, что восстание не оказало никакого влияния на вопрос о предоставлении евреям «мандата» на Палестину. Мохаммед Пятый получил в наследство империю, готовую вот-вот развалиться; турецкую империю тогда так и называли во всем мире: «больной на Босфоре».

Англичане выказали с самого начала большие симпатии сионизму. Барак чувствовал, что британские и еврейские интересы можно было как-то согласовать, тогда как с турками сотрудничество было невозможно. Англичане предложили в свое время и Синай, и Уганду для еврейского заселения, многие британские деятели открыто выражали поддержку идее создания еврейского отечества; сама Англия служила центром сионистского движения, там же жил доктор Хаим Вейцман, уроженец России, возглавивший впоследствии движение.

По мере того как росло британское влияние на Ближнем Востоке и соответственно падало влияние турок, Барак, сионисты, а также весь «ишув», открыто заняли пробританскую позицию.

Мохаммед Пятый проиграл ряд дорогостоящих войн на Балканах. Его положение «тени Аллаха», духовного вождя Ислама, пошатнулось. Пятисотлетняя турецкая империя чуть не рухнула, когда в стране разразился острейший финансовый кризис.

Четыре столетия русские цари мечтали о незамерзающих портах на Средиземном море. Прорваться через проливы Босфора и Дарданелл, это было их вековое стремление. Теперь, когда турецкая империя вот-вот рухнет, Россия разработала хитрый план, чтобы наконец добиться своей цели. Россия принялась дразнить Турцию, чтобы заставить ее заключить союз с немцами. Россия всячески стремилась к войне с Турцией и за участие в будущей мировой войне на стороне союзников, она требовала, чтобы Константинополь стал русским. Мохаммед Пятый хорошо понимал, чего хотят русские, и тщательно избегал конфликта. Он знал, что не только русские хотят завладеть Константинополем, но что и англичанам, и французам, и итальянцам не терпится расчленить его империю и разделить ее между собой.

Затем вспыхнула первая мировая война!

Мохаммед Пятый не собирался пасть ни в угоду русским, ни в угоду англичанам. Наоборот, турки сражались с такой храбростью и решимостью, какой никто от них не ожидал. Русские войска, пытавшиеся перебраться через Кавказ, были остановлены, а на Ближнем Востоке турки одним рывком пересекли Синайский полуостров и добрались до главной артерии Британской империи, до Суэцкого канала.

Макмагон, британский представитель в Египте, начал давать обещания арабам, если только они восстанут против турок. За такую помощь англичане обещали арабам независимость. Британские агенты отчаянно пытались поднять среди арабов восстание против Турции. Они обратились к главному арабскому князю, Ибн-Сауду, могущественному вахабиту Аравийского полуострова. Ибн-Сауд решил выждать, чтобы решить тогда, когда станет ясно, откуда ветер дует. В общем арабы то сражались на стороне турок, то играли в выжидание.

Одновременно с этим Мохаммед Пятый, официально — вождь всех мусульман, отчаянно призывал всех правоверных поднять «священную войну» против англичан. Его призывы были встречены молчанием.

Англичане пришли к выводу, что существует только один способ заручиться поддержкой арабов, а именно — подкупить их. Они пустили в ход в качестве приманки огромные суммы. Это подействовало.

Шериф Мекки пользовался известной независимостью в системе турецкой империи. Официально шериф Мекки был «настоятелем святых мест в Мекке и Медине». Эта должность передавалась по наследству прямым потомкам Магомета.

Хотя шериф Мекки и не пользовался большим влиянием в арабском мире, он был смертельным врагом Ибн-Сауда. Когда англичане установили с ним контакт, он понял, что этим путем он сможет захватить власть над арабским миром, когда Мохаммед Пятый, а с ним и вся турецкая империя, рухнут. Шериф Мекки переметнулся поэтому на сторону англичан, получив за это несколько сот тысяч фунтов стерлингов чистоганом. У шерифа был сын, Фейсал, который — величайшая редкость среди арабов — обладал чем-то вроде политического сознания. Он согласился под-

держат отца и пытаются поднять среди арабов восстание против Турции.

Еврейское население в Палестине не нужно было ни подкупать, ни уговаривать. Евреи решительно стояли на стороне англичан. Когда началась война, им угрожала большая опасность, так как было известно, что они открытые сторонники врагов Оттоманской империи.

Молниеносным походом Кемал-Паша, будущий Ата-тюрк, оккупировал всю провинцию и над еврейским населением Палестины навис террор.

Барак Бен Канаана предупредили, что через шесть часов он должен покинуть Палестину. Они оба с братом Акивой числились в турецком списке тех, кто подлежал немедленному расстрелу. Сионистское Поселенческое Общество было вынуждено закрыть свои учреждения, и всякая еврейская деятельность в Палестине прекратилась.

— Сколько нам еще осталось, дорогой? — спросила Сара.

— На рассвете мы должны уйти. Возьмем с собой только маленький чемодан. Все остальное придется оставить.

Сара прислонилась к стене и погладила свой живот. Она была в шестом месяце, и на этот раз она чувствовала ребенка в утробе гораздо живее, чем в предыдущие пять беременностей... Пять выкидышей! — подумала она.

— Я не могу поехать, — сказала она. — Не могу.

Барак резко обернулся к ней. Его глаза съезились и его борода, казалось, отражает слабое мерцание свечи.

— Давай, Сара, пошли... сейчас не время для капризов.

Она кинулась в его объятия: — Барак... о, Барак! Я лишусь и этого ребенка... Я не могу, не могу... Я не могу! Он сделал глубокий вздох.

— Ты должна поехать со мной. Один бог знает, что турки над тобой сделают, если ты попадешь к ним в руки.

— Я не откажусь от этого ребенка.

Барак медленно сложил свой чемодан и запер его.

— Сейчас же отправляйся в Шошану, — сказал он наконец. — Руфь там позаботится о тебе... ты только поосторожнее там с ее коровами.

Он нежно поцеловал жену в щеку, а она поднялась на цыпочки и крепко обняла его.

— Ш а л о м, Сара, любовь моя! — Он повернулся и быстро вышел из комнаты.

Сара добралась на ослах из Тель-Авива в Шошану, и там, окруженная неусыпной заботой Руфи, стала ждать рождения ребенка.

Акива и Барак бежали в Каир, где они встретили старого друга, однорукого Иосифа Трумпельдора. Трумпельдор был занят организацией воинской части из палестинских евреев, которая должна была сражаться на стороне англичан.

Соединение Трумпельдора, Еврейский корпус погонщиков мулов, участвовал плечом к плечу с английскими войсками в гигантской операции, имевшей целью прорваться через проливы и напасть на Константинополь с юга. В этой операции приняли участие и Барак с Акивой. Они высадились вместе с британскими частями в Галлиполи, но турки отразили атаку. При отступлении Акива был ранен в грудь.

После разгрома англичан в Галлиполи еврейский корпус был расформирован. Акива и Барак подались в Англию, где Зеев Жаботинский, страстный сионистский деятель, создавал другое боевое соединение, так называемую Еврейскую бригаду, включающую 38-ой, 39-ый и сороковой полки королевских стрелков.

Акива еще не полностью оправился после ранения. Его послали в Соединенные Штаты для агитации в пользу Еврейского государства среди американских евреев. Американских сионистов возглавлял тогда верховный судья Брандейс.

Когда стало известно, что среди стрелков Еврейской бригады находится Барак Бен Канаан, его немедленно отозвали. Доктор Вейцман, руководитель мирового сионизма, считал, что для такого человека, как Барак Бен Канаан, найдется дело поважнее.

Не успели зачислить Барака в центральные сионистские учреждения, как поступили сведения о новом разгроме англичан на Ближнем Востоке. Генерал Мод развернул атаку на восточный фланг турецкой империи. Воспользовавшись Междуречьем как трамплином, он намеревался прорваться в Палестину с севера. Он должен был следовать по долине Тигра и Ефрата до Багдада, а оттуда пробиться к морю. Пока войска Мода имели дело с арабски-

ми частями, они продвигались успешно. Операцию уже даже называли «блестящей». Но потом, у Кута, англичане натолкнулись на турецкую дивизию и потерпели жестокое поражение.

Англичане оказались в очень трудном положении. Турки сидят на берегу Суэцкого канала, а немцы остановили русское наступление. Попытки англичан поднять арабское восстание против турок ни к чему не привели.

Доктор Вейцман и сионисты чувствовали, что настало время добиться каких-нибудь уступок в деле создания еврейского очага. Англия отчаянно нуждалась в сочувствии и помощи. Евреи воевали в рядах немецкой армии, они воевали и в рядах австрийской армии. Для того, чтобы сионисты могли заручиться поддержкой евреев во всем мире, и в особенности в Америке, нужно было предпринять какой-то решающий шаг.

Когда переговоры между сионистами и англичанами подошли к концу, лорд Бальфур, министр иностранных дел Великобритании, написал письмо лорду Ротшильду, в котором говорилось.

«Правительство Его Величества относится благосклонно к созданию в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия, чтобы облегчить достижение этой цели».

Так родилась Бальфурская декларация, Великая Хартия еврейского народа!

ГЛАВА 11.

Полиция Кемал-Паши нашла Сару Бен Канаан в кибуце Шошана ровно за две недели до родов. Руфь и остальные члены кибуца бережно ходили за ней все время ее пребывания в кибуце, стараясь, чтобы ей было спокойно и хорошо перед родами.

Турецкая полиция была не так предупредительна. Сару выволокли среди ночи из домика, бросили в закрытый грузовик и повезли по разбитой и тряской дороге в Тивериаду к черному базальтовому зданию полиции.

Там ее беспрерывно допрашивали в течение суток.

Где ваш муж?... Как ему удалось скрыться?... Как вы поддерживаете с ним связь?... Вы передаете ему информацию, мы это знаем точно... Вы занимаетесь шпионажем по заданию англичан... Вот посмотрите, эти бумаги, предназначенные для англичан, написаны рукой вашего мужа; этого вы ведь не станете отрицать?... С какими еще евреями в Палестине вы поддерживаете связь?...

Сара четко и без тени смущения отвечала на все вопросы. Она не отрицала, что Барак действительно бежал из-за своих симпатий к англичанам; об этом знали все. Что касается ее самой, то она осталась исключительно из-за предстоящих родов. Все остальные обвинения она решительно отвергала. К концу 24-часового допроса Сара была самым спокойным человеком в кабинете следователя.

Они стали угрожать ей, но Сара оставалась спокойной и невозмутимой. Под конец ее схватили и бросили в темную одиночку, без окон, с толстыми базальтовыми стенами. Над деревянным столом горела тусклая лампочка. Ее положили на спину, разули, и пятеро полицейских навалились на нее, чтобы не дать ей пошевелиться. Потом ее били палками по подошвам, повторяя в перерывах те же вопросы. Она давала те же ответы.

— Шпионка! Как вы передаете информацию Бараку Бен Канаану? Признайтесь! Вы поддерживаете связь с британскими агентами... Назовите их!

Боль была невыносима. Сара совсем отказалась отве-

чать. Она стиснула зубы, пот лился с нее градом. Ее мужество еще больше обозлило турок. От палочных ударов лопнули подошвы и брызнула кровь.

— Говорите! — орали они. — Признавайтесь!

Сара только вся дрожала и извивалась от боли.

— Жидовка! Шпионка!

Наконец она потеряла сознание.

Ей вылили ведро воды на голову. Побои и вопросы возобновились. Она еще раз лишилась сознания, ее опять привели в чувство. Теперь они положили ей раскаленные камни подмышку.

— Говори! Говори! Говори!

Три дня и три ночи турки пытали Сару Бен Канаан. Даже турки были поражены выносливостью этой женщины. Наконец они отпустили ее в награду за мужество: они еще ни разу не видели, чтобы кто-нибудь перенес пытку с таким достоинством. Руфь, которая ожидала ее в приемной полиции, требуя все время, чтобы отпустили свояченицу, увезла ее на повозке, запряженной ослом, в Шошану.

Когда у Сары начались родовые схватки, она позволила себе роскошь покричать вволю. Она кричала и визжала за все те дни, когда турки тщетно пытались выжать крик боли из ее уст. Ее измученное пытками тело судорожно взбунтовалось.

Крики становились все слабее и слабее. Никто не верил, что она переживет роды.

Однако Сара Бен Канаан родила сына и осталась в живых.

Две недели ее жизнь висела на волоске. Руфь и остальные жители Шошаны окружили ее самой дружеской и любовной заботой. Незаурядное мужество, благодаря которому маленькая черноглазая женщина выдержала турецкие пытки и муки родов, помогло ей справиться и сейчас. Ее желание увидеться с Баракком было так сильно, что прогнало даже смерть.

Потребовалось больше года, пока она оправилась. Это было медленное и мучительное выздоровление. Прошли месяцы, прежде чем она смогла встать на свои изуродованные ноги и сделать первые шаги. Небольшая хромота осталась на всю жизнь.

Ребенок был здоровый и сильный. Все говорили, что он вырастет вторым Баракком, потому что он уже сейчас

был рослый и крепкий; от Сары он унаследовал только смуглый цвет лица. Теперь, когда худшее было позади, Сара и Руфь ждали своих мужей.

А братья между тем уезжали все дальше и дальше: после Каира и Галлиполи они попали в Англию и Америку. Их ни на миг не покидала тревога о Саре и Руфи. Беженцы, прибывшие из Палестины, рассказывали страшные вещи о терроре Кемал-Паши.

В начале 1917 года британская армия двинулась из Египта и отогнала турецкие войска через весь Синайский полуостров до границ Палестины. В Газе наступление англичан захлебнулось. Командование британскими силами принял генерал Алленби, и под его руководством англичане возобновили наступление. К концу 1917 года они ворвались в Палестину и захватили Беер-Шеву. Вслед за этой победой, англичане предприняли атаку на древние врата Газы, и Газа пала тоже. Затем англичане двинулись вдоль берега и захватили Яффу.

Одновременно с успешной кампанией Алленби началось наконец сильно запоздавшее, обошедшееся очень дорого и еще больше разрекламированное восстание арабов. Когда было уже ясно, что турки терпят поражение, Фейсал, сын шерифа Мекки, собрал в пустыне несколько племен. Они напали на отступающих турок, сбрасывая с себя таким образом личину нейтралитета, в которую они до сих пор рядились, чтобы быть тут как тут при ожидающемся дележе добычи. «Повстанцы» Фейсала подняли немалую шумиху, совершили нападение на неохраняемую железнодорожную ветку, но так и не сумели вывести ее окончательно из строя. Арабские «повстанцы» ни единого раза не приняли участия в каком-нибудь настоящем сражении — большом или малом.

На подступах к древнему городу Мегиддо произошел решающий бой между войсками Алленби и силами турок. На этом месте, где впоследствии обнаружили конюшни царя Соломона, и где, по преданию, должно состояться второе пришествие Христа, в течение тысячелетий решались судьбы сотен и сотен завоевателей и их армий. От Мегиддо глубокое ущелье вело на север. Оно служило естественным перевалом через горы. По этому пути двигались завоеватели с незапамятных времен.

Алленби завладел Мегиддо! Около рождества, меньше чем через год после назначения Алленби командующим.

он ввел английские войска в освобожденный Иерусалим.

Англичане продолжали наступать на Дамаск и наносили туркам один сокрушительный удар за другим. Падение Дамаска решило участь Оттоманской империи.

Русскому царю, которому так не терпелось развязать войну с Турцией, так и не удалось осуществить свою вековую мечту и захватить Царьград. Русские подняли восстание против векового угнетения, а царь и вся его семья были расстреляны.

Но хотя Турецкая империя была полностью разгромлена и расчленена, а турецкий султан лишился своего положения «тени Аллаха» для миллиарда мусульман, Мохаммед Пятый как ни в чем не бывало продолжал наслаждаться в своем гареме даже когда война подошла к концу.

Барак Бен-Канаан и его брат Акива вернулись домой. Цвели розы, вся страна зеленела и цвета тоже, а воды Иордана мирно текли в Генисаретское море, когда братья въехали в Шошану.

В огромной рыжей бороде Барака появилась седина, седина серебрилась уже и в черных волосах Сары, когда они стояли друг против друга у калитки своего дома. Он нежно обнял ее, и в эту минуту вмиг было забыто все то, что выпало им на долю в последние годы. Затем щупленькая Сара взяла мужа за руку. Она слегка прихрамывала, когда они направились в дом. Дерзкий, крепкий, светловолосый карапуз лет трех с любопытством уставился на него. Барак нагнулся и поднял мальчика сильными руками.

— Мой сын, — прошептал Барак, — мой сын!

— Твой сын Ари, — сказала она.

ГЛАВА 12.

Пятьдесят государств ратифицировали Бальфурскую декларацию.

За годы первой мировой войны еврейское население Палестины резко уменьшилось вследствие турецкого террора. Война вызвала новую волну погромов в Восточной Европе.

Последовали годы большого накала и жизненно важного значения для Ишува. Спасаясь от преследований, в страну хлынул новый поток иммигрантов, Третья Алия, заполнившая поредевшие ряды Ишува.

Уже в течение ряда лет Сионистское Поселенческое Общество присматривалось к Ездrelонской долине, занимавшей весь юг Галилеи. Подавляющую часть долины составляла болотистая местность. По всей долине были лишь считанные арабские деревушки, совершенно обнищавшие. Почти вся Ездrelонская долина принадлежала одному роду феодалов, Сурсукам, которые проживали в Бейруте. Турки не разрешали евреям покупать земельные участки в Ездrelонской долине, но после прихода англичан ограничения были сняты. Барак Бен Канаан и два других агента съездили в Бейрут и им удалось купить полосу земли, которая тянулась от самой Хайфы до Назарета. Покупка Ездrelонской долины была первой сделкой таких размеров, совершенной в Палестине; она была первой еще в том смысле, что ее полностью финансировали из фондов мирового еврейства. Ездrelонская долина открыла широкие возможности для создания новых кибуцов.

Члены старых кибуцов бескорыстно покидали свои хозяйства, чтобы помочь созданию новых кибуцов. Акива и Руфь покинули вместе со своей недавно родившейся дочерью Шароной насиженное место в Шошане, к которому они всей душой привязались, и отправились в новый кибуц, создававшийся к северу от Рош-Пины. Новый поселок получил название Эйн-Ор — Источник света.

Наконец-то сбылась мечта Барака Бен Канаана, хотя и не лично для него, вообще для евреев. Были приобретены

земельные участки, простиравшиеся глубоко в долине Хулы, неподалеку от сирийской и ливанской границы. Пахали даже на «его» горе и поблизости был построен кибуц «Кфар Гилади» — «Гилеадское село». Иосиф Трумпельдор, старый друг и товарищ Барака, приехал в Кфар Гилади, где он ведал вопросами охраны и безопасности.

Одновременно с ростом поселений развивались также Тель-Авив и все другие города. Евреи начали покупать земельные участки на горе Кармель в Хайфе и строить там дома. В Иерусалиме они строились за крепостной стеной старого города, так как возросшие нужды Ишува требовали административного центра побольше. Религиозные круги присоединились к сионистам в стремлении построить страну заново.

Британские власти провели много реформ. Прокладывались шоссе, строились школы и больницы, в судах не стало произвола. Сам Бальфур приехал в Иерусалим для участия в торжественной закладке фундамента Еврейского университета на горе Скопус.

Для управления Ишувом евреи избрали свой представительный орган. Еврейский Национальный Совет был своего рода правительством, отстаивавшем интересы евреев; он вел дела с арабами и англичанами и служил связующим звеном между Сионистским Поселенческим Обществом и сионистами во всем мире. Еврейский Национальный Совет и Сионистское Поселенческое Общество переехали в Иерусалим.

Барака Бен Канаана, старого и всеми уважаемого члена Ишува, избрали в Национальный Совет. Наряду с этим он продолжал свою сионистскую деятельность.

Но вот стали появляться тревожные симптомы. Палестина становилась центром гигантской борьбы великих держав.

Началась эта борьба с предания гласности секретного соглашения Сайкса-Пико, по которому Великобритания и Франция собирались разделить Ближний Восток между собой. Русское революционное правительство нашло этот документ в царских архивах и опубликовало его, чтобы поставить Великобританию и Францию в неловкое положение.

Соглашение Сайкса-Пико прямо противоречило ранее данным Великобританией обещаниям предоставить арабам независимость. Арабы почувствовали себя обманутыми. Несмотря на все усилия англичан успокоить арабов, опасе-

ния арабов оправдались, когда на конференции в Сан-Ремо Великобритания и Франция поделили между собой ближневосточный пирог, причем львиная доля досталась англичанам. Франция отхватила для себя только Сирию и нефтепровод, идущий от богатых месторождений Моссула.

При турках в состав Сирии входили также Палестина и Ливан. Франция считала поэтому, что она имеет право хотя бы на северную Палестину. Англичане были непреклонны. Им тоже хотелось провести нефтепровод, идущий от Моссула, до Хайфы. Они ссылались на Бальфурскую декларацию и на единственное в своем роде положение Палестины, где англичане обещали создать очаг для евреев, и настаивали поэтому, что вся Палестина должна находиться под английским управлением.

В ответ на это Франция подкупила несколько арабских племен в Сирии и направила их в Палестину с целью оторвать как можно больше территории на севере страны еще до того, как будут установлены границы.

Евреи, поселившиеся в долине Хулы в Кфар Гилади, попали в ловушку. Нанятые французами арабы напали на Тель-Хай, — тот холм, где братья Рабинские впервые ступили некогда на землю Палестины, — чтобы прогнать оттуда евреев и подкрепить французские территориальные претензии.

Иосиф Трумпельдор, легендарный еврейский герой, сражался как лев в Тель-Хай. Он сам пал в бою, но Тель-Хай выстоял, евреям удалось удержать Кфар Гилади, а долина Хулы так и осталась в пределах английской подмандатной территории.

Затем французам стал чинить неприятности Фейсал, сын шерифа Мекки и вождь пресловутого арабского восстания в Первую мировую войну. Фейсал явился в Дамаск, укрепился там и объявил себя королем новой арабской монархии и новым духовным главой мусульман. Французы прогнали его из Сирии. Фейсал переехал в Багдад, где англичане встретили его радушнее. Они наградили своего верного слугу тем, что превратили Междуречье в новое государство. Они назвали это государство Ираком, а королем этого государства объявили Фейсала.

У Фейсала был брат Абдалла, которого тоже нужно было как-то наградить. Не согласовав вопроса в Лиге Наций, англичане создали еще одно «государство» на территории Палестинского мандата и объявили Абдаллу королем

этого государства. Государство они называли Трансиорданием.

Как Фейсал, так и Абдалла были смертельными врагами Ибн-Сауда, который отказался помогать англичанам в Первую мировую войну.

Таким образом, дела у англичан шли неплохо. У них были свои марионетки в Ираке и Трансиордании, которых они сами же создали; у них был Египет, Суэцкий канал, нефтяной район Моссула, была и Палестина. Вдобавок у них был еще ряд протекторатов и княжеств на Аравийском полуострове.

Англичанам была хорошо знакома взаимная вражда арабов, непрекращающаяся кровная месть, и они ловко пользовались всем этим в своей политике «разделяй и властвуй». Они подкупали своих марионеток автомобилями новейших марок и не мешали им беззаботно наслаждаться в переполненных гаремах.

Хуже дело было с Палестиной. Тут система марионеток не подходила. Бальфурскую декларацию ратифицировал весь мир. Кроме того, Палестинский мандат прямо обязывал англичан создать здесь еврейский очаг. Вдобавок евреи преподнесли им демократически избранное полуправительство, Национальный Совет, единственный демократический орган на всем Ближнем Востоке.

Барак Бен Канаан, доктор Хаим Вейцман и десяток других сионистских вождей вступили в исторические переговоры с Фейсалом, тогдашним вождем арабского мира. Был подписан договор о взаимной дружбе между евреями и арабами, в котором каждая сторона обязывалась уважать чаяния другой стороны. Арабы приветствовали возвращение евреев и признали исторические права евреев на Палестину, а также их общечеловеческое право на отечество. Кроме того, арабы прямо заявили, что они приветствуют культуру и «еврейское золото», которые евреи завозят в страну. Евреи назывались в договоре пионерами и носителями прогресса.

В Палестине, как и всюду в арабском мире, не было представительных органов власти. Когда англичане требовали от арабов, чтобы они создали такой орган, между арабами началась обычная грызня. Всевозможные феодальные кланы представляли очень небольшой процент арабского населения.

Наибольшим влиянием пользовался род эль-Хусейни,

который владел обширными земельными участками в районе Иерусалима. Их так боялись, что остальные эффенди сколотили оборонительный блок, и это обстоятельство делало совершенно невозможным создание какого бы то ни было представительного арабского органа.

Во главе рода эль-Хусейни, которого все так боялись, стоял самый хитрый и коварный интриган в этой части света, и без того изобилующей хитрецами и коварными интриганам. Его звали Хадж Эмин эль-Хусейни. Когда-то Хадж Эмин сражался на стороне турок. Теперь он решил воспользоваться падением Османской империи для собственного возвеличения, совершенно так же, как и десятки других арабских вождей. Эль-Хусейни, однако, была обеспечена поддержка всемогущей и прямо-таки дьявольской клики.

Первым делом Хадж Эмин решил наложить лапу на Палестину. Этой цели он легче всего мог достигнуть, став Иерусалимским муфтием. После Мекки и Медины Иерусалим был самым святым мусульманским городом. В дни турецкой власти должность муфтия была преимущественно почетной должностью. По-настоящему миром Ислама и всеми мусульманами правил Константинополь. Когда Османская империя пала, а Палестиной стала править христианская держава, должность муфтия приобрела вдруг огромное значение. От мусульман всего мира поступали огромные суммы на содержание святых мест. Когда-то этими суммами распоряжался Константинополь, но теперь они были в распоряжении Иерусалимского муфтия. Если Хадж Эмин получит эту должность, то он получит также возможность пользоваться этими суммами в своих личных целях. Была еще и другая причина, побуждавшая его стать муфтием. Палестинские феллахи были на девяносто девять процентов неграмотными. Единственным средством массовой связи была паперть. Склонность феллахов к массовой истерии при малейшем подстрекательстве могла стать весьма эффективным политическим оружием.

Только одно мешало Хадж Эмину добиться своей цели и стать Иерусалимским муфтием. По мусульманскому закону эту должность мог получить лишь прямой потомок Магомета. Хадж Эмин устранил это препятствие тем, что женился на девушке из рода самого Пророка. Этим, уверял он, было выполнено условие, предусмотренное Адамом.

Когда старый муфтий умер, провели выборы нового муфтия. Арабские эффенди знали о поползновениях Хадж Эмина. По количеству полученных голосов Хадж Эмину досталось четвертое место. Это его, однако, отнюдь не обескуражило. Клика эль-Хусейни до того терроризировала первых трех кандидатов, что они «добровольно» отказались от должности.

Хадж Эмин стал Иерусалимским муфтием, так сказать, «по неявке» победивших его на выборах соперников.

Главное препятствие на пути к осуществлению своих честолюбивых планов Хадж Эмин видел в возвращении евреев в Палестину.

В мусульманский праздник рождества Моисеева Хадж Эмин эль-Хусейни произнес в качестве муфтия ядовитую проповедь, полную ненависти к евреям. Толпа феллахов впала в неистовство и учинила погром.

Их неистовство не простиралось до того, чтобы напасть на кибуцы или на города, где евреи могли постоять за себя. Тем кровожаднее они вырезали беззащитных благочестивых стариков в священных городах Сафед, Тивериаде, Хевроне и Иерусалиме.

Руфь как раз была в Тивериаде, на обратном пути из Шосаны в Эйн-Ор, когда вспыхнул погром. Ее поймали и убили вместе с дочерью Шароной.

Акива был безутешен. Его нельзя было узнать, до того велико было его горе. Барак помчался в Эйн-Ор и увез брата в Тель-Авив. Точно так же, как он это делал в дни юности, он и теперь не спускал с него глаз. Прошли месяцы, прежде чем Акива снова встал на ноги. Однако в душе у него осталась глубокая рана, которая никогда не заживет.

Многие поселения сдали свое оружие англичанам, когда те получили мандат на Палестину. Если бы арабы напали теперь на эти поселения, они могли бы вырезать всех до единого. Ответственность за соблюдение порядка в стране ложилась теперь на англичан, и Ишув терпеливо ждал, чтобы англичане обуздали арабов и отдали под суд убийц. При турецкой власти таких беспорядков быть не могло: какими продажными ни были турки, убийства они бы не потерпели.

Специальная следственная комиссия признала Хадж Эмина эль-Хусейни виновным. И все же его помиловали!

Сразу после помилования британское Министерство колоний издало Белую книгу, излагавшую новую британскую политику, согласно которой иммиграция евреев будет допускаться впредь лишь в пределах «экономической интеграции». Это произошло как раз в те дни, когда Уинстон Черчилль осуществил раздел подмандатной территории Палестины, чтобы на большей части этой территории создать Трансиорданию. На этом для Ишува завершилась целая историческая эпоха.

Пузырь благожелательного отношения англичан к евреям лопнул. Национальный Еврейский Комитет и Сионистское Поселенческое Общество созвали в Тель-Авиве тайное совещание, в котором приняли участие пятьдесят представителей Ишува.

Доктор Хаим Вейцман специально прилетел из Лондона для участия в совещании. Был и Барак, пришел также Акива, который еще не совсем справился со своим личным горем. Присутствовал также Ицхак Бен Цви. Крепко сбитый, невысокого роста молодой человек с густыми бровями, представитель Второй алии, которого звали Давидом Бен Гурионом, тоже участвовал в совещании. Многие чувствовали, что этот пламенный сионист, то и дело цитирующий Библию, станет в дальнейшем вождем Ишува.

В совещании принимал участие также Авидан, лысый великан, представитель Третьей Алии. Авидан приехал в Палестину из России. Он сражался во время войны в рядах русской армии и не раз отличился в боях. Его считали вторым после погибшего Трумпельдора, и все видели в нем будущего командующего Еврейскими вооруженными силами.

Совещание открыл Барак Бен Канаан. Мужчины, собравшиеся в подвальном помещении, слушали его с напряженным вниманием, с трудом подавляя гнев. Барак говорил о бедствиях, во все века выпадавших на долю евреев только потому, что они родились евреями. И вот, именно здесь, где они надеялись избавиться от преследований, произошел погром.

Доктор Хаим Вейцман возглавлял группу, которая придерживалась мнения, что англичане являются официальными представителями власти в стране, и что именно с ними нужно вести открытые и законные переговоры. За безопасность целиком отвечают англичане.

Другая группа, ультра-пацифисты, считали, что вооружение евреев создаст только новые трудности во взаимоотношениях с арабами.

Резко противоположную позицию занимала группа активистов, которую возглавлял Акива. Она требовала немедленного принятия ответных и решительных мер. Эти люди говорили, что благожелательное отношение и защитные меры англичан — всего лишь иллюзия: англичане защищают только собственные интересы. Какие угодно торжественные заявления и подписанные документы никогда не произведут на араба такого впечатления, как заряженная винтовка.

Прения затянулись далеко за полночь; ни конца, ни краю не было еврейской страсти к спорам. Одни проклинали англичан, другие превозносили их. Пацифисты призывали к осторожности, а активисты называли Палестину «Землей дважды обетованной» — один раз евреям, второй раз арабам.

В противоположность этим крайним взглядам, группа, состоявшая из Бен Гуриона, Бен Канаана, Авидана и многих других, предлагала реалистичный средний путь. Признавая необходимость вооружиться, они в то же время не отказывались и от законных путей.

Эти люди, которых поддерживало большинство Ишува, провели решение, согласно которому следовало без лишнего шума тайно создать и обучить милицию. Эта вооруженная милиция должна служить одной и только одной цели, а именно — самозащите. Официально представители Ишува ничего о существовании этой милиции знать не должны, втайне милиции будет оказана всяческая помощь. Имея в своем распоряжении тайную вооруженную милицию, евреи смогут одновременно давать арабам отпор и продолжать переговоры с англичанами.

Главой этой новой тайной организации избрали старого бойца Авидана.

Названа была организация «Хагана», то есть «Армия самообороны».

ГЛАВА 13.

Третья волна иммиграции хлынула в недавно приобретенную Ездrelонскую долину, в Саронскую долину, в Самарию, в горы Иудеи и Галилеи, и даже на юг, в пустыню, и пробудила землю из вековой спячки. Иммигранты завезли с собой сельскохозяйственные машины, вводили интенсивное земледелие, внедряя севооборот, удобрения и ирригацию. Помимо винограда, цитрусовых и маслин, в основном на экспорт, они сеяли зерно и выращивали овощи и фрукты, и лен, и птицу, и скот.

Они экспериментировали решительно всем, внедряя новые культуры и увеличивая урожайность старых.

Они добрались до Мертвого моря, принялись за обработку солончаков, на которых вот уже сорок тысяч лет ничего не росло, и заставили и их давать плоды.

Они рыли пруды и разводили в них рыбу.

К середине двадцатых годов около пятидесяти тысяч евреев, проживавших в сотне поселений, возделывали свыше полумиллиона дунамов возрожденной земли. Большинство из них носило голубые рубашки кибуцников.

Посадили около миллиона деревьев. Пройдет десять, двадцать, тридцать лет, и деревья будут защищать землю от эрозии. Лесопосадки стали навязчивой идеей Ишува. Куда бы евреи ни пришли, везде они оставляли за собой леса.

Многие новые кибуцы и другие поселения присваивали местные библейские названия. На просторах древней страны возникало также много новых и очень звучных названий. Бен-Шемен — Сын Масла; Дегания — Василек; Эйн-Ганим — Садовый Родник; Кфар-Иехезкиел — Село Иезекииля, древнего библейского пророка; Мерхавия — Просторы, подразумеваются — господни; Тель-Иосеф — Холм Иосифа. Кибуц, расположенный у входа в долину Хулы, столь милой сердцу Барака, был назван «Аелет-Гашахар» — «Утренней звездой». Был и Гешер — Мост, и Гиват-Гашлоша — Холм Трех. И каждый месяц возникали все новые и новые поселения и названия.

Кибуцовское движение, дитя суровой необходимости,

стало ключом к решению проблемы заселения страны. Киббуцы были в состоянии принять массу новых иммигрантов.

Однако не каждый мог приспособиться к жизни в киббуце. Многие женщины, которые самозабвенно боролись за равноправие, не слишком дорожили им после того, как оно было достигнуто. Другие жаловались на то, что нет условий для личной жизни; третьим не нравилось, что дети росли отдельно от родителей. Хотя весь Ишув поддерживал идею национальной собственности на землю и личного труда, но главная причина, из-за которой многие не могли привыкнуть к киббуцковскому образу жизни, состояла в том, что им не хватало земельного участка и двора, которые они бы могли назвать своими. Поэтому небольшая группа откололась от киббуцкого движения. Она стала называться Движением мошавов. В мошаве каждый имел свой личный земельный участок для обработки, а также свой личный двор. Общественными были только общее управление и сельскохозяйственные машины. Некоторые основные культуры обрабатывались тоже сообща всем мошавом, а снабжением и сбытом ведала централизованная организация, действующая на кооперативных началах.

Основная разница между мошавом и киббуцом была в относительно большей личной свободе, и еще в том, что каждая семья жила отдельно и обрабатывала свой участок, как считала нужным. Первый мошав был создан в Ездрелонской долине и назван библейским именем местности «Нахалал» — «Наследство». Место было безнадежно заболочено, и было чудом, что поселенцам, после долгих лет нечеловеческого труда, удалось сделать эту землю плодородной.

Главным недостатком мошава было то, что его члены работали только на себя, и что он не мог принять такого числа новых иммигрантов, какие принимали киббуцы. Тем не менее оба движения развивались и росли.

С ростом Ишува усложнялись и его проблемы. Барак Бен Канаан, всеми уважаемый старый деятель, никогда не знал покоя. Помимо всего прочего, Сионизм очень громоздкая машина. В Ишуве было множество различных политических течений. После погромов взаимоотношения с арабами стали гораздо сложнее; не менее запутанными были и взаимоотношения с англичанами после того, как они стали пренебрегать Бальфурской декларацией и парагра-

фами мандата. По любому вопросу бегали за советом к Бараку. Хотя беспорядков и погромов больше не было, атмосфера оставалась напряженной. Каждый божий день новое нападение, новое воровство, раздавался новый выстрел из-за угла. Не прекращались враждебные проповеди в мечетях. Хадж Эмин эль-Хусейни, сатанинский иерусалимский муфтий, продолжал свою черную работу за спиной у властей и делал все, чтобы вражда не стихала.

Шел 1924 год. Однажды Барак вернулся в Тель-Авив после очень трудной недели в Национальном Совете в Иерусалиме. Он всегда был счастлив, когда возвращался в свою трехкомнатную квартиру на улице Яркона, из окон которой открывался чудесный вид на Средиземное море. На этот раз его встретила неожиданная радость: его ждал дома старый друг, Каммаль, мухтар из Абу-Иеши.

— Много лет я бьюсь над тем, как лучше всего решить головомолную проблему оказания помощи моему народу. Мне больно признаваться в этом, но нет хуже эксплуататоров, чем наши арабские эффенди. Они ничего не хотят делать для феллахов... Они боятся, как бы это не повредило их благополучию.

Барак слушал внимательно. В устах араба, да еще такого просвещенного, как Каммаль, это было в высшей степени необычное признание.

— Я видел, как евреи возвращались в страну и совершали чудеса. У нас нет ничего общего: ни религии, ни языка, ни внешности. Я даже не уверен, что евреи не завладеют когда-нибудь всей страной. Но... евреи — единственное спасение для арабов. Именно евреи, впервые за тысячу лет, принесли свет в эту заброшенную землю.

— Я знаю, Каммаль, что вам нелегко говорить об этом...

— Дайте мне, пожалуйста, досказать. Если только мы сможем жить мирно, как хорошие соседи, несмотря на то, что мы так далеки друг от друга, то в конце концов мы тоже извлечем выгоду из всего того, что делаете вы. Я просто не вижу другого пути для арабского народа, Барак, хоть и не уверен в том, хорошо это или плохо.

— Мы ни разу не давали вам повода сомневаться в нашем искреннем стремлении к миру....

— Да... но есть силы гораздо могущественнее, чем мы с вами, и они легко могут развязать конфликт между нами, даже помимо нашей воли.

А ведь он прав, подумал Барак, очень и очень прав.

— Барак, я хочу продать Сионистскому Поселенческому Обществу те земли у озера Хулы, которыми вы всегда так интересовались.

Сердце Барака забилося быстрее.

— Я делаю это не только из благожелательства. Я ставлю еще некоторые условия. Вы должны позволить арабам из Абу-Иеши перенять ваш сельскохозяйственный и санитарный опыт. Для этого, конечно, потребуется время. Кроме того я требую, чтобы часть детей села, самые способные, могли посещать вашу школу.

— Мы это с удовольствием сделаем.

— У меня есть еще одно условие.

— А именно?

— Вы сами должны переехать тоже.

Барак встал и почесал свою лохматую бороду.

— Я? Почему именно я?

— Потому что, покуда вы там, я буду уверен, что условия будут соблюдаться, и что мы сможем все жить в мире. Я проникся доверием к вам еще в тот день, когда вы впервые появились мальчиком в Абу-Иеше, тридцать с лишним лет тому назад.

— Я подумаю, — ответил Барак.

— Ну, и что ты скажешь своему Каммалю? — спросила Сара.

Барак пожал плечами. — Что я ему могу сказать? Мы не можем, вот и все. Какой ужас! Годы целые я умолял его продать эту землю. Если мы теперь туда не поедем, то мы ее никогда уже не получим.

— Да, жалко, — согласилась Сара, разливай чай.

Барак шагал по комнате. Вид у него был несчастный.

— В конце концов, Сара, — бормотал он, — нам надо считаться с действительностью. Я здесь нужен. Тут и Национальный Совет и Поселенческое общество. Ведь я же не конфетами торгую на Алленби.

— Конечно нет, дорогой, — сочувственно ответила Сара. — Ты тут незаменим. Весь Ишув нуждается в тебе.

— Да, — сказал он, шагая снова по комнате, — к тому же мы с тобой уже не дети. Мне уже пошел шестой десяток, а с этой землей придется здорово повозиться.

— Ты прав, Барак. Мы уже слишком стары, чтобы

стать снова пионерами. Ты уже сделал свое для строительства этой страны.

— Точно! Придется мне отказать Каммалю.

Он тяжело опустился в кресло и глубоко вздохнул. Ему не удалось убедить себя. Сара стояла над ним и улыбалась.

— Ты никак смеешься надо мной? — сказал он тихо.
— Что ты там затеяла?

Она села к нему на колени, такая маленькая. Он погладил ее волосы своими ручищами, вдруг удивительно нежными.

— Я думала о тебе и об Ари. Работа, конечно, будет очень тяжелая, да и вообще будет нелегко.

— Шшшшш... молчи и пей чай.

Барак уволился из Поселенческого общества, продал тель-авивскую квартиру и во главе двадцати пяти семейств отправился в район болот Хулы, чтобы строить мошав. Они назвали его «Яд-Эль» — «Рука Господа».

Они разбили палатки ниже полей Абу-Иеши и разработали подробный план. Редко кому приходилось сталкиваться с такими трудностями. Болото было глубокое, сплошь заросшее непроходимой растительностью, полусгнившими корягами, над которыми возвышались на девять метров заросли тростника и папоротника. Болото кишело ядовитыми змеями, скорпионами, крысами и всевозможной пакостью. По ночам у одинокого лагеря кружили волки и дикие кабаны. Решительно все, в том числе и воду для питья и хозяйственных надобностей, приходилось завозить на мулах.

Саре поручили заботу о лагере, болничной палатке и кухне. Барак руководил работой бригад, отправлявшихся день за днем с лопатами и кирками на болото.

В это первое изнурительное лето они работали день за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем, в невыносимый зной, стоя по пояс, а то и по горло, в воде, вырубая бурелом и прокладывая сточные канавы. По вечерам они рук не чувствовали от непрерывной работы топорами. Женщины отправлялись на болото вместе с мужчинами. Молодой Ари Бен Канаан, в возрасте десяти лет, один из трех детей мошава, уносил хлам и доставлял еду и питье рабочим. Работа шла непрерывно, без выходных, от зари до зари. И все же у людей доставало сил, чтобы

после работы спеть еще несколько песен хором и сплясать хору, прежде чем лечь спать, хотя для сна им никогда не оставалось больше шести-семи часов.

Вдобавок нужно было еще нести по очереди вахту по ночам из-за возможных нападений и из-за зверей.

Люди прямо выбивались из сил. Нужно было закончить дренажные работы до начала зимних дождей. Если не будет стока, то работа всего лета пойдет насмарку. Посадили сотни австралийских эвкалиптов, которые должны были высасывать воду. Все окрестные кибуцы и мошавы ежедневно присылали в помощь людей, хотя у самих людей не хватало.

По ночам, при свечах, Сара и Барак по очереди занимались с Ари и с остальными двумя детьми.

Наступили зимние ливни и чуть не смыли весь лагерь. После каждого ливня они бросались к каналам, чтобы расчистить их от наносов и дать ход воде.

Как ни силен и непреклонен был Барак Бен Канаан, но и он начал сомневаться — не слишком ли непосильную взвалили они на себя задачу? Каждый раз, когда он смотрел на Сару и на Ари, у него сердце обливалось кровью. Они вечно были искусаны насекомыми, страдали от поноса, а то и от голода и жажды.

Всего хуже была свирепствовавшая среди поселенцев малярия. Сара перенесла уже пять приступов, а Ари — четыре. Лихорадка, и жар, и бред прямо убивали их. Но, как и Сара, Ари терпеливо переносил тяжелую болезнь.

Многие не выдержали трудностей. Около половины первоначально прибывших вернулись в город, чтобы подыскать себе что-нибудь полегче.

А вскоре Яд-Эль обзавелся собственным кладбищем: двое умерли от малярии.

Яд-Эль — Рука Господа! Может быть, их и впрямь привела сюда рука господа, но осушить болото должны были человеческие руки.

Три года пришлось биться, прежде чем они покорили болото.

Наконец было достаточно осушенной земли, чтобы создать двадцать пять хозяйств по двести дунамов в каждом. Почивать на лаврах было некогда, нужно было сеять и строить дома.

Ари Бен Канаан благополучно справился как с малярией, так и со всеми другими болезнями и вытянулся рос-

лым парнем, крепким как скала. В четырнадцать лет он не уступал в работе взрослым.

Когда они переехали в свой дом, и посевная была позади, Сара вознаградила Барака за все трудные годы вестью о том, что она беременна.

К концу четвертого года в жизни Барака Бен Канаана произошли два знаменательных события: Сара подарила ему девочку, у которой были такие же огненно-рыжие волосы, как у него, а вторым событием был праздник первого урожая, снятого в Яд-Эль.

Вот тут-то усталые труженики приостановили наконец работу и устроили праздник. Вот это был праздник! Кибуцники и мошавники со всей округи, подавшие в трудную минуту руку помощи жителям Яд-Эль, съехались на праздник. Пришли арабы из Абу-Иеши. Целую неделю пир шел горой, и ночи напролет отплясывали хору, пока люди не валились с ног под утро от радостной усталости. Все шли любоваться новой дочерью Барака и Сары. Ее назвали Иорданой, по реке, протекавшей тут же на окраине Яд-Эля.

В самый разгар праздника Барак позвал своего сына Ари, они оседлали двух коней и поскакали в Тель-Хай к тому месту, где Барак сорок лет назад пересек границу из Ливана в Обетованную землю. Тель-Хай, место гибели Иосифа Трумпельдора, чтит весь Ишув. Барак остановился на вершине горы и посмотрел вниз на Яд-Эль, как тогда поклялся.

— Я привел сюда твою мать, прежде чем мы поженились, — сказал он Ари. Он обнял сына за плечи. — Когда-нибудь в этой долине будет два десятка сел, и она будет зеленеть круглый год.

— До чего же красив наш Яд-Эль, если посмотреть отсюда! — сказал Ари.

Вращались дождевальные установки, строилась новая школа. Был хорошо виден огромный двор, где стояли трактора и прочие сельскохозяйственные машины. Всюду виднелись дорожки, вдоль них кусты роз, клумбы цветов, деревья и просторные газоны.

Было и горе: на кладбище в Яд-Эль было уже пять могил.

Как Каммаль надеялся, создание Бет-Эля произвело на арабов Абу-Иеши глубокое впечатление. Уже сам мошав

был для них чем-то невиданным. Барак честно выполнял все условия, предусмотренные договором, организовал специальные курсы для арабов. Их обучали гигиене, санитарии, пользованию сельскохозяйственными машинами и уходу за ними, передовым агротехническим методам. На эти курсы мог поступить каждый молодой араб села Абу-Иеша. Врач и медсестра, обслуживавшие Яд-Эль, обслуживали и арабов.

Любимый сын Каммалья, Таха, был чуть помоложе Ари. С самого рождения Каммаль внушал сыну стремление помочь феллахам. Таха, будущий мухтар Абу-Иеши, проводил время больше в Яд-Эле, чем в собственном селе. Он был личным подопечным всего семейства Бен Канаан. Таха и Ари стали закадычными друзьями.

Пока Яд-Эль и Абу-Иеша жили рядом мирно, являясь живым доказательством того, что арабы и евреи могут мирно сосуществовать несмотря на всю разницу в культуре. Многие феодальные семейства Палестины испытывали все больший и больший страх. Их пугал дух прогресса, привезенный Третьей волной иммиграции.

Вначале феодалы продавали евреям бесполезные болота и выветрившиеся скалистые холмы, стремясь отхватить как можно больше «еврейского золота» и не сомневаясь, что ничего у евреев не получится. Те, однако, не отступали ни перед какими трудностями и совершали прямо чудеса. Не только земля стала плодородной, но по всей Палестине возникали города.

Пример евреев мог привести к пагубным последствиям. Что, если феллахи начнут теперь требовать образования, санитарии и медицинского обслуживания? Вдруг феллахам взбредет на ум, боже упаси, взять пример с евреев и они введут и у себя самоуправление, основанное на свободных выборах, предоставляя право голоса не только мужчинам, но и женщинам! Это было бы катастрофой для системы безраздельного господства феодалов!

Чтобы предотвратить эту опасность, феодалы всячески насаждали невежество, страх и религиозный фанатизм среди феллахов. Они снова и снова вдавливали им в голову, что евреи напустились на них с Запада, чтобы отобрать у феллахов землю, хотя сами феодалы продавали евреям эти земли. Они создавали искусственное напряжение с тем, чтобы феллахи как можно меньше приходили в соприкосновение с новыми идеями.

После ряда лет относительного спокойствия Хадж Эмин эль-Хусейни развернул новую кампанию. На этот раз он хладнокровно инсценировал провокацию, единственной целью которой была новая волна погромов.

То место в Иерусалиме, где стоял так называемый «Храм на скале» или Мечеть Омара, священно для магометан: именно с этого места Магомет вознесся, по мусульманскому преданию, на небо. Рядом с этим местом стоит единственная стена, сохранившаяся от Великого еврейского храма, разрушенного во второй раз римлянами в 76 г. н. э. Эта сохранившаяся стена древнего храма является самым святым местом для евреев. У этой стены всегда можно видеть группы благочестивых евреев, молящихся и оплакивающих былое величие Израиля. Из-за непрерывно проливаемых у этой стены слез, стену так и называют «Стеной плача».

Муфтий пустил в ход подложные фотоснимки, на которых евреи, собравшиеся у Стены плача, делали якобы приготовления, чтобы «осквернить» священное для арабов место, где расположена Мечеть Омара. Охваченные фанатизмом, под давлением подстрекательства клики эль-Хусейни и других феодалов, феллахи учинили новый погром. Снова погромщики набросились на беззащитных стариков, доживавших свой век в святых городах. Кровавая резня во много раз превосходила погромы, спровоцированные тем же муфтием десять лет тому назад. Погромщики накинулись на этот раз и на поселения, которые послабее, они бесчинствовали на дорогах, и жертвы с обеих сторон исчислялись тысячами. Англичане оказались и тут бессильными приостановить резню.

Они назначили следственную комиссию. Комиссия недвусмысленно установила, что вина лежит всецело на арабах. И все же, по какому-то странному парадоксу, и совершенно не считаясь ни с Бальфурской декларацией, ни с параграфами мандата, она предложила ограничить иммиграцию и приобретение земли евреями, «чтобы не вызвать у арабов лишних опасений».

ГЛАВА 14.

В том же 1929 году, когда происходили погромы, земледельцы Яд-Эля заключили договор с мельником арабского села Аата, расположенного километрах примерно в десяти от Яд-Эля.

Как-то Барак поручил Ари отвезти на мельницу зерно. Сара возражала против того, чтобы четырнадцатилетнего мальчика отправляли в путь одного, да еще когда погром так и висит в воздухе. Барак, однако, твердо стоял на своем. — Ни Ари, ни Иордана не будут знать того страха, какой испытывали евреи в гетто.

Ари был чрезвычайно польщен отцовским доверием и прямо сиял от гордости, когда прыгнул в запряженную осликом повозку. В повозке лежало с дюжину мешков пшеницы. Мальчик гикнул, и повозка тронулась в сторону Ааты.

Как только он въехал в село, десяток арабских подростков, бездельничавших возле кофейни, заметили его. Они подождали, пока он повернул за угол, и украдкой последовали за ним на мельницу.

Ари, гордый оказанным ему доверием, был поглощен своим делом. Он договорился обо всем с мельником на чистом арабском языке, которому научился у своего закадычного дружка Тахи. Зерно нужно было молоть мелко, на муку. Ари тщательно следил за тем, чтобы вся мука попала в его мешки, и чтобы ему не подменили, чего доброго, мешок арабским зерном худшего качества. Мельник, который надеялся поживиться на этой сделке хотя бы мешком зерна, был прямо ошеломлен смысленностью подростка. Закончив свои дела на мельнице, Ари отправился обратно в Яд-Эль.

Подростки-арабы, поджидавшие его, быстро договорились с мельником, что они отнимут муку у Ари и продадут ее на мельницу. Они бросились в обгон кратчайшим путем и устроили засаду на дороге.

Через несколько минут появился ничего не подозревавший Ари на своей повозке. Парни выскочили из укры-

тий и закидали Ари камнями. Ари стегнул ослика кнутом, но дорога была завалена булыжником, и ему волей-неволей пришлось остановиться. Его столкнули с повозки, зверски избили и оставили полуживого на дороге. Пока четверо парней его избивали, остальные стащили мешки с повозки и только их и видели.

Мальчик вернулся в Яд-Эль поздно ночью.

Сара открыла ему дверь. Увидев его окровавленное лицо и изорванную одежду, она вскрикнула. Не говоря ни слова, он постоял с минуту, затем сжал зубы, ринулся мимо матери в свою комнату и закрыл дверь на замок.

Сколько мать ни упрасивала, пока Барак не вернулся с собрания в мошаве, Ари так и не открыл двери.

Затем он встал перед отцом: — Я тебя подвел... У меня отняли муку, — выжал он из себя сквозь разбитые в кровь губы.

— Не ты меня, а я тебя подвел, — ответил Барак.

Сара бросилась к мальчику и стала его обнимать: — Никогда, никогда я ему больше не дам ехать одному. — Она увела его, чтобы умыть. Барак не произнес больше ни слова.

На следующее утро после завтрака, перед тем как отправиться в поле, Барак взял Ари за руку и повел его в амбар.

— Я упустил кое-что в твоём воспитании, — сказал Барак, снимая старый кнут с гвоздя.

Барак сделал чучело и прибил его к перегородке. Он показал Ари, как нужно прикинуть глазом расстояние, как нужно прицелиться, как нужно ударить. Как только засвистел бич, Сара прибежала в амбар с Иорданой на руках.

— Ты с ума сошел! Ведь он еще совсем маленький, а ты его обращаться с кнутом учишь!

— Проваливай отсюда! — заревел Барак таким голосом, какого она ни разу от него не слышала за двадцать лет супружества. — Сын Барака Бен Канаана — вольный человек! Он никогда не будет евреем из гетто. Ну, теперь ступай... у нас дело есть.

Ари упражнялся кнутом с утра до самого вечера. Он рассек чучело в клочья. Он до тех пор целился в камни, пустые консервные банки и бутылки, пока не научился поражать их коротким рывком запястья. К вечеру у него рука онемела от этих упражнений.

Спустя две недели Барак снова погрузил в повозку десяток мешков пшеницы. Он обнял сына за плечи, повел его к повозке и вручил ему кнут.

— Свези пшеницу в Аату на мельницу.

— Да, отец, — тихо ответил Ари.

— Помни, сын, одно. У тебя в руках оружие, но пусть оно служит только справедливости. Никогда не пользуйся им в порыве гнева или в целях мести. Только для защиты.

Ари прыгнул на повозку, выехал из села и повернул на шоссе. Сара побежала в спальню и тихо плакала, глядя через окно на шоссе и провожая сына глазами.

Барак сделал то, чего он уже много, много лет не делал: он сел и принялся читать Библию.

Арабские подростки и на этот раз устроили Ари засаду на обратном пути в километре с лишним от Ааты. Но теперь внимание, а также мышцы Ари были напряжены до предела. Помня наставления отца, Ари оставался спокойным и хранил хладнокровие. Когда в него полетели первые камни, он спрыгнул с повозки, нашел взглядом вожака, прицелился и, молниеносно взмахнув рукой, пустил в ход кнут. Кнут засвистел в воздухе и его кончик обнял шею парня. Рывок — и вожак лежал распростертый на земле. Вторым рывком Ари освободил кнут и с такой силой ударил им по противнику, что кнут рассек ему мышцы до самих костей. На этом бой и кончился, так как все бросились врассыпную.

Бледный Барак Канаан ждал сына. Солнце уже стало клониться к закату, а Ари все еще не было. Барак стоял у входа села и не мог унять дрожь. Вдруг он увидел повозку с осликом на шоссе, и его лицо расплылось в широкой улыбке. Ари остановил повозку перед отцом.

— Молодец Ари! Как ты съездил?

— Хорошо съездил.

— Ладно, я сам разгружу муку. Ты пойди лучше к матери. Она почему-то очень беспокоилась.

К 1930-ому году погромы утихли. В Абу-Иеше и Яд-Эле никаких беспорядков так и не было. Большинство деревень, лежавших за пределами сферы влияния муфтия, не принимали участия в беспорядках.

Ари Бен Канаан ходил на отца не только телосложением, но почти во всем. Он был такой же рассудитель-

ный, такой же спокойный и такой же настойчивый. Он понимал, как важно изучить своих арабских соседей. Таха по-прежнему был его самым близким другом, и ко всем остальным арабам он тоже относился с пониманием и сочувствием.

Ари влюбился в девушку, которую звали Дафной. Ее родители жили в километре от них. Никто в точности не знал, с чего все началось, но все были убеждены, что рано или поздно Ари и Дафна поженятся, так как они никого, кроме друг друга, не замечали.

Маленькая рыжая Иордана была очень живой и непокорной девчонкой. Она во многих отношениях олицетворяла поколение детей, родившихся уже в Палестине. Родители, жившие когда-то в гетто и знавшие все страхи и унижения, выпавшие на долю евреев только потому, что они родились евреями, были полны решимости избавить своих детей от этих страхов. Они нередко даже перегибали палку в своем стремлении вырастить своих детей вольными и сильными.

В пятнадцать лет Ари был уже членом Хаганы, тайной армии самообороны. Хотя ей не было еще тринадцати лет, но Дафна умела уже обращаться с полдюжиной видов оружия. Ибо, если это было новое поколение и новый тип евреев, этому поколению предстояло решать задачи, которые превосходили даже задачи Второй и Третьей Али.

Хагана достаточно окрепла, чтобы обуздать приверженцев муфтия и отбить у них охоту к новым беспорядкам, однако ликвидировать причину и главных инициаторов этих беспорядков у нее не было достаточных сил; с этим могли справиться только англичане.

Снова были назначены британские следственные комиссии и снова арабов оправдали.

Пользуясь нерешительностью англичан, муфтий все больше и больше нагел.

Спустя некоторое время после погромов Хадж Эмин Эль-Хусейни создал в Иерусалиме конференцию мусульманских вождей. Они стали съезжаться со всего мира. Эль-Хусейни создал организацию, сам ее и возглавил. Ее целью было «спасти Ислам от англичан и жидов», как он широкообещательно заявлял.

Хорошие отношения первых лет, тот факт, что евреи значительно подняли благосостояние всего арабского на-

селения Палестины, что страна лежала заброшенная и никому не нужная в течение тысячи лет, пока не пришли евреи и не построили ее заново, все это вмиг забывалось, как только раздавались подстрекательские проповеди иерусалимского муфтия. Уничтожение еврейского очага стало «священной» задачей панарабизма.

Такие же демагогические речи произносились и против англичан. Они, дескать, лгали, обещая арабам независимость. Они поддерживали евреев против арабов. Пока арабские демагоги неистовствовали, не зная удержу, англичане преспокойно проглатывали все.

В 1933 году на евреев обрушилось еще одно страшное бедствие. Адольф Гитлер пришел к власти в Германии. Гитлер сразу принял меры против выдающихся деятелей, евреев по национальности. Наиболее дальновидные из них немедленно покинули Германию, а многие нашли убежище в Палестине. Все это было лишним аргументом в пользу настоятельной необходимости Сионизма и национального очага для евреев. Преследование евреев может вспыхнуть в любой момент и в любой части земного шара. Герцль знал это очень хорошо, знал это и каждый еврей.

Немецкие евреи, бежавшие от Гитлера, отличались от евреев гетто и стран Восточной Европы. Они не были убежденными сионистами; наоборот, они успели сильно ассимилироваться в Германии. Это были не поселенцы или купцы, а врачи и юристы, ученые и мастера.

В 1933 году арабские вожди стали призывать всех арабов провести генеральную забастовку в знак протеста против еврейской иммиграции в Палестину. Были попытки вызвать новую волну погромов. Однако на этот раз из этого ничего не вышло. Большинство арабов, поддерживавших деловые сношения с евреями, не желали порвать эти отношения, так как они были взаимовыгодными для обеих сторон; многие же села, как, например, Абу-Иеша и Яд-Эль, жили в добром согласии друг с другом. Кроме того, Хагана была начеку и не допустила бы повторения беспорядков 1929 года.

На арабские призывы к всеобщей забастовке англичане снова ответили пустыми словами и назначением новых следственных комиссий. Чтобы еще больше угодить арабам, англичане установили на этот раз ограничения как на иммиграцию евреев, так и на приобретение ими земли.

Именно тогда, когда Ишув отчаянно нуждался в открытой иммиграции, англичане забыли о своих обещаниях.

Еврейский Национальный Совет принял контрмеры. Однако он мог действовать только в обход закона, то-есть через Хагану... Так возникла Алия Бет.

Муфтий продолжал нажимать на англичан, пока они не направили свой королевский флот для борьбы с Алией Бет и для блокады Палестинского побережья.

Влияние Хадж Эмина эль-Хусейни росло с каждым днем. Тут он еще нашел себе могущественного союзника — Адольфа Гитлера. Немцы, у которых были собственные интересы на Ближнем Востоке, были чрезвычайно довольны создавшимся там положением. Что могло быть лучше для немецкой пропаганды, чем всячески перепевать тезис, будто евреи стремятся захватить земли арабов точно так же, как они хотели захватить всю Германию. Ненависть к евреям и к британскому империализму — какая божественная музыка для слуха муфтия! У немцев дела шли неплохо. Хадж Эмин эль-Хусейни наконец-то нашел способ обеспечить себе власть над арабским миром.

В Каире и Дамаске стали появляться немецкие деньги. Немцы — наши друзья! Арабская земля для арабов! Англичан и их еврейских марионеток — вон! В высших кругах Каира, Багдада и Сирии арабы обменивались дружескими рукопожатиями с нацистами.

Пока собирались эти тучи, у Ишува оставался один козырь в руках — Хагана. Хотя эта тайная армия и не была связана официально с Еврейским Национальным Советом, о ее существовании и могуществе знали все. Евреи делали вид, что ничего не знают, но англичане знали, что Хагана существует, и — что было гораздо важнее — об этом знал и муфтий.

Хагана выросла буквально из ничего в мощную силу, насчитывавшую свыше двадцати пяти тысяч мужчин и женщин. Это были почти поголовно добровольцы, и лишь несколько десятков командиров были на жалованьи. Хагана располагала небольшой, но в высшей степени эффективной разведкой, с которой не только открыто сотрудничало много британских офицеров, но которая запросто могла купить сколько угодно арабских шпионов. В каждом городе, в каждом селе, кибуце, мошаве, имелись ячейки Хаганы. Засекреченный пароль мог поднять тысячи мужчин

и женщин, и в течение нескольких минут они были бы вооружены из тайных складов.

Авидан, лысый гигант и бывший солдат, возглавлявший Хагану, тщательно строил эту организацию в течение полутора десятков лет прямо под носом у англичан. Организация действовала в высшей степени слаженно: она располагала секретной радиостанцией, руководила нелегальной иммиграцией, и ее агенты действовали буквально во всех странах мира, главным образом скупая оружие и переправляя его тайно в Палестину.

Были сотни способов нелегального ввоза оружия в Палестину. Его прятали в крупное строительное оборудование — это, кстати, был самый излюбленный способ: в паровой каток прятали до ста винтовок. Каждый ящик, каждый агрегат, даже консервная банка или бутылка вина, которые ввозили в Палестину, могли служить тайником для провоза оружия. Чтобы остановить эту контрабанду, англичанам пришлось бы подвергнуть тщательной проверке каждый предмет. К тому же много британских служащих смотрели сквозь пальцы, не принимая решительно никаких мер.

Весь Ишув так или иначе принимал участие в провозе и сокрытии оружия, но все равно ни тяжелого, ни достаточного количества современного легкого оружия провозить не удавалось. То, что попадало в страну, состояло в основном из списанных или вышедших из употребления винтовок и пистолетов самого разношерстного производства. Ни на одном военном складе на свете не было такого скопления всевозможного оружия. Не было на свете типа винтовки или пистолета, который бы не был представлен в двух-трех экземплярах в Хагане. Множество видов простейших пушек, обрезы, гранаты производились тайком на месте. На складах оружия Хаганы были даже тросточки, из которых можно было стрелять — правда, только один раз.

Раз попав в страну, оружие тщательно пряталось. Каждый стол, стул, холодильник, каждая кровать или кушетка могли служить тайником. В каждом еврейском доме был по крайней мере один ящик с двойным дном, какой-нибудь тайник в стене, под полом, всюду, где только можно.

Оружие провозили, пряча его в запасном колесе автобуса, в авоськах и под повозками, запряженными ишака-

ми. Полагаясь на «респектабельность» англичан, Хагана переправляла оружие через детей или еще лучше — через женщин, которые прятали его под платьем.

В деле создания Хаганы кибуцы оказались не только наилучшей формой для строительства страны, но и для организации еврейских вооруженных сил. Благодаря своему сельскому характеру кибуцы лучше всего подходили для обучения молодых бойцов. Десяток или два таких будущих бойцов легко растворялись среди нескольких сот членов кибуца. Кибуц был также наиболее подходящим местом для тайного хранения и производства оружия. А главное — в кибуцах легче всего устраивались новоприбывшие нелегальные иммигранты. Именно кибуцы дали большинство наиболее выдающихся командиров Хаганы.

Основная сила Хаганы состояла в том, что весь Ишув безоговорочно признавал ее авторитет. Распоряжение Хаганы выполнялось беспрекословно, как приказ. Авидан и остальные руководители Хаганы были чрезвычайно осторожны и пускали в ход оружие только в целях самообороны. Когда в 1933 году была объявлена всеобщая забастовка, Авидан предупредил, что Хагана даже не попытается нанести поражение палестинским арабам. «Палестина будет завоевана нашим потом». Это была армия, которая прежде всего не давала себя спровоцировать.

В Хагане было много таких, что считали, что она не должна так сильно сдерживаться. Было немало активистов, которые требовали немедленных ответных действий.

Акива был одним из них. Официально он был членом кибуца «Эйн-Ор», в действительности же он был одним из ведущих деятелей Хаганы: ему была поручена оборона всей Галилеи.

За эти годы Акива состарился гораздо больше, чем его брат Барак. У него было очень усталое лицо, а борода почти вся поседела. После гибели Руфи и Шароны он так и не оправился. Осталась какая-то горечь, которая мучила его день и ночь.

Он был неофициальным лидером крайней фракции в рядах Хаганы, которая требовала больше действия. С годами и по мере того, как положение становилось все более напряженным, группа Акивы становилась все более воинственной. Даже за пределами Палестины среди сионистов создавались группы, которые поддерживали его.

Когда англичане объявили блокаду Палестинского по-

бережья, у Акивы лопнуло терпение и он решил действовать. Он созвал узкое совещание своих сторонников из рядов Хаганы. Это были такие же озлобленные люди, как он сам, и они приняли решение, которое потрясло Ишув до самого основания.

Весной 1934 года Авидан срочно вызвал Барака в Иерусалим.

— Произошло что-то ужасное, Барак, — сказал Авидан. — Твой брат Акива вышел из Хаганы и увлек за собой десятки командиров. Сотни наших людей хотят последовать их примеру.

Барак был потрясен. Когда первое волнение прошло, он глубоко вздохнул.

— Он уже давно грозился поступить так. Сказать правду, я скорее удивлялся тому, как сдержанно он вел себя до сих пор. Этот бунтарский дух овладел Акивой еще десятки лет тому назад, когда убили нашего отца. Гибель жены нанесла ему новый удар, от которого он так и не оправился.

— Ты знаешь, — сказал Авидан, — что половину своих усилий мне приходится тратить на то, чтобы удерживать ребят от опрометчивых действий. Если только дать им волю, они завтра же объявят войну англичанам. Чувствуем мы с тобой, и даже с Акивой, одинаково, но он может погубить нас всех. Одна из причин, давших нам возможность добиться в Палестине всего того, чего мы добились, заключается как раз в том, что несмотря на наши внутренние распри мы всегда действовали как один человек, когда мы имели дело с внешними факторами. Англичанам и арабам приходилось вести переговоры с нами, как со сплоченным воедино народом. Теперь у Акивы эти отряды горячих голов. Если только они начнут террор, отвечать придется всему Ишуву.

Барак поехал на север в Эйн-Ор, который был расположен не очень далеко от его собственного мошава Яд-Эль. Как и большинство кибуцов, Эйн-Ор превратился в настоящий сад. Будучи одним из самых старых членов и даже основателей кибуца, Акива жил в отдельном двухкомнатном коттедже, битком набитом книгами. У него даже был радиоприемник и личная уборная — большая редкость в кибуцах того времени. Акива любил Эйн-Ор, как раньше любил Шошану. После смерти Руфи и Шароны

Барак долго упрашивал его переехать к ним в Яд-Эль, но Акиве нравилась жизнь в кибуце, и он предпочел остаться со своими горестными воспоминаниями в своем кибуце.

Барак говорил с братом как только мог мягко. Акиве все доводы были давно известны. Он нервничал и волновался, предчувствуя, что на этот раз дойдет до разрыва с братом.

— Итак, господа из Совета послали тебя, чтобы уговорить меня. Они становятся постепенно большими мастерами всяких уговоров.

— Я бы и без приглашения приехал, как только узнал о безумном деле, которое ты затеял, — ответил Барак.

Акива снова зашагал по комнате. Барак не отрывал от него глаз. В нем бушевал тот же злой огонь, что и в годы, когда он был мальчиком.

— Я делаю всего лишь то, что и сам Национальный Совет признает, но делать боится. Рано или поздно даже им придется смотреть жизни в глаза. Англичане — наши враги.

— Мы этого не думаем, Акива. В конце концов мы немало добились при власти англичан.

— В таком случае ты просто дурак.

— Может, я и бывал неправ. Но что ни говори, англичане являются законной властью в стране.

— И спокойно смотрят, как нам перерезывают горло, — издевательски произнес Акива. — Господа из Национального Совета являются с портфелями на совещания, вручают вежливые ноты, делятся мнениями, занскиваяще кланяются, а тем временем муфтий и его головорезы творят, что хотят. Ты когда-нибудь видел, чтобы арабы вступали в переговоры?

— Мы добьемся своего законными путями.

— Мы добьемся своего в борьбе!

— Пускай так. Но тогда мы должны вступить в борьбу сплоченными рядами. Ты становишься на один уровень с муфтием, когда начинаешь создавать свои отряды. Ты когда-нибудь подумал, что будет, когда англичане покинут Палестину? Какой бы оправданной ни была твоя обида... и моя тоже... но англичане все-таки остаются нашим лучшим орудием на пути достижения государственной независимости.

Акива сделал презрительный жест рукой.

— Мы добьемся государственной независимости тем

же путем, каким заново построили эту страну... чашим потом и кровью. Я не желаю сидеть сложа руки и ждать подачек от англичан.

— Я последний раз прошу, Акива... Не делай этого. Ты только дашь повод нашим врагам показывать на нас пальцем и вооружишь их лишним аргументом в их лживой пропаганде.

— Ах вот оно что! — вскричал Акива. — Вот мы и добрались до корня! Евреи, значит, должны играть твердо по правилам! Евреям нельзя применять силу! Им можно только умолять и выпрашивать! Еврей обязан подставлять щеку!

— Перестань!

— Не перестану! — продолжал кричать Акива. — Все что угодно, только не драться! Немцы, арабы и англичане еще подумают, чего доброго, что мы непослушные дети.

— Я говорю, перестань!

— Ты остался евреем из гетто, Барак. И ты, и все твои товарищи из Национального Совета. Но вот что я тебе скажу, мой дорогой брат! Перед тобой человек, который не боится поступить дурно, зато твердо решил не сдаваться. Наплевать нам на то, что скажет этот твой трижды проклятый мир.

Барака трясло от злости. Все же он продолжал сидеть не двигаясь и изо всех сил пытался скрыть свой гнев. Акива все говорил и говорил. Впрочем, так уж Акива неправ? Сколько горя и унижений, измен и страданий должен вынести человек, прежде чем поднять руку в ответ?

Барак поднялся и направился к двери.

— Скажи Авидану, господам из Совета и всем этим мелким маклерам, что Акива и Маккавеи велели передать англичанам и арабам вот что: «Око за око и зуб за зуб!».

— Ты не смеешь больше ступить через порог моего дома, — сказал Барак.

Оба брата постояли некоторое время друг против друга, не сводя глаз друг с друга. В глазах Акивы заблестели слезы.

— Не переступить порога твоего дома?

Барак не отвечал.

— Да ведь мы с тобой братья, Барак. Ты меня на своем горбу доставил в Палестину.

— О чем я теперь очень сожалею.

У Акивы задрожали губы.

— Я такой же еврей, как ты, и не меньше твоего люблю Палестину. Ты осуждаешь меня за то, что я следую велениям моей совести...

Барак вернулся в комнату.

— Это ты и твои Маккавеи натравливаете брата на брата. Еще когда мы с тобой были детьми, ты всегда подбирал подходящие цитаты из Библии. Так вот... ты бы лучше прочитал про zelотов, которые натравливали брата на брата, внесли раскол среди евреев и привели к разрушению Иерусалима римлянами. Вы называете себя Маккавеями, а я называю вас zelотами.

Барак снова направился к двери.

— Помни одно, Барак Бен Канаан, — сказал Акива. — Что бы мы ни делали, это не идет ни в какое сравнение с тем, что сделали с нами. Что бы Маккавеи ни сделали, этого никак нельзя назвать дурным, если сопоставить с убийством, продолжавшимся две тысячи лет.

ГЛАВА 15.

Яд-Эль расцветал и становился настоящим садом Эден. Мошав продолжал работу по осушению болот, так что на новой отвоеванной земле можно было поселить еще сотню семейств. Мошав располагал уже двумя дюжинами тяжелых сельскохозяйственных механизмов, а также опытной станцией. Рыбу в прудах мошав разводил коллективно.

Улицы Яд-Эля зеленели круглый год, а весной и осенью представляли симфонию всевозможных красок. В Яд-Эле были начальная и средняя школы, внушительные общественные здания, плавательный бассейн, библиотека, театр и небольшая больница с двумя штатными врачами.

Крупнейшим событием была электрификация новых сел. Когда электрический свет одновременно вспыхнул в Эйн-Оре, Кфар-Гилад, Аелет-Гашахар и Яд-Эле, это событие было отмечено такими празднествами, что перед ними бледнело все, что когда-либо видела долина Хулы.

В том же году евреи из Яд-Эля помогли своим арабским соседям проложить водопровод в Абу-Йешу: это было первое арабское село в Палестине с водопроводной сетью. Кроме того, они протянули сеть оросительных насосов, работающих на электричестве, и на поля Абу-Йеши, чтобы обучить арабов интенсивному поливному земледелию.

В благодарность, Каммаль преподнес Сионистскому Поселенческому Обществу в подарок несколько дунамов земли на небольшом плато, расположенном над селом: он знал, что евреи искали подходящий участок для молодежного поселения.

Ари Бен Канаан был гордостью своего отца. Ему еще не было семнадцати лет, а рост у него уже был метр восемьдесят и силы как у льва. Помимо иврита и английского, он знал еще немецкий, французский и идиш: когда Сара волновалась или злилась, она частенько пользовалась родным языком.

Ари очень любил сельское хозяйство.

Как и большинство молодежи мошава и всего Ишува, Ари и Дафна были в молодежной группе. Они исходили всю Палестину вдоль и поперек, посещали поля древних сражений, древние города и могилы. Они взбирались на гору Масаду, где евреи выдержали осаду римлян в продолжение трех лет, а то отправлялись в пустыню по следам Моисея и двенадцати колен. На них были традиционные голубые рубашки и шорты, они пели, плясали и были полны идеалов о восстановлении своей родины.

Дафна превратилась в стройную, крепкую девушку, очень красивую и влюбленную в сына Барака Бен Канаана. Было ясно, что они поженятся рано. Либо они создадут собственное хозяйство в Яд-Эле, либо переедут и построят вместе с другими такими же молодыми людьми новый мошав или киббуц, как это часто делали молодые люди после окончания школы. Но когда в стране начались беспорядки, у Ари с Дафной оставалось все меньше времени друг для друга. Ари обнаружил выдающиеся способности в рядах Хаганы, и несмотря на его молодой возраст, Авидан считал его одним из самых многообещающих военных в Палестине. Впрочем, большинству самых способных членов Хаганы не было еще двадцати лет.

Когда Ари исполнилось семнадцать, он организовал оборону Яд-Эля, Эйн-Ора и полдюжины киббуцов. Он так хорошо справился с задачей, что работал теперь почти все время по заданию Хаганы.

Когда началась борьба за нелегальную иммиграцию, Ари откомандировали в те места, где приставали нелегальные суда Алии Бет. Он скрывал нелегальных иммигрантов в киббуцах и собирал паспорта и визы у «туристов», приезжавших легально в Палестину.

Когда у него выдавался свободный день или два, он частенько звонил в Яд-Эль и тогда Дафна немедленно мчалась в Тель-Авив, чтобы встретиться с ним. Они отправлялись вместе на концерт оркестра филармонии, организованного преимущественно немецкими музыкантами (первым концертом дирижировал сам Тосканини); они посещали художественные выставки или лекции в молодежном клубе, а то просто гуляли по Алленби или улице Бен-Иегуды, где масса народу попивала кофе за столиками прямо на тротуарах. Бывало, они уходили в северную часть города и подолгу гуляли там вдоль тихого пляжа Тель-Ави-ва. Чем дальше, тем болезненнее они переживали час раз-

луки. Ари не хотел жениться, пока не обзаведется земельным участком и не построит себе дом. Однако беспорядкам не было конца, Ари поручали все новые и новые задания, и казалось, что это время никогда не наступит. Они очень любили друг друга. Она отдалась ему, когда ей было семнадцать, а ему — девятнадцать. Теперь они стремились уединиться, как только представлялся случай.

Напряжение, возникшее сразу после немецкой иммиграции в 1933 году, достигло своего апогея в 1935 году, когда евреям удалось переправить в Израиль как легальными, так и нелегальными путями, гораздо больше иммигрантов, чем когда-либо раньше. Если Вторая волна иммиграции принесла в страну идеалы и руководителей, а Третья — пионеров, то алия из Германии вызвала гигантский культурный и научный подъем Ишува.

Арабские феодалы, пристально наблюдавшие за непрерывным прогрессом евреев в стране, кипели от гнева. Их гнев достиг такой степени, что они впервые забыли свои распри и, сплотившись воедино, потребовали от англичан положить раз и навсегда конец как покупке земель евреями, так и иммиграции евреев.

В начале 1936 года Национальный Еврейский Совет потребовал от британских властей несколько тысяч виз на въезд в связи с тем, что положение евреев в Германии становилось все более угрожающим. Поддаваясь сильнейшему нажиму со стороны арабов, англичане не выдали и одной тысячи виз.

Видя растущую слабость англичан, муфтий решил на конец захватить одним ударом власть над Палестиной. Весной 1936 года он спровоцировал новую волну погромов. Под выдуманным предлогом, что, дескать, евреи ловят арабов в Тель-Авиве и убивают их, были организованы первые погромы в Яффе. Вскоре они перекинулись и на другие города. Как всегда, так и на этот раз жертвами погромов были в основном беззащитные набожные старики в священных городах. Сразу после первых погромов Хадж Эмин объявил о создании Верховного Арабского Комитета, провозгласил самого себя вождем этого Комитета и поставил перед собой цель организовать новую арабскую всеобщую забастовку против «проеврейской» британской политики.

На этот раз муфтий тщательно подготовил кампанию. Как только был провозглашен Верховный Арабский Ко-

митет, во все арабские города и села повалили молодчики эль-Хусейни и специально нанятые хулиганы, которые следили за тем, чтобы бойкот был полным. Они развернули кровавую кампанию убийств среди самих арабов, уничтожая каждого, кто был известен как противник муфтия. Хотя бунт был направлен якобы против евреев и англичан, но его главной целью было — убить всех политических противников муфтия.

Каммаль, старый друг Барака Бен Канаана и мухтар села Абу-Йеша, жестоко расплатился за свою дружбу с евреями. Головорезы эль-Хусейни застали престарелого мухтара молящимся на коленях в маленькой мечети села — и перерезали ему горло.

Таха, его сын, спрятался в Яд-Эле, где ему не грозила опасность. Кровавые оргии муфтия вынуждали арабов проводить забастовку и бойкот евреев. Урожай гнил в поле, так как сбывать его было некому. Яффский порт словно вымер, почти всякая деятельность была приостановлена. Забастовка нанесла огромный ущерб арабскому населению, но оно было бессильно против муфтия. В своих проповедях с амвона Хадж Эмин эль-Хусейни сыпал проклятиями по адресу евреев, и чем больше арабы бедствовали, тем они становились отчаяннее и злее. Вскоре арабы стали нападать на еврейские села, жечь поля и грабить. Если им попадался в одиночку небооруженный еврей, они ему не просто перерезали горло, но отрубали руки и ноги, выкалывали глаза и самым бесчеловечным образом издевались над трупом.

Зверства все усиливались. Авидан призывал евреев к спокойствию и сдержанности. Арабы, — говорил он, — жертвы преступной агитации. Ответное насилие ничего хорошего не даст.

Совсем по-другому относились к происходящему Акива и его Маккавей. Вскоре после того, как Маккавей откололись от Хаганы, англичане объявили их вне закона, и им пришлось уйти в подполье. До известной степени англичане смотрели на Хагану сквозь пальцы, так как им была известна сдержанная политика Хаганы и то, что Хагана действует только в целях самообороны. Более того, Хагана никогда не действовала против англичан. Другое дело Маккавей. Они были ярыми врагами англичан и отнюдь не собирались вести себя сдержанно. Поэтому Маккавеям пришлось уйти в подполье и скрываться в трех

главных городах страны: Тель-Авиве, Иерусалиме и Хайфе.

Сторонники Акивы решили ответить террором на террор, но они были недостаточно многочисленны, им не хватало сил, чтобы тягаться с бандами муфтия. Хотя еврейское руководство отмежевывалось от них, все же многие евреи восхищались ответными ударами Маккавеев.

Держа Палестину за горло, Хадж Эмин эль-Хусейни принялся за осуществление второй части своего плана. Он обратился с фанатичным воззванием к арабам всех стран присоединиться к борьбе за освобождение Палестины от британского империализма и сионизма.

Банды Хусейни врывались в арабские деревни и требовали бойцов для нападений на еврейские села. Подавляющее большинство феллахов отнюдь не горело желанием участвовать в борьбе, но они были слишком запуганы, чтобы отважиться на отказ.

Один человек отозвался на воззвание муфтия. Это был иракский офицер по имени Кавуки. Его уже давно снедало тщеславие и теперь он решил попытать свое счастье, стать военным руководителем вооруженных сил Иерусалимского муфтия и нажить таким путем власть, почести и богатство. Его болезненное тщеславие не знало границ. Он заказал себе множество всевозможных мундиров со всякими нашивками и объявил себя генералиссимусом армии освобождения. На деньги, которые муфтий вымогал у палестинских арабов, Кавуки принялся разъезжать по Ближнему Востоку и собирать свою армию. Он сколотил банду воров, контрабандистов, торговцев наркотиками и живым товаром и прочих преступных элементов, соблазнив их посулами, что они смогут, дескать, увести вон сколько еврейских девушек и награбить сколько угодно «еврейского золота». Это была банда преступников и жестоких дегенератов, каких еще свет не видал. Возглавляемые генералиссимусом Кавуки, они ринулись из Ливана, чтобы спасти великого мученика Ислама, Хадж-Эмина эль-Хусейни.

Кавуки прибегал к очень простой и безопасной тактике. Заранее обеспечив себе путь к отступлению, он загромождал шоссе камнями. Как только появлялся автобус, невооруженная машина, или повозка, или небольшая группа, которая не могла оказывать сопротивление, он нападал, убивал и скрывался.

Очень скоро Кавуки и банды муфтия распространили

свой террор на всю страну. Арабские города и села были беспомощны, англичане тоже не могли и не хотели принять мер, а евреи действовали только в целях самообороны.

Вместо того, чтобы решительно ликвидировать арабские банды, они ограничивались прямо-таки смехотворными мерами. Несколько раз, правда, они прочесали подозрительные села, где скрывались бандиты, обложили села штрафом, а один или два раза даже разрушили пару таких сел. Все же в общем и целом они предпочитали окапываться. Они построили по всей стране свыше полусотни бетонных укреплений. В каждой такой крепости могло вместиться от ста до нескольких тысяч бойцов. Эти крепости должны были контролировать район, непосредственно примыкающий к ним. Проектировал их некий Тагарт, но построили их евреи.

Эти форты Тагарта, разбросанные по всей Палестине, воскрешали систему, столь же древнюю, как сама страна. Еще в библейские времена евреи пользовались для этой цели двенадцатью холмами: они раскладывали на верхушке костер, который был виден со следующего холма и так далее. Крестonosцы придерживались той же системы, воздвигая крепости в пределах видимости друг друга. Даже сами евреи создавали новые сельскохозяйственные поселения так, чтобы соседнее поселение могло их обозреть.

Ночью англичане запирались в своих крепостях и до утра не показывали носа. Рейды, которые они проводили днем, были малоэффективны. Как только отряд выходил из крепости, весть об этом немедленно передавалась по всей округе. Каждый арабский крестьянин в поле был потенциальным шпионом. Пока англичане добирались до цели, бандитов уже и след простыл.

И все же, даже в этих невыносимо трудных условиях, евреи продолжали переправлять в страну иммигрантов и строить для них новые села. В первый день, на участке, где намечалось новое поселение, собирались на заре несколько сот строителей и жителей соседних сел. Работая не покладая рук от зари до зари, они первым делом строили башню, устанавливали генераторы и мощные рефлекторы, затем огораживали небольшой участок вокруг башни. К вечеру все это бывало готово, люди расходились по домам, а новоприбывшие, под прикрытием небольшого отряда Хаганы, располагались на ночь в огороженном месте.

Ари Бен Канаан, которому едва минуло двадцать, стал специалистом в деле создания таких новых поселений «с башней и оградой». Обыкновенно он возглавлял отряд Хаганы, который оставался на новом месте, чтобы обучить новоприбывших обращению с оружием, и методам борьбы в случае нападения со стороны арабских банд. Арабы нападали чуть ли не на каждое новое поселение. Присутствие бойцов Хаганы, которые так или иначе всегда отбивали нападавших, действовало весьма успокаивающе на новоприбывших. Не было ни одного случая, чтобы Ари или другой командир Хаганы отступили когда-нибудь из своего поселения «с огороженной башней». Побыв на одном месте несколько недель, Ари уходил со своим отрядом к другому такому поселению «с башней и оградой».

Новоприбывшие осваивали свой участок постепенно, уходя на ночь за ограду. Мало-помалу они строили дома и вскоре на этих местах возникали целые деревни. Если это был кибуц, то первым делом строили дом для детей. Он всегда находился в центре участка, чтобы в случае нападения до него было труднее всего добираться.

Авидан говорил, что в этих поселениях «с башней и оградой» сбывался библейский рассказ о воссоздании Иерусалима с лопатой в одной руке и копьем — в другой. В книге Нехемии говорится: «...половина моих рабов трудилась, а вторая половина держала копья в руках». Так они и теперь обрабатывали землю и строили дома, когда за каждым землепашцем и плотником стоял человек с винтовкой.

Арабы до того обнаглели, что даже англичане не могли больше сидеть сложа рук и мириться с террором. Хадж Эмин и Кавуки превратили их в посмешище. Наконец-то они решились действовать: они разогнали Верховный Арабский Совет и выдали ордер на арест Хадж Эмина. Муфтий скрылся от английской полиции, спрятавшись в мечети Омара, самой большой мусульманской святыне в Палестине.

Англичане заколебались и так и не решились ворваться в мечеть из страха, как бы это не вызвало «священную» войну во всем мусульманском мире. Хадж Эмин скрывался в мечети с неделю, затем, переодевшись женщиной, сбежал в Яффу, а оттуда морем в Ливан.

Когда стало известно, что Иерусалимский муфтий сбежал из Палестины, вся страна, и прежде всего сами ара-

бы, облегченно вздохнули. Беспорядки и погромы прекратились и в страну пожаловали новые британские следственные комиссии.

Арабы бойкотировали следствие, проводимое англичанами. В виде исключения они посылали своих самых фатичных представителей читать по шпаргалке перед комиссией заранее подготовленные речи. Хотя Хадж Эмин и унес ноги, но его клика эль-Хусейни по-прежнему осталась в стране. Перед следственной комиссией арабы предъявляли все более и более наглые претензии к евреям, которые платили восемьдесят процентов всей суммы налогов страны, хотя их численность была меньше численности арабов.

Наконец, после очередного изучения положения в стране, англичане выдвинули новое предложение, а именно: разделить Палестину на два отдельных государства. Арабы должны были получить подавляющую часть территории страны, а евреи — всего лишь узкую полосу вдоль побережья, простирающуюся от Тель-Авива до Хайфы, да еще те части Галилеи, которые они сами освоили.

Национальный Еврейский Совет, Всемирная сионистская организация и все палестинские евреи устали от непрекращающейся резни, от не унимающегося арабского фанатизма и все более и более неприкрытых британских измен. Когда-то мандат на Палестину включал обе стороны реки Иордан — теперь англичане предлагали мизерный клочок. И несмотря на это, евреи решили принять предложение.

Англичане пытались растолковать арабам, что самое благоразумное — это согласиться на предложение, так как территория, которую предлагают выделить евреям, не сможет принять большого числа иммигрантов. Арабы, однако, требовали не больше и не меньше, как чтобы евреев до последнего выбросили в море. Хадж Эмин эль-Хусейни, дескать, олицетворяет в их глазах Ислам и он является мучеником британской и сионистской несправедливости. Кстати, находясь в Бейруте, он снова вызвал беспорядки в Палестине.

Тагарт, который построил британскую систему укреплений, построил теперь стену из колючей проволоки под напряжением вдоль ливанской границы. Эта стена должна была остановить проникновение молодчиков муфтия и контрабандистов оружием в Палестину. Через определен-

ные промежутки он построил вдоль стены новые укрепления.

Одно из этих новых укреплений вдоль стены Тагарта было воздвигнуто над Абу-Йешей и Яд-Элем, в том месте, где, по преданию, была похоронена царица Эсфирь. Его так и называли — Фортom Эсфири.

Стена Тагарта несколько затормозила инфильтрацию арабов, но не смогла полностью остановить ее.

Хагана, которая сдерживалась так долго, начала испытывать большую тревогу, а весь Ишув все чаще и чаще задавал себе вопрос — когда же наконец Национальный Совет прикажет ей действовать. Под этим все усиливающимся нажимом Бен Гурион согласился в конце концов с одним планом, разработанным Авиданом. Тут же Сионистское Поселенческое Общество приобрело земельный участок на севере Галилеи у самой ливанской границы, в том месте, где, по данным разведки Хаганы, просачивалось большинство арабских террористов.

Вскоре после покупки участка Ари и еще двух молодых бойцов Хаганы вызвали в Тель-Авив в тайную штабквартиру Авидана.

Лысый лидер еврейской самообороны развернул перед ними карту и показал им местоположение нового участка. Его стратегическое значение как для арабских террористов, так и для борьбы с ними, было очевидным.

— Вы трое возглавите подразделение и построите на этом месте кибуц. Мы отобрали для этой цели восемьдесят мужчин и двадцать женщин. Нечего и говорить, что эти люди отобраны самым тщательным образом. Ну, а о том, что вас там ждет, вряд ли стоит говорить.

Они кивнули.

— Мы знаем, что муфтий не пожалеет никаких усилий, чтобы прогнать вас оттуда. Мы впервые выбрали место для кибуца, руководствуясь стратегическими соображениями.

Сара Бен Канаан чуть не слегла от горя. Вот уже годы и годы, как она не видела сына без кнута или оружия в руках. Этому же заданию она боялась больше какого угодно другого из прежних. Сотню лучших сынов и дочерей Ишува отправляли на задание, которое было равносильно самоубийству. Ари нежно поцеловал мать, смахнул слезы с ее лица и со свойственной ему простотой заверил ее, что все будет в порядке. Отцу он просто пожал руку и

ничего не сказал: им обоим и без слов все было понятно.

Прибежала Дафна, они и с ней попросались.

Дафна и Ари вышли из села и еще раз обернулись, чтобы взглянуть на оставшиеся позади поля и на собравшихся у входа в село друзей. Когда молодые люди скрылись из виду, Барак вздохнул и обнял Сару за плечи.

— Им ведь так мало надо от жизни, — шепнула Сара. — До каких пор, до каких же, господи, пор нам придется отдавать жизнь?

Барак покачал огромной головой, прищурил глаза, чтобы взглянуть еще раз на удаляющиеся фигуры своего сына и Дафны.

— Господь потребовал от Авраама, чтобы он принес своего сына в жертву. Тень этого события до сих пор лежит на нас. Если такова будет Божья воля, мы отдадим и Ари.

Сотня лучших сынов и дочерей Ишува отправились на ливанскую границу и расположились на самой тропинке бандитов и убийц. Ари Бен Канаан, в возрасте двадцати двух лет, был вторым по чину командиром.

Они назвали это место — «Гамишмар», Вахтой.

ГЛАВА 16.

Десять грузовых машин, а на них сотня юношей и девушек, бойцов Хаганы, со снаряжением, промчались по береговому шоссе мимо последнего еврейского населенного пункта в северной Галилее, Нагарии, и забрались в такую местность, куда не отваживался до сих пор ни один еврей. Тысячи пар арабских глаз неотступно следили за колонной, взбирающейся по гористой местности на границе с Ливаном вверх к стене Тагарта.

Они сделали привал у подножья горы, выставили часовых и быстро разгрузили машины. Грузовики еще засветло поехали назад по направлению к Нагарии. Согня молодых людей остались одни. Над ними горы кишели бесчинствующими арабскими бандами. Под ними лежала дюжина враждебных арабских деревень.

Они быстро построили небольшой забор, окопались и стали ждать ночи.

Наутро всю страну, от Хеврона до Бейрута, облетела весть: «Евреи двинулись в горы!». Хадж Эмин эль-Хусейни, находившийся в Бейруте, кипел от гнева. Это был открытый вызов. Он поклялся бородой Аллаха, что не успокоится, пока не сбросит евреев в море.

В продолжение нескольких дней отряд работал до изнеможения, укрепляя оборону лагеря у подножья горы в ожидании неизбежного нападения. Каждую ночь, когда они не были в карауле, Дафна и Ари, валясь с ног от усталости, впадали обнявшись в глубокий сон.

На четвертую ночь нападение состоялось!

Такому нападению евреи еще не подвергались. Около тысячи арабских стрелков при поддержке пулеметов обрушивали в течение пяти часов шквал огня с вершины горы на лагерь евреев. Впервые арабы использовали в этом бою орудия. Ари и его ребята лежали ничком в окопах и ждали рукопашной атаки.

Атака пришла. Арабы поползли по-пластунски, держа ножи в зубах.

И вдруг...

. Полдюжина мощных прожекторов вспыхнули из-за ограды и осветили всю местность. Все было как на ладони. Евреи открыли шквальный ответный огонь и уже от первого залпа погибло человек шестьдесят арабов.

Арабы застыли в ужасе. Ари вывел половину отряда из-за ограды и ринулся в контратаку. Арабы были захвачены врасплах и падали десятками. Те, что остались в живых, с дикими воплями побежали назад на гору.

Целую неделю арабы не возобновляли атаки. Как бы муфтий ни неистовствовал, а заставить их пойти еще раз в атаку он не мог. Не смог и Кавуки.

В первом ночном бою отряд Хаганы потерял убитыми трех парней и одну девушку. Среди погибших был и командир отряда. Командовать отрядом пришлось Ари Бен Канаану.

Каждый день отряд продвигался на несколько метров вверх по горе, укреплял свои позиции и дожидался ночи. Арабы неотступно следили за отрядом со своих позиций на вершине горы, но ни разу не посмели напасть при свете дня. К концу недели Ари покинул первый лагерь отряда и занял позицию примерно на полпути к вершине.

Арабы возобновили атаки, но первое поражение было еще слишком свежо в памяти. Они избегали прямой атаки и довольствовались тем, что обстреливали лагерь с безопасного расстояния.

Видя нерешительность арабов, Ари решил взять инициативу в свои руки. К концу второй недели на рассвете он бросился в атаку. Он выждал, пока арабы сильно устали от ночного огня и следили за отрядом не так бдительно. Захватив с собой человек двадцать пять мужчин и десять женщин, Ари молниеносно обрушился на сонных арабов и сбросил их с вершины. Пока арабы приходили в себя и собирались для контратаки, евреи успели окопаться. Ари потерял пять человек убитыми, но удержал позицию.

Он быстро построил наблюдательный пункт на самой верхушке горы, откуда открывался вид на всю местность. Днем они работали не покладая рук, лихорадочно превращая свою позицию в настоящую крепость.

Муфтий прямо обезумел от бешенства. Он сместил командиров и собрал новый отряд, численностью в тысячу человек. Они пошли в атаку, но как только попали в радиус огня Хаганы, они тут же бросились врассыпную наутек.

Впервые евреи занимали позицию на вершине горы, и они были полны решимости отстоять ее.

Хотя арабы и не отваживались больше на прямую атаку и, значит, смести отряд Хаганы не могли, но они отнюдь не собирались оставить евреев в покое. Ари и его ребята подвергались непрерывному обстрелу. Они были совершенно отрезаны от Ишува. Самым близким населенным пунктом была Нагария. Все припасы и даже воду приходилось доставлять через вражескую территорию на машинах, а с подножья горы наверх — на себе.

Несмотря на все эти трудности, «Гамишмар» выстоял. Внутри заграждения они построили несколько хижин и тут же начали прокладывать дорогу в долину. Ари назначал ночные патрули вдоль стены Тагарта, чтобы перехватывать диверсантов и контрабандистов оружием. Высокогорная лазейка муфтия в Палестину была наглухо закрыта.

Девять десятых отряда Хаганы пришли либо из кибуцов, либо из мошавов. Освоение земли до того было у них в крови, что они просто не могли сидеть долго на одном месте и не пытаться возделывать землю. Они начали возделывать ее и в Гамишмаре. Ведь они и пришли-то сюда, чтобы создать кибуц; вот они его и создадут. Горное земледелие было для них чем-то совершенно новым. Это и вообще нелегкое дело, а тут еще и воды не хватало, так что полагаться приходилось пока только на дождь. Тем не менее они принялись за дело с тем же энтузиазмом, с каким они осваивали болота в Ездrelонской долине и выветрившуюся, изъеденную эрозией Саронскую долину. Они построили террасы на склонах и потребовали от Поселенческого общества средств на приобретение сельскохозяйственного инвентаря.

Национальный Совет и Хагана были до того в восторге от успехов упрямых юнцов из Гамишмара, что они приняли решение руководствоваться с этих пор также стратегическими соображениями при создании некоторых новых поселений.

Вскоре еще один отряд отправился создавать поселение на таком же беспокойном месте. На этот раз это были верующие евреи. Они проникли глубоко в долину Бет-Шан и построили кибуц на перекрестке Трансиорданской и сирийской границы. Они назвали свой кибуц — «Тират-Цви» — «Крепостью рабби Цви». Кибуц лежал прямо посреди не десятка враждебных арабских городов и сел. Муфтий

пытался прогнать их тоже. Но хотя это и были верующие евреи, они были отнюдь не похожи на благочестивых стариков из священных городов. Как и в Гамишмаре, арабы не смогли выжить евреев из Тират-Цви.

Ари спал в своей комнатке.

— Ари... вставай! Скорее! — разбудил его кто-то.

Ари сбросил одеяло, схватил винтовку и помчался вниз к южным полям, где строили террасы под виноградники. Там собралась толпа. Все замерли, когда Ари подошел ближе. Он пробился сквозь толпу и посмотрел на землю. Земля была запятнана кровью. Тут же валялись клочья голубой блузки. Кровавый след вел вверх на гору. Ари смотрел в лицо то одному, то другому. Все молчали.

— Дафна, — прошептал он.

Два дня спустя нашли ее подброшенный труп в окрестностях лагеря. Уши, нос, руки были отрублены. Глаза — выколоты. Тело носило следы бесчеловечных издевательств.

Никто ни разу не видел слез в глазах Ари, не слышал жалоб.

После убийства Дафны он исчезал время от времени на несколько часов и возвращался смертельно бледный. Но он сдерживал свои чувства, ни разу не выказал ни ненависти, ни даже гнева. Он никогда не произносил больше ее имени вслух. Ари принял личную трагедию точно так, каким весь Ишув принимал подобные несчастья: не стремился к мести, а твердо отстаивал свое право на страну. Ари Бен Канаан был солдатом с ног до головы. Полдесятка арабских деревень, расположенных неподалеку от Гамишмара, в страхе ждали ответной атаки — но ее не было.

Евреи удержались в Гамишмаре, Тират-Цви и в полудесятке других стратегически расположенных поселений. Новая тактика всячески тормозила диверсионную деятельность муфтия, но полностью остановить ее не могла.

В эту неразбериху вмешался английский майор по имени П. П. Мальколм.

Майор П. П. Мальколм был откомандирован в распоряжение британских органов безопасности в Иерусалиме как только муфтий поднял бунт. Это был одинокий волк. Он одевался неряшливо и плевал на военные традиции. Над

формальностями и церемониями он издевался. Свои мнения он выражал открыто, а когда нужно было, то и резко; вместе с тем он проводил целые дни в глубоких размышлениях, частенько забывал даже побриться и причесаться. Эти периоды уединения наступали у него неожиданно и в самое неподходящее время: даже во время проведения официальных смотров, которые он ненавидел и считал напрасной потерей времени. Язык у П. П. Мальколма был острый как бритва и неизменно шокировал собеседника. Это был своевольный человек, и все офицеры смотрели на него как на чудака.

Внешне он был высокий и худой, с костлявым лицом, и чуть-чуть прихрамывал. В общем, он был как раз таким, каким британский офицер не должен быть.

Когда Мальколм прибыл в Палестину, он сочувствовал арабам, так как среди английских офицеров было модно сочувствовать арабам. Но эти симпатии длились недолго. Прошло некоторое время, и П. П. Мальколм стал фанатиком-сионистом.

Как и большинство христиан, поддерживающих Сионизм, он превосходил своей решительностью и фанатизмом самих евреев. Мальколм научился ивриту у одного рабби и проводил каждую свободную минуту за чтением Библии. Он был совершенно уверен, что в планы Бога входило воскресить евреев как нацию. Мальколм тщательно изучил библейские военные походы и военную тактику Иисуса Навина, Давида и в особенности Гидеона, который был его личным кумиром. И наконец — он уверовал в то, что само Провидение избрало его, Мальколма, и забросило его в Палестину.

Господь избрал его, П. П. Мальколма, для того, чтобы он повел детей Израилевых к их благородной цели.

Мальколм изъездил всю Палестину в ветхом драндулете, который он купил по случаю, а где не было дороги, он прыгал как цапля на своих длинных ногах. Мальколм побывал на каждом библейском поле битвы, пытаясь реконструировать события и тактику. Евреи и арабы изумленно смотрели на это странное существо, когда Мальколм плелся вдоль какой-нибудь проселочной дороги, во все горло распевая какой-нибудь псалом и ничего вокруг себя не замечая.

Люди частенько задавали себе вопрос, почему британское командование терпит этого Мальколма. Генерал

Чарльз, главнокомандующий британских войск в Палестине, однако, считал Мальколма гением, одним из тех редких военных, которые опрокидывают общепринятые нормы. Мальколм высмеивал британские боевые уставы, зло издевался над изложенными в них тактическими принципами и считал добрую часть британской армии — напрасным разбазариванием средств. Никому не удавалось победить его в споре; победителем выходил всегда он, и он был глубоко убежден в своей непогрешимости.

Однажды к вечеру в окрестностях Яд-Эля у П. П. Мальколма лопнули сразу два ската. Он вышел из машины и поплелся своей прихрамывающей походкой пешком в село. Не успел он подойти ко внешней линии наблюдения, как перед ним выросло человек пять часовых. Он улыбнулся и помахал им рукой.

— Молодцы ребята, — похвалил он. — А теперь будьте пайныками и сведите меня к Бараку Бен Канаану.

Мальколм шагал взад-вперед по гостиной Барака. У него была еще более неряшливая внешность, чем обычно. Битый час он читал Бараку Бен Канаану лекцию о величии и красоте сионизма и о великом будущем еврейской нации.

— Я в восторге от еврейских солдат, — сказал Мальколм. — Еврейский воин — самый толковый из всех, так как он живет и борется ради высоких идеалов. Все в этой стране затрагивает его непосредственно. Все напоминает ему славное еврейское прошлое. Ваши ребята из Хаганы, вероятно, — самая передовая, образованная и в то же время преисполненная идеалов воинская организация в мире.

— Возьмите британского солдата, — продолжал Мальколм. — Он упорный вояка, и это хорошо. Он дисциплинирован, и это тоже хорошо. Но это и все. Он — болван. Он слишком много пьет. Он частенько ведет себя как свинья. И вот поэтому, Бен Канаан, я и приехал к вам. Я хочу взяться за вашу Хагану и сделать из нее первоклассную боевую организацию. Такой материал, как ваш, мне еще ни разу в жизни не попадался.

Барак раскрыл рот от изумления.

Мальколм посмотрел в окно. Он смотрел на дождевальные установки, вертящиеся на полях, и на Абу-Йешу, гнездившуюся высоко в горах, под тагартовской крепостью Эсфири.

— Вот посмотрите на эту крепость: вы ее называете крепостью Эсфири, а я — дурости. Арабы преспокойно

могут обойти ее кругом. Нет, что вы там ни говорите, англичане никогда ничему не научатся. — Мальколм принялся напевать псалм № 98; слова он произносил подлинные, древнееврейские. — Я выучил наизусть все псалмы до сто двадцать шестого. Они — прелесть.

— Майор Мальколм, — сказал наконец Барак, — я так и не понял цели вашего визита.

— Все знают, что Барак Бен Канаан человек справедливый и беспристрастный. Сказать правду, большинство евреев любит болтать. В моей еврейской армии им не придется говорить и десяти слов. Говорить буду я.

— Я уже успел убедиться, что вы любите говорить один.

— Гм, — буркнул Мальколм, продолжая смотреть в окно на цветущие поля Яд-Эля. Внезапно он обернулся, и в его глазах засверкал тот блеск, который Барак часто видел в глазах своего брата Акивы.

— Драться! — воскликнул Мальколм. — Вот что нам надо делать... Драться! Еврейская нация — дитя Провидения, Бен Канаан, Провидения!

— Да я не меньше вашего убежден в будущем моего отечества... вряд ли я нуждаюсь в том, чтобы мне напоминали.

— Нет, вы нуждаетесь... все вы нуждаетесь... не то вы бы не сидели взаперти в своих селах. Мы должны подняться и наказать этих бандитов. Если какой-нибудь араб выходит из кофейни и дает выстрел по кибуцу с расстояния в целый километр, он считает себя героем. Пора нам подвергнуть испытанию этих кровавых язычников. Древних евреев, вот что мне надо... древнееврейских воинов. Вы устройте мне встречу с Авиданом, немедленно. Англичане, они слишком тупы, чтобы понять мои методы.

П. П. Мальколм покинул Яд-Эль так же внезапно, как он туда пришел. Горланя какой-то псалом, он вышел из села, оставив Барака в сильном недоумении. Потеребив некоторое время бороду и в сомнении покачивая головой, Барак все же позвонил Авидану. Говорили они на языке идиш, на случай, если кто-нибудь подслушивал их разговор.

— Кто он такой, этот человек? — спросил Барак. — Он вторгся ко мне, словно Мессия какой-нибудь, и начал агитировать меня за сионизм.

— У нас есть сведения о нем, — ответил Авидан. — Это

какой-то чудак. Сказать правду, мы просто не знаем, что о нем и думать.

— Доверять ему можно?

— Мы не знаем.

Майор П. П. Мальколм проводил теперь все свободное время среди евреев. Он без обиняков называл британских офицеров тупицами и болванами. Не прошло и нескольких месяцев, и его знал уже весь Ишув. Хотя он вращался в высших кругах, большинство руководителей относились к нему как к безобидному чудаку. «Наш полоумный англичанин», так его называли любя.

Вскоре, однако, выяснилось, что П. П. Мальколм был отнюдь не полоумным. Он был великим мастером спора и в любой дискуссии побеждал кого угодно. Ведущие деятели Ишува уходили от него, убежденные, что он их не иначе как чем-то околдовал.

Его кормили обещаниями около шести месяцев. Наконец терпение Мальколма лопнуло, и он ворвался в кабинет Бен Гуриона в здании Национального Совета в Иерусалиме, не договорившись предварительно о встрече.

— Бен Гурион, — бросил он язвительно. — Вы безнадежный дурак. Вы тратите все свое время на то, чтобы уговаривать своих врагов, а для друга у вас нет свободных пяти минут.

С этими словами он повернулся на каблуках и вышел вон.

Вслед затем Мальколм отправился к генералу Чарльзу, главнокомандующему британскими войсками в Палестине. Он пытался заручиться согласием генерала на то, чтобы испытать некоторые из своих методов в борьбе с арабами, прибегая к еврейским отрядам. Сам генерал Чарльз, как почти все члены его штаба, был настроен проарабски, но бунт муфтия начинал выставлять его самого в смешном свете. Хотя англичане и создали постепенно собственную еврейскую полицию, не желая привлекать к сотрудничеству отряды Хаганы, все равно положение было до того безвыходным, что генерал решил не мешать Мальколму.

Вскоре драндулет Мальколма замаячил на подступах к Гамишмару, и часовые повели его на гору к Ари. Рослый командир отряда изумленно смотрел на стоящего перед ним тощего англичанина.

Мальколм похлопал его по плечу:

— Вы мне нравитесь, — сказал он. — Вы только хорошенько меня слушайте, выполняйте все мои приказы, подражайте мне во всем, и я из вас сделаю первоклассного солдата. А теперь покажите мне свой лагерь и все ваши укрепления.

Ари был ошеломлен. По взаимному молчаливому согласию, англичане держались подальше от Гамишмара и делали вид, что ничего не знают о патрулях Ари. Однако они имели полное право являться сюда. Майор Мальколм не обратил ни малейшего внимания на подозрительность Ари и на его явные попытки показать англичанину только часть укреплений.

— Которая твоя палатка, сынок? — спросил Мальколм.

В палатке Ари Мальколм растянулся на койке и погрузился в размышления.

— Вы для чего, собственно, приехали? — спросил Ари.

— Ну-ка, дай мне сюда карту, — ответил тот, не обращая внимания на вопрос Ари. П. П. Мальколм приподнялся, развернул карту и почесал небритый подбородок. — Где тут у арабов главная база?

Ари показал пальцем на небольшое село, расположенное в Ливане на расстоянии пятнадцати километров от границы.

— Сегодня ночью мы эту базу уничтожим, — спокойно произнес Мальколм.

В эту ночь небольшой отряд, состоявший из восьми мужчин и двух женщин, перешел ливанскую границу. Командовал отрядом сам Мальколм. Евреи были поражены выносливостью и быстротой, с которыми этот слабый на вид англичанин преодолевал подъемы и трудно проходимые места. Он ни разу не остановился, чтобы отдохнуть или сориентироваться на местности. Отправляясь в поход, кто-то из членов отряда чихнул. Мальколм немедленно забраковал его и предупредил всех, что нещадно изобьет всякого, кто отстанет хотя бы на шаг. В пути он напевал псалмы и прочитал бойцам лекцию о благородстве их миссии.

Когда они стали приближаться к цели, Мальколм отправился на разведку один. Он вернулся через каких-нибудь полчаса.

— Как я и подозревал, они не расставили часовых. Вот что мы теперь сделаем.

Он быстро набросал схему села, указав на ней три-

четыре хижины, где, по его мнению, находились контрабандисты. — Я возьму с собой трех из вас в деревню, открою огонь с близкого расстояния, мы бросим парочку гранат, чтобы выкурить их. Все, конечно, бросятся бежать. Мы их загоним туда, на окраину села, где вы, Ари, устроите засаду. Не забудьте только взять по меньшей мере двух живыми, потому что здесь, вероятно, у них, еще много других складов.

— Это безумный план. Ничего из него не получится, — сказал Ари.

— В таком случае, пошли назад, — коротко ответил Мальколм.

Это был первый и последний раз, что Ари подверг сомнению мудрость П. П. Мальколма. С ним просто нельзя было спорить.

— Не смейте критиковать мои планы, молодой человек, — сказал он.

План Мальколма был выполнен в точности. Майор повел с собой отряд, состоявший из четырех человек, в деревню к подозрительным хижинам, где, по его мнению, размещался штаб. В хижины полетели четыре гранаты, и тут же по ним был открыт огонь из винтовок. Как Мальколм и предвидел, поднялась паника. Он хладнокровно погнал диверсантов в засаду Ари. Вся операция длилась не больше десяти минут.

К майору подвели двух пленных.

— Где вы спрятали оружие? — спросил он первого арабски. Араб пожал плечами.

Мальколм со всего размаху ударил араба по лицу и повторил вопрос. На этот раз араб начал клясться и призывать Аллаха в свидетели, что он ничего не знает. Мальколм спокойно достал пистолет и наповал застрелил араба. Он повернулся ко второму:

— Где спрятано оружие? — спросил он.

Второй араб живо выдал тайник, где лежало оружие.

— Вы, сыны и дочери Иудеи, научились кое-чему в эту ночь, — сказал Мальколм. — Утром я поясню вам все подробнее. Только вот что: никогда не прибегайте к пыткам для получения информации. Действовать надо кратчайшим путем.

Весть о рейде Мальколма грянула как гром по всей стране. Для евреев этот рейд был историческим событием и поворотным пунктом. Впервые евреи вышли из своих поселе-

ний и предприняли открытую атаку. Многие думали, что давно было пора.

Англичане были огорошены. Большинство требовало, чтобы П. П. Мальколма тут же отозвали. Генерал Чарльз не совсем с этим соглашался. Британские методы борьбы с арабами были весьма неэффективными, и он чувствовал, что Мальколм гораздо лучше справится с задачей.

Для диверсантов муфтия, клики эль-Хусейни и фанатиков-мусульман, это был чувствительнейший удар. С этого дня они уже не могли рыскать где попало и безнаказанно выбирать место для нападения.

Ари совершил вместе с П. П. Мальколмом десяток новых рейдов вглубь ливанской территории. Каждый рейд был успешнее предыдущего. Банды мародеров, диверсантов и контрабандистов, а также наемники Кавуки лишились самодовольного покоя. Их действия стали не только невыгодными, но и в высшей степени опасными, так как за ними следовали беспощадные рейды Хаганы. Муфтий назначил премию в тысячу фунтов стерлингов за голову П. П. Мальколма.

Когда Мальколм и его отряд из Гамишмара навели порядок на линии Тагарта, майор разбил штаб в кибуце Эйн-Ор. Мальколм потребовал, чтобы Хагана выделила для него человек полтора десятка отборных ребят; он в особенности настаивал на Ари Бен Канаане, которого он ценил очень высоко. В кибуце Эйн-Ор Мальколм создал рейдовый отряд.

Когда полтора десятка бойцов собрались со всего Ишува, майор Мальколм отправился с ними в долгий марш к горе Гильбоа, где, по преданию, похоронен великий древнееврейский судья и воин Гидеон, которого Мальколм боготворил. У могилы Гидеона он встал перед своим отрядом, раскрыл Библию и прочитал в древнееврейском подлиннике:

«...И подошел Гидеон и сто человек с ним к стану, в начале средней стражи, и разбудили стражей, и затрубили в трубы, и разбили кувшины, которые были в руках их. И затрубили все три отряда в трубы, и разбили кувшины, и держали в левой руке своей светильники, а в правой руке трубы, и трубили, и кричали: «Меч Господа и Гидеона!». И стоял всякий на своем месте вокруг стана: и стали бегать во всем стане, и кричали, и обратились в бегство».

Мальколм закрыл Библию. Он зашагал перед отрядом

взад и вперед, сцепив руки за спиной и невидящим взглядом вперившись в неведомые дали.

— Гидеон был умный человек, — сказал он. — Гидеон знал, что Мидианитяне были невежественными и суеверными людьми. Гидеон знал, что он может сыграть на их первобытном страхе, что они боятся темноты и что их можно легко испугать шумом. Гидеон знал все это... Мы тоже знаем.

Никогда арабы не знали, где рейдовый отряд ударит в следующий раз. Их старые разведывательные методы, которые неплохо служили им до этого, стали теперь бесполезными. Он отправлял три отряда в три разных направления, чтобы сбить их с толку. Он проходил мимо какой-нибудь арабской деревни, но тут же делал поворот кругом и молниеносно нападал на нее. Он отправлял колонну автомашин по шоссе, люди спрыгивали с машин в одиночку, скрывались в течение дня в придорожных канавах и только ночью собирались.

Во время каждой атаки они поднимали такой оглушительный шум, что казалось — их там тысячи. Ему всегда удавалось поднять панику в рядах противника.

Он в особенности подчеркивал одно, что, впрочем, его ребята неплохо знали, а именно — топографию страны. Он знакомил их как со стратегическим, так и с историческим значением каждого вади, каждого холма, каждого дерева, показывая, как древнееврейские полководцы использовали рельеф и знание местности в военных целях.

Как и все бойцы отряда, Ари Бен Канаан стал восторженным учеником чудаковатого англичанина. Он участвовал бок о бок с Мальколмом в сотне рейдов в тылу врага, и ни разу Мальколм не допустил ошибки. Казалось, его вдохновляла и его действиями руководила какая-то высшая сила. Он разработал безошибочную тактику в борьбе с арабами. Он требовал железной дисциплины и фанатичного, беспрекословного повиновения, и вел отряд от одной победы к другой.

Арабы боялись Рейдового отряда еще больше, чем клики эль-Хусейни. С этой горсткой в полтора года человек Мальколм разбил восстание арабов наголову. Бандиты спасались бегством, а «великая армия освобождения» Кавуки в панике отступила в Ливан. В отчаянии муфтий поджег нефтепровод, идущий с нефтеносных полей Моссула в Хайфу.

— Двадцать тысяч тугодумов-англичан не смогли обеспечить охрану нефтепровода, — сказал Мальколм. — Наш отряд запросто с этим справится. План предельно прост. Каждый раз, когда будет повреждение на линии, мы нападём на ближайшую арабскую деревню на месте повреждения и сотрем ее с лица земли. Это живо научит арабские села охранять линию от диверсантов. Они будут кровно заинтересованы в этом и не станут скрывать у себя бандитов. Возмездие... помните это, потому что евреев, увы, очень мало... приходится прибегать к принципу возмездия.

Каждый раз, когда арабы предпринимали какие-нибудь враждебные действия, они немедленно получали сдачу. С этих пор возмездие стало главным принципом еврейской самообороны.

Арабское восстание все больше хирело и наконец погасло. Оно с самого начала была несчастливой и в высшей степени разорительной затеей. Арабы Палестины истратили на восстание все свои средства и потеряли самых выдающихся представителей. Три года беспорядков и кровопролития привели их на грань банкротства. За все эти годы им не только не удалось выжить евреев из какого бы то ни было поселения, но они не смогли помешать созданию новых пятидесяти поселений.

Когда арабское восстание лежало уже в предсмертных судорогах, Уайтхолл провел основательную чистку правительственного аппарата подмандатной территории Палестины.

Майору П. П. Мальколму было предложено покинуть Палестину, так как его продолжающиеся шашни с евреями ни к чему хорошему, дескать, привести не могут. Мальколм, и только он один, сыграл решающую роль в ликвидации арабского восстания. Обученные им евреи были зародышем большой новой армии, а его тактические принципы — военной Библией этой новой армии.

В последний раз майор П. П. Мальколм стоял перед своим отрядом в Эйн-Оре. Бойцы отряда, с красными нашивками на синей крестьянской одежде, замерли по стойке смирно, и у многих были слезы на глазах.

Мальколм раскрыл Библию:

«...Препояшь Себя по бедру мечем Твоим, Сильный, славою Твоею и красотою Твоею. И в сем украшении

Твоем поспеши, воссядь на колесницу ради истины и кротости и правды.»

Он повернулся и быстро зашагал к ожидавшей его машине. Его сердце истекало кровью. Ишув оказал ему высшую честь, какая может быть оказана нееврею: он присвоил ему звание «Друга».

После роспуска отряда Ари вернулся в Яд-Эль. Сердцем он все еще пребывал на одиноком холме у ливанской границы, где вечным сном покоилась Дафна рядом с еще двумя десятками юношей и девушек, отдавших жизнь за Га-мишмар.

Когда положение стало более спокойным и безопасным, Таха, скрывавшийся до сих пор в Яд-Эле и живший в семье Бен Канаана, вернулся в Абу-Йешу, где ему предстояло исполнять должность мухтара. За восемнадцать месяцев, прожитых в доме Бен Канаана, Таха влюбился — это заметили оба: и Барак, и Сара — в Иордану, которой только что исполнилось тринадцать лет. Любовь к маленькой девочке была весьма обычным делом среди арабов. Родители девочки ни словом не обмолвились об этом и надеялись, что со временем это пройдет у парня и не причинит ему слишком больших страданий.

В Палестину прибыла новая британская администрация во главе с генералом Хэвн-Херстом. Первым делом были задержаны бойцы Рейдового отряда. Их отдали под суд и приговорили к срокам от шести месяцев до пяти лет по обвинению в — незаконном хранении оружия!

Ари и сотня других членов Хаганы, сражавшихся в отряде Мальколма, были брошены в мрачные застенки тюрьмы в Акко. Многие из них относились с юмором к своему заключению и заполняли дни тем, что издевались над английскими надзирателями и с утра до вечера распевали боевые песни и марши Хаганы. Это была мрачная, старая тюрьма, с очень толстыми стенами, клопами, крысами, ужасно сырая.

Весной 1939 года Ари вышел на волю. Он вернулся в Яд-Эль осунувшийся и бледный.

Сара тихо плакала в спальне, когда она увидела своего сына. Что он видел в жизни, кроме кнута, винтовки и страданий? Дафну убили, убили многих из его товарищей — до каких же пор это будет продолжаться? Сара дала обет, что она его больше не отпустит из Яд-Эля.

Хэвн-Херст правил Палестиной железной рукой. Он вел открытую антиеврейскую политику. Время созрело для акта окончательной измены со стороны англичан...

Они назначили новую следственную комиссию. Вину за три года кровопролития, организованного иерусалимским муфтием, она возложила на еврейских иммигрантов.

Уайтхолл и Чэтэм Хауз, и Невилль Чемберлен, английский премьер-министр и незадачливый миротворец, потрясли мир своим заявлением. В самый канун Второй мировой войны британское правительство опубликовало Белую Книгу, и совершенно лишило охваченных паникой немецких евреев возможности эмигрировать в Палестину, а также запретило евреям покупку земли в Палестине. Мюнхенские «миротворцы», продавшие и предавшие Испанию и Чехословакию, поступили совершенно так же с палестинскими евреями.

Г Л А В А 17

Белая Книга нанесла Ишуву страшный удар. Всякое бывало, но такого еще не было. В самый канун войны англичане закрывали перед немецкими евреями путь к спасению.

Маккавен, которые до сих пор были не слишком активны, внезапно развернули лихорадочную деятельность. Белая Книга толкнула в ряды Маккавеев сотни и сотни евреев. Они провели ряд рейдов, взорвали британский офицерский клуб в Иерусалиме и стали всячески терроризировать арабов. Они совершили также нападение на английский склад оружия и устраивали засады автоколоннам.

Генерал Хэви-Херст решительно отказался от прежней политической линии полусотрудничества с евреями. Он распустил еврейскую полицию, а Хагана была загнана в подполье. Руководителей Национального Совета и бывших бойцов Рейдового отряда отдали под суд и бросили в тюрьму в Акко.

Бен Гурион снова призвал Ишув проявить мудрую сдержанность, которую евреи проявляли в прошлом. Он публично отмежевался от тактики террора. Но даже среди слушателей было немало членов Хаганы, которые рвались в открытый бой. Авидан очень опасался, что если дойдет до открытого столкновения, Хагана будет совершенно ликвидирована, и потому он делал все, что было в его силах, чтобы удержать армию от опрометчивых действий.

Барака Бен Канаана откомандировали в Лондон, чтобы вместе с доктором Хаимом Вейцманом и другими сионистскими вождями добиваться у англичан отмены Белой Книги. Однако Уайтхолл твердо решил не отменять ее; она была необходима, толковали англичане, чтобы держать арабов в узде.

В самой Палестине шайка Хусейни тоже не сидела без дела. Несмотря на то, что сам Хадж Эмин был в ссылке, шайка продолжала убивать каждого, кто смел встать к ней в оппозицию. Высшим Арабским Советом заправлял теперь племянник муфтия, Джемаль Хусейни.

В Германии положение евреев было отчаянное. Сионистские организации работали буквально до изнеможения, так как даже тех евреев, которые до недавнего времени еще строили себе иллюзии, охватила теперь паника, и они стремились покинуть страну во что бы то ни стало.

Англичане не только препятствовали прибытию евреев в Палестину, но и не давали определенной категории евреев выехать из Палестины. Они понимали, что каждый, кто так или иначе связан с Хаганой и Алией Бет, был потенциальным агентом. Когда Ари получил приказ от Авидана выехать из Палестины, ему пришлось пробраться в окрестностях Гамишмара в Ливан, а там добраться пешком в Бейрут. Его снабдили паспортом и визой какого-то еврея, который прибыл недавно в Палестину в качестве «туриста». В Бейруте Ари сел на пароход и поехал в Марсель. Спустя еще неделю он прибыл в Берлин и явился в сионистский штаб, расположенный по улице Мейнекештрассе, номер 10.

Его задание гласило: обеспечить выезд возможно большего числа евреев.

Когда Ари прибыл в Берлин, в штабе сионистов господствовали паника и хаос.

Немцы старались извлечь из торговли выездными визами возможно большую выгоду. Чем отчаяннее становилось положение евреев, тем больше росли цены на получение свободы: Много еврейских семейств отдали целые состояния только за то, чтобы получить право покинуть Германию. Визы подделывали и воровали — визы были жизнью. И тут евреи столкнулись с новой бедой: только очень немногие страны разрешали немецким евреям въезд. Большинство стран просто захлопывали дверь перед носом евреев. Если они и выдавали визу на въезд, то при этом подразумевалось, что евреи все-таки не поедут туда.

Ари должен был теперь решать, кому давать и кому отказывать в визе. Каждый божий день ему угрожали, его пытались подкупить, его умоляли. Высшим принципом сионистов было — спасти сначала детей. Вот уже пять лет, как евреи настойчиво призывали своих взрослых немецких единоверцев покинуть Германию.

Помимо детей, важно было спасти также выдающихся ученых, врачей, художников, артистов, словом — сливки общества.

Ари и Алия Бет вывозили их сотнями, а надо было вывозить тысячами.

И тут Ари решился на отчаянный шаг, который должен был обеспечить ему несколько тысяч виз за один раз. Таким путем, думал Ари, ему удастся спасти хоть самых выдающихся деятелей науки и многих детей. Он предупредил работников Алии Бет во Франции, чтобы они были готовы к приему этой массы людей; если же они не придут, это будет означать, что сам он угодил в концлагерь.

Ари начал вести переговоры с высокопоставленными нацистскими сановниками, надеясь убедить их выдавать выездные визы в гораздо большем количестве, чем до сих пор. Он приводил при этом странные, но в высшей степени убедительные аргументы. Англия и Франция, говорил он, обе хотят снискать благосклонность арабов. Чем больше евреев попадет в Палестину, тем труднее будет положение англичан.

Как ни парадоксален этот факт, но Алия Бет сыграла на этом англо-немецком соперничестве. Ари быстро создал ряд учебных хозяйств в окрестностях Берлина под наблюдением самого гестапо.

Кроме виз, которые ему удавалось купить, украсть, подделать, получить за взятки и какими угодно другими путями, Ари организовал еще подпольное железнодорожное сообщение под самым носом у немцев; этим путем он вывозил самых выдающихся евреев. Но этих людей, преимущественно ученых, все-таки не удавалось вывозить больше, чем по два, по три человека за раз. Все это страшное лето 1939 года Ари работал буквально двадцать четыре часа в сутки.

Тем временем Барак Бен Канаан и его товарищи работали в Лондоне не менее упорно. Они заседали на членов парламента, на министров, на каждого, кто только соглашался слушать их. Но все их усилия ничего не давали: англичане упорно держались за свою новую политическую линию в вопросе об иммиграции.

В середине августа Ари получил срочную телеграмму от Алии Бет во Франции: **НЕМЕДЛЕННО ВЫЕЗЖАЙ.**

Ари не обратил внимания на телеграмму и продолжал работу, потому что каждый лишний день был теперь в полном смысле этого слова — гонкой со смертью.

Пришла еще одна телеграмма. На этот раз Хагана прямо приказывала выезжать.

Ари продолжал опасную игру еще трое суток: он как раз выбивал визы для нового транспорта детей, которых нужно было переправить поездом в Данию.

Пришла еще одна телеграмма, потом еще одна.

Когда эшелон пересек датскую границу, выехал наконец и Ари. Он оставил Германию ровно за 48 часов до того, как гитлеровский вермахт напал на Польшу. Вторая мировая война началась.

Ари и Барак Бен Канаан вернулись в Палестину, каждый со своего специального задания. Они оба изнемогали от усталости, и оба были во власти отчаяния.

Через десять минут после начала войны еврейские руководители провозгласили свою политическую линию. Бен Гурион призвал Ишув вступать в британскую армию и бороться против общего врага.

Хагана тоже поощряла вступление евреев в британскую армию, видя в этом возможность открыто обучать своих людей.

Генерал Хэвн-Херст, командующий английскими войсками в Палестине, упорно возражал против приема палестинских евреев в ряды британской армии. «Если мы обучим евреев и дадим им накопить боевой опыт, мы только нанесем этим вред самим себе, так как рано или поздно нам придется воевать с этими же евреями».

Не прошло и недели с начала войны, как сто тридцать тысяч мужчин и женщин — четверть всего Ишува — подали заявления в Еврейский Национальный Совет о вступлении добровольцами в Британскую армию.

Что касается арабов, то большинство арабского мира рассматривало немцев как своих «освободителей» и прямо не могло их дождаться.

Англичане никак не могли игнорировать предложение Ишува. В то же время они не могли не считаться также с предостережениями генерала Хэвн-Херста. Военное министерство избрало поэтому средний путь: принимать евреев в ряды армии, но не давать им участвовать в боях, не обучать их и лишить возможности накапливать боевой опыт. Палестинцев направляли в интендантскую службу, на транспорт и в саперные батальоны. Еврейский Национальный Совет гневно протестовал против этой дискриминации и требовал для евреев равного участия в боях против немцев.

Ишув выступал теперь сплоченным фронтом, если не

считать раскольников-Маккавеев. Авидан решил поступить своим самолюбием и через подпольные контакты попросил о возможности встретиться с Акивой.

Они встретились в подвале, расположенном на улице Кинг-Джордж в Иерусалиме, под рестораном Френкеля. Подвал был забит почти до потолка консервными банками и всевозможными бутылками и освещался единственной лампочкой.

Авидан не протянул руки Акиве, когда тот вошел в сопровождении двух Маккавеев. Прошло уже пять долгих лет с того дня, когда они виделись в последний раз.

Акиве шел уже седьмой десяток и выглядел он даже старше своих лет. Пережитые трудные годы, строительство двух кибуцов и подполье последних лет превратили его в старика.

Телохранители как той, так и другой стороны, покинули помещение, и они остались одни.

Авидан заговорил первым:

— Я пришел сюда по очень простому делу. Я предлагаю тебе пойти на перемирие с англичанами, пока идет война.

Акива что-то буркнул. Затем он излил перед Авиданом все свое презрение к англичанам и к их Белой Книге, свой гнев против Национального Совета и Хаганы, не желавшим бороться.

— Пожалуйста, Акива, перестань, — попросил Авидан, сдерживаясь. — Твои чувства мне хорошо известны. Я прекрасно знаю, какая пропасть нас разделяет. Но несмотря на все это, ты должен согласиться, что немцы — гораздо более опасный враг и угрожают нашему существованию гораздо больше, чем англичане.

Акива повернулся к Авидану спиной. Он стоял в тени и размышлял. Вдруг он резко обернулся, и в его глазах засверкал тот же огонь, что и раньше.

— Именно сейчас нужно заставить англичан отменить Белую Книгу! Да, сейчас, именно сейчас они должны провозгласить нашу государственную независимость по обе стороны Иордана! Немедленно! Надо бить англичан, пока они в беде!

— Неужели государственная независимость так важна, что мы должны добиваться ее, даже помогая немцам победить в войне?

— А ты думаешь, что у англичан дрогнет рука, чтобы снова продать и предать нас?

— Я думаю только о том, что у нас нет выбора: мы обязаны воевать с немцами.

Акива нервно зашагал по цементному полу подвала. Он напоминал разъяренного тигра. Он чуть не плакал от злости. Он что-то злобно бормотал про себя, затем остановился и с дрожью в голосе тихо сказал:

— Пускай англичане блокируют наше побережье и закрывают доступ перед несчастными людьми, у которых нет другого пути к спасению... пускай англичане создают в своей армии гетто для наших ребят... пускай они продали и предали нас своей Белой Книгой... пускай Ишув душой и телом участвует на их стороне в войне, в то время как арабы затаились как стервятники и ждут добычи... пускай все это так, а все-таки англичане сегодня меньшее зло, и надо воевать на их стороне. Ладно, Авидан... Маккавеи идут на перемирие.

Воздух в подвале так и дышал взаимной враждой, когда они пожали друг другу руки. Акива провел языком по губам.

— Как мой брат?

— Барак только что вернулся с переговоров в Лондоне.

— Да... переговоры... на это Барак горазд. А как Сара, дети?

Авидан кивнул.

— Можешь гордиться своим племянником.

— О да, Ари — хороший парень... чудный парень... Как... как выглядит Эйн-Ор сейчас?

Авидан опустил глаза.

— Эйн-Ор и Шошана приносят плоды любви и пота, пролитого их создателями.

С этими словами Авидан повернулся и направился к лестнице, ведущей к потайному выходу.

— «Сион спасется правосудием» — крикнул ему вслед Акива из тени подвала, — отступникам же и грешникам — погибель, и оставившие господа истребятся». Еще наступит час расплаты с англичанами!

Ари сильно изменился. Он все время ходил грустный. Трудно сказать, что на него так подействовало. Он носил оружие чуть ли не с самого детства. Затем наступили дни «Башни с оградой», Гамишмар, Рейдовый отряд, тюрьма

в Акко. Потом душераздирающая работа для Али Бет в Берлине. И, конечно, гибель Дафны. Ари жил в Яд-Эле, работал в поле и хотел только одного: чтобы его оставили в покое. Он почти ни с кем не разговаривал.

Даже когда началась война, Ари остался в Яд-Эле. Свободные часы он проводил чаще всего в арабской деревне Абу-Йеше с другом своего детства Тахой, который был теперь мухтаром села.

В один прекрасный день, несколько месяцев после того, как началась война, Ари вернулся вечером с поля и застал дома ожидавшего его Авидана. Поужинав, Ари, Авидан и Барак уселись в гостиной, чтобы поговорить.

— Я полагаю, ты догадываешься, зачем я пришел, — сказал Авидан.

— Могу представить.

— Тогда давайте перейдем прямо к делу. У нас имеется несколько десятков ребят, которые, я думаю, должны пойти служить к англичанам. Англичане уже много раз обращались к Хагане и все спрашивали про тебя. Они согласны дать тебе офицерский чин.

— Меня это не интересует.

— Ты им очень нужен, Ари. Я уверен, что мы сможем всунуть тебя на такое место — скажем, разведка среди арабов, — где ты сможешь принести большую пользу также Хагане.

— Это очень мило с их стороны. А то я уже думал, что они отправят меня на уборку мусора, вместе со всеми солдатами Ишува. Приятно все-таки знать, что меня они относят к привилегированным евреям.

— Ты брось эти шутки. А то мне придется поручить тебе все это в приказном порядке.

— А ты прикажи. Я ведь могу и не принять приказа к исполнению.

Авидан, сторонник железной дисциплины, был несколько смущен. Он знал Ари как одного из самых дисциплинированных и толковых солдат Хаганы.

— Я рад, что мы об этом заговорили, — сказал Барак. — Мальчик прямо ест себя поедом с тех пор, как он вернулся из Берлина.

— Ари... боюсь, нам придется приказать тебе.

— С какой стати я должен напялить на себя английскую военную форму? Чтобы они потом снова упрятали меня в тюрьму за то, что я дрался за них?

Барак умоляюще поднял руки вверх.

— Ладно, отец... если вы настаиваете, я вам скажу напрямик. Еще пять лет тому назад у дяди Акивы достало храбрости назвать нашего врага по имени.

— Ты не смеешь произносить его имя в этом доме! — заорал Барак.

— Пора, давно пора произнести его. Если б не ты, я бы пристал к Маккавеям.

— Но, Ари, — быстро вмешался Авидан, — даже Акива и его Маккавеи согласились на перемирие с англичанами.

Ари встал и направился к двери.

— Я пошел к Тахе играть в подкидного. Позовите меня, когда немцы высадятся в Палестине.

Немцы вихрем пронеслись по Европе. Англичане терпели одно поражение за другим. Дюнкерк! Крит! Греция! Лондон нещадно бомбили.

Даже после того, как Ишув поставил все свои ресурсы на службу Великобритании, евреям все равно приходилось проглатывать оскорбления и унижения со стороны англичан. Ряд чудовищных событий вывел из себя даже самых благожелательных евреев.

Небольшое, ветхое речное судно, плававшее по Дунаю, под названием «Струма», появилось в порту Истамбула. На борту было около восьмисот евреев, отчаянно пытавшихся бежать из Европы. Судно было в плачевном положении, не в лучшем положении были его пассажиры. Национальный Совет буквально умолял британские власти разрешить этим людям въезд в Палестину. Англичане отказали. Больше того, они оказали дипломатический нажим на турецкое правительство, чтобы отправить «Струму» из Истамбула. Турецкая полиция взяла судно на abordаж, протасила его через Босфор в Черное море и там бросила — без пищи, без воды и без горючего. «Струма» пошла ко дну. Семьсот семьдесят девять человек утонули. Один спасся.

Два видавших виды парохода добрались до Палестины. На борту было две тысячи человек. Англичане распорядились немедленно пересадить всех на пароход «Патриа» и отправить на остров Маврикий к востоку от Африки. «Патриа» пошла ко дну прямо у палестинского берега, на виду у Хайфы, и многие сотни иммигрантов утонули.

И так все продолжалось: англичане упорно держались за свою Белую книгу, чтобы не вызвать недовольства арабов.

Война разворачивалась очень невыгодно для англичан. К концу 1941 года палестинские евреи влились в английские боевые части, несмотря на сопротивление генерала Хэвн-Херста. Англичане были в отчаянном положении, а от арабов они не получали ни одного человека, хотя бы для вспомогательных частей. В то время, когда арабы сидели сложа рук, пятьдесят тысяч лучших сынов Ишува надели британскую военную форму.

Разделавшись с Западной Европой, немцы готовились форсировать канал и высадиться в Англию: немецкие суда уже ждали в водах канала. Англия была приперта к стене. И это был час английской славы! Немцы, которые победили русских, и греков, и югославов, стояли и не решались вступить в открытый бой с бледными, дохлыми, но неукротимо отважными англичанами! Они боялись англичан больше всего.

Точно так же, как Англия разграбила в свое время Оттоманскую империю, немцы собирались теперь расчлениить и разграбить Британскую империю. Мощный Африканский корпус Роммеля готовил ряд ударов, которые должны были выжить англичан с Ближнего Востока и открыть лазейку на Дальний Восток и в Индию.

Хадж Эмин эль-Хусейни, в поисках более тучных пастбищ, покинул Ливан. Он подался в столицу Ирака, Багдад. На словах Ирак был союзником Англии, но только на словах. В Багдаде Хусейни чествовали как великого мученика Ислама. С группой иракских офицеров он пытался организовать переворот в стране, чтобы сдать Ирак немцам. Переворот не удался. Еще немножко, и муфтий добился бы цели. К счастью, англичане в последний момент послали в Ирак Арабский Легион, чтобы установить контроль над страной.

Хадж Эмину снова пришлось бежать. На этот раз он бежал в Германию, где сам Адольф Гитлер приветствовал его как брата. Двое безумцев быстро нашли общий язык. Муфтий видел в немецких планах новую возможность захватить власть во всем арабском мире. Гитлеру же муфтий был нужен, чтобы показать — какая, дескать, теплая и нежная дружба возможна между арабами и немцами.

Хадж Эмин снова и снова обращался по берлинскому радио к арабскому миру; говорил он то же, что и до этого не раз говорил.

— О, братья арабы, восстаньте и отомстите за своих мучеников!... Я, муфтий Иерусалима, объявляю эту войну священной войной против британского ига... Я знаю, какую ненависть вы питаете к угнетателям... Я знаю, что все мусульмане видят в англичанах и жидях главных врагов Ислама, священных принципов Корана... Жиды хотят отнять у нас святыни, дорогие сердцу каждого мусульманина... Они уже сейчас замышляют строительство своего храма рядом с нашей святейшей мечетью Омара; они, конечно, осквернят нашу святыню, как уже неоднократно пытались в прошлом... Бейте жидов всюду, где они вам попадаются, ибо это богоугодное дело. Бог, история и наша священная вера не забудут ваших подвигов... Вы честь свою спасете этим... С вами Аллах... да сгинут жиды!».

Было похоже, что весь арабский мир, затаив дыхание, слушает выступления муфтия по берлинскому радио.

Сирия и Ливан были в руках вишейской Франции. Непрерывным потоком сюда шло немецкое снаряжение, чтобы проложить немцам дорогу в Палестину и Египет.

Начальник египетского генерального штаба продавал немцам военные секреты. Египетский король Фарук отказался предоставить в распоряжение англичан хотя бы одного египетского солдата для защиты Египта от Роммеля. В Ираке замышлялись новые перевороты.

Единственного официального союзника Великобритании, старого деспота Ибн-Сауда, купили на американские доллары. Но и Ибн-Сауд не предложил даже ни одного верблюда британской Восьмой армии, борющейся за свою жизнь.

На всем Ближнем Востоке у союзников был только один верный боевой друг — Ишув!

Роммель, опьяненный победой в Ливии, готовил теперь поход на Александрию, где население уже готовило тайком немецкие флаги, чтобы встретить ими «освободителей».

На русском фронте вермахт добрался до самого Сталинграда!

Это было самое черное время для Союзников.

Главной целью немцев были Суэцкий канал, Египет и Палестина — солнечное сплетение Британской империи.

Прорыв в Сталинграде мог сомкнуть клещи с севера и открыть путь для молниеносного похода через Кавказ на Восток и в Индию.

Наконец англичане обратились к Еврейскому Национальному Совету с просьбой организовать партизанские подразделения, которые могли бы в случае надобности прикрывать отступление англичан и оказывать сопротивление возможной немецкой оккупации. Эта партизанская военная формация получило название «Палмах». Впоследствии «Палмах» стал ударной силой Хаганы.

Однажды вечером Ари Бен Канаан сел ужинать.

— Я вступил сегодня в британскую армию, — сказал он как ни в чем не бывало.

На следующий день Ари явился в кибуц «Бет-Алоним» — «Дом сосен» — где собрались молодые люди со всей Палестины, с целью организовать Палмах.

Г Л А В А 18

Кибуц «Бет-Алоним» был расположен у подножья горы Табор в центре Ездrelонской долины. Ари назначили офицером британской армии и ему поручили командование партизанскими отрядами. В них были юноши и девушки, которым не исполнилось еще и двадцать лет. Большинство командиров были «ветераны» в возрасте двадцати с чем-то лет, как и сам Ари.

В Палмах вошло много бывших членов Рейдового отряда; они обучали теперь новобранцев методам майора П. П. Мальколма.

Никакой военной формы в этой армии не было, как не было ни званий, ни особых знаков отличия у бойцов. Отношение к девушкам было совершенно такое же, как к парням. Обучение велось в особом библейском духе, в каком еще Мальколм обучал своих бойцов.

Двое бойцов проявили такие незаурядные способности, что были назначены командирами отрядов и подчинялись непосредственно Ари. Первый был невысокого роста крепыш, кибуцник из Галилеи. Его звали Зеевом Гильбоа. У него были густые черные усы, которые вскоре стали отличительным признаком палмахника. Второй был изящный и серьезный студент из Иерусалима, по имени Давид Бен Ами. Им обоим не было еще двадцати лет.

Однажды к ним пожаловал с визитом генерал Хэвн-Херст. Это был высокого роста стройный блондин лет пятидесяти с небольшим. Обходя лагерь, он заметил, что его приезд не вызвал особого восторга среди бойцов. После обхода он приказал Ари явиться с докладом в штаб.

Когда Ари вошел в помещение штаба, они кивнули друг другу, не скрывая неприязни, которую они питали друг к другу.

— Садитесь, лейтенант Бен Канаан, — сказал Хэвн-Херст. — Я должен высказать вам свое удовлетворение по поводу того, что вам удалось сделать из этих палмахников.

— Благодарю вас, сэр.

— Вообще-то я тщательно познакомился с вашим личным... или, если хотите, уголовным делом. Вы немало повидали на своем веку.

— Условия, в которых мне приходится жить, и несчастные обстоятельства моего рождения обусловили все это, — ответил Ари. — По натуре я хлебороб.

Хэвн-Херст проглотил намек, не подавая виду.

— Главная цель моего приезда в Бет-Алоним заключается вот в чем. Я хотел спросить вас, не изъявите ли вы желание взять на себя одно особое задание? Мне известно, что вы вступили в британскую армию главным образом для того, чтобы обучить отряды Палмаха. Однако, дело это — очень важное, и мне кажется, что с обучением можно подождать.

— Я — солдат британской армии, генерал Хэвн-Херст. Я готов выполнить любое поручение.

— Очень хорошо. Вот, коротко, о чем идет речь. Немцы проводят какую-то лихорадочную деятельность в Сирии. Мы опасаемся, как бы они не организовали нападение на Палестину этой весной.

Ари кивнул.

— Мы не находимся в состоянии войны с вишийской Францией. Мы не можем поэтому совершить нападение на Сирию, но у нас есть для этого достаточно вооруженных сил Свободной Франции. Это, однако, только при условии, если нам удастся наладить бесперебойную разведывательную службу. Вот для этого мы вас и избрали. Вы знаете Сирию и Ливан еще с тех дней, когда вы были в Гамишмаре. Вы хорошо владеете арабским. Мы хотим, чтобы вы снова собрали тех парней, которые служили с вами в Гамишмаре, вернулись с ними туда и устроили там разведывательную базу. Когда начнутся военные действия, будут еще дополнительные поручения и, разумеется, также дополнительные вооруженные силы. Вы получите звание капитана.

— Тут есть одна загвоздка, сэр.

— А именно?

— Многие из моих товарищей из Гамишмара были брошены английскими властями в тюрьму; они все еще там.

Лицо Хэвн-Херста побагровело.

— Мы их освободим.

— Это хорошо, сэр. И еще вот что. У меня есть тут

двое. Они — прекрасные солдаты. Мне бы хотелось взять их с собой в Гамишмар, и чтобы они тоже вступили в британскую армию.

— Очень хорошо, — ответил Хэвн-Херст. — Захватите и их с собой.

Ари направился к двери.

— Нападение на Сирию — замечательная операция в стратегическом смысле. В случае чего она как нельзя лучше прикроет отступление британской Восьмой армии в Индию.

Хэвн-Херст вперил ненавидящий взгляд в еврея.

— Вряд ли надо говорить, Бен Канаан, что когда-нибудь мы с вами будем стоять на противоположных сторонах барикады.

— Мы уже сейчас стоим, сэр.

* * *

Ари и его помощники Зеев Гильбоа и Давид Бен Ами покинули Бет-Алоним и отправились в Гамишмар, к той горе, с которой были связаны для Ари столь горестные воспоминания. Собрали человек пятьдесят бойцов жервоначального отряда — некоторых пришлось отозвать из различных уголков земного шара, где они проходили службу в британской армии.

Разбив в Гамишмаре свой штаб, Ари стал засылать разведчиков вплоть до самого Дамаска. Действовать приходилось очень осторожно, так как нападение должно было быть совершенно неожиданным. Метод Ари был очень прост. Большинство ребят бегло говорили по-арабски и местность они тоже знали хорошо. Они отправлялись днем, одетые как арабы, и бродили по дорогам, собирая сведения. Хотя разведка Ари действовала безотказно, ему все же хотелось проникнуть в самый Дамаск, а также в Бейрут. Это было очень рискованным делом, и Ари понимал, что тот, кому оно будет поручено, должен обладать, помимо смелости, еще и другими данными. Он должен действовать в высшей степени естественно и не вызывать ни малейших подозрений. Ари снесся с штабом Хаганы, и в его распоряжение послали семнадцатилетнего юношу по имени Иоав Яркони.

Яркони был марокканский еврей, родом из Касабланки. Он действительно мог сойти за араба где угодно. Это был

паренек небольшого роста, с огромными, горящими, как угли, черными глазами, и веселый — до дерзости.

В Касабланке он жил с семьей в «меллах», восточно-африканской разновидности еврейского гетто. Эти восточные и африканские евреи имели в культурном отношении мало общего со своими русскими или немецкими братьями. Предки большинства из них бежали в свое время от испанской инквизиции. Многие до сих пор носили испанские фамилии.

В некоторых арабских странах к евреям относились неплохо, порой — чуть ли не как к равным. Конечно, о полном равенстве между евреем и мусульманином не могло быть и речи. Тысячу лет тому назад, когда Ислам покорил весь мир, евреи добились высших почестей в арабском мире. Они были придворными врачами, философами, деятелями науки и искусства, словом — принадлежали к сливкам арабского общества. Потом, когда, вследствие длительных войн с монголами, арабский мир пришел в упадок, арабские евреи пришли в еще больший упадок.

Евреи жили в Багдаде и Каире, в Дамаске и Феце, в Курдистане и Касабланке, вдоль всего побережья Северной Африки и глубоко в тылу стран Ближнего Востока.

Мусульмане никогда не доходили до тех крайностей в истреблении евреев, до которых доходили христиане. Арабские погромы всегда держались в определенных границах: убивали не больше десятка евреев за раз.

Иоав Яркони с родителями бежал из «меллаха» в Касабланке, будучи еще совсем маленьким. Семья поселилась в кибуце на берегу Самарии, недалеко от Кесарии. Кибуц звали «Сдот-Ям», то есть «Морской нивой». В окрестностях Кесарии к берегу приставало много нелегальных судов, и именно здесь Иоав начал работать для Алии Бет, когда ему не было еще двенадцати. Начал он, как водится, с незаконной переправки оружия.

Когда ему исполнилось пятнадцать лет, он выкинул номер, который поразил весь Ишув. Иоав отправился пешком с осликом из Сдот-Яма в Багдад. Там он украл несколько саженцев знаменитой иракской финиковой пальмы, которые тщательно охранялись иракцами, и провез их в Палестину. Саженцы отправили в кибуц Шошана на берегу Тивериадского озера, и они послужили основой для создания в стране совершенно новой отрасли экспорта.

С заданием Ари Иоав справился запросто. Он отправился пешком в Дамаск, оттуда — в Бейрут, в Тир, и недели через три вернулся в Гамишмар. Добытые им сведения подтвердили то, что Ари уже до того знал, а, кроме того, точно установили расположение и численность вишийских вооруженных сил.

Войска Свободной Франции тайно прибыли в Палестину, сосредоточились в Галилее и стали готовиться к нападению.

Отряд Ари, насчитывавший пятьдесят человек, получил в подкрепление сорок австралийцев, специалистов по минам, автоматическому оружию и взрывчатым веществам.

Всех девяносто бойцов разделили на три отряда по тридцать человек в каждом. Каждый отряд получил особое задание, заключавшееся в том, чтобы пробраться в Ливан и в Сирию еще до начала нападения, захватить там ключевые позиции на дорогах и мостах и удержать их в случае контратаки до прибытия главных сил.

На долю отряда Ари выпало самое опасное задание.

Он должен был следовать со своими тридцатью бойцами вдоль ливанского побережья, добраться до подступов вишийского гарнизона и не дать этому гарнизону захватить полдюжины горных мостов, жизненно важных для продвижения главных сил Свободной Франции. Ари взял с собой Иоава, Зеева и Давида, шестнадцать евреев и человек десять австралийцев.

Его отряд выступил за двадцать четыре часа до того, как должен был быть дан сигнал к общей атаке. Они передвигались легко, так как были очень хорошо знакомы с местностью. Один за другим они перебрались через все шесть мостов.

На перевале, не доходя пяти километров до вишийского гарнизона, расположенного в Форт-Генрид, отряд остановился. Они заминировали дороги, расставили пулеметы и стали ждать прихода основных французских сил.

Как часто случается при больших операциях, была допущена ошибка. Кто ее допустил, как и почему ее допустили, теперь уже не важно. Как бы то ни было, а восточный фланг французских войск пересек Трансиорданию и вступил в Сирию на двенадцать часов раньше назначенного срока. Этот преждевременный поход на Дамаск раскрыл противнику весь план операции.

Для Ари это означало, что ему нужно было удерживать горную дорогу еще двенадцать часов, сверх тех трех или четырех часов, которые потребовались бы основным французским силам, чтобы добраться до него.

Прошло всего несколько часов, как вишийцы сосредоточили в Форт-Генрид два батальона с танками и артиллерией и двинулись по береговому шоссе на юг, чтобы взорвать горные мосты.

Как только Ари заметил вишийцев, он сразу понял, что допущена какая-то оплошность. Он немедленно отправил Давида и Зеева назад в Палестину за подкреплением.

Тем временем вишийские войска продвигались, ничего не подозревая, в сторону перевала. Когда они вступили на перевал, со всех сторон стали раздаваться взрывы и пулеметный огонь. Вишийцы были захвачены врасплох и пустились в паническое бегство. Сформировавшись вновь, они открыли по перевалу артиллерийский огонь.

Шесть нечеловечески трудных часов прошло, прежде чем Давид и Зеев вернулись с батальоном войск Свободной Франции.

Все мосты были целы. Вишийцам так и не удалось пробиться. Перевал был усеян трупами четырехсот вишийцев, пытавшихся разбить отряд Ари.

Когда подоспела помощь, от всего отряда Ари осталось всего пять человек в живых. Сам Ари Бен Канаан был тоже на шаг от смерти. Его спина была вся в осколках, в него попали две пули, и вдобавок нога и нос были перебиты.

Войска Свободной Франции завершили захват Сирии.

Для Ари война на этом кончилась. Его увезли назад в Палестину, где он медленно и долго поправлялся. Британское командование присвоило ему звание майора и представило к награде за подвиг на перевале.

Ари внес свой вклад в победу Союзников. Не меньший вклад внес и весь Ишув.

Евреи Палестины были в отрядах смертников, обеспечивших взятие Тобрука и Бардии. Впоследствии батальон палестинцев участвовал в знаменитой обороне Тобрука.

Они воевали в Италии и в Греции, на Крите и в Нидерландах. Тысячи палестинцев служили в британских военно-воздушных силах. Они несли смертельно опасную береговую охрану вдоль всего Средиземноморского побе-

режья. В самой Палестине Хагана не давала арабам бесчинствовать. Они дрались в пустыне, участвовали в захвате Сиди-Баррани, Солюма и Форты-Капуцо.

Еврейские штурмовые отряды, прославившиеся своей храбростью, были брошены в бои за Эритрею и Эфиопию. Три тысячи палестинцев вступили в освободительные вооруженные силы Чехословакии, Голландии, Франции и даже — Польши. Еврейский отряд смертников отправился уничтожать нефтеочистительный завод в Триполи. Солдаты этого отряда погибли все до единого. Англичане поручали евреям особые разведывательные задания. Немецкие евреи, переодетые в форму гитлеровских офицеров, проникли в самый штаб Роммеля. Евреи охраняли Моссульские нефтяные поля от непрерывных попыток арабов саботировать добычу нефти.

Когда англичанам нужны были шпионы где-нибудь на Балканах, они прибегали к евреям, создавая из них десантников и парашютистов. Они исходили из предположения, что еврей легче найдет укрытие среди остальных евреев той страны, где его сбросят. Многих сбросили, а вернулось мало. Одну девушку по имени Хана Сенеш, из того же кибуца, что и Иоав Яркони, сбросили в Венгрию. Она попала нацистам, ее подвергли нечеловеческим пыткам, но так и не смогли сломить; ее замучили насмерть, но она никого и ничего не выдала.

Ишув покрыл себя неувядаемой славой. Но подобно тому, как англичане славили в Первую мировую войну пресловутое арабское восстание, так они пытались замалчивать вклад Ишува во Вторую мировую войну. Ни одна страна не сражалась с такой самоотверженностью, как сражался Ишув. Но англичане боялись, как бы евреи когда-нибудь не выдвинули этот факт как козырь в борьбе за создание своего очага в Палестине. Поэтому Уайтхолл и Чэтэм-Хауз держали вклад Ишува в победу под строжайшим секретом.

Роммелю так и не удалось взять Александрию; не смогли немцы сломить и оборону Сталинграда.

Когда чаша весов стала склоняться в сторону Союзников, арабы перестали ждать «освободителей»-немцев. Они поспешно «объявили войну» Германии. Главной целью арабского объявления войны было получить право голоса в будущих переговорах о мире и блокировать сионистов, которые могли предъявить миру всего лишь кровь, про-

литую их сыновьями за победу, но у которых не было права голоса.

Несмотря на огромный вклад Ишува в победу над фашистской Германией, англичане не отменили Белой Книги. Несмотря на измену арабов и на то, что они не шевельнули и пальцем для победы над врагом, англичане не стали пересматривать свою иммиграционную политику. Даже факт уничтожения шести миллионов евреев не мог заставить англичан открыть двери Палестины перед жалкими остатками выживших евреев.

Хагану охватило брожение. В ее ряды входило теперь множество опытных бойцов. Но не Хагана, а Маккавеи возобновили военные действия. Серия взрывов потрясла страну от одного конца до другого, и англичанам пришлось отступить в свои Тагартовы крепости. Маккавеи, которые исчислялись теперь тысячами, взрывали один британский объект за другим.

Генерал Хэвн-Херст устроил охоту на Маккавеев. Он действовал с удивительной быстротой и сослал несколько сот руководителей Маккавеев в Судан. Но мстители Акивы не дали себя запугать этим.

Хэвн-Херст отдал приказ избивать кнутом только что арестованных Маккавеев. Маккавеи ответили тем же: они изловили английских солдат и публично избили их кнутом.

Маккавеев стали вешать. В ответ Маккавеи стали вешать английских солдат. Они застрелили и забросили гранатами дюжину особенно рьяных английских офицеров.

В ответ на действия Маккавеев арабы резали направо и налево. Святая Земля содрогалась от террора.

Правительство Югославии объявило Хадж Эмина эль-Хусейни военным преступником. В войну он объявил себя духовным вождем югославских мусульман, сражавшихся в рядах немецко-фашистской армии. Его арестовали во Франции. Однако англичане нуждались в нем на случай, если потребуется спровоцировать беспорядки. Они помогли ему бежать в Египет, где ему устроили восторженный прием и провозгласили его героем Ислама. Его племянник Джемаль захватил власть над арабами Палестины.

Этот новый исторический этап поставил Соединенные Штаты в центр борьбы за влияние на Ближнем Востоке. Вдобавок евреи Соединенных Штатов стали ведущим отрядом во всемирном сионистском движении, так как по-

давяющее большинство европейского еврейства погибло во время войны.

Принимая во внимание рост американского влияния, англичане предложили создать совместную Англо-Американскую комиссию для обследования положения в Палестине. Эта комиссия действительно провела тщательное расследование среди арабов и евреев страны, затем побывала в лагерях для перемещенных лиц в Европе. Комиссия пришла к единственно возможному выводу: **Необходимо немедленно предоставить разрешение на въезд в Палестину ста тысячам евреев.**

Англичане возмутились до глубины души.

Они только в том случае взвесят это предложение, если Хагана и Палмах будут немедленно распущены! И вообще это невозможно! Англичане нашли десятки предложений, чтобы не посчитаться с рекомендацией комиссии.

Арабы не уступали в неумолимости Маккавеев. По всему арабскому миру прокатилась волна беспорядков в знак протеста против выводов Англо-Американской комиссии.

Наконец терпение Еврейского Национального Совета лопнуло. Хагана и Палмах совершили ряд нападений на британские военные объекты в Палестине.

Англичане стянули в Палестину десятки тысяч бывших фронтовиков и превратили страну в полицейское государство. Во время массовой облавы они арестовали несколько сот ведущих деятелей Ишува и бросили их в Латунскую тюрьму.

Хагана отвестила блестящей контр-операцией: за одну ночь были взорваны все мосты, ведущие в страну.

Алия Бет доставляла англичанам все больше и больше хлопот.

Наконец, министр иностранных дел Великобритании выступил с открытой антиеврейской речью и заявил, что с этого дня не будет больше никакой иммиграции.

Ответ на эту речь дали Маккавеи. Главный штаб англичан размещался в правом флигеле иерусалимского отеля «Царь Давид». Этот отель был расположен в новом городе, его задняя стена и сад примыкали к крепостной стене старого города. Десяток маккавеев, переодетых арабами, завезли для гостиницы несколько десятков огромных бидонов молока. Они поставили бидоны в подвал под правым флигелем отеля. В бидонах, однако, было не молоко,

а динамит. Подключив взрыватели и поставив стрелки часов минут на десять позже, они ушли и тут же предупредили англичан о предстоящем взрыве. Однако англичане высмеяли их: дескать, не пройдет номер, они не дадут себя разыграть. Еще чего не хватало! Никто не посмеет взорвать британский генеральный штаб!

Несколько минут спустя раздался оглушительный взрыв; он был слышен чуть ли не во всех уголках страны. Правый флигель отеля «Царь Давид» взлетел в воздух.

Г Л А В А 19

«Экзодус» был готов отплыть к берегам Палестины.

Ари назначил отправление на утро после торжественного вечера в честь праздника «Ханука», устроенного администрацией «Дворцовой гостиницы» на террасе отеля.

На террасе были накрыты столы для трехсот гостей. Небольшая еврейская община Кипра и члены команды «Экзодуса» сидели за одним длинным столом. Все восторженно встретили детей, ворвавшихся на террасу в новых костюмах и заваленных подарками от населения острова и от бойцов английского гарнизона. Дети оставили себе только по одному подарку, остальные они велели раздать оставшимся в лагерях Караолоса. Столы ломились от вкусной еды, и дети громко визжали от радости. Страшный голод на борту парохода был теперь позади. Тогда они вели себя совсем как взрослые, зато теперь они могли дать себе полную волю и вести себя снова как счастливые дети. Вокруг террасы стояли десятки греков и англичан и смотрели на празднование.

Карен лихорадочно искала глазами Китти и вся засияла, когда заметила ее у перил с Жаком Паркером.

— Иди сюда, Китти, — крикнула Карен, — у меня тут есть место для тебя.

— Это твой праздник, — ответила Китти. — Я буду смотреть.

Когда все дети вдоволь налюбовались подарками, Давид встал из-за стола. На террасе воцарилась тишина, когда он начал говорить. Только глухой шум прибора не умолкал за его спиной.

— Сегодня мы празднуем первый день Хануки, — начал Давид. — Мы празднуем этот день в честь Иуды Маккавея, его мужественных братьев и горстки верных людей, которые спустились с гор Иудеи, чтобы бороться с греками, поработившими наш народ.

Кое-кто из детей начал аплодировать.

— У Иуды Маккавея была всего лишь горсточка храбрцев и, в сущности, у него не было никаких шансов по-

бедить такого мощного противника, как греки, правившие тогда всем миром. Но у Иуды Маккавея была вера. Он верил, что единый и истинный Бог укажет ему путь. Иуда был отважным воином. Он снова и снова завлекал греков в западню. Его люди были храбрейшими бойцами, так как они носили в своих сердцах веру в Господа. Маккавен штурмовали Иерусалим, взяли его и вышвырнули всемогущих греков из Малой Азии.

Раздался взрыв аплодисментов.

— Иуда вошел в Храм, его воины ниспровергли изваяние Зевса и вновь посвятили Храм единому истинному Богу. Тому самому Богу, который помог и нам в нашей борьбе с англичанами.

Давид рассказал историю возрождения еврейской нации, и тут Китти Фремонт слушала с особенным вниманием. Она посмотрела на Карен, на Дова Ландау, затем на Марка — и опустила глаза. Вдруг она почувствовала, что кто-то остановился с ней рядом. Это был бригадный генерал Брус Сатерленд.

— Сегодня вечером мы зажжем первую свечу Меноры. Каждый вечер мы будем зажигать еще по одной свече, пока их не наберется восемь. Мы называем Хануку праздником свечей.

Давид Бен Ами зжег первую свечу ко всеобщему восторгу детей.

— Завтра вечером мы зажжем вторую ханукальную свечу в море, а третью свечу мы зажжем уже в Эрец Исраэль.

Давид надел на голову ермолку и раскрыл Библию.

«Не даст Он поколебаться ноге моей, не дремлет хранящий тебя».

Китти остановила взгляд на почетном месте стола. Она смотрела на ребят: на Зеева Гильбоа, галилейского хлебороба; на Иоава Яркони, марокканского еврея; на Давида Бен Ами, студента из Иерусалима. Ее взгляд задержался на Ари Бен Канаане. Под его глазами была синева, свидетельствующая о глубокой усталости. Давид положил Библию на стол и продолжал наизусть.

«Не дремлет и не спит хранящий Израиля».

По телу Китти Фремонт прошел холодок. Она не могла оторвать взгляда с усталого лица Ари Бен Канаана.

«Не дремлет и не спит хранящий Израиля».

Ветхая машина «Эксопуса» вся задрезжала, когда судно дало задний ход, направляясь на середину киренаикской бухты, чтобы выйти в открытое море и взять курс на Палестину.

На следующий день на заре перед пассажирами показалась земля.

— Палестина!

— Эрец Израэл!

Дети обезумели от радости. Они смеялись, пели, плакали.

Старая лохань подплывала к берегу, и весть об этом с быстротой молнии распространилась по всей стране. Дети прибыли, те самые дети, которые поставили на колени могущественную британскую империю!

«Эксопус» вошел в хайфскую гавань под звуки духового оркестра. Салют понесся из Хайфы в села, в кибуцы в мошавы, в Иерусалим до Национального Совета, а оттуда — обратно в Хайфу.

Двадцать пять тысяч евреев пришли на хайфскую пристань, чтобы громко приветствовать маленькое судно. Оркестр палестинской филармонии исполнил еврейский гимн — «Гатикву» — «Надежду».

По щекам Карен Ханзен-Клемент текли слезы, когда она посмотрела на Китти Фремонт.

«Эксопус» вернулся домой!

עיריית חיפה/מנהל ח.ת.ר.

אגף לתרבות השכלה ואמנות, המח' לספריות

הספרייה הצבורית ע"ש ש. פזנר

70018/1

БИБЛИОТЕКА "АЛИЯ"